

ЧАРЛЗ БОКСЕР

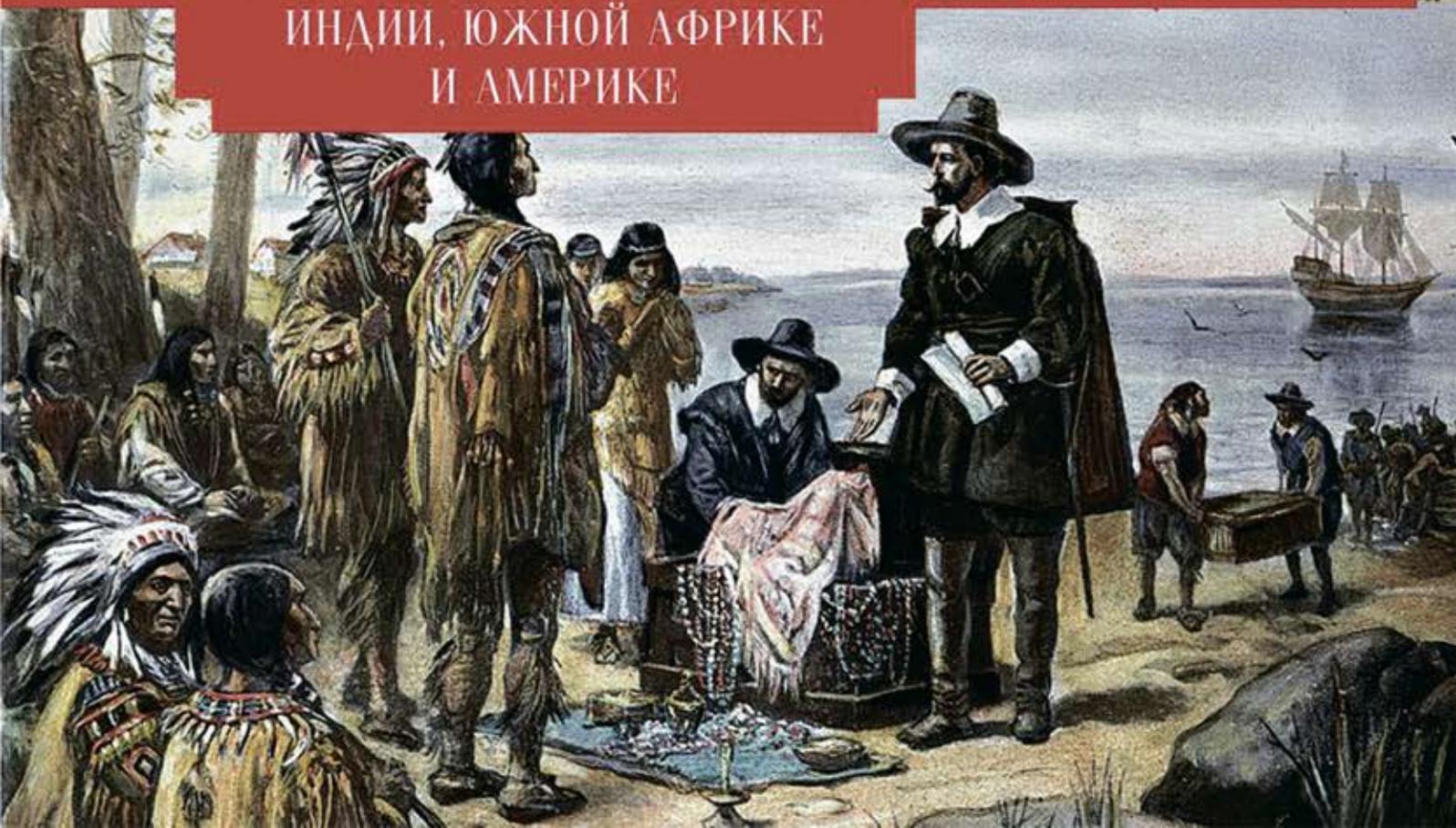
РОЖАЕМЫЕ

МОРЕМ
ИМПЕРИИ

Голландское господство в четырех частях света XVI—XVIII века

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ,
ИНДИИ, ЮЖНОЙ АФРИКЕ
И АМЕРИКЕ

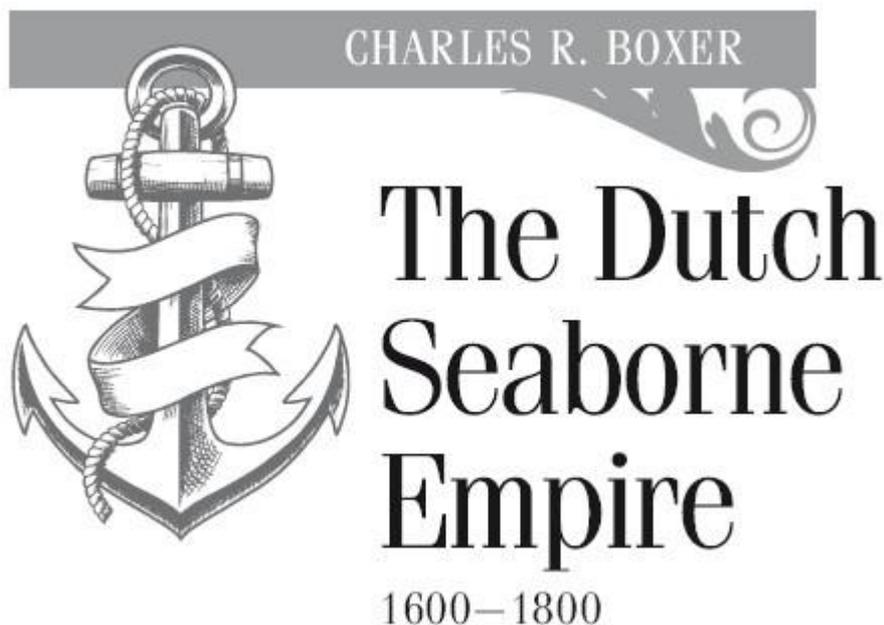
Аннотация

Из борьбы с испанским владычеством Голландия вышла одной из величайших в мире морских империй. За несколько лет страна обрела контроль над огромными территориями: от Индонезии до Западной Индии, от Южной Африки до Южной Америки.

Чарлз Боксер, профессор Йельского университета, автор целого ряда исторических трудов, представляет Голландию XVI–XVIII вв. Объясняя причины стремительного восхождения столь маленькой страны к могуществу, Боксер обращает внимание на то, как и почему происходит бурное развитие промышленности, морской торговли, сельскохозяйственное изобилие и культурный расцвет страны. Анализирует состояние науки, техники, систему образования, отношение к религии, институт брака, быт, организацию благотворительности, развлечения, воссоздавая яркие картины авантюризма и разгульной жизни голландцев во всех четырех сторонах света. И затем автор прослеживает достойный сожаления переход от золотого века к эре париков – времени «бесцарствия» – частой смены власти и французских вторжений.

Чарлз Боксер

Голландское господство в четырех частях света. XVI–XVIII века. Торговые войны в Европе, Индии, Южной Африке и Америке

Charles R. Boxer
The Dutch Seaborne Empire
1600–1800

ЧАРЛЗ Р. БОКСЕР

ГОЛЛАНДСКОЕ ГОСПОДСТВО

В ЧЕТЫРЕХ
ЧАСТЯХ СВЕТА

XVI–XVIII века

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ,
ИНДИИ, ЮЖНОЙ АФРИКЕ
И АМЕРИКЕ

Глава 1

Восемьдесят лет войны и эволюции нации

10 июня 1648 г. португальский посол в Гааге Франциско де Соуза Коутиньо послал депешу своему венценосному повелителю, объявляя, что голландцы одобрили мирный договор, подписанный в Мюнстере между их посланниками и представителями короля Филиппа IV Испанского. «Мир был провозглашен, – отметил он, – простым зачитанием статей договора в Верховном суде, в десять часов утра пятого числа сего месяца – этот день и этот час были выбраны потому, что восемьдесят лет назад в этот же день и в то же время герцог Альба казнил в Брюсселе графа Эгмонта и графа Горна; и Штаты¹ пожелали, чтобы их свобода началась в тот же день и час, когда два этих дворянина пали во имя нее». Соуза Коутиньо был явно потрясен выбором времени, приуроченным правителями Соединенных провинций свободных Нидерландов к этому историческому событию, ибо в депеше, отправленной им своему коллеге в Париж, он еще раз подчеркнул преднамеренность выбора ими дня и часа. Будучи патриотом Португалии, он сделал все возможное, чтобы предотвратить заключение этого договора, который теперь развязывал одну руку исконным врагам Португалии, испанцам, – другая по-прежнему оставалась занятой войной с Францией, – чтобы они могли заняться его страной; и Коутиньо достаточно ясно дал понять, что Мюнстерский договор далек от того, чтобы его повсеместно приветствовали все жители самопровозглашенных Соединенных провинций. Он закончил свое второе послание на

¹ Штаты в Нидерландах – первоначально высшее сословно-представительское учреждение нидерландских провинций; Генеральные штаты – парламент свободной конфедерации семи нидерландских провинций. Состояли из депутатов духовенства, дворянства и верхушки горожан. Впервые были созваны в 1463 г., после объединения Нидерландов герцогами Бургундскими. (Здесь и далее примеч. пер.)

философской ноте, заметив, что «У Господа Свои пути возвышения и низложения людей, которые недоступны для их понимания, и обычно они оказываются противоположными ожидаемому. В любом случае ныне живущие в скором времени еще увидят множество перемен».

Карта 1.

Голландская республика во второй половине XVII в.

80 лет были не таким уж коротким промежутком времени, если касаться продолжительности жизни в те времена. В большинстве европейских стран она составляла около 30–32 лет, и немногие из молодых жителей Нидерландов в июне 1568 г. смогли дожить до дня, описанного Союзой Коутиньо. Однако образованные нидерландцы или испанцы не стали бы отрицать, что предыдущие 80 лет были временем беспрецедентных перемен и потрясений. В 1568 г. Нидерланды образовали сложную совокупность земель и городов, говорящих на фламандском и/или на французском языках, произвольно объединенных в 17 провинций под скипетром короля из испанских Габсбургов, чьи владения простирались от Фризских островов в Северном море до Филиппин в Южно-Китайском море. Общеизвестно, что лютеранство, анабаптизм, кальвинизм и другие виды протестантской ереси пустили в Нидерландах глубокие корни, о чем свидетельствовали *beeldenstorm* – иконоборческие бунты 1566 г., когда церкви подвергались разграблению, образа уничтожались, а со священниками обходились совсем по-скотски. Однако основная

масса населения все еще придерживалась римско-католической веры, тогда как протестанты были разбросаны незначительными группами по всей стране, значительно меньше представленные – если представленные вообще – в северных провинциях по сравнению с южными. Альба с легкостью разгромил (21 июля 1568 г.) доморожденные войска Вильгельма, принца Оранского, при первой попытке вооруженного сопротивления испанскому правлению и религиозным преследованиям. Похоже, не существовало серьезного шанса на то, чтобы сломленные духом и дезорганизованные повстанцы могли снова выступить против Испании без помощи Англии или Франции, и ничего подобного не предвиделось. Фламандские и валлонские дворяне, на которых можно было положиться в руководстве победоносным мятежом, были либо мертвы или в заключении, либо бежали или совершенно запуганы. В экономическом отношении Антверпен являлся бесспорным торговым и банковским центром Европы севернее Альп и Пиренеев. Амстердам, ведущий город и центр кораблестроения Северных Нидерландов, хоть и все более богатеющий от своей торговли на Балтике, с Западной Францией и Иберийским полуостровом, похоже, не мог конкурировать с Антверпеном – не говоря уж о том, чтобы занять его место в качестве оплота коммерции западного мира.

80 лет спустя картина изменилась до неузнаваемости. Семь Соединенных провинций свободных Нидерландов теперь очень сильно отличались от десяти своих южных соседей, которые оставались верны – или были заново завоеваны – испанской короне и Римско-католической церкви. Семь северных провинций не только добились полной независимости, но и обладали морской и торговой империей, которая превосходила португальскую и соперничала с испанской, простираясь до островов Пряностей² в Индонезии и до карибского побережья. Вместо короля из Габсбургов свободные Нидерланды управлялись бюргерами-олигархами, на службе у которых состоял богатый и влиятельный принц Оранский, женатый на английской принцессе правнук подвергавшегося преследованиям беженца 1568 г. К 1648 г. кальвинизм в южных провинциях, *Las Provincias Obedientes* – послушных, как их называли испанцы, – полностью исчез вместе со всеми другими видами протестантства. В семи северных провинциях кальвинизм являлся официальной и единственной признанной религией, хотя ее ортодоксальные приверженцы насчитывали менее трети всего населения. Разномастному сброду, который Альба так легко разгромил в 1568 г., наследовала хорошо оплачиваемая, умело руководимая и высокодисциплинированная армия, считавшаяся в Европе непревзойденной. Голландский военно-морской флот, которого в 1568 г. попросту не существовало, заслужил репутацию лучшего на Атлантике благодаря ряду побед, увенчавшихся разгромом М.Х. Тромпом Испанской армады при Даунсе 21 октября 1639 г. И наконец – но не в последнюю очередь, – Амстердам не просто занял место Антверпена, как коммерческой столицы Европы, но и достиг такой вершины процветания, что его имя стало известно в столь отдаленных уголках мира, где никогда не слышали о Лондоне, Париже или Венеции. Что бы там ни думали жители остальных провинций о Мюнстерском договоре, бюргеры-олигархи Голландии должны были быть весьма довольны, когда наблюдали за фейерверками, салютами и иллюминацией, которые они приказали устроить вечером 5 июня 1648 г. Их радость не слишком сильно подмочило последовавшее затем исключительно дождливое лето, из-за которого сено осталось гнить на полях. Сельское хозяйство внутри страны не являлось основой их благосостояния.

Религиозные, военные и географические факторы – все сыграли свою роль во вкладе в развитие голландской нации в период Восьмидесятилетней войны с самой могущественной империей того времени. Эта борьба, несомненно столь неравная вначале, закончилась принятием его католическим величеством условий, буквально продиктованных его противниками, выскочками-бюргерами. Величайшей и единственной причиной голландского

² Острова Пряностей – ныне Молуккские острова.

успеха послужило воистину невероятное экономическое развитие двух приморских провинций, Голландии и Зеландии, по сравнению с которым сельскохозяйственное изобилие остальных пяти провинций имело куда меньшее значение. Более того, внезапный и стремительный взлет голландской морской торговли, начиная с 1590 г., стал неожиданностью для современников и загадкой для последующих поколений. «Невероятный подъем Нидерландов во внутренней и внешней торговле, богатство и огромное число кораблей, – писал в 1669 г. Джозия Чайлд, – является предметом зависти нынешнего и, возможно, изумления будущих поколений». Как получилось, что две лежащие ниже уровня моря и относительно непривлекательные провинции у Северного моря сформировали ядро конфедерации, которая стала ведущей морской торговой нацией в мире – и всего за период жизни одного поколения?

Поразительный и впечатляющий взлет голландского морского могущества, как это казалось многим и тогда, и в более поздние времена, имел под собой прочную основу, существовавшую задолго до 1568 г. Основные причины экономического развития двух приморских провинций были достаточно ясно разъяснены в петиции голландских штатов императору Карлу V вскоре после того, как в 1543 г. он подчинил своей власти все 17 провинций Нидерландов, что стало кульминацией сложных процессов, включающих в себя династические браки, превратности судьбы и периодическое использование силы.

«Это действительно правда, что провинции Голландии – очень маленькая страна, маленькая в длину и еще меньше в ширину, с трех сторон почти полностью омываемая морем. Она должна быть защищена от моря мелиорационными сооружениями, что требовало тяжелых ежегодных трат на дамбы, шлюзы лотков водяных мельниц, ветряные мельницы и польдеры – осушенные участки земли, защищенные дамбой. Более того, вышеупомянутые провинции Голландии изобилуют дюнами, болотами и озерами, которых, как и других бесплодных, непригодных под посевы или пастбища земель, с каждым днем становится все больше. Вследствие этого жители страны ради обеспечения своих семей, жен и детей вынуждены поддерживать себя ремеслом и торговлей, причем таким способом, при котором они приобретают сырье за границей и реэкспортируют готовый продукт, включая самые разные виды тканей и сукна, во множество мест, таких как королевства Испания, Португалия, Шотландия, в Германию, а в особенности в Данию, в страны Балтии, Норвегию и другие им подобные регионы, откуда они возвращаются с грузами и товарами тех мест, более всего с пшеницей и другими зерновыми. Следовательно, для основной деятельности страны необходимо судоходство и связанные с ним профессии, благодаря которым великое множество людей, таких как купцы, капитаны судов, штурманы, лоцманы, матросы, судовые плотники и прочие, зарабатывает себе на жизнь. Эти люди совершают плавания, ввозят и вывозят все виды товаров – туда и обратно, – а те грузы, что они привозят сюда, продают в Нидерландах, Брабанте, Фландрии и прочих соседних местах», – читаем в Императорской резолюции, начертанной на оригинальной петиции, датированной 13 октября 1548 г.

Другими словами, в середине XVI в., еще до начала борьбы с Испанией, купцы и моряки Голландии и Зеландии обладали огромной, быть может, даже преобладающей долей в морской торговле и перевозках между Балтикой и Западной Европой. Молочное и мясное производство Северных Нидерландов являлось, возможно, более важным, чем податели петиции 1548 г. были готовы признать, но тем не менее правда и то, что «большое рыболовство» в Северном море и торговые перевозки в Балтию, Францию и на Иберийский полуостров имели куда более важное значение. Одной из причин роста голландской внешней торговли, несомненно, являлось географическое положение Нижних Земель³ у Северного моря, с их легким доступом к рынкам Германии, Франции и Англии. Однако основная причина превосходства голландцев над своими главными конкурентами, ганзейскими

³ Нижние Земли, также Нижние Земли у моря – *нидерл.* *Nederlanden*, – низменность на северо-западе континентальной Европы, в бассейне рек Рейн, Маас и Шельда, примыкающая к Северному морю.

городами⁴, заключалась в том, что голландцы и зеландцы строили свои корабли более экономно и поэтому могли предлагать более низкие фрахтовочные ставки, то есть дешевле своих соперников.

Характерная черта морской торговли – и, собственно говоря, других форм предпринимательства – в Северных Нидерландах была известна как *rederij* – судоходная компания. Это был весьма гибкий тип кооперативного предприятия, с помощью которого группа людей могла объединиться, чтобы покупать, владеть, строить, сдавать в аренду или фрахтовать корабль и его груз. Ко второй половине XVII столетия капитан или штурман судна очень часто являлся совладельцем груза и был напрямую заинтересован в его продаже. Индивидуальные *reders*, судовладельцы, могли вкладывать капитал в различных пропорциях, и он мог ранжироваться от состоятельных купцов на берегу с солидными квотами до палубных матросов с их ничтожными грошами. В 1644 г. один писатель утверждал, что «здесь не сыскать ни единого рыбацкого судна, ни одной старой посуды, ни просто лодки, которая не была бы оснащена или не была бы отправлена в плавание с этой земли без участия нескольких объединившихся людей». И он же утверждал, что не найти и одного корабля на сотню, который не эксплуатировался бы *rederij*. В любом случае такая практика способствовала широкому распространению инвестиций в судоходство, укреплению прав собственности и, в значительной степени, объединению торгового и морского сообществ.

Так что вполне естественно, что в сообществах купцов и моряков – таких, как те, что описали их представители в 1548 г., – как политическая, так и экономическая власть имели тенденцию сосредотачиваться в руках торгового сословия, а именно его наиболее состоятельных представителей. На исходе Средних веков последние добились управления над городскими или муниципальными советами; а в том, что касается Голландии и Зеландии, большинство членов городских советов сами являлись судовладельцами или были напрямую заинтересованы в какой-либо отрасли или отраслях внешней торговли – в зерне и лесе с севера, в винах, фруктах и соли с юга, в промысле сельди и в продаже рыбы на экспорт. Все это очевидно из уже процитированной петиции 1548 г. голландских провинций Карлу V; и война с Испанией не только не замедлила, а скорее ускорила рост влияния и могущества городских советов. Эта война сопровождалась, за исключением относительно коротких промежутков времени, устойчивым ростом голландской заморской торговли, особенно после 1590 г. В свою очередь, морская торговля давала членам городских советов и так называемому сословию правителей, из которого и избирались советники, значительную экономическую и (как мы еще увидим) значительную политическую власть.

И опять же, такое развитие в значительно большей степени отмечено в приморских провинциях, Голландии и Зеландии, чем в остальных, где сельское хозяйство оставалось относительно более важным и где сельская знать (как в Гелдерланде) и наиболее богатые фермеры (как в Фрисландии) обладали большим влиянием, чем городские советы. Как бы там ни было, положение городских советов во всех провинциях в отношении первых принцев Оранских было более прочным, чем при герцогах Бургундских или королях Испании. Несмотря на три последовательные женитьбы на богатых наследницах, Вильгельм Молчаливый⁵ так и остался наполовину удачливым бунтовщиком, все более зависимым от финансовой и моральной поддержки городов. Верно, что, когда Голландия и Зеландия признали его в 1572 г. своим штатгальтером – этот средневековый титул изначально означал местоблюстителя (исполняющего обязанности) верховного правителя, – они тем самым дали ему право голоса в назначении членов городского совета, которые, в свою очередь, в

⁴ Ганзейский союз, Ганза, *букв.* «группа», «союз» – политический и экономический союз, объединявший почти 300 торговых городов Северной Европы с середины XII до середины XVII в.

⁵ Вильгельм I Оранский по прозвищу Молчаливый – принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер Голландии и Зеландии, лидер нидерландской буржуазной революции.

конечном итоге назначали его самого. Однако несколько не примкнувших к нидерландскому мятежу городов после взятия в 1572 г. Бриля (Брилле) полупиратскими морскими гёзами^б недвусмысленно отказались предоставлять штатгальтеру такие полномочия, хотя они принадлежали ему по праву.

Разделение Нижних Земель (Нидерландов) на преимущественно протестантский север и полностью католический юг не стало неизбежным исходом, а результатом переплетения различных факторов – географических, военных, религиозных и экономических, среди которых существенную роль играли и городские советы. Вильгельм I Оранский, который сражался за свободу всех 17 провинций и который (побывав поочередно и лютеранином, и католиком, и кальвинистом) мысленно представлял себе государство, где протестанты и католики могли жить на условиях взаимного уважения и равноправия или хотя бы терпимости друг к другу. Однако ядро его последователей-кальвинистов из числа морских гёзов относилось к подобной терпимости с презрением. Эти люди были решительно настроены всеми правдами и неправдами навязать верховенство своей специфической разновидности протестантизма. Большинство городов, сдавшихся им летом 1572 г., сделали это на условии того, что жители-католики не будут подвергаться преследованиям и им будет позволено отправлять религиозные обряды в их собственных церквях. Условия эти систематически нарушались победителями, которые посадили в городские советы собственных ставленников – вместо тех их членов, кто выказывал хоть малейшее недовольство протестантизмом в пользу католицизма. Завладев контролем над городскими советами, кальвинисты изгнали католическое духовенство и разрешили мирянам-католикам только свободу вероисповедания вместо свободы публичного богослужения.

Воинствующее протестантское меньшинство могло действовать подобным образом отчасти и потому, что множество состоятельных бюргеров-католиков оказалось среди тех примерно четырех тысяч человек, что бежало из одной только Голландии в то беспокойное лето 1572 г. Их место могли занять бюргеры-протестанты и купцы, которые ранее покинули

Нидерланды, когда кардинал Гранвель из святой инквизиции и герцог Альба последовательно усиливали пресечение религиозного инакомыслия. И вот теперь эти изгнанники вернулись вместе с морскими гёзами. Хотя у нас нет достаточных сведений о переменах, произошедших в составе всех городских советов в первые годы восстания против Испании, вполне можно предположить, что большинство людей, обладающих собственностью и состоянием, вели себя так же, как и им подобные во всех остальных революциях, до и после. То есть многие зажиточные бюргеры, которые выбирали городской совет, приспособились к новому положению дел, дабы их не постигла худшая участь. Чтобы сохранить свое привилегированное положение и соблюсти деловые интересы, не говоря уж о безопасности своих жен и детей, они приняли протестантскую веру, с большим или меньшим достоинством. С течением времени, когда стало очевидно, что Голландская республика пришла навсегда, они еще больше приспособились – по крайней мере, внешне – к официальному кальвинизму. Однако они обычно сопротивлялись, порой активно, а чаще всего пассивно, усилиям фанатиков-кальвинистов в целом и проповедников или священнослужителей в частности подчинить интересы государства (и торговли) догматам «истинной реформированной христианской религии» (кальвинизма).

Вопрос, насколько широко и быстро население Северных Нидерландов оставило старую веру ради новой, довольно сложен, но мы можем коротко заметить, что правящее кальвинистское меньшинство оказывало всевозможные виды давления и на аристократию, и на трудящихся, дабы побудить их принять новый порядок. А поскольку все городские и правительственные должности были зарезервированы за теми, кто исповедовал

^б Гёзы – *нидерл.* Geuzen, *фр.* Les Gueux, *букв.* – «нищие», как их презрительно называли их противники за кальвинистскую приверженность скромной одежде без украшений; участники антииспанской революции в Нидерландах, которые с 1566 г. воевали против испанского правления в Нидерландах. Самая большая группа гёзов воевала на море и была названа морскими гёзами.

ортодоксальный кальвинизм, одно лишь это являлось для городского правящего сословия стимулом к приспособленчеству. Такая тенденция усилилась благодаря религиозно-политическому кризису 1618–1619 гг., когда успешный переворот принца Морица против Олденбарневелта⁷ и проведение собора в Дордрехте усилили влияние кальвинистского духовенства и их мирских сторонников. Ко времени подписания в 1648 г. Мюнстерского договора подавляющее большинство правящего сословия стало исповедовать – хоть и не всегда с явной активностью – кальвинизм. На другом конце социальной лестницы весь контроль управления благотворительными организациями и помощью бедным после более или менее длительного промежутка времени и изгнания католического духовенства с конфискацией их монастырей, богаделен и благотворительных фондов оказался в руках кальвинистского духовенства и мирян-кальвинистов. И это стимулировало множество городских тружеников, особенно безработных и тех, кто страдал от сезонной безработицы (вроде рыбаков и моряков), приспособляться к новой вере только из-за куска хлеба ради себя и своих семей. Обучение и учебная программа начальных школ, многие из которых разместились в конфискованных у католической церкви зданиях, также оказались под контролем убежденных кальвинистов. И эта мера не могла не усилить влияние «реформированной религии» на подрастающие поколения из числа всех сословий.

Последние исследования Энно ван Гелдера и А.Л.Е. Верхайдена относительно социального происхождения 12 302 жертв, осужденных на смерть пресловутым Кровавым советом (Comseil des Troubles) в 1567–1573 гг., показали, что в 1560-х гг. значительный срез населения Нидерландов проявлял свою враждебность к Римско-католической церкви, как пассивно, так и активно. Дворянство, торговцы, врачи, юристы, аптекари, ювелиры, плотники, каменщики, стригали овец и люди других профессий и ремесел присутствовали здесь в больших количествах. И хотя подавляющее их большинство, возможно, и не являлось кальвинистами, похоже, что те из них, кто пережил изгнание или тюремное заключение, впоследствии стали ими в тех городах, где морские гёзы старались насадить правление «избранных Божьих». При сложившихся условиях распространение протестантизма в городах шло неизбежно быстрее, чем в сельской местности, а особенно медленно в районах, где землевладельцы оставались верны старой вере и где их примеру следовали арендаторы. Таким образом, продвижение новой веры в Северных Нидерландах носило неоднородный характер. Так что довольно сомнительно, чтобы ко времени подписания Мюнстерского договора протестанты всех направлений обладали хотя бы незначительным большинством над теми своими согражданами, которые оставались преданными католицизму или примирились с Римом.

Поскольку влияние городского правящего сословия после вспышки восстания против Испании пошатнулось лишь на краткое время, и поскольку правители фактически смогли упрочить свою позицию во время Восьмидесятилетней войны, то, быть может, стоит также более детально рассмотреть их функции и гражданский статус на примере провинции Голландия, как наиболее важной. Города этой провинции еще с конца Средневековья управлялись советами, состоявшими из 30–40 «самых состоятельных и уважаемых граждан», которых выбирали среди «мудрых и богатых» бюргеров каждого из городов. Их посты являлись пожизненными или пока эти люди не переезжали жить куда-то в другое место. В таком случае их коллеги заполняли образовавшиеся вакансии кем-то из числа бюргеров такого же, как и у них, социального статуса. Такие городские советники, или правители, ежегодно выбирали из собственного числа бургомистра и олдерменов – членов городского управления, которые формировали муниципальное управление, – магистрат и в чьи основные обязанности входило отправление правосудия и политика местного налогообложения собственных горожан. Порядок поддерживался силами отрядов

⁷ Олденбарневелт Ян ван (Олденбарневелде Иоганн) – нидерландский государственный деятель и дипломат, игравший видную роль во время нидерландской буржуазной революции. Обвинен в государственной измене и казнен 13 мая 1619 г. в Гааге.

гражданской милиции или гражданской гвардии, наподобие ополчений английских горожан, однако ими командовали – естественно, в более высоких званиях – члены правящего сословия. Местные бургомистры зачастую действовали наподобие полковников *schutterij*, как называлась эта гражданская гвардия, а как они выглядели, нам известно по таким картинам, как «Ночной дозор» Рембрандта (1642) и «Групповой портрет офицеров стрелковой роты Св. Адриана» Франса Хальса.

Когда в 1581 г. Голландские штаты официально отказались от своей лояльности королю Филиппу II Испанскому, они также ввели закон, запрещающий городским советникам совещаться с представителями гильдий (откуда и сами они изначально вышли в Средние века) или гражданской гвардии (как таковой) по любым вопросам, касающимся провинции в целом. Таким образом, правители извлекли для себя пользу из борьбы с Испанией, укрепив свое положение в качестве бессменной бюргерской олигархии и лишив рядовых граждан права голоса как в местной, так и в провинциальной администрации. С некоторыми различиями в таких деталях, как количество бургомистров (от одного до четырех) и олдерменов (от семи до двенадцати), подобная система патрицианского правления была одинакова во всех городах двух приморских провинций. Следует также добавить, что на протяжении XVII столетия большая часть земель Голландии, Зеландии и Утрехта оказалась скупленной городскими капиталистами из правящего сословия, что дало им возможность использовать городские советы в целях стимулирования развития торговли и промышленности в городах – в ущерб расходам на кустарный промысел и сельское хозяйство.

Штаты каждой из семи провинций являлись суверенными. В Голландии штаты состояли из депутатий, представленных правителями 18 городов, и еще одной делегации, представлявшей провинциальную знать. Каждый город мог послать сколь угодно большую делегацию, однако каждая из них обладала только одним голосом. Точно так же в Зеландии все города, кроме одного, имели право голоса. В Гелдерланде знать, а во Фрисландии фермеры-землевладельцы обладали намного большим влиянием, а в других материковых провинциях имелись и более значительные различия. Но даже там, где представители городской знати оказались не в большинстве, как это было в двух приморских провинциях, они обычно обладали некоторой властью благодаря своему экономическому влиянию. Городские магистраты выбирались муниципальными советами, а сельские и судебные должностные лица штатами провинций. Таким образом, как писал профессор Г.Я. Ренье, признание суверенитета провинциальных штатов означало верховенство во всей Голландской республике между 1581 и 1795 гг. верхней прослойки среднего класса. Или, как подает это доктор Б.М. Влекк, на самом деле Голландская республика управлялась олигархами числом около 10 тысяч человек, монополизировавшими практически все важные провинциальные и муниципальные должности.

Международная политика находилась в руках Генеральных штатов в Гааге с тех пор, как вошедшие в Утрехтскую унию 1579 г.⁸ мятежные провинции договорились предстать единым фронтом – по крайней мере, в этой сфере – перед внешним миром. Генеральные штаты являлись всего лишь собранием депутатов от семи суверенных провинций, тесно связанных рамками наставлений, полученных от своих провинций. Любое решение, затрагивавшее «сообщество» или унию в целом, чтобы стать действительным, должно было пройти через открытое голосование. В случае несогласия или когда предложение оказывалось спорным в плане полномочий делегатов, они должны были вернуться в свои провинциальные собрания для дальнейших консультаций и получения новых инструкций. В свою очередь, провинциальным штатам, прежде чем прийти к решению, приходилось довольно часто адресовать вопрос к городским советам. Ни одна из провинций не считала

⁸ Утрехтская уния – военно-политическое объединение северных провинций Нидерландов против испанского владычества и созданной в Валлонии Аррасской унии, которая поддерживала католическую Испанию.

себя обязанной подчиняться решениям Генеральных штатов до тех пор, пока их собственная делегация не даст на них своего согласия. Каждая делегация имела только один голос, точнее, голос, который считался одним.

Не считая мало что решавшего Государственного совета, Генеральные штаты являлись единственным национальным органом управления Голландской республики. И им было непросто эффективно работать при возникновении конфликтов провинциальных интересов или порой даже тогда, когда они попросту не совпадали. Когда заходили в тупик или наступал кризис, какой-нибудь сильной личности или влиятельной группе приходилось брать на себя руководство и навязывать решение, отчасти силой авторитета, отчасти принуждением. Двумя несомненными силами поддержки подобного руководства являлись провинция Голландия и дом Оранских. Первая несла на себе 58 процентов финансовых расходов республики теоретически, на практике же значительно больше. Чрезвычайное экономическое значение Амстердама, начиная примерно с 1585 г., давало этому городу превалирующее значение как в штатах провинции Голландия, так и в Генеральных штатах. Поэтому, при прочих равных условиях, провинция Голландия – что, по сути, часто означало город Амстердам – имела тенденцию брать руководство на себя. Она осуществляла его через высших представителей власти, обычно называвшихся *Raadpensionaris* – великие пенсионарии⁹, работавших в сотрудничестве с небольшим комитетом, назначенным Генеральными штатами. Экономическое превосходство провинции Голландия стало основой политической власти для Яна ван Олденбарневелта (Иоганна Олденбарневелде) после смерти Вильгельма I в 1584 г. и для Яна де Витта¹⁰ после смерти Вильгельма II в 1650 г.

Положение дома Оранских в олигархической республике было весьма специфичным, если не сказать больше. Как штатгальтер одной или более провинций и фактический главнокомандующий вооруженными силами, принц являлся служащим и провинциальных, и Генеральных штатов, однако он имел влиятельный (а в некоторых случаях и решающий) голос в назначении некоторых членов этих учреждений. Принцы Оранские, в силу своего происхождения, богатства, авторитета и военного мастерства – действительного или потенциального, неизбежно оказывались в фокусе монархистских настроений, широко распространенных среди тех представителей высшего сословия, кто страстно жаждал придворной жизни и коронованного правителя, и среди тех людей из низших сословий, кто питал большее уважение к принцу крови, чем к принцу-торговцу. В связи с этим вполне возможно, что прооранжистские настроения среди беднейших слоев трудящихся объясняются скорее их неприязнью к правящим бюргерам-олигархам, нежели чем-либо еще. Со своей стороны, принцы Оранские, несмотря на то что после 1644 г. они имели обыкновение вступать в браки с членами иностранных королевских семей, во многом находились под влиянием мировоззрения и менталитета бюргеров-олигархов, с которыми их так сильно сблизила работа в правительстве и от чьей поддержки во многом зависело их собственное положение.

Когда принц Оранский и высшие должностные лица провинции Голландии находились в дружеском партнерстве, как это было при Вильгельме I и Олденбарневелте и еще раз, во времена Вильгельма III и Антония Хейнсууса, тогда и Генеральные, и провинциальные штаты обычно можно было склонить к следованию predetermined политике. Но когда между этими выдающимися личностями возникали трения или когда кто-то из них не проявлял бесспорного превосходства (как принц Мориц в 1618–1625, Ян де Витт в 1654–1668 и Вильгельм III в 1672–1678 гг.), тогда извечная ревность между Голландией и

⁹ Великий пенсионарий – одно из высших должностных лиц в республике Соединенных провинций, по сути – премьер-министр.

¹⁰ Витт Ян де – голландский государственный деятель, занявший в 1653 г. пост великого пенсионария провинции Голландия.

Зеландией, или между этими двумя приморскими провинциями и остальными пятью, или общая нелюбовь к Амстердаму – часто чрезмерная – имели тенденцию превратить свободно объединенные Соединенные провинции в то, что Уильям Темпл окрестил термином «Разъединенные провинции». Даже в лучшие времена их можно было бы точнее охарактеризовать как «Союзные», а не «Соединенные». Более того, даже когда штатгальтеры осуществляли неоспоримое политическое управление, они в проведении своей политики зависели от правящего класса – в финансовом и экономическом смысле.

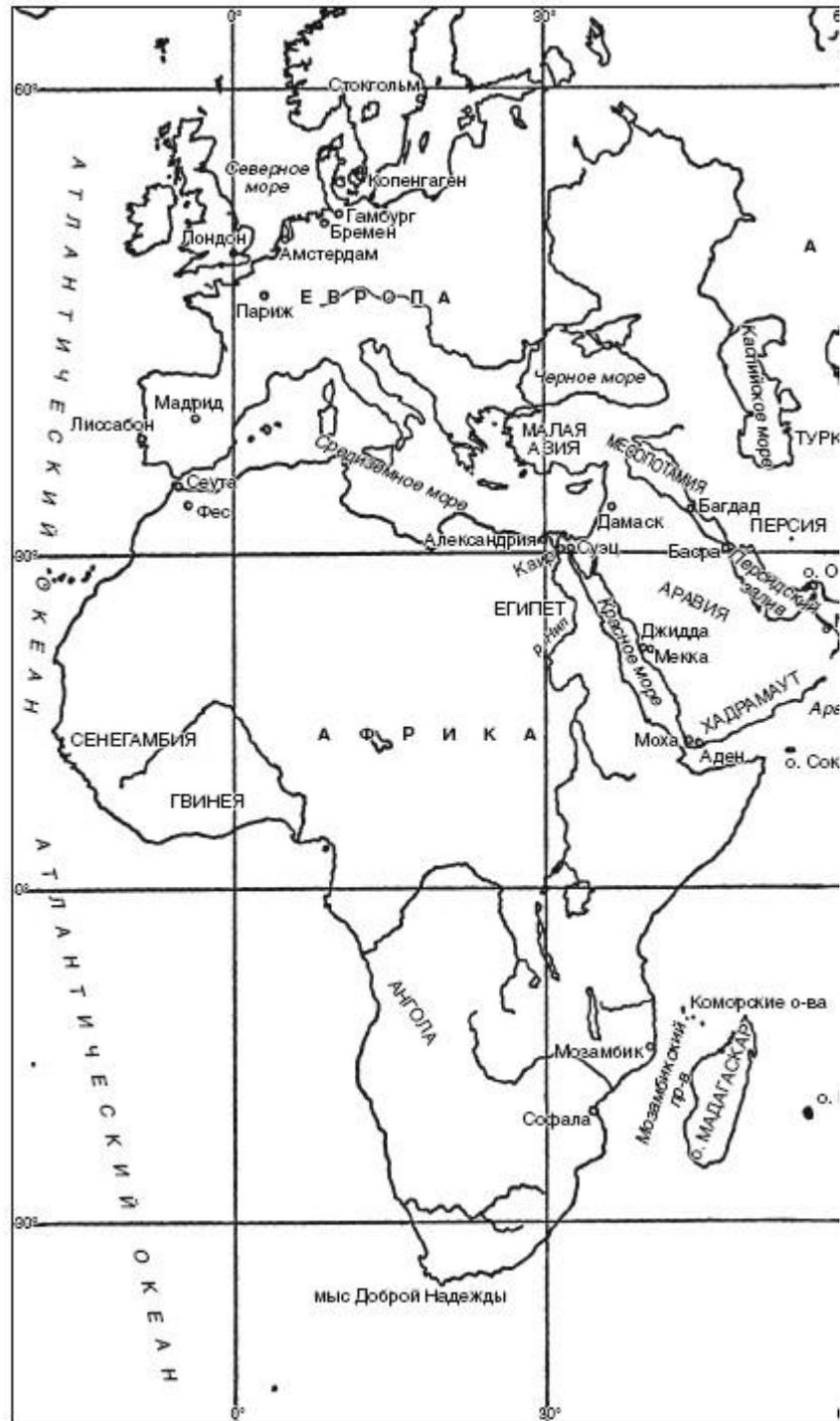
Они могли внедрить в Генеральные штаты своих личных друзей из числа бюргеров-олигархов и земельной аристократии, но не могли разрушить экономическое могущество верхней прослойки среднего класса, которое делало богатых бюргеров – а не благородных штатгальтеров – последней инстанцией в решении судьбы республики.

Хотя взятие Брилле (Бриля) и ряда других городов морскими гёзами летом 1572 г. ознаменовало начало успешного вооруженного сопротивления Испании, остается спорным вопрос, до какой степени изначальный мятеж Нидерландов может быть описан как приветствуемое массами движение. Имело место довольно широкое и (в некоторых местах) глубоко укоренившееся недовольство Римско-католической церковью среди всех сословий, что показывает факт появления приверженцев лютеранства, анабаптизма, кальвинизма и прочих форм ереси во всех слоях общества. Однако такое недовольство старой религией не всегда и не везде предполагало отмену служения мессы, обета безбрачия священнослужителей и запрет религиозных орденов. Во многих местах воинствующие кальвинисты всегда находились в меньшинстве, как и – если уж на то пошло – воинствующие католики. И бюргеры, и ремесленники обычно предпочитали не религиозную свободу, а политическую, хотя подавляющее большинство ни тех ни других не переваривало учреждение Священной канцелярии инквизиции. Следует также признать, что довольно много аристократов и знати примкнуло к мятежу, что обеспечило его столь необходимым руководством. Успехи морских гёзов в 1572 г. в значительной степени обязаны тому факту, что, хотя все это пестрое сборище воинствующих протестантов – дворян, бюргеров, ремесленников, крестьян и моряков с пиратскими наклонностями – было незваными гостями для представителей высших и средних классов городов Голландии и Зеландии, которые принимали их с великой неохотой, перспектива размещения у них испанских солдат и учреждения инквизиции все же была им еще более отвратительна.

Городские трудящиеся и безработные – количество которых неизбежно возросло в годы политико-религиозных неурядиц и высоких цен – явно мало что теряли, присоединяясь к морским тезам. Голод и безработица особенно широко распространились в 1567–1572 гг., когда на экономическое и социальное положение Нидерландов неблагоприятно повлияли разрыв экономических связей с Англией, проблемы с торговлей на Балтике, эпидемия чумы 1571 г. и высокие цены на зерно в 1571 и 1572 гг. Последней каплей стала угроза обложения налогом на торговлю, прозванным «десятиной Альбы» и созданным по образцу испанской алькабалы (налога на торговые сделки), который Альба начал вводить весной 1572 г., хотя его сборы продвинулись не слишком далеко, когда вспыхнуло восстание. Более того, когда городские советы под давлением воинствующих кальвинистов поддержали курс на восстание, у бедняков и занимавших низкое общественное положение граждан появились дополнительные причины следовать за теми единственными людьми, кто мог дать им работу и средства к существованию. С другой стороны, в городах, заново захваченных испанскими войсками, многие представители всех сословий не сочли особо трудным приспособить свои религиозные убеждения к учениям римской церкви, теперь обновленной и очищенной реформами, проведенными согласно решениям Тридентского собора¹¹. И если бесчинства

¹¹ Тридентский собор – XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся по инициативе римского папы Павла III 13 декабря 1545 г. в городе Тридент (ныне Тренто, Северная Италия), в котором заседал (с перерывами) в 1545–1563, 1547–1549 гг. в Болонье. Закрепил основные положения Контрреформации, а также католический канон Священного Писания, установил общий для всей Римско-католической церкви чин мессы и других богослужений, ввел строгую церковную цензуру.

испанской и итальянской солдатни Альбы вынудили многих из тех, кто предпочел бы соблюдать нейтралитет, встать на сторону мятежников, аналогичные жестокости морских гёзов побудили многих из других колеблющихся вернуться к повиновению церкви и королю. Тридентский собор считается отправной точкой контрреформации.

Карта 2.

Сфера деятельности Голландской Ост-Индской компании

Как мы отмечали выше, изначально кальвинизм обрел себе больше последователей в Южных Нидерландах, чем в северных провинциях. На самом деле разделение, которое произошло окончательно, поначалу, казалось, должно было формироваться по оси восток – запад, а не север – юг. В Антверпене существовало сильное кальвинистское сообщество, тогда как Амстердам придерживался католицизма. Восточные провинции, включая современный, исключительно протестантский северо-восток, некоторое время оставались преимущественно католическими. Однако отвоевание герцогом Пармским ¹² Фландрии,

¹² Алессандро (Александр) Фарнезе (1545–1592) – третий герцог Пармы и Пьяченцы, испанский полководец и наместник Нидерландов, который подвел черту под нидерландской революцией на территории нынешней

Брабанта и части северо-востока в 1580 г. не смогло продвинуться дальше прочной естественной линии обороны, состоящей из рек Шельда, Маас, Рейн и Эйссел вместе с болотами Южной Фрисландии. После смерти герцога Пармского в 1592 г. принц Мориц смог завершить завоевание северо-востока, а его преемник, Фредерик Генрих¹³, приобрел некоторую выгоду на юге, включая оплот католицизма, Маастрихт (провинция Лимбург). Тем не менее испанская угроза центральным районам северных провинций не была устранена до отвоевания города Бреда (провинция Северный Брабант) в 1637 г.

Фредерик Генрих, как и Вильгельм Молчаливый, был намерен гарантировать разумную терпимость к открытому вероисповеданию католицизма в районах, выведенных из-под испанского контроля, надеясь таким образом побудить «Послушные провинции» воссоединиться с самопровозглашенными Соединенными провинциями свободных Нидерландов. К сожалению, наиболее фанатичные элементы среди кальвинистов имели достаточное влияние, чтобы не допустить хоть сколь-нибудь значительного претворения в жизнь подобной политики.

Католики, жители Генералитетских земель¹⁴, как были названы завоеванные районы, не имели никаких политических или избирательных прав и не могли принимать серьезного участия ни в экономической, ни в интеллектуальной жизни Голландской республики. Испанские правители Южных Нидерландов, со своей стороны, были еще более решительно настроены искоренить ересь в провинциях, контролируемых церковью и королем; в результате симпатизировавшие протестантству люди эмигрировали на север или на восток, и в провинциях, управлявшихся из Брюсселя, кальвинизм прекратил свое существование. Эти ожесточенные беженцы-кальвинисты с юга значительно усилили влияние своих воинственно настроенных единоверцев на севере, которые были решительно настроены на воссоединение всех 17 провинций на основе непрерываемого главенства кальвинизма как в вере, так и в государстве. Таким образом, Нижние Земли (Нидерланды) оказались разделены не по географическим, языковым или этническим границам, а по чисто искусственной черте, установившейся в результате превратностей боевых действий Восьмидесятилетней войны и параллельного роста взаимной религиозной неприязни.

Когда герцог Пармский захватил в 1585 г. Антверпен, он способствовал капитуляции города, предложив позволить тем кальвинистам, кто был решительно настроен эмигрировать (лишь бы не отказываться от своей религии), двухлетнюю отсрочку для вывоза своих товаров и вывода капитала. Как мы уже видели, за XVI столетие Антверпен превратился в крупнейший торговый перевалочный пункт в Европе. Местные фламандские и валлонские купцы вели бухгалтерский учет, проводили банковские операции и имели систему страхования, которые до этого процветали только южнее Альп и Пиренеев. Среди этих богатых торговцев имелось много приверженцев кальвинизма, хоть и не все богачи, эмигрировавшие на север, были протестантами. Их рассеивание по всей Европе за последние две декады XVI в. имело более далекоидущие последствия, чем диаспора иберийских евреев за век до этого или исход гугенотов 100 лет спустя. И до 1585 г. фламандские купцы и без того часто посещали многие торговые порты от Данцига¹⁵ до Ливорно, но в следующие 15

Бельгии. Смертельно ранен в сражении у Руана.

¹³ Фредерик Генрих Оранский – сын Вильгельма I Оранского от четвертого брака. Командующий войсками республики Соединенных провинций, штатгальтер с 1625 по 1647 г.

¹⁴ Генералитетские земли – часть территории Соединенных провинций, управляемая напрямую Генеральными штатами; на этих землях не было провинциальных штатов, и они не были представлены в центральном правительстве.

¹⁵ В описываемое время (и до 1739 г.) этот основанный славянами город (упоминается в X в.) назывался Гданьском. Это историческое название было возвращено после освобождения города Красной армией в 1945 г.

лет их количество и влияние значительно возросли благодаря появлению богатых и предприимчивых беженцев из Южных Нидерландов.

У тех, кто эмигрировал в Голландию и Зеландию – а среди них было множество состоятельных и предприимчивых людей, – имелись родственные и деловые связи по всей Европе, от Балтики до Леванта, поскольку семьи, как правило, не эмигрировали все вместе, а рассеивались по разным регионам. Те, что осели в Италии и на Иберийском полуострове, волей-неволей остались в лоне католической церкви, но для них не составляло проблем сотрудничать со своими кузенами-кальвинистами или лютеранами Северных Нидерландов; точно так же иберийские евреи не обрывали связи со своими родственниками, «новыми христианами» – марранами¹⁶, оставшимися в Португалии и Испании. Финансовые и деловые связи, пришедшие с этими эмигрантами в Амстердам, Мидделбург и другие голландские города, послужили огромным стимулом всей их торговой деятельности в целом, а Амстердама в особенности. Разумеется, подавляющее большинство тех тысяч эмигрантов из южных провинций составляли не состоятельные бюргеры, а представители среднего и трудящегося классов, среди которых было много как мелких торговцев, опытных мастеров и искусных ремесленников, так и простых, не обученных какому-либо мастерству работников. Текстильная промышленность в Лейдене, например, получила значительное развитие благодаря притоку нового капитала и рабочей силы с юга.

И хотя много голландских городов извлекли пользу от обретения этих финансовых и людских ресурсов, на Амстердаме это отразилось заметнее всего. Между 1585 и 1622 гг. население города возросло примерно до 75 тысяч человек, а в последний, 1622 г. из общего числа 105 тысяч жителей треть составляли эмигранты из Южных Нидерландов или их потомки в первом поколении. Один из таких недавно прибывших в 1594 г. написал, с простительным в данном случае преувеличением: «Это сам Антверпен, превратившийся в Амстердам». На другой фактор роста финансовых ресурсов Амстердама указала американский историк Вайолет Барбур. Она напоминает нам, что в Голландии – или, если уж на то пошло, во всех остальных Северных Нидерландах – имелось мало земли, которой можно было владеть, а та, что была, продавалась или сдавалась в аренду по крайне высоким ценам, и сделки облагались серьезным налогом. Вследствие этого многие люди с ограниченными средствами, которые в других странах могли бы стремиться купить или арендовать фермы или небольшие земельные участки, вкладывали свои сбережения в покупку доли в кораблях, в рыболовство или краткосрочные торговые рейсы, в мелиорацию земель, а позднее в муниципальные или провинциальные займы. Быстрый рост Амстердама как центра международной торговли отразился в издании – начиная с 1585 г. – еженедельного прейскуранта цен на товары, что в Лондоне начали делать только 80 лет спустя. Можно также отметить, что в 1609 г. в Амстердаме был основан валютный банк, а в 1614 г. кредитный.

Отчасти благодаря торговой сети фламандских и валлонских купцов в портах Иберии и Средиземноморья за последнюю декаду XVI в. голландцы смогли развернуть свое и без того процветавшее фрахтовое дело до беспрецедентных размеров. Пять следовавших один за другим неурожайных лет в Южной Европе (1586–1590) предоставили им возможность захватить и удерживать новые рынки за пределами Гибралтарского пролива. И хотя до 1585 г. их корабли были редкими гостями в портах Средиземноморья и Леванта, 20 лет спустя торговля здесь уступала в значимости лишь торговле на Балтике, с которой, кстати, купцы Антверпена были тесно связаны еще до падения их города. Языковые, родственные и деловые связи оказались прочнее – по крайней мере, на какое-то время – религиозных и политических. Например, в Ливорно местные фламандские торговцы одновременно представляли режим и Гааги, и Брюсселя. Корнелис Хата, первый дипломатический

¹⁶ Марраны (мараны, от *исп.* *mañana* – свинья, нахал) – так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших в конце XIV–XV в. христианство, и их потомков.

представитель Голландии в Блистательной Порте (султанской Турции), в 1616 г. утверждал, что все агенты голландских компаний в Леванте по происхождению являлись выходцами из Брабанта и подданными эрцгерцогов, правивших «послужными провинциями» от имени испанской короны. Другим фактором ускоренного расширения голландской морской торговли в 1500-х гг. стала разработка и постройка более эффективных торговых судов, *fluit*. Эти «флейты», или «летучие корабли», как прозвали их англичане, управлялись относительно небольшими командами, перевозили значительный груз, были вооружены небольшим количеством орудий – а то и вовсе обходились без них – и могли быть построены задешево и в больших количествах. (Некоторым образом их можно считать прообразами «Либерти» – транспортных судов времен Второй мировой войны для обеспечения массовых военных перевозок.)

В этот период в Амстердаме также заметное развитие получило морское страхование. В 1598 г. здесь была учреждена страховая палата, которая вела реестр полисов и разрешала всяческие спорные случаи, касающиеся их покрытия. В 1628 г. четыре состоятельных амстердамских торговца разработали претенциозную программу обязательного страхования всех голландских кораблей, плавающих в опасных водах. План этот отвергли – как и последующие предложения претворить его в жизнь в той или иной форме, – однако Амстердам продолжал управлять огромными и постоянно растущими объемами страхования, включая заграничные сделки. К последней четверти XVII в. в Амстердаме стали практиковать вторичное страхование (перестрахование), и город сохранял первенство в морском страховании вплоть до XVIII в.

Упадок Антверпена как международного торгового перевалочного пункта и феноменальный взлет Амстердама; приток богатых предпринимателей и профессиональных рабочих в северные провинции из южных; взрывной рост промышленного производства и потребность в новых рынках сбыта; разорительные эмбарго, которые испанская корона (а с 1580 г. и Португалия) наложила на торговый флот Северных Нидерландов в иберийских гаванях в 1585, 1595 и 1598 гг.; помощь и советы, на получение которых от торговцев-фламандцев, валлонов и марранов, купцы Голландии и Зеландии часто могли рассчитывать, будучи за границей, – все эти факторы вскоре привели к распространению голландской морской торговли на регионы более отдаленные, чем Левант и Средиземноморье. Например, прямая торговля с Бразилией, весьма незначительная до 1585 г., впоследствии сильно возросла – поначалу в кооперации с немцами из ганзейских портов, а затем в основном в сотрудничестве с португальскими «тайными евреями» – новыми христианами. Голландский шкипер, направлявшийся в 1591 г. в Бразилию, попал в руки португальцев с острова Сан-Томе, где собрал много ценной информации об их торговле с Золотым Берегом. По возвращении в Нидерланды он предпринял успешное плавание, вернувшись в 1594 г. с солидным грузом золота и слоновой кости. Энергичность и настойчивость, с которыми голландцы эксплуатировали эти новые рынки, оказалась таковой, что к 1621 г. они захватили от половины до двух третей торговых перевозок между Европой и Бразилией, тогда как практически все золотые монеты Соединенных провинций чеканились из золота, привезенного из Гвинеи. Следуя по стопам англичан, голландцы также проторили в тот период времени арктический торговый путь в Россию; но наиболее впечатляющий всплеск их национальной энергии был направлен на торговлю пряностями в Восточных Индиях.

Одной из самых специфических особенностей Восьмидесятилетней войны был способ, благодаря которому обе стороны продолжали широко использовать ресурсы, предоставленные торговлей с противником. Незаконная торговля и контрабанда в той или иной степени характеризуют торговлю во время всех войн, однако в 1572–1648 гг. они осуществлялись обеими сторонами в беспрецедентных масштабах. Представители власти Голландской республики, многие из которых были судовладельцами и торговцами, прочно связанными торговлей с Иберийским полуостровом и с территориями под управлением испанской и португальской корон, позволяли (за исключением коротких интервалов

времени) вести такую торговлю за выплату особых портовых сборов заинтересованными сторонами. Поступления этих, как их называли, «денег за конвой и лицензию» составляли основной источник дохода пяти провинциальных адмиралтейств, или советов военно-морского флота (в Роттердаме, Зеландии, Амстердаме, Фрисландии и Северной Голландии), которые содержали в исправности боевые корабли, большая часть которых были арендованными или переделанными торговыми судами. Со своей стороны, испанцы и португальцы обнаружили, что не могут обойтись без сырья и готовых материалов, особенно без зерна и строевого леса, который привозили голландцы с Балтики и из Северной Европы. Разорительные эмбарго, которые иберийские правители периодически накладывали на голландский торговый флот, на практике оказались акцией вроде «назло лицу отрезать себе нос» и не могли эффективно выполняться сколь-нибудь длительное время.

Поскольку голландцы в начале 1590-х гг. стремительно расширяли свою торговлю в Средиземноморье, Леванте и Южной Атлантике, то вряд ли удивительно, что примерно в то же время они старались распространить ее и на Индийский океан. Голландцы, находившиеся на службе у португальцев, самый известный из которых Ян Гюйген ван Линсхотен¹⁷, вернулись домой с достаточными сведениями, указывавшими на то, что португальцы, провозгласившие себя повелителями «завоеваний, мореходства и торговли в Эфиопии, Аравии и Персии», далеко не так сильны, как предполагал этот

напыщенный титул, принятый королем Мануэлом I в 1501 г. Память об иберийском эмбарго 1585 г. и предчувствие новых, которые будут наложены в 1595–1596 гг., вполне могли заставить голландцев осознать, что использование Лиссабона как рынка пряностей становилось все более ненадежным. Как бы то ни было, в марте 1594 г. девять торговцев из Северных Нидерландов нашли достаточно побудительных мотивов и средств, чтобы учредить в Амстердаме Компанию дальних земель с целью отправить две флотилии за пряностями в Индонезию.

Первая флотилия не имела четкого руководства, ее плавание оказалось отвратительно организовано, и в августе 1597 г. в Тексел вернулись только три корабля и 89 человек из 249, покинувших якорную стоянку этого города два года назад. Однако скромный груз перца, который они привезли из индонезийского Бантена, с лихвой покрыл расходы на экспедицию. Поскольку первое плавание показало, что даже плохо организованная флотилия смогла достичь Восточных Индий, не менее 22 кораблей, оснащенных пятью разными – и сильно соперничающими – торговыми компаниями, отправились в 1598 г. из голландских портов в Индонезию. Флотилия под командованием мореплавателя и хозяина гостиницы Оливера ван Ноорта из Роттердама взяла курс на Южную Америку и Тихий океан, чтобы совершить первое голландское кругосветное плавание; но наиболее обнадеживающих результатов достигла вторая флотилия Компании дальних земель из Амстердама под командованием Якоба ван Нека. Четыре его корабля вернулись в июле 1599 г., после пятнадцатимесячного отсутствия, с бесценным грузом пряностей. «С тех пор как Голландия стала Голландией, – отметил неизвестный участник экспедиции, – не видывали столь богато груженных судов». Старшим офицерам и торговцам был оказан торжественный прием, а колокола Амстердама устроили радостные перезвоны. У инвесторов имелись все причины быть довольными возвращением своих капиталов на 100 с лишним процентов – даже еще до того, как оставшиеся четыре корабля прибыли с грузом, поднявшим общую прибыль до 400 процентов. Ван Нек подчеркивал, что такой прибыли добились без всякого применения силы или обмана, как намекали в Амстердаме завистливые португальские евреи, но исключительно путем честной и свободной торговли с индонезийскими купцами – строго в соответствии с указаниями совета директоров «не отбирать ни у кого имущества, но честно торговать со всеми иноземцами».

¹⁷ Линсхотен Ян Гюйген ван (1563–1611) – знаменитый нидерландский купец, путешественник и историк. Именно ван Линсхотену приписывают копирование сверхсекретных португальских морских карт, что позволило Британской и Голландской Ост-Индским компаниям лишить Португалию монополии.

Теперь компании для торговли с Восточными Индиями стали появляться как грибы после дождя. Примечательно, что ни одна из них не достигла завидного успеха первого плавания ван Нека; а из вышеупомянутых 22 кораблей, отплывших из Нидерландов на Восток в 1598 г., вернулось только 14. Тем не менее привлекательность торговли пряностями оставалась столь высокой, что в 1601 г. в Восточные Индии отплыло 14 флотилий, насчитывающих в общей сложности 65 кораблей. Совершенно очевидно, что все эти первые компании стояли на пути друг у друга и что их взаимное соперничество вело к повышению закупочных цен в Азии и грозило снижением цен при продаже в Европе. Эти компании были организованы на муниципальной и региональной основе, и соперничество между компаниями из Голландии и Зеландии оказалось особо острым. Уже в начале января 1598 г. Генеральные штаты внесли предложение, чтобы отдельные компании объединились или полюбовно сотрудничали вместо того, чтобы увязать в смертельной конкуренции. Тогда такое предписание возымело крайне незначительный эффект, однако длительные и непростые переговоры под умелым руководством ведущего голландского государственного деятеля, Яна ван Олденбарневелта (Иоганна Олденбарневелде), и благодаря давлению, оказанному принцем Морицем в критические моменты, в конце концов привели к слиянию соперничающих компаний в единое монополистическое объединение (20 марта 1620 г.). Переговоры затянулись не только из-за природной зависти Зеландии к более прочному экономическому положению Голландии, но и благодаря застарелой неприязни голландских торговцев к чему угодно монопольному по своей природе в коммерции. Кроме того, некоторые из ведущих глав компаний, таких как южане Исаак ле Мэр и Балтазар де Мушерон, обладали темпераментом ничуть не меньшим, чем оперные звезды XX в. Таким образом, потребовались все терпение и тактичность Олденбарневелта и мощное влияние принца Морица, чтобы добиться формирования Объединенной Нидерландской фрахтовой Восточно-Индийской компании (VOC) с капиталом около 6,5 миллиона флоринов. Новое объединение подразделялось на шесть региональных правлений, или *kamers* – палат, которые обосновались в прежних штаб-квартирах компаний соответственно в Амстердаме, Мидделбурге, Делфте, Роттердаме, Хорне и Энхкёйзене.

Согласно уставу, принятому Генеральными штатами для VOC в 1602 г., компании предоставлялось – на первоначальный период в 21 год – монопольное право торговли и судоходства восточнее мыса Доброй Надежды и западнее Магелланова пролива. Правление, или совет семнадцати директоров – *Heeren XVII* (буквально – «семнадцать господ»), был наделен правом заключать договоры о мире и сотрудничестве, вести оборонительные войны и строить в этом регионе «форты и крепости». Совет также мог нанимать гражданский, морской и военный персонал, который должен был принести клятву верности компании и Генеральным штатам. Таким образом, VOC практически являлась государством в государстве, однако ее основатели предусматривали ведение войны лишь в виде оборонительных действий против португальцев, которые заявили о своей монополии на европейскую торговлю в восточных морях посредством нескольких папских булл и бреве¹⁸, изданных в XV и XVI вв. Тем не менее полномочий на ведение военных действий оказалось вполне достаточно, чтобы отпугнуть ряд ведущих инвесторов из компаний-первопроходцев, которые предпочли продать свои доли, вместо того чтобы перевести их в VOC, «поскольку они в качестве торговцев сами организовывали такие компании с единственной целью – честно заниматься мирной торговлей и не позволять себе каких-либо агрессивных или враждебных действий». Такие критики вполне справедливо предвидели, что VOC будет вынуждена использовать шпагу столь же часто, что и перо.

Организация Вест-Индской компании (WIC), устав которой Генеральные штаты утвердили 3 июня 1621 г., во многом копировала структуру VOC, хотя ее агрессивная роль в

¹⁸ Папская булла – основной средневековый папский документ; бреве – письменное послание папы римского, посвященное второстепенным проблемам церковной и мирской жизни и написанное менее торжественным стилем.

войне против Иберийской атлантической империи подчеркивалась с самого начала. WIC, которой предоставили монопольное право на все голландское судоходство и торговлю с Америкой и Западной Африкой, точно так же наделялась правом объявлять войну и заключать мир с местными властями, содержать военно-морские и сухопутные силы и исполнять судебные и административные функции в тех регионах. WIC состояла из пяти региональных советов – в Амстердаме, Мидделбурге (Зеландия), Роттердаме, в северной четверти Нидерландов и в Гронингене с Фрисландией. Аналогом Heeren XVII в WIC стало центральное правление – Heeren XIX. WIC потребовалось больше времени для сбора оборотного капитала, чем VOC, – два года против двух месяцев, – однако внесенная сумма оказалась намного значительнее, более 7 миллионов флоринов. Создание Вест-Индской компании предлагалось значительно раньше в том же XVII в., но было отложено из-за заключения двенадцатилетнего перемирия между Испанией и Соединенными провинциями. Перемирие это стало результатом усилий Олденбарневелта и поддержавших его олигархов в правительстве. И заключено оно было вопреки желанию принца Морица, группы влиятельных торговцев Амстердама и кальвинистских экстремистов, известных как контрремонстранты¹⁹. В колониальном мире перемирие соблюдалось плохо, и официальное возобновление войны в 1621 г. – после суда над Олденбарневелтом и его казни по сфабрикованному обвинению в государственной измене – предоставило и VOC, и WIC значительно большую свободу для агрессивных действий. В отличие от ортодоксальных кальвинистов арминиане (основатель – богослов Я. Арминий) в учении о предопределении оставляли место свободе воли, выступали за политику веротерпимости. В 1610 г. они подали Генеральным штатам так называемую ремонстрацию (от *позднелат.* remonstratio – заявляю, протестую), излагавшую основные принципы арминианства. Противники арминиан – гомаристы (по имени богослова Ф. Гомара) подали штатам в 1611 г. контрремонстрацию, в которой отстаивались догматы ортодоксального кальвинизма.

И хотя Испания являлась *erf-vijand* – заклятым врагом на территории соседней Фландрии, где война все больше увязала в малозначительных осадах и безрезультатном маневрировании, голландское наступление на иберийский колониальный мир было направлено на португальские, а не испанские владения. С того времени, как люди VOC, захватив в 1605 г. остров Амбон в Индонезии, перешли к наступательным действиям, они сосредоточили свое внимание на португальских крепостях и поселениях, будь то на Молуккских островах, на полуострове Малакка, на Цейлоне или в Индии. Когда они предприняли попытку напасть на испанцев на Филиппинах, им практически постоянно не везло. Упорные и плодотворные голландские блокады Малакки (1635–1640) и Гоа (1638–1644) резко контрастировали с позорными фиаско их экспедиций на Филиппины в 1610, 1617 и 1647–1648 гг. Голландцам даже не удалось выбить испанцев из их ненадежно защищенных крепостей на островах Тернате и Тидоре, где последние оставались еще более 10 лет после подписания Мюнстерского договора и откуда они попросту ушли, когда в 1661–1662 гг. Маниле угрожало вторжение Коксинги²⁰, китайского завоевателя Голландской Формозы (Тайваня).

На другом краю света WIC, хоть и основанная в основном с прицелом на Испанскую Америку и серебро Мексики и Перу, на самом деле сконцентрировалась на сахаре из Португальской Бразилии и золоте, слоновой кости и рабах Португальской Западной Африки.

¹⁹ Ремонстранты и контрремонстранты, или арминиане и гомаристы, – религиозные течения внутри нидерландской кальвинистской церкви, получившие в начале XVII в. значение религиозно-политических группировок.

²⁰ Коксинга – под этим именем в европейских источниках известен Чжэн Чэнгун – самый знаменитый из китайских пиратов.

Впечатляющий захват Питом Хайном²¹ мексиканского «серебряного флота» в кубинской гавани Матансас (в 1628 г.), как правило, заслоняет тот факт, что его современники и преемники на службе WIC добились сравнительно малозначительных успехов в войне с испанцами. Их слава, их победы и добыча были приобретены в основном за счет португальцев в Южной Атлантике. Иоханнес де Лаэт, директор и летописец деяний WIC того времени, заканчивает в 1644 г. свои *Iaerlyclt Verhael* – *Анналы на триумфальной ноте*, подробно перечисляя корабли и добычу, захваченные компанией между 1623 и 1636 гг. силой оружия «у короля Испании». Внимательное прочтение этого списка открывает, что подавляющий ущерб от этих потерь понесли владения и суда португальской короны – за исключением испанского «серебряного флота» в 1628 г. В 1636–1648 гг. нападения WIC на Испанскую Америку были еще менее значительными, за исключением экспедиции Брауэра в Чили в 1642 г., да и та оказалась безрезультатной. В свое время голландцы отобрали у Португалии половину Бразилии и Анголу, не говоря уже о Золотом Береге и Кабо-Верде, однако единственным стоящим их завоеванием в Карибском бассейне стал захват Кюрасао в 1634 г. По сравнению с огромными усилиями, приложенными ради продвижения в Южной Атлантике, попытки Вест-Индской компании обрести «Новые Нидерланды» на острове Манхэттен и на берегах реки Гудзон увенчались весьма скромными результатами.

Не вызывает сомнения, что восстание португальцев Пернамбуку, штата на востоке Бразилии, в 1645 г., которое получало более или менее тайную помощь с родины, за пять лет до этого освободившейся от власти Испании, заставило голландцев укрыться за стенами Ресифи и нескольких других городов вдоль северо-восточного побережья Бразилии. Несомненно и то, что через несколько месяцев после провозглашения Мюнстерского договора Португало-Бразильская экспедиция – частично снабженная амуницией и корабельными припасами из Амстердама – вернула Луанду и изгнала голландцев из Анголы в тот самый момент, когда те, вместе со своими негритянскими союзниками, были на грани уничтожения последних остатков португальцев в данной местности. Тем не менее положение голландцев в Бразилии не казалось безнадежно утерянным, и по Мюнстерскому договору король Филипп IV недвусмысленно признал право Голландии захватывать и удерживать все португальские колониальные территории, на которые заявляли свои права обе великие индийские компании.

Во многих отношениях Мюнстерский договор знаменует собой высшую точку золотого века Соединенных провинций. К 1648 г. голландцы, бесспорно, являлись величайшей в мире торговой нацией, со своими торговыми аванпостами и укрепленными факториями, разбросанными от Архангельска в России до Ресифи в Бразилии и от Нового Амстердама²² до Нагасаки в Японии. Если некоторые места удерживались с трудом, то другие приносили обнадеживающие прибыли. Одни лишь описания голландских достижений в европейских водах представляют собой увлекательнейшее чтение. «Благодаря невероятным предприимчивости и деловитости, – пишет К. Уилсон, – им удалось захватить около трех четвертей перевозок зерна на Балтике, от половины до трех четвертей строевого леса и где-то между третью и половиной шведского металла. Три четверти соли из Франции и Португалии, отправлявшейся на Балтику, перевозилось в голландских трюмах. Более половины тканей, вывозимых в Балтийский регион, были произведены или обработаны в Голландии».

Такие беспрецедентные достижения обязаны в основном динамичной энергии и предприимчивости, рожденным в морских гаванях Голландии и Зеландии, что позволило, благодаря ресурсам, извлеченным из судоходства и заморской торговли, перенести

²¹ Питерсон (Питерзон) Пит Хайн, или Пит Хайн-старший, – голландский адмирал Вест-Индской компании и Соединенных провинций, герой Восьмидесятилетней войны в Нидерландах, прославленный капер.

²² Новый Амстердам, *нидерл.* Nieuw Amsterdam – первоначальное название Нью-Йорка в 1626–1664 гг.

финансовые тяготы войны против Испании и развить колониальную экспансию. Таким образом, вполне логично, что ведущие торговцы и судовладельцы городов этих провинций должны были завладеть руководством новой республикой и использовать свое влияние в городских советах и провинциальных штатах для продвижения собственных интересов. Как мы уже видели, когда возникал конфликт интересов отдельных провинций, победу одерживали Голландия и Амстердам – если только они находились в согласии. Подтверждением этому является Мюнстерский договор, имевший большое число могущественных противников. Среди них были приверженцы Оранских, настроенные на сохранение союза с Францией и упрочение династических интересов штатгальтеров по завоеванию Южных Нидерландов и поддержке Стюартов²³; провинция Зеландия, недовольная неадекватной помощью государства WIC в ее проигрышной войне с португальцами в Бразилии; провинция Утрехт и город Лейден по целому набору религиозных и политических мотивов. И все же правители остальных городов Голландии, и прежде всего Амстердама, смогли протолкнуть договор вопреки оппозиции такого множества своих соотечественников, причем не уступая королю Испании ни в одном из его самых настойчивых требований, таких как открытие для судоходства устья реки Шельды и официальная терпимость к католицизму в Соединенных провинциях. Голландская неуступчивость в перекрытии Шельды проистекала не только из боязни Амстердама, что в результате возобновления судоходства по ней Антверпен может во многом вернуть себе значение торгового перевалочного пункта, но из опасения некоторых портов юга Голландии и Зеландии (Роттердама, Мидделбурга, Флиссингена), что их собственная транзитная торговля точно так же пойдет на убыль.

Мюнстерский договор показал, что движение, начавшееся 80 лет назад со взрыва народного гнева, закончилось формированием свободно объединенной федерации – республики под управлением группы купцов-олигархов. Перед тем как более подробно обсуждать этих бюргеров, стоит задаться вопросом, насколько сильно эволюционировала нация под их руководством. Если принять критерий Ренана о понимании национальной принадлежности: «...совершать вместе великие поступки, желать их и в будущем...», то победители 1648 г. будут соответствовать обоим этим показателям. Они могли с гордостью припомнить такие боевые подвиги, как осада и освобождение Лейдена, победные компании принцев Морица и Фредерика Генриха, захват «серебряного флота» Питом Хайном, разгром Испанской армады близ Гибралтара (1607) и еще один разгром у Даунса (1639). В этот последний год не имевшую себе равных голландскую торговую экспансию «в далекие и диковинные земли, так далеко, как только светит солнце» нидерландский поэт и драматург Йост ван ден Вондел восславил в своей оде, отразившей чувства не только самого поэта и Neeren XVII – семнадцати директоров VOC, но и множества голландцев: «Куда ни завела бы нас за прибылью погоня, в любое море иль к любому побережью, мы рыщем в гаванях всего земного шара – к выгоде любви». Если «великие поступки» Ренана включают в себя образованность, литературу и изобразительное искусство, то, упоминая о достижениях молодой республики, достаточно вспомнить имена Гуго Гроция, Христиана Гюйгенса, Питера Хофта, Йоста Вондела, Франса Хальса (Гальса) и Рембрандта. Что же касается будущего, то голландцы могли смотреть – и с уверенностью смотрели – на свою экспансию в Восточные Индии; и хотя их положение в Бразилии было явно ненадежным, возможность создания собственной империи в Южной Атлантике все еще существовала.

По этим и другим причинам многие из жителей Соединенных провинций Свободных Нидерландов с гордостью осознавали, что они являются действительно свободной и самостоятельной нацией. Но имелось и много других, кого непрестанно терзали сомнения, или те, у кого не было особых поводов радоваться Мюнстерскому мирному договору.

²³ Вильгельм III Оранский был единственным сыном штатгальтера Вильгельма II Оранского и Марии Генриетты Стюарт. С 28 июня 1672 г. штатгальтер Нидерландов, с 13 февраля 1689 г. под именем Вильгельм (Уильям) III, король Англии, и с 11 апреля 1689 г. под именем Вильгельм II, король Шотландии.

Воинствующие кальвинисты требовали – и часто получали – признания своих заслуг в формировании нации с благословения Божия и при Его активной поддержке, однако они рассматривали своих все еще многочисленных соотечественников-католиков в качестве граждан второго сорта и потенциальных предателей. Они косо смотрели даже на многих инакомыслящих протестантов, как на более слабых и, следовательно, нижестоящих собратьев. Такое презрение самозванных «избранных» к столь многим своим соотечественникам не могло не вызвать широкого недовольства среди последних. Отсутствие короля или иного полновластного правителя вызывало смешанное с сожалением замешательство среди некоторых слоев населения, хотя не обязательно по одним и тем же причинам. Тот факт, что мятеж был изначально направлен против их законного принца, не так легко изгладился в памяти – как на родине, так и за границей. Даже такой непреклонный республиканец, как Ян де Витт, позднее выражал свою обеспокоенность по этому поводу. В некоторых отношениях соперничество между провинциями усугублялось и самими успехами голландской заморской торговли, которая только усиливала превосходство провинции Голландия. Брабантцы, фламандцы и валлоны, эмигрировавшие из Южных Нидерландов в первые десятилетия Восьмидесятилетней войны, к 1648 г. по большей части ассимилировались, хотя зависть к наиболее удачливым из них и их потомкам все еще тлела в Амстердаме. Однако в Голландской республике имелось еще много иностранцев и лишь наполовину ассимилировавшихся эмигрантов, которые могли стать источником слабости, особенно в военное время, и с армией, состоявшей в основном из иностранных наемников.

И наконец, как отнеслись более старые европейские нации к выскочке – буржуазной республике, впервые добившейся общего признания в 1648 г.? Критическая оценка коронованных особ и торговых конкурентов должна всегда приниматься с некоторой долей скептицизма, и неудивительно, что Яков I весьма неблагоприятно отзывался о голландцах в 1607 г.: «Пусть они оставят это тщеславное стремление называться свободным государством». Куда более важно то, что через 100 лет после заключения Мюнстерского договора и после того, как Великобритания и Соединенные провинции поочередно становились то врагами, то союзниками, английский посланник в Мадриде снисходительно написал о своем недавно прибывшем голландском коллеге: «Он весьма молод, но благороден и дружелюбен, и в нем столько же – если не больше – от джентльмена, сколько я когда-либо видел в представителях его нации – если она заслуживает права таковой называться».

Глава 2

Бюргеры-олигархи и купцы-авантюристы

Городские патриции, ликовавшие по поводу заключения Мюнстерского договора, во многом отличались от своих дедов и отцов, которые поддерживали борьбу против Испании во времена принца Морица и Вильгельма Молчаливого. Будучи изначально сословием, в первую очередь озабоченным торговлей, а уж во вторую местным управлением и внутренними делами, городской патрициат в 1648 г. сильно приблизился к тому, чтобы стать закрытым сообществом олигархов, приоритеты которого оказались расставленными с точностью до наоборот. В 1615 г. бургомистр Амстердама утверждал, что городские правители были либо действующими торговцами, либо теми, кто недавно отошел от дел. 37 лет спустя мы видим амстердамских купцов, жалующихся, что их правители больше не являются ни торговцами, ни участниками заморской торговли, «а получают доход от домов, земель и ростовщичества». Другими словами, купцы превратились в рантье. Эта конкретная жалоба является явным преувеличением – достаточно вспомнить хотя бы влиятельных братьев Биккер, торговцев и правителей Амстердама, инспирировавших оборону города от принца Вильгельма II в 1650 г. и чьи коммерческие связи охватывали большую часть земного шара. Более того, некоторые правители городов всегда жили в основном на доходы от недвижимости и только часть своего времени посвящали торговле и коммерции. Тем не менее сетования 1652 г. отражают тот факт, что многие члены правящего сословия

переключились с активного участия в торговле на проживание за счет доходов от земли, инвестиций и ренты – вдобавок к своему более скромному государственному жалованью. В течение XVII в. такая тенденция становилась все более очевидной, и наследники купцов-олигархов 1630-х гг. превратились к 1690-м в бюргеров-олигархов. Однако следует помнить, что к 1650 г. быть членом городского совета Амстердама означало для тех, кто занимал эту должность, полную занятость. Купцы, заседавшие в городском совете, вряд ли могли уделять много непосредственного внимания своим собственным делам. Разделения исполнения служебных обязанностей и прямого участия в торговых операциях было не избежать. Однако, даже если правители становились рантье и в целом или по большей части чиновничьим сословием, они по-прежнему оставались тесно связаны – через инвестиции и семейные узы – с состоятельными городскими банкирами и, таким образом, были прекрасно осведомлены, что благосостояние Семи провинций зависит в основном от заморской торговли. Родственные браки между семьями правителей и богатых торговцев, ведущих самостоятельный образ жизни, с течением времени становились все более распространенными, однако этот процесс шел не так быстро. Торговым семьям приходилось жить на широкую ногу многие годы, возможно одно-два поколения, до тех пор один из их членов смог посредством вступления в брак попасть в городской патрициат и таким образом получить доступ сначала к нижним, а с течением времени и высшим постам в городском правлении.

Как указывалось в предыдущей главе, различия между отдельными провинциями были в некоторых случаях столь значительны, что обобщения относительно социальной структуры Голландской республики просто не могут не вводить в заблуждение. Но поскольку провинция Голландия, безусловно, являлась наиболее значительной в Семи провинциях и поскольку данная работа посвящена в основном Голландской республике, как морской империи, мы продолжим игнорировать фермеров-джентльменов Фрисландии, сквайров Гелдерланда и фермеров-арендаторов Оверэйссела, дабы сконцентрировать свое внимание на правителях, торговцах и моряках Голландии и Зеландии.

Переход от торговой олигархии к олигархии рантье, который занял в провинции Голландия большую часть XVII столетия, иллюстрируется тремя поколениями Яна де Витта – «истинного голландца», как описал его Уильям Темпл, и одного из величайших нидерландцев всех времен. Его семья была представлена в городском совете Дордрехта с конца

XV в., и они достигли еще более высокого положения после 1572 г., когда примкнули к Вильгельму I и выбрали кальвинизм. Родившийся в 1545 г., Корнелис де Витт унаследовал от своего отца торговлю строевым лесом, которой он продолжал управлять лично, хотя посвящал ей не все свое время. В 1575–1620 гг. он неоднократно становился олдерменом и бургомистром Дордрехта, представителем провинции Голландия в адмиралтействе Зеландии в 1596–1599 гг. и стал крупнейшим вкладчиком в зеландском отделении VOC в 1602 г. Три его сына, Андрис, Франс и Якоб, в молодости изучали юриспруденцию и ездили за границу, чтобы подготовиться к последующим государственным и муниципальным должностям, – практика, ставшая общим правилом для сыновей правителей. Хотя Якоб продолжал в течение нескольких лет вести дело своего отца, он уже побывал казначеем Дордрехтского синода в 1618 г., а затем, после кончины отца в 1622 г., занял его место в городском совете. С тех пор он все более погружался в свои служебные обязанности и где-то между 1632 и 1651 гг. совсем отошел от семейного дела. Он неоднократно служил олдерменом и бургомистром, представлял Дордрехт в Голландских и Генеральных штатах, состоял членом многих правительственных комитетов, в 1644 г. стал дипломатическим представителем в Швеции, а в 1650 г. известным противником Вильгельма II.

Якоб де Витт, хоть и подвергавшийся насмешкам своих политических оппонентов за происхождение из семьи выскочек, определенно чувствовал себя вполне оперившимся членом правящего сословия, и ему приписывают замечание, что «пока бюргер мал, ему и следует оставаться таким». Также он был типичным представителем набожного правящего

сословия в том, что, оставаясь усердным прихожанином церкви и прилежным читателем Библии, руководившим домашними богослужениями для своей челяди, он решительно выступал против вмешательства церкви в любые политические дела. Его самый знаменитый сын Ян де Витт, хоть и не такой нарочито набожный, следовал принципам своего отца и всю жизнь являлся защитником власти и привилегий правящего сословия. «Некомпетентным и посредственным людям» нечего делать в правительстве и администрации, «которые должны быть оставлены лишь компетентным людям», категорически заявлял он. Ян де Витт вместе со своим братом Корнелисом получил прекрасное классическое образование в знаменитой школе Дордрехта и читал юриспруденцию в Университете Лейдена, хотя ученую степень получил в гугенотском Университете Анже. Не пренебрегал он и физическими упражнениями, что помогало ему, сильному от природы человеку, выдерживать утомительные часы на службе и бумажную работу, с которой ему пришлось справляться несколько последних лет. Он замечательно знал французский и приобрел некоторые знания в английском, немецком и итальянском языках. Также он был исключительно одаренным в математике человеком и написал трактат о пожизненной ренте (в 1671 г.), что позволяет считать его основателем науки страхования.

В 1645–1647 гг. молодые братья де Витт предприняли то, что Ян назвал *den grooten tour* – «большим турне» большей частью по Франции и частично по Англии – после краткого визита к своему отцу в Стокгольм. Вернувшись домой из своих странствий, оба брата оказались достаточно подготовленными для адвокатской практики; но тогда как Корнелис остался в Дордрехте, где его избрали олдерменом, и решил следовать по стопам карьеры отца, Ян, после того как он создал успешную адвокатскую практику в Гааге, стал сначала пенсионарием Дордрехта (в декабре 1650 г.), а затем великим пенсионарием Голландских штатов (в июле 1653 г.). Его женитьба в 1655 г. на богатой невесте, Ванд еле Биккер, обеспечила ему близкие и выгодные связи с ведущими членами правящих семей, уже многие годы контролировавших городской совет Амстердама. Карьера его отца как государственного деятеля слишком хорошо известна, чтобы повторять ее здесь; однако, возможно, стоит упомянуть, что, хотя вся его карьера являлась исключительно должностной, а его деньги инвестировались в основном в правительственные долговые обязательства, в число его друзей входили амстердамский банкир-торговец Жан Дойч и лейденские промышленники, братья де ла Кур. Довольно зажиточный еще в начале своей карьеры, после смерти он оставил наследство в полмиллиона флоринов – как результат своего экономного образа жизни и прозорливых инвестиций капиталов, своих и жены.

Семья де Витт из Дордрехта типична тем, что они были правителями города на протяжении нескольких поколений, однако более внезапные взлеты к высшим должностям муниципальной власти не были столь уж редким явлением до того, как правители превратились в закрытое и увековеченное общество рантье-олигархов. Франс Баннинг Кок, центральная фигура «Ночного дозора» Рембрандта, который в 1650 г. стал бургомистром Амстердама, происходил из семьи выскочек. Хирург и ученый Николас Тульи, также знакомый нам по другому полотну Рембрандта, «Урок анатомии», тоже был человеком незнатного происхождения, поднявшимся до должности бургомистра Амстердама. Однако с наступлением XVII в. такие случаи происходили все реже, и еще более редко в XVIII в. Кроме того, хоть и можно с некоторыми допущениями утверждать, что сословие правителей выросло из торгового, это могло и не быть общей тенденцией, особенно в отношении более мелких городов. Сама по себе проблема происхождения правящего сословия и его постепенной эволюции в бюргерскую олигархию еще требует более тщательного изучения, как недавно показал в своем углубленном исследовании правящих сословий Голландии XVII в. Д.Я. Роорда.

Каково бы ни было их происхождение, степень, в какой эти бюргеры-олигархи стали четко определенным правящим классом во время правления Яна де Витта – в период «истинной свободы», как называли это время его приверженцы и почитатели, – совершенно очевидна из классического труда «Замечания по устройству Соединенных провинций

Нидерландов» Уильяма Темпла, который прекрасно знал республику в годы, предшествовавшие изданию этой книги (1672).

«Те семьи, что живут в своих родовых поместьях всех крупных городов, являются людьми, обладающими воспитанием и манерами отличными от торговцев, хотя и походят на них скромностью одежды и привычек, а также бережливостью. Их молодежь воспитывается в основном в школах и университетах Лейдена и Утрехта, получая общее гуманитарное образование – но главным образом по гражданскому праву своей страны... Если такие семьи богаты, их молодежь после обучения на родине несколько лет путешествует, как и отпрыски нашего дворянства; однако их путь лежит в основном в Англию и Францию, реже в Италию, еще реже в Испанию, иногда в более северные страны, да и то только в компании или в свите дипломатических посланников. Конечная цель их воспитания – сделать этих людей пригодными для служения своей стране в магистратах их собственных городов и штатов провинций. И именно из таких людей состояли в основном гражданские служащие правительственных учреждений, будучи выходцами из семей, которые многократно занимали постоянные должности в магистратах своих родных городов в течение многих лет, а то и веков.

Таковыми были большинство или все главные министры и люди, из которых состояли их основные кабинеты во времена, когда я проживал среди них, а не ничтожные ремесленники или торгаши, как это было принято считать среди иностранцев и что являлось объектом насмешек по поводу их правительства. Это вовсе не исключало того, что в администрациях их городов и среди депутатов штатов зачастую можно было увидеть купцов или оптовых торговцев, как не исключало и вложение некоторыми штатами своих фондов в управление через своих служащих каким-либо весьма прибыльным делом или в торговые дома, специально созданные для этой цели. Однако большинство членов штатов и магистратов совершенно другого сорта; их состояния включают в себя оплату исполняемых ими общественных обязанностей, земельную ренту или проценты от займов канторам (регентам или правителям), акции Ост-Индской компании или доленое участие в экспедициях крупных торговцев».

Нельзя сказать, что эти семьи, привыкшие к работе в магистратах своих городов и провинций, обычно наживали особо большое богатство; жалованье за исполнение общественных обязанностей и проценты были невелики, а доходы от земли и того меньше, редко превышая 2 процента. Они удовлетворялись честью быть полезными обществу, почетом и уважением своих городов и страны и комфортным существованием. Последнее редко нарушалось благодаря экономному образу жизни, который, будучи (как я полагаю) первоначально необходимым, перерос в общепринятый, но по-прежнему почетный среди них.

Мощный рост и чрезмерное обогащение наблюдались в среде купцов и торговцев, чьи усилия были целиком приложены именно в этом направлении, и кто больше довольствуется столь малым участием в управлении, желая лишь гарантированности своего имущества, не беспокоясь ни о чем, кроме своего благосостояния и ведения дел, обращая свободное время и мысли на поиски увеселений. И все же они, достигнув значительного состояния, предпочитают воспитывать сыновей подобающим образом, а дочерей выдавать замуж в семьи наиболее уважаемые в городах и магистратах, таким образом выводя свои семьи на путь правления и почета, который состоит не в титулах, а в служении обществу.

Стоит отметить, что Уильям Темпл ставил отпрысков старой земельной аристократии и титулованного дворянства намного ниже по значимости, чем правящее сословие. Он добавлял, что «они ценят свое благородное происхождение значительно выше, чем люди других стран, где подобные им встречаются намного чаще, и посчитали бы себя совершенно опозоренными браком с людьми не их положения, хоть это и должно было принести их благородной семье состояние за счет богатств плебеев». Другими словами, голландская земельная аристократия – там, где она еще сохранилась, – была еще более закрытым обществом, как во Франции, Испании и Португалии, в отличие от относительно открытой

аристократии, такой как в Англии, где смешанные браки с недавно обретшими дворянство семьями людей, создавших свои капиталы посредством торговли, на государственной службе или в юриспруденции, были более распространены. Как правило, голландские аристократы не являлись крупными землевладельцами, и даже самые большие поместья в Фрисландии нельзя было сравнить с бескрайними владениями земли, принадлежавшими множеству других европейских земельных аристократов от Польши до Португалии. Уильям Темпл резко осуждает склонность голландского дворянства к подражанию в одежде и манерах французской аристократии, однако признает, что «во всех других отношениях они честны, добродушны, дружелюбны и обладают хорошими манерами; находясь на службе своей стране, они ведут себя с честью и достоинством». В своих предпочтениях они были в основном оранжистами, хотя во времена штатгальтера Вильгельма III (1672–1702) правители всегда могли столкнуться с некоторыми аристократами вроде Якоба ван Вассенара Обдама (Опдама), командовавшего военно-морским флотом Нидерландов в 1655–1665 гг.²⁴, который венценосному правлению предпочел буржуазную республику – то ли по личным убеждениям, то ли из ревности к дому Оранских. Что до социальных отношений старой аристократии и мелкопоместного дворянства с обычными бюргерами, то один английский путешественник записал: «Те, кто ведет рассудительный и умеренный образ жизни и не брезгует знакомством с нижестоящими, пользуются почетом и уважением, тогда как надменных и высокомерных по большей части ненавидят и презирают».

Для всех иностранных путешественников в Соединенные провинции в первые семь или восемь десятилетий XVII столетия стало привычным, что правящее и купеческое сословия и даже (хоть и в меньшей степени) титулованная аристократия, а также армейские офицеры проявляли большую скромность в «поддержании престижа», чем подобные им в других странах. Уильям Темпл отмечал, что Михиела де Рейтера и Яна де Витта, «пользовавшихся уважением других наций – первый как великий флотоводец, а второй как великий государственный деятель своего времени», в повседневной одежде было невозможно отличить соответственно от «самого обычного капитана корабля» и «самого обычного городского бюргера». Их домашние одевались столь же скромно, и, хотя и тот и другой накопили огромные состояния, никто из них не пользовался услугами более чем одного слуги, что дома, что на людях. «Такой образ жизни, – добавляет Уильям Темпл, – был принят не только этими отдельными людьми, но являлся всеобщей манерой поведения или стилем всех государственных служащих: поскольку я говорю не об армейских офицерах, которые считаются слугами государства и имеют другой стиль одежды, хоть и более скромный, чем в других странах». Несомненно, здесь имело место влияние кальвинистской умеренности, и мы еще увидим, что, когда обычные бюргеры из Амстердама и Мидд ел бурга переселились в Восточную и Западную Индию, они могли позволить себе купаться в такой же роскоши и материальном достатке, как и их иберийские предшественники и английские конкуренты.

Многие современники отметили, что в последнюю четверть XVII в. верхняя прослойка среднего класса стала принимать более показной и роскошный образ жизни. Например, холостой сын флотоводца Михиела Адриансона де Рейтера, Энгель, жил на более широкую ногу, чем его отец. Вдобавок к своему прекрасно меблированному дому с двумя слугами-мужчинами, двумя служанками-женщинами и кучером Энгель де Рейтер владел внушительным сельским домом, которым пользовался по выходным дням и в летние каникулы. Точно так же лейтенант-адмирал Корнелис Тромп, сын знаменитого «парусинового» адмирала М.Х. Тромпа, придерживался более высоких жизненных стандартов, чем его отец, «который довольствовался соленой селедкой на завтрак». Через женитьбу Корнелис породнился с правящей семьей и прожил последние годы жизнью «большого сеньора» – между своим городским домом на канале Хееренграхт и роскошно

²⁴ Погиб в Лоустофтском морском сражении 13 июня 1665 г., когда его флагманский корабль загорелся и взорвался.

обставленным сельским домом «Де Тромпенбург» в 'с-Гравеланде в Северной Голландии. Уильям Карр, английский консул в Амстердаме, чье описание Семи провинций было издано там же в 1688 г., поразился заметным ростом жизни на широкую ногу среди правителей и состоятельных бюргеров, произошедшим всего за 16 лет с момента написания Темплом своей знаменитой книги. «Прежний суровый и строгий образ жизни в Голландии теперь почти совершенно вышел из употребления; сейчас очень редко увидишь такую же умеренную скромность в одежде, в питании и жилье, как раньше. Вместо удобных жилищ голландцы теперь строят величественные дворцы, заводят роскошные сады и дома для приятного времяпровождения, держат кареты, повозки и сани, покупают для своих лошадей очень дорогую упряжь с украшенными серебряными колокольчиками уздечками... более того, характер женщин, а также их детей так сильно изменился, что их не устраивает никакая одежда, кроме как самая лучшая и дорогая, какую только могут поставить Франция и другие страны; а их сыновья так пристрастились к азартным играм, что многие амстердамские семьи оказались совершенно разорены».

Критика Карра и других современников, которых также можно было бы процитировать на эту тему, относится в основном, если не исключительно, к провинции Голландия, а более всего – к богатой буржуазии Амстердама и Гааги. На эту конкретную часть голландского общества кальвинизм никогда не накладывал особо заметного отпечатка, как на все остальные его слои, и богатые молодые люди, совершившие «большое турне», несомненно находились под влиянием того, что видели в Англии и (более всего) во Франции. Другим фактором, который мог послужить стимулом к демонстрации богатства, было, возможно, возвращение людей, сколотивших себе состояние в Восточной Индии. Эти голландские эквиваленты и предтечи английских «набобов» XVIII столетия уже привыкли к роскошному образу жизни в тропиках и после возвращения домой вряд ли были склонны приспособливаться к пуританскому существованию. Как бы то ни было, голландская архитектура и искусство того периода четко отражают такие перемены, хотя голландские правящие сословия всегда оставались менее экстравагантными, чем английская и французская аристократия. Уильям Карр достаточно объективно подвел итог ситуации, когда отметил, что, хотя голландцы «не были склонны к такому мотовству и распутству, как англичане... тем не менее серьезные и умеренные люди Голландии крайне чувствительно относятся к таким серьезным переменам, происходящим теперь в их стране».

Один из таких «серьезных и умеренных людей Голландии» бил тревогу еще тогда, когда Уильям Темпл восхищался экономностью и скромностью голландского правящего сословия. В 1662 г. анонимный памфлетист сетовал на то, что мелкие владельцы магазинов, портные, сапожники, трактирщики и их почтенные жены одеваются теперь в такие роскошные бархатные и шелковые одежды, что трудно отличить худородных людей от стоящих выше их по социальному положению. Дошло до того, сетует он, что «господин Простолюдин считает, будто имеет право носить все, что ему заблагорассудится, пока он в состоянии за это платить». Точно так же некоторые мелкие торговцы и ремесленники обставляют свои дома на манер совершенно не соответствующий их скромному образу жизни. «Разве можно снести такое, – возмущенно вопрошает аноним, – когда видишь комнату или гостиную портного, обитую гобеленами или тисненной золотом кожей? Или – то тут, то там – торговца тканями или ремесленника, украшающих свой дом так, словно он принадлежит дворянину или бургомистру?» Автор призывает положить конец такому неестественному положению при помощи введения ограничивающих расходы законов, позволяющих использование бархатных и шелковых одежд исключительно верхней прослойке среднего класса и обязывающих рабочеe сословие носить только «сукно и т. п.». Верхнюю прослойку среднего класса аноним обозначил как состоящую из правителей, должностных лиц, административно-судебных чиновников, шерифов и их заместителей (бейлифов), казначеев и прочих старших чиновников, а также купцов и торговцев, обладающих капиталом от 40 до 50 тысяч гульденов и «соответственно облагаемых налогом». Он полагает, что врачи и адвокаты могут быть приравнены к должностным лицам,

однако поверенные и нотариусы находятся уровнем ниже и приравниваются к клеркам и подчиненным шерифа. Владельцы магазинов, мелкие торговцы и младшие чиновники собраны в нижнюю прослойку среднего класса, который, с точки зрения автора, немногим выше ремесленников. Автор признает, что армейские офицеры представляют собой отдельный класс, но заходит в тупик при определении класса для художников и актеров. Многие из них склонны к *dol van geest* – сумасбродству, хотя некоторые из вышеупомянутых «наделены искрой божьей в искусстве и умственных способностях». Дальнейшие предложения этого анонимного памфлетиста не имеют к нам отношения, однако его сочинение представляет интерес как отражение остроты классового сознания, которое пронизывало общественную жизнь в золотой век Голландской республики и которое еще более усилилось в следующем столетии.

Степенное и благоразумное поведение, исключавшее банкеты и пьянство высшего сословия в первой половине XVII столетия, и их глубокое почитание финансовой платежеспособности вовсе не означали, что им были неведомы кумовство, взяточничество и коррупция. Наоборот, они являлись неотъемлемой частью социальной структуры, хотя будет только честным отметить, что эти пороки были не более злостными, чем повсюду в Европе, несмотря на заверения некоторых иностранцев в обратном. Сдерживать подобную порочную практику в рамках помогало то, что ее было можно относительно легко выставить напоказ в той объемистой памфлетной литературе, которая стала столь характерной чертой Семи провинций. Властям редко удавалось полностью контролировать решительно настроенных памфлетистов в силу масштабов имевшейся децентрализации управления и взаимного соперничества суверенных провинций. Запрещенные в одном городе памфлеты часто могли быть переизданы в другом.

Разумеется, открытая критика прессы не предотвратила такие скандалы, как использование правителями Амстердама своего служебного положения ради получения возмутительно большой прибыли от продажи земли при расширении города в 1615 г., или обогащение правителей Хорна во время депрессии 1619 г. за счет бедняков и простолюдинов, или расхищение членами адмиралтейства Роттердама государственных средств в 1626 г. Также весьма сомнительно, чтобы открытое обвинение во взяточничестве и коррупции, выдвинутое делегацией Зеландии против Генеральной Ассамблеи 1650 г., произвело на официальные круги более чем мимолетный эффект. Депутаты наверняка имели в виду Корнелиса Муша, Griffier – доверенное лицо Генеральных штатов, чья ненасытная жадность при вымогательстве взяток была притчей во языцех. Он не колеблясь предоставил послу Португалии копии всех секретных донесений и конфиденциальных постановлений, которые потребовались последнему. Несколько лет спустя Джордж Даунинг, неразборчивый в средствах английский представитель в Гааге, подтвердил, что «здесь трудно сыскать хоть кого-то, кто попал в Генеральные штаты не для того, чтобы составить себе на этом состояние и оказаться подкупленным».

Ранее цитировавшийся португальский посланник Соуза Коутиньо показывает нам забавный образец того, как подвергалась искушению определенная личность, женатая и имевшая много детей. Во время визита вежливости к такому человеку и обсуждения рассматриваемого вопроса «некто дает упасть, якобы случайно, драгоценному камню стоимостью примерно в тысячу крузато²⁵ (плюс-минус некоторая сумма, в зависимости от поста и положения этого человека) в руку одного из его детей». Отец не заставляет ребенка вернуть драгоценность, и таким образом «лицо» сохранено. Возможно, исключения в виде честных граждан встречались намного чаще, чем готовы признать неприязненные критики, и французский посол д'Эстрад, несомненно, преувеличивал, когда написал, что «кроме М. де Витта там нет никого, кого деньги не могли бы переубедить». Однако, если «идеальный голландец» пользовался репутацией исключительно честного человека, когда дело касалось

²⁵ Крузато – старинная португальская монета, чеканившаяся в XV–XIX вв.

интересов его страны, ему было намного сложнее игнорировать родственные и дружеские связи, когда подходящие кандидаты на какой-либо пост просили его использовать свое влияние ради них. И даже при всем при этом услуги, которые он оказывал в таких случаях своим родственникам и политическим друзьям, никогда не принимали размеров крупного скандала.

Чего нельзя сказать о многих современниках де Витта, и кумовство неизбежно укоренилось в олигархической системе Голландской республики. Как и правящие сторонники «истинной свободы», так и штатгальтеры из дома Оранских были в равной степени замешаны в практике определения своих покладистых приверженцев на ключевые позиции или на прибыльные посты, если только это можно было сделать, не вызывая излишнего скандала, а порой даже не обращая на него внимания. В долгосрочной перспективе кумовство, вероятно, принесло государству больше вреда, чем взяточничество и коррупция. Естественно, оно вызывало все большее недовольство и постепенно размежевало интересы правящей олигархии и среднего и низшего сословий. Наиболее скандальные черты этого кумовства правителей отразились в соглашении членов городского совета по очереди назначать своих друзей и родственников на государственные и общественные должности. Сначала устные, а потом и письменные, эти «договоры очередности», относительно редко встречающиеся в XVII в., в XVIII стали все более распространенным явлением. И хотя люди со способностями не обязательно оказывались отстраненными от управления из-за подобной системы патронажа, остается фактом, что основной критерий для кандидата определялся не столько его качествами, сколько семейными связями. Другими словами, общественные должности в Голландской республике – и, если уж на то пошло, повсюду, хоть и по разным причинам, – стали рассматриваться как частная, в той или иной степени покупаемая или продаваемая, семейная собственность. Как писал в 1740 г. один долго проживший в Голландии англичанин: «Их правительство аристократическое, поэтому столь восхваляемая свобода голландцев не должна пониматься в общем и абсолютном смысле, а только в *sum grano salis* – ироническом. Бургомистры и советы обеспечивают суверенитет городов; а когда из-за смерти кого-то из них освобождается вакансия, бургомистр крайне оскорбился бы, если вдруг какой-то нахальный бюргер вздумал бы возмущенно роптать по поводу занятия ее кем-то из сыновей бургомистра или его родственников».

Хотя в XVIII в. правящая олигархия все более отстранялась от простых бюргеров, было бы неправильно делать слишком сильный акцент на пропасти, разделявшей правителей и находящихся под их управлением в более ранний период. Общеизвестно, что многие – возможно, большинство – из правителей золотого века согласились бы с Якобом и Яном де Виттами, что маленькому человеку таким и следует оставаться и одни лишь правители обладают способностью править своими соотечественниками. Но, несмотря на возмущение, которое вызывала подобная аристократическая заносчивость, и несмотря на широко распространенное восхищение домом Оранских, остается фактом, что большую часть времени люди были готовы мириться с правителями, как со своими естественными лидерами. К дому Оранских они обращались только во времена серьезных опасностей, таких как французские вторжения 1672 и 1748 гг. Как отмечают некоторые голландские историки, многие большие группы населения республики – хоть и не такие крикливые, как кальвинистские экстремисты или убежденные оранжисты, – имели все причины предпочитать правящую олигархию ее непосредственным противникам. Католики, ремонстранты и инакомыслящие протестанты в целом, которые в совокупности составляли, возможно, две трети населения (на 1662 г.), осознавали, что правители были их основным бастионом против нетерпимых *predikanten* – духовенства «истинной реформированной христианской религии». Дай волю этим фанатикам, и они установили бы верховенство ортодоксальной кальвинистской церкви над относительно веротерпимым государством.

Не только правящее сословие настороженно относилось к династическим амбициям и монархическим наклонностям, демонстрируемым порой домом Оранских. Примечательно, что при нападении Вильгельма II на Амстердам в 1650 г. все население города без колебаний

стало на сторону олигархов, братьев Биккер. Даже во времена Яна де Витта и «истинной свободы» правителям приходилось все же учитывать общественное мнение, чему был свидетелем Уильям Темпл, написавший, что «путь к должности и власти лежит через качества, заслуживающие признания народа». Хотя позднее правители превратились в непредставительное меньшинство, большинство соотечественников не оспаривало их многолетнее право на управление, раз они правили Голландской республикой в величайший период ее истории.

Для современников и потомков одним из самых впечатляющих проявлений смелого коммерческого предприятия послужил взлет Вест- и Ост-Индской компаний, даже притом что экономическая значимость этих двух больших торговых корпораций на самом деле была меньше, чем будничное фрахтовое дело в Западной Европе и рыболовство в Северном море. Торговля зерном на Балтике была, как отметил в 1671 г. де Витт, «источником и основой наиболее значимой коммерции в этих землях». В начале XVII в. в этой торговле участвовало около 1200 голландских судов, и за первую половину того же века количество прошедших через пролив Зунд голландских кораблей превосходило число английских в соотношении примерно 30 к 1. Уже к 1666 г. в торговле на Балтике было задействовано почти три четверти активного капитала Амстердамской биржи. Рыболовство в Северном море – лов сельди, пикши, трески и щуки – в 1580–1639 гг. также называлось «наиважнейшим промыслом и основной золотой жилой» Соединенных провинций. Примерно 40 лет спустя де ла Кур утверждал, что в этом промысле участвовало более тысячи рыболовецких судов грузоподъемностью от 48 до 60 тонн. Он подсчитал, что в рыбной индустрии, вместе с ее вспомогательными производствами, было занято примерно 450 тысяч человек по сравнению с 200 тысячами, задействованными в сельском хозяйстве, и около 650 тысяч в остальных производствах. Оценки стоимости улова варьируются в широком диапазоне, однако де ла Кур приводит цифру (на 1662 г.) 8 миллионов флоринов (почти миллион фунтов), что, вероятно, не так далеко от истины. Рыбная промышленность строго контролировалась посредством правил, установленных гильдией и правительством, обеспечивающим высокий стандарт качества для бочковой сельди в рассоле на экспорт, а также свежей и копченой рыбы, которой питались по всей стране, где только богатые могли позволить себе мясо более одного раза в неделю. Большую часть XVII в. Энхкёйзен и Роттердам являлись двумя основными центрами ловли сельди, как Амстердам центром арктического китобойного промысла. Последний был организован в 1614–1642 гг., как монопольная Северная компания, а впоследствии – и более успешно – как свободное предпринимательство, когда Генеральные штаты отказались возобновлять монопольные привилегии компании.

Провал грандиозных планов Северной компании представляет собой любопытный контраст с развитием Вест- и Ост-Индской компаний в тот же период времени, хотя позднее для WIC добром это не кончилось. Как и другие образования Голландской республики, эти две компании несли на себе печать олигархии, которая со временем становилась все более заметной. Их создание и первоначальное становление также иллюстрируют взаимодействие торгового и правящего сословий и усиливающуюся роль амстердамских капиталистов и инвесторов в заморской торговле.

Каждое из шести региональных отделений Ост-Индской компании имели совет директоров, изначально идентичных местным директорам объединенных компаний-первопроходцев, пожизненно занимавших свои посты. Когда директор умирал или, крайне редко, выходил в отставку, его коллеги-директора представляли список из трех кандидатов местным представителям штатов провинции, которыми обычно являлись заинтересованные городские бургомистры и которые выбирали одного кандидата на освободившуюся вакансию. Неерен XVII – 17 директоров избирались из региональных директоров, которые, в свою очередь, выбирались из вкладчиков с минимальной долей в 6 тысяч флоринов для региональных советов и 3 тысячи флоринов для подчиненных советов Хорна и Энхкёйзена. Таких ведущих вкладчиков называли *hoofdparticipanten* – основные акционеры. Восемь из Неерен XVII представляли Амстердамский совет, четверо

Мидделбургский, и по одному от каждого из остальных советов. Семнадцатый директор назначался на основе ротации из представителей всех советов, за исключением Амстердама.

Такое несменяемое и олигархическое по своей природе управление вскоре породило сильную враждебную критику как среди обычных вкладчиков, не имевших никакого влияния на политику руководства, так и среди *hoofdparticipanten* – основных акционеров, остававшихся вне узкого круга директоров и их друзей. Когда в 1623 г. был впервые обновлен устав компании, Генеральные штаты предприняли вялую попытку как-то отреагировать на эту критику, постановив, что с этого времени директора могли избираться только на трехлетний срок и что список на заполнение трех директорских вакансий будет подавать комитет, включающий в себя равное количество директоров и основных акционеров. В итоге на практике это мало что изменило. Все вышедшие в отставку директора имели право быть избранными заново, а обладавшие правом голоса основные акционеры не испытывали желания наносить ущерб своим будущим прибылям, восстанавливая против себя действующих директоров. Поэтому отставные директора почти неизменно переизбирались, а вакансии, освободившиеся в результате смерти одного из них, по-прежнему заполнялись из того же узкого круга основных акционеров – порой путем жеребьевки.

Тесные связи директоров с правящим сословием убедительно изображены в 1622 г. одним памфлетистом, повторившим английские и французские сетования по поводу невозможности добиться возмещения действительного или мнимого ущерба, причиненного этим странам на Востоке служащими VOC. «Ибо, – говорят они, – если мы жалуемся правителям или в магистраты городов, то там сидят директора... если в адмиралтейства, то там опять же директора. Если в Генеральные штаты, то и там мы обнаруживаем, что они заседают совместно с директорами». Такие близкие связи директоров с правящим сословием послужили главной причиной того, почему они могли откладывать в долгий ящик или вовсе игнорировать критику недовольных вкладчиков относительно их поведения и укреплять свои позиции никому не подотчетной бессменной олигархии. К 1644 г. Heeren XVII чувствовали себя до того уверенно, что заявили Генеральным штатам: «Поселения и укрепления, захваченные в Восточных Индиях, следует рассматривать не как завоевания государства, а как собственность частных торговцев, которые имеют право продать эти селения кому только пожелают, хоть королю Испании или любому другому врагу

Соединенных провинций». Можно добавить, что после 1634 г. критика в адрес директоров со стороны вкладчиков быстро пошла на убыль, когда Heeren XVII приступили к выплате щедрых годовых дивидендов в звонкой монете. Диапазон выплат составлял от 15,5 до 50 процентов, достигнув в 1715–1720 гг. высшей точки, когда шесть этих лет подряд выплачивались ежегодные дивиденды в 40 процентов.

Вкладчики первоначального оборотного капитала VOC привлекались из всех слоев общества, хотя естественно, что среди них преобладали богатые и состоятельные, по причинам, разъясненным летописцем того времени относительно успешности экспедиции ван Нека: «Прибыль эта предназначалась для богатых и влиятельных людей, которые могли позволить себе вложения капиталов на длительный срок; обычный же человек не мог замораживать свой ежедневный доход так надолго, и подобные люди поступали с большей пользой, вкладывая свои деньги в торговлю с соседними странами». Высшие чиновники, городские советники, богатые купцы и торговцы-капиталисты внесли основную массу капитала, и сумма вкладов ранжировалась от 10 до 85 тысяч флоринов. Среди первых инвесторов заметно выделялись эмигрировавшие из Антверпена и Южных Нидерландов банкиры-торговцы, и к концу десятилетия их финансовый перевес стал еще более ощутимым. С течением времени эти богатые эмигранты растворились в правящем сословии, и крупные акционеры перекупили большую часть долей мелких инвесторов. Одновременно амстердамские инвесторы, внесшие больше половины первоначального оборотного капитала компании, протянули свои щупальца к другим региональным палатам. К концу XVII в. 108 амстердамских вкладчиков контролировали около трех восьмых акционерного капитала

палаты Зеландии и более половины всего капитала, которым владела VOC в Амстердаме.

Помимо финансового доминирования в VOC Амстердам также имел огромное и все более возрастающее влияние на управление делами компании и ее политику. Влияние это упрочил Питер ван Дам, занимавший пост поверенного компании в Амстердаме с 1652 г. вплоть до своей смерти в 1706 г. В 1688 г. постоянный английский консул сравнил шестидесятилетнего адвоката с великим Яном де Виттом «за его участие в деле, хоть и не столь значимое в политике».

Это неутомимый высокопоставленный служащий, денно и нощно трудящийся на благо компании. Он более чем дважды читает гроссбухи, поступившие из Индии, и на их основе подготавливает проект вопросов, которые необходимо обсудить большим советом семнадцати и подчиненными комитетами компании, а также приказы для отправки их руководящим чиновникам в Индиях». То, что Уильям Карр ничуть не преувеличивает, доказывает всестороннее описание компании и ее деятельности, которое с 1693 по 1701 г. ван Дам составлял для секретного и личного использования директорами VOC. Этот объемистый многотомный рукописный труд держали подальше от посторонних глаз, и он оставался *vade-mecum* – руководством для всех последующих поколений директоров компании, вплоть до ее роспуска в 1795 г.

То, насколько правящее сословие в некотором роде отделилось от купеческого, отразилось на составе директоров VOC. Несмотря на то что в 1644 г. Heeren XVII заявили Генеральным штатам, что компания является собственностью частных торговцев, в 1743 г. правители, занимавшие кресла в Heeren XVII, приняли резолюцию, что торговцам в конце концов может быть дозволено становиться директорами! Из 24 правителей, занимавших посты бургомистров Амстердама в 1718–1748 гг., только двое занимались активной торговлей – поразительный контраст с составом городского совета столетней давности. Надо сказать, что контраст становится менее разительным, если вспомнить, что после 1650 г. работа муниципального советника требовала полного рабочего дня. Деятельные купцы вряд ли смогли бы одновременно служить бургомистрами и уделять серьезное внимание своей коммерческой деятельности. Но опять же, в этом вопросе не стоит проявлять категоричность. *Coup d'état* – государственный переворот, совершенный оранжистами и приведший к власти другую группу правителей, – имел результатом баланс сил более выгодный для коммерческих интересов. С 1752 по 1795 г. из 30 бургомистров Амстердама 13 являлись активными или недавно отошедшими от дел торговцами, а остальные имели прочные семейные связи с коммерческими предприятиями. Также стоит отметить, что должность бургомистра Амстердама – с первого и до последнего – почти всегда занимал один из директоров VOC.

Вест-Индская компания также несла на себе олигархическую отметину и имела тесные связи с правящим сословием, хотя один из самых ранних ее обличителей, неутомимый памфлетист Виллем Усселинкс, тщетно пропагандировал, что «никакой чиновник не должен быть директором и никакой директор не должен быть чиновником в одно и то же время». В составе правления Heeren XIX Амстердам представляли восемь директоров, Зеландию четыре, а остальные три палаты по два; девятнадцатый директор представлял Генеральные штаты. Как и Heeren XVII, Heeren XIX шесть лет подряд заседали в Амстердаме, а следующие два года в Мидделбурге. Первые директора были выбраны правителями пяти городов, где имелись провинциальные палаты, среди ведущих акционеров с минимальным вкладом в 6 тысяч флоринов для Амстердама и 4 тысячи для остальных. Вакансии заполнялись точно так же, как в VOC, в результате консультаций и кооптаций между городскими правителями и директорами соответствующих палат. Мелкие инвесторы оставались более важным фактором в WIC намного дольше, чем в родственной компании. Что было особенно заметно в Зеландии, где в 1648 г. отмечалось, что более 50 жителей Мидделбурга, Флиссингена и Вере являются вкладчиками WIC.

Как это было и в старшей компании, правила, относящиеся к периодическому общественному аудиту, сверке счетов и обнародованию балансовых отчетов, директора или

игнорировали, или уклонялись от них. В обоих случаях в результате укреплялась власть директоров – партнеров-вкладчиков; хотя в случае WIC ведущие акционеры устраивали собственные заседания и могли оказывать большее влияние на своих директоров. Сравнение имен директоров обеих компаний до 1636 г. показывает, как и следовало ожидать, что некоторые видные купцы-олигархи – такие, как Биккеры из Амстердама и Лампсины из Флиссингена, – были представлены в обоих акционерных обществах. И хотя наблюдался значительно меньший энтузиазм по поводу WIC среди торговцев Амстердама в 1622 г., чем они проявляли в отношении VOC 20 годами раньше, тем не менее 83 ведущих вкладчика из Амстердамской палаты WIC внесли более миллиона флоринов, что составляло больше трети общего вклада города. Что касается VOC, то амстердамцы позднее расширили свое влияние через покупку долей в других региональных палатах. К 1670 г. более половины общего капитала WIC принадлежало Амстердаму, и этот город переводил деньги в другие палаты.

Колонизация пригодных регионов особо оговаривалась в уставе WIC от 1621 г., однако эта компания с самого начала предназначалась в качестве наступательного оружия для агрессии против источников иберийского могущества в Новом Свете. Вскоре WIC оказалась задействована в завоевании всей – или хотя бы части – Бразилии; и в результате военно-морские военные расходы значительно превзошли прибыль, полученную от экспорта сахара и других товаров с непрочно удерживаемых южноамериканских территорий. Захват Питом Хайном мексиканского «серебряного флота» в 1628 г. позволил Heeren XIX заявить в 1629–1630 гг. о необычайно больших дивидендах в 75 процентов, однако компании до своего роспуска в 1674 г. удалось выплатить их всего один-два раза. Ближе к 1650 г. западноафриканская торговля, особенно в части гвинейского золота, принесла хорошую прибыль, но вся она потонула в бразильской финансовой трясине. При реорганизации компании в 1674 г. инвесторы получили только 30 процентов своих вложений, однако ее кредиторам выплатили все полностью, и обновленная компания все еще могла зарабатывать деньги с прибылью 4 процента в 1694 г. К тому времени она стала заниматься в основном работоторговлей, вывозя негров из Западной Африки в Западные Индии, где остров Кюрасао стал идеальной базой для контрабандной торговли с Испанской Америкой.

Мы уже упоминали, что организация WIC была сохранена до тех пор, пока не произошло убийство Олденбарневелта (Олденбарневелде) по сфальсифицированным обвинениям и не восторжествовал воинствующий кальвинизм, или партия контрремонстрантов, в которой имелось многочисленное представительство эмигрантов из Южных Нидерландов. По этой и другим причинам WIC несколько лет являлась оплотом этой партии в Голландии и намного дольше в Зеландии; однако менее пылкие протестанты – так называемые арминияне и либертарианцы – всегда присутствовали как среди директоров, так и вкладчиков. На протяжении 1630-х и 1640-х гг. эти последние взяли верх в Голландии;

хотя не позже чем в 1649 г. бургомистр Амстердама Биккер, который за много лет до этого продал свои доли в WIC на пике их стоимости, сказал о наполовину обанкротившейся компании: «Пусть эти брабантцы и валлоны теперь увидят, какие баронства они собираются извлечь из нее!» Однако внутренние потрясения и неурядицы, которые так сильно способствовали краху Вест-Индской компании, были вызваны не столько отсутствием сотрудничества между кальвинистами и либертарианцами в совете директоров, сколько провинциальной ревностью между Голландией, и особенно Амстердамом, и Зеландией. Что отразилось в памфлетах того времени, столь же многочисленных, сколь и оскорбительных, в адрес WIC, тогда как печатная критика Heeren XVII, то есть VOC, после 1625 г. фактически исчезла на целых 150 лет.

Одна из причин критики, с которой часто обрушивались на служащих обеих компаний оставшиеся дома современники, состояла в том, что служившие в Восточных и Западных Индиях были по большей части людьми низкого происхождения. Такое утверждение бытовало не только в среде язвительных памфлетистов, но и периодически служило темой переписки директоров со своими высокопоставленными представителями в Батавии и Ресифи. Знаменитый исследователь ислама XIX в., Христиан Снук-Хюргронье, обладал

прекрасными знаниями этих источников, когда давал характеристику двухсотлетнему пребыванию Ост-Индской компании на Востоке в следующих резких выражениях: «Первый акт нидерландско-индийской трагедии носит название «Компания», и он начинается практически одновременно с XVII веком. Главные действующие лица заслуживают нашего восхищения за свою неукротимую энергию, но цель, ради которой они трудились, и средства, которые они использовали ради ее достижения, были такого рода, что мы, даже при полном понимании того, что их деяния и поступки следует судить по стандартам того времени, с трудом можем подавить свое отвращение. «Эксперимент» начался таким образом, что обитатели Азии столкнулись с отребьем голландской нации, которое обращалось с ними с невыразимым презрением и чьей задачей было приложить все усилия для обогащения кучки вкладчиков на родине. Служащие этой фрахтовой компании, слишком скупно оплачивавшиеся своими работодателями, но не менее алчные, чем последние, во всей красе продемонстрировали такую картину морального разложения, которая затмевает самое худшее, в чем обвиняют в данном отношении восточные народы».

В следующих главах я надеюсь показать, что такое поспешное суждение не совсем справедливо и что на Восток отправились не только отбросы голландского общества. Однако нельзя отрицать, что обвинение Снук-Хюргронье содержит огромную долю правды. VOC, как и португальская корона до нее и как соперничавшие с ней английские и французские компании, платила – за редким исключением – всем своим служащим такое мизерное жалованье, что они не имели возможности прожить на свое денежное содержание. Таким образом, они были вынуждены прибегать к более или менее нечестным мерам ради того, чтобы заработать на жизнь. Более того, лишения шести- или восьмимесячного путешествия, опасность проживания в тропических странах, когда практически ничего не знали о профилактике и лечении таких смертельно опасных болезней, как малярия, холера, проказа и дизентерия, естественно отпугивали подавляющее большинство людей, которые могли найти какую-либо работу дома, от того, чтобы попытаться свою судьбу в Восточных и Западных Индиях. Отвращение голландцев из средней прослойки верхнего и среднего сословий к службе в монополистической торговой компании также помогает объяснить, почему директора редко могли позволить себе производить отбор подчиненных, а были вынуждены обходиться теми, кого могли заполучить. То, что Дэвид Хэнни написал о служащих Британской Ост-Индской компании XVII в., в равной степени применимо к их современникам и конкурентам из VOC: «Нет ничего более распространенного или более абсурдного, чем контраст между обильными заверениями компании, будто она абсолютно уверена в добродетелях господина А., только что назначенного в ту или иную факторию, и гневными обвинениями в возмутительной нечестности в его же адрес, написанными, возможно, в течение года и дня»²⁶.

Высшие чины VOC и WIC за границей назначались в основном из представителей средней и низшей прослоек бюргерского сословия с небольшим вкраплением людей из городского патрициата. Обращает на себя внимание отсутствие представителей земельной аристократии. Хендрик Адриан ван Редде тот Дракестейн, владетель Мейдрехта, губернатор Малабара в 1669–1677 гг., являлся одним из немногих исключений. Директора часто находили работу для своих – в основном более бедных – друзей и родственников, готовых попытаться счастья в Индиях; но в общем и целом, по приведенным выше причинам, лучшие представители голландских сословий предпочитали искать работу поближе к дому и поступали на службу в этих двух индийских компаниях только в случае крайней нужды. Из чего становится ясным, почему компании нанимали так много иностранцев. Но это также означает, что способным и целеустремленным людям было несложно подняться вверх по служебной лестнице, поскольку в обеих компаниях, несмотря на неизбежное кумовство, в основном работало правило «*Carriere ouverte aux talents*» – «Карьера открыта для

²⁶ Правило года и дня – это общий период времени для установления различий в правовом статусе.

способных». Это доказывают многочисленные примеры людей, поступивших на самую низовую – а порой и черную – работу и поднявшихся до самых высоких постов. Антони ван Димен, обанкротившийся делец, который поступил на службу солдатом и стал генерал-губернатором Батавии в 1636–1645 гг.; Франсуа Карон, корабельный кок, ставший там же генеральным директором в 1647–1650 гг., – вот только два примера людей, поднявшихся к вершинам власти исключительно благодаря собственным достоинствам и усердию. Двое из наиболее известных генерал-губернаторов Батавии в XVIII в., Якоб Моссел (1750–1761) и Ренье де Клерк (1777–1780), начали свою карьеру с простых матросов на службе Ост-Индской компании.

Вместе с тем скандальная карьера сына правителя Зеландии, Питера Нюйта, заявившего, что «он приехал в Азию не для того, чтобы жрать сено», и получившего от компании 18 тысяч флоринов после того, как его с позором сняли с должности в Батавии за превышение должностных полномочий в Японии и на Формозе (в 1627–1630 гг.), показала, что тем, кто обладал влиятельными семейными связями, все сходило с рук. Возможно, что не было существенной разницы между людьми, поступившими на службу в Ост- или Вест-Индскую компанию, и тем не менее один из многочисленных служащих, который работал на обе компании, в 1655 г. заявил, что старшие чиновники WIC представляли собой сборище «пьяных идиотов», которых родственная компания на Востоке никогда не назначила бы на высокие посты.

И если в общем и целом служащие обеих компаний оставляли желать много лучшего, то все же здесь имелись достойные исключения. Хотя подавляющее большинство голландцев, как и их португальских предшественников, а также их английских и французских конкурентов, отправились на Восток (или Запад), чтобы «потрясти дерево пагоды»²⁷, всегда находились те, которых заботили не только деньги. Я не вижу причин сомневаться в искренности признания Якоба ван Нека, что всю свою жизнь ему хотелось посмотреть на чужие страны и что это послужило главным мотивом, приведшим его на Восток. То же самое можно сказать о корабельном хирурге, Николасе де Граффе, который, хотя и находясь в счастливом браке и будучи прекрасно устроенным в родном городе, не смог долго сопротивляться зову морей и тропиков. Возможно, подобные люди встречались относительно редко, но ведь были и такие, кто отправился на Восток единственно за деньгами и, будучи очарованным жизнью или местными жителями, записал свои впечатления для потомков. Вышеприведенные замечания, разумеется, применимы в основном к выходцам из буржуазии, чьи мотивы объяснены в их собственных записях и книгах. Теперь нам нужно рассмотреть более многочисленных, но менее образованных представителей голландского общества, которым приходилось зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего.

Глава 3

Оседлые работники и морские бродяги

Хотя достоверная статистика и другие значимые материалы по незанятости являются недостаточными, из ряда описаний Голландской республики времен золотого века очевидно, что развитие экономики и рост национального благосостояния сопровождался значительным обнищанием многих групп работников, как это случилось позднее в Англии во времена индустриальной революции. Что, несомненно, стало результатом революции цен^[28], роста стоимости продуктов питания и жилищного строительства, достигших критической отметки в Северных Нидерландах примерно в середине XVII столетия, тогда как заработная плата, как обычно, отставала от растущих цен. Другими способствующими этому факторами, как и повсюду, могли стать резкий рост населения в городах (особенно в Амстердаме) и

²⁷ Мифическое дерево, якобы приносящее пагоды, старинные индийские монеты.

периодическое смещение зон торговли из-за участия в заграничных войнах, тогда как даже весь взятый в целом период Восьмидесятилетней войны (1568–1648) стал одним из величайших для роста благосостояния страны за счет заморской торговли Голландии. Еще в 1566 г. летописец Леувардена отметил, что состоятельные правители и торговцы находились в резком контрасте с массами «смирненного, бедствующего и голодного простого люда». В 1597 г. в Амстердаме запретили эксплуатацию детского труда, когда было заявлено, что некоторые работодатели «часто брали двоих, четырех, шестерых или более детей из рабочего класса под предлогом благотворительного их содержания и обучения торговому ремеслу, тогда как на самом деле они многие годы удерживали их у себя и обращались с ними скорее как с рабами, а не учениками». На пике текстильного бума в Лейдене в 1638–1640 гг. в этот город из Льежа доставили 4 тысячи работников-детей; а проживавших в Лейдене валлонских производителей кружев обвинили в доставке мальчишек-нищих даже из Нориджа, Дуэ и Клеве. Богадельни и работные дома также поставляли женщин и детей на промышленные работы, и снова здесь прослеживается самоочевидная параллель с Англией времен промышленной революции. Правда и то, что предпринимались некоторые меры для воспрепятствования таким случаям злоупотреблений – например, ограничение в 1646 г. максимального рабочего дня ткачей 14 (!) часами; однако 13 лет спустя один ведущий лейденский промышленник отметил, что многие работники жили в переполненных бараках, а некоторые были вынуждены сжигать свои кровати и мебель, чтобы согреться зимой.

В 1747 г. из 41 561 семьи Амстердама примерно 19 тысяч проживало в убогих подсобных помещениях, подвалах и полуподвалах. До самого конца XVII в. большинство домов в сельской местности и множество в городах были глинобитными или деревянными. Каменные и кирпичные дома являлись редкостью, за исключением жилищ богачей. Разумеется, жилищные условия бедняков в Голландской республике, возможно, были и не хуже, чем в Англии XVIII в., о чем нам напоминает Дж. Г. Пламб: «Дома бедняков представляли собой однокомнатные или двухкомнатные лачуги, часто построенные только из одних досок, с крутой крышей и стоявшие вплотную друг к другу; или они селились в домах богачей, оставленных владельцами ради более здоровых для проживания пригородов – обветшавших, перенаселенных, убогих, грязных и заразных. В большинстве подвалов обитали не только люди, но и их свиньи и домашняя птица, а порой даже лошади и крупный рогатый скот». Говорят, что в первой половине XVII столетия дома в Голландии и Зеландии были в два-три раза лучше, чем во Франции, однако такое лестное сравнение вряд ли может быть правдивым в том, что касается перенаселенных жилищ самых бедных. И тем не менее остается фактом, что по всем меркам простой голландский бюргер со своей женой больше заботились об обустройстве домашнего хозяйства, чем такие же, как они, в любой другой европейской стране. Их жилища могли быть темными и сырыми, но зато выскобленными до блеска, если их обитатели обладали хоть какими-то претензиями на самоуважение.

Голландские богадельни, дома призрения и работные дома вызывали восторг у многих иностранцев, и, похоже, даже душевнобольные содержались в республике значительно лучше, чем в любом другом месте Европы. В частности, Амстердам пользовался заслуженно высокой репутацией за свои благотворительные учреждения, которые в 1685 г. с восторгом описал Джеймс Монсон, которому вторят многие другие современные ему источники. «Ничто так не говорит о склонности голландцев к благотворительности, – написал он, – как их забота об облегчении участи, поддержке и обучении бедняков, поскольку на улицах нигде не увидишь нищих». Сильное впечатление на него произвел weeshuis – детский дом «или больница для бедных детей, особенно сирот, где постоянно пребывало более 500 несчастных, о которых тщательно заботились, учили читать и писать, обучали какому-либо ремеслу и, наконец, давали деньги на обустройство». Также Монсон посетил gasthuis – больницу для бедных, «большую и чистую», где увидел множество бедняков, о которых так хорошо заботились, содержали в такой чистоте и опрятности, что они «почти или совсем не обижаются друг на друга, на тех, кто за ними присматривает или живет вместе с ними... В mannenhuis – мужской больнице опрятно и удобно, однако я считаю, что заведения для

пожилых женщин превосходят их все и, возможно, ничем не уступают лучшим из итальянских, хотя и построены из кирпича, а не из камня, как в Милане: однако я уверен, что такую невероятную чистоту и аккуратность, которые можно с восхищением наблюдать во всех их палатах, уличных туалетах и на кухнях (они особенно превосходны и достойны похвалы), не встретишь ни в одной стране или городе из тех, что мне довелось повидать». Это последнее заведение на момент посещения его Джеймсом Монсоном насчитывало более 400 бедных женщин, и он завершил свое описание амстердамских благотворительных учреждений утверждением: «...помимо огромных расходов города и государства на содержание такого числа больниц, есть еще (согласно отчетам) свыше 18 тонн золота, распределяемых каждый год между бедными семьями, что говорит как о благосостоянии города, так и о милосердии его обитателей». У. Карр в своем описании Амстердама 1688 г. утверждает, что благотворительные учреждения этого города ежедневно обеспечивали «кровом и столом» 20 тысяч человек.

Деньги на содержание этих благотворительных учреждений поступали из различных общественных и частных источников, причем последние, по-видимому, составляли большинство. Часть средств изымалась из имущества запрещенной Римско-католической церкви (монастыри и церковные приделы), которые перешли городам и провинциальным штатам или же были переданы для нужд Реформированной церкви. В значительной части финансирование шло из муниципальных и местных налогов, в пределах от колеблющегося налога в пользу бедных до такого дополнительного дохода, как «право на лучшую одежду» покойного для бедняка, которую наследники усопшего обычно выкупали за наличные. В некоторых местах сиротские приюты имели эксклюзивное право на производство гробов, в других на бедняков отчислялось каждое восьмидесятое пенни с продажи недвижимости. Ост-Индская компания также платила налог на бедных, каждое тысячное пенни со всей торговли, что ежегодно составляло огромную сумму. Такие общественные и муниципальные отчисления дополнялись щедрыми частными пожертвованиями и наследствами. Живший в 1740 г. в Гааге англичанин подтвердил, что «в пользу бедных ежегодно собирается более 100 тысяч флоринов (10 тысяч фунтов стерлингов) – в церквях и по домам, что значительно превышает фиксированные налоги, наследства и поступления из городской казны». Веком ранее Луи де Тир, известный промышленник и предприниматель, жертвовал на бедных по 200 флоринов в год за каждого из своих детей, а их у него было шестнадцать. Точно так же адмирал М. де Рейтер постоянно жертвовал на бедных после каждого возвращения из плавания, а старея и становясь богаче, только увеличивал свои взносы. Подобная щедрая частная благотворительность являлась еще более похвальной, поскольку ортодоксальный кальвинист не мог надеяться на спасение души через добрые дела. Состоятельные бюргеры, как мужчины, так и женщины, часто участвовали в комитетах, руководивших этими благотворительными организациями, и порой отмечалось, что те, которыми руководили женщины, оказывались лучше, чем управлявшиеся мужчинами. Однако не исключено, что готовность участвовать в работе таких комитетов не была лишена интересов престижа – если судить по частоте, с которой такие комитеты заказывали свои групповые портреты.

И если в Голландии и Зеландии подобные организации были широко представлены, то же самое нельзя сказать о северо-восточных провинциях, причем по всем параметрам. Богадельни имелись повсюду, однако такие значительные города, как Делфзейл, Харлинген и Гронинген, до 1800 г. не могли похвастаться общественными больницами, тогда как в даже самом маленьком городе приморских провинций имелась хотя бы одна. Более того, несмотря на хвалебные отзывы Джеймса Монсона и других иностранных путешественников, никуда не деться от факта, что безработица часто становилась серьезной проблемой Голландской республики золотого века, что нищие и бродяги являлись многолетней головной болью городов и сельской местности и что промышленные рабочие жили в ужасающих условиях, на грани полуголодного существования. В 1683 г. Голландские штаты постановили, что каждый район должен нести ответственность за поддержку своих бедняков и что бродяг, прибывающих отовсюду, следует возвращать туда, откуда они пришли. Предполагалось, что

вновь прибывшие, которые намеревались работать или обустроиться на выделенном им месте, должны представить местным властям финансовые или другие свидетельства своих *bona fides* – честных намерений; однако похоже, что эти постановления повсеместно игнорировались, особенно в Амстердаме. Это правда, что Уильям Карр заявлял в 1688 г., будто единственными нищими, которых можно было встретить в Амстердаме, были валлоны и другие иностранцы, однако это чистой воды преувеличение. Пришлые бродяги и бывшие наемники определенно широко присутствовали среди полчищ побирающихся нищих, против которых провинциальные штаты безуспешно издавали законы на протяжении XVII и XVIII вв.; однако огромная часть голландского рабочего класса жила на краю бедности и была подвержена частой потере работы, находясь в зависимости от плохо оплачиваемых временных работ и невозможности экономить деньги.

С точки зрения голландских рабочих, ситуация с занятостью осложнялась еще и тем, что очевидное благосостояние Соединенных провинций в целом словно магнитом притягивало безработных и недостаточно зарабатывающих из соседних стран. Не только фламандцы и валлоны, но и скандинавы с немцами ринулись в Голландскую республику, полагая, что улицы Амстердама вымощены чистым золотом. Как написал в 1623 г. один хорошо осведомленный памфлетист: «Наша земля битком набита людьми, и в поисках работы жители наступают друг другу на пятки. Где бы ни нашлось пенни, которое можно заработать, к нему тут же протягивается десяток рук».

Примечательно, что временами происходило движение в обратном направлении – не только капиталов и квалифицированных рабочих – во Францию, Англию, Данию и Германию, но и – хотя свидетельства на этот счет весьма отрывочны – неквалифицированной рабочей силы. Во всяком случае, хотя жалование обычно было крайне низким, а рабочий день очень длинным, безработица в Северных Нидерландах никогда не была настолько серьезной, чтобы побудить промышленных и сельскохозяйственных рабочих эмигрировать в соответствующих масштабах в заморские владения Голландских Вост- и Ост-Индской компаний. Кажется, примерно после 1644 г. положение улучшилось по сравнению с тем, что наблюдалось во время Восемидесятилетней войны и неудачной войны с Англией в 1652–1654 гг. Частая благотворительность возросла, общественная упорядочилась. Периодическая высокая смертность среди бедняков случалась не так часто или была не столь высокой, как раньше. Неустойчивые цены на зерно не имели такого уж неблагоприятного эффекта, поскольку хлеб дополнился картофелем. Жилищные условия трудящихся тоже немного улучшились – хотя бы в том, что крытые соломой деревянные дома все больше заменялись кирпичными и каменными с шиферными или черепичными крышами. Однако перенаселенность и тесные условия жизни по-прежнему оставались общим правилом для городской бедноты Голландской республики на протяжении двух столетий, и в этом отношении положение скорее ухудшалось, а не улучшалось. По всей видимости, во второй половине XVIII в. на пособия для бедных жило намного больше людей, чем за 100 лет до этого.

На ранних этапах Восемидесятилетней войны сильно страдало голландское сельское хозяйство – в результате таких инцидентов, как преднамеренное затопление сельской местности во время осады и освобождения Лейдена. Утверждалось – разумеется, не без преувеличения, – будто еще в 1596 г. под водой оставалось две трети провинции Голландия. Однако в 1590 г. голландское сельское хозяйство быстро оправилось благодаря дополнительным гарантиям безопасности, обязанным победам принца Морица и более высоким ценам на сельскохозяйственную продукцию на этом этапе ценовой революции. Сильный рост заморской торговли Северных Нидерландов в первой половине XVII в. сопровождался значительным, хоть и не таким впечатляющим подъемом сельского хозяйства, когда стали доступны большие объемы капиталов для инвестиций в землю. Питер Хорн, член Правительственного совета в Батавии в 1674 г., во время дискуссии насчет того, не стоит ли голландцам подумать о превращении своей торговой морской империи в действительно колониальную, то есть основанную на расселении белого человека в

тропиках, подчеркнул, что любовь к земле – это нечто глубоко укоренившееся в роде человеческом по всему миру. Даже среди голландцев с их коммерческим складом ума большинство успешных торговцев стремилось обзавестись куском собственной земли и заняться постройкой ветряной мельницы или разбить сад, хотя бы совсем маленький и только ради собственного удовольствия. Разумеется, в тот период появилось больше пригодных к обработке земель – благодаря проектам по экстенсивной мелиорации, из которых, возможно, наиболее известным примером стало осушение в 1610 г. Бемстера. Как утверждали ведущие авторитеты по истории земледелия Нидерландов, «в XVII и XVIII вв. голландские фермеры преуспели в животноводстве и молочном производстве, в выращивании товарных культур, в садоводстве и в изобретении простых и дешевых инструментов». Разумеется, это был не скорый процесс, который набрал обороты только после Вестфальского мира (в 1648 г.) и который происходил не одинаково равномерно по всей стране. Более того, было бы неправильно полагать, что из-за того, что в некоторых регионах сельское хозяйство процветало и некоторым образом вызывало завистливое восхищение у иностранных гостей Соединенных провинций, все крестьяне жили словно в Стране лентяев Питера Брейгеля-старшего. Голландское земледелие так окрепло не столько благодаря тому, что Семь провинций стали богаче, а из-за потребности многочисленного сельского населения зарабатывать на жизнь во времена, когда существовал предел, до которого городская промышленность могла обеспечить людей работой. Более того, следует отличать крестьян Голландии и Зеландии от селян восточных провинций. К примеру, в Гелдерланде и Оверэйсселе, где землевладельцы фактически не контролировали судебные и административные органы, крестьяне находились в менее благоприятном положении, чем в двух приморских провинциях, не говоря уж о том, что почва здесь была более бедной. Во Фрисландии, хоть земля здесь и была плодородной, местная аристократия или богатые фермеры осуществляли жесткий контроль своих арендаторов. Древние «фризские свободы», которыми в XVII в. так похвалялись фризы^[29], на самом деле оказались ограничены сельскими землевладельцами, буквально монополизировавшими политическую, административную и экономическую власть.

В двух отношениях голландским крестьянам и городским рабочим жить было относительно лучше, чем их собратьям, допустим, в Германии, Фландрии, Испании и Франции. Во-первых, страна меньше подвергалась опустошениям со стороны вторгающихся армий. Нападение испанских захватчиков на Велюве, территорию в провинции Гелдерланд, в 1629 г. и французское вторжение в несколько провинций в 1672–1673 гг. закончились лишь краткой оккупацией. Во-вторых, страна была столь мала, а коммуникации в ней столь хорошо налажены (особенно по рекам и каналам), что недостаток продовольствия в любой части Соединенных провинций в тот период, когда Амстердам справедливо называли «закромами Европы», можно было легко восполнить. Чего не было, например, во Франции, где примитивная и дорогостоящая транспортная система не предусматривала облегчения ситуации с голодом в одном регионе за счет переброски избытков зерна из отдаленных провинций. С другой стороны, следует отметить, что использование обширной сети каналов было излишне затруднено соперничеством различных муниципалитетов, которые владели, обслуживали и эксплуатировали их. Эти инстанции ревностно цеплялись за свои средневековые привилегии, дававшие им право регулировать все движение по каналам в их местности через основные города, ради обеспечения взыскания муниципальной пошлины (или пошлин). Особенно обременительные пошлины и ограничения на движение имели место в Дордрехте, Харлеме и Гауде; тем не менее, несмотря на все административные препоны и многочисленные мосты и дамбы, вынуждавшие делать частые перевалки грузов (с судна на судно), каналы все равно обеспечивали значительно лучшее постоянное сообщение, чем большинство дорог.

Бережливость голландских крестьян производила впечатление на всех иностранных гостей, хотя некоторые наблюдатели согласны с Уильямом Темплом в том, что «деревенщина, или буры, как их называли» были «скорее исполнительны, чем

трудолюбивы». Их основной рацион состоял из овощей, молока и хлеба с маслом или сыром, что, как считал Темпл, являлось причиной того, что «ни их сила, ни энергия не отвечали величине или массе их тел». Даже люди среднего достатка редко ели мясо чаще одного раза в неделю, а многие рабочие были просто счастливы, если оно доставалось им хоть раз в месяц.

Питание в богадельнях XVII в., которое предположительно отражало основной рацион городской бедноты, состояло из бобов, гороха, овсянки и ржаного хлеба. Хотя более богатые бюргеры и торговцы, естественно, ели больше мяса, чем те, кто стоял ниже их по социальному положению. Их основной рацион в первой четверти XVII в. описан современником-англичанином как состоящий в основном «из пахты, сваренной с яблоками, вяленой рыбы, репы и моркови с маслом, латук-салата, салатов и копченой сельди. Все это запивалось легким пивом». Англичанам полюбилось называть голландцев «масленками», тогда как французы прозвали их *mangeurs de fromage* – «пожиратели сыра»; однако Темпл утверждал, что экономные голландские фермеры продавали свои высококачественные сыры и масло на экспорт, покупая «для собственных нужд самые дешевые сыры из Ирландии или Северной Англии».

И если крестьянам приходилось довольствоваться тем, что Уильям Темпл называл «скудной и непитательной пищей», в любом случае у них было больше еды, чем у самых низов городских рабочих, так называемой *grauw* – «серой массы», или черни. Этот элемент быстро разрастался в крупных городах, и стойкая неприязнь, с которой к нему относились высшие сословия, отчетливо проявляется в литературе и переписках того времени. Если правители-олигархи придерживались мнения, что бюргеры средней руки являются маленькими людьми, коими им и следует оставаться, еще более презрительно они относились к «тупой и злобной по своей натуре черни, вечно ненавидящей и готовой во всем обвинять аристократических правителей своей республики», как заявлял в 1662 г. автор «Интересов Голландии». Не смягчилось это презрение и по прошествии времени, поскольку еще столетие спустя правители по-прежнему обвиняли городских работников в «грубости, животной тупости и постыдной распущенности». Как можно понять из этого и многих других типичных обвинений в адрес *grauw*, правители скорее еще и боялись этой черни, а точнее, того, что она может натворить, если выйдет из-под контроля. Несомненно, толпа могла при случае показать зубы; однако худший из примеров ложной, якобы народной ярости – самосуд над братьями де Витт в Гааге (20 августа 1672 г.) – являлся в основном делом рук бюргерской гражданской стражи и был первоначально спровоцирован оранжистскими подстрекателями.

Костяк *grauw* состоял из поденщиков, бродяг и местных на данный момент времени безработных, усиленный другими работниками, чьи средства к существованию зависели от случайной занятости и которых могли в любой момент уволить. По причинам, которые станут очевидны позднее, часто туда включались и моряки. Работники с более постоянной занятостью, такие как самостоятельные предприниматели, квалифицированные рабочие и ремесленники, владельцы мелких магазинов, младшие клерки и мелкие купцы, были объединены под общим термином «маленький человек» – *kleine man*, или «простой человек», куда также попадали мелкие чиновники, мелкие фермеры и капитаны судов. Другими словами, «простой человек» представлял собой нижнюю прослойку среднего класса, более уважаемую, чем рабочее сословие. Порой термин расширялся до включения в него более богатых владельцев магазинов и торговцев, старших клерков и чиновников на службе провинциальной и муниципальной администрации – практически всех между *grauw* в самом низу социальной лестницы и правителями-олигархами и богатыми торговцами на самом ее вершине.

В Соединенных провинциях Нидерландов XVII в. существовало три вида гильдий: гильдия ремесленников для некоторых квалифицированных рабочих, купеческая для торговцев и гильдия обычных работников, в которую входили люди наподобие носильщиков зерна, перевозчиков пива, барочников, ломовых извозчиков и упаковщиков сельди. В

большинстве мест гильдии упорно цеплялись за свое право устанавливать рабочие часы, жалование и количество учеников, за что их открыто критиковал ближе к XVII веку лейденский промышленник Питер де ла Кур в своих «Интересах Голландии», а также некоторые историки XX столетия. Тем не менее, как подчеркивал профессор Гейл, хотя их ограниченность и рутинный дух мешали росту независимых крупных капиталистов в тех сферах, где гильдии были сильны, в некоторых городах они также препятствовали увеличению бесправной неимущей серой массы, *grauw*. Все это не относилось к отдельным крупным производствам, таким как судостроение, пивоварение, мыловарение, рафинирование сахара, которые полностью или по большей части находились за рамками системы гильдий. Текстильная промышленность Лейдена оставалась под фактическим контролем гильдии в части оценки и проверки качества тканей, однако их не заботила нищенская оплата ее работников. Правда, даже сами мастера гильдии часто трудились от рассвета до заката, а 12- или даже 14-часовой рабочий день был для работника вполне обычным делом. Что резко контрастировало с занятостью их работодателей, поскольку некоторые из них работали только от 1 до 4 часов в день.

Как ни удивительно, социальное недовольство лишь периодически выливалось в протесты оседлых рабочих, и забастовки происходили относительно редко, даже среди жестоко эксплуатировавшихся текстильщиков Лейдена. Случалось в этом городе и такое, когда 20 тысяч человек – и не только безработных – приходилось спасать от голода с помощью благотворительности; хроническое недоедание этих рабочих являлось несомненной причиной высокого числа заболеваний туберкулезом среди них. Пивовары Амстердама подали в 1578 г. петицию с требованием поднять жалование, заявляя, что их мизерной зарплаты недостаточно, чтобы уберечь себя и свои семьи от голодания в то время, когда цены на продовольствие и жилье только растут. Получили они лишь ничтожную часть того, что просили, и заново подавали петиции в 1595 и 1617 гг. Суконщики Амстердама порой тоже демонстрировали недовольство своими условиями жизни, но не в тех масштабах, которые можно было бы ожидать исходя из общепризнанного факта, что инфекционные заболевания, периодически косившие их ряды в начале XVII в., не коснулись лучше питавшихся и проживавших в лучших условиях «бургомистров, правителей, священников, школьных учителей или городских чиновников». Удел работников физического труда был крайне тяжким, и открытые беспорядки в их среде случались довольно редко скорее из-за отсутствия или слабой организованности рабочих (как подчеркивает Вайолет Барбур), а не из-за «отеческой заботы и просвещенности режима диктаторов из высшей прослойки среднего класса», как утверждает профессор Г.Я. Ренье. Правда и то, что классовые различия в Голландской республике, как и повсюду, обычно воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Более того, городской пролетариат был безоружен, а на бюргерскую милицию или гражданскую гвардию всегда можно было положиться в исполнении приказов правителей в случае любого конфликта с *grauw*.

Налогообложение в Голландской республике, как и в большинстве стран, имело тенденцию куда болезненнее ложиться на плечи бедноты, чем богатых, однако оно все же до какой-то степени учитывало «способность выдержать». Обширная сеть акцизов устанавливалась на большинство товаров потребления и на многую повседневную деятельность. Естественно, эти пошлины более тяжелым бременем ложились на крестьян, моряков и ремесленников, чем на богатых бюргеров, торговцев и рантье. Однако многое из того, что демонстрировало богатую жизнь и избегало налогов в других странах, в Соединенных провинциях облагалось налогами по скользящей шкале, учитывавшей положение и достаток человека, а иногда и просто в зависимости от его внешнего вида. В 1688 г. английский консул в Амстердаме привел обширный перечень налогов, которые должны были выплачивать домашние хозяйства и которые включали такие пункты, как ежегодный подушный налог на каждого слугу мужского и женского пола возрастом старше 6 лет; на вино «в соответствии с его качеством»; на городскую стражу «в соответствии со

статусом жилища»; на уличное освещение «в соответствии с размерами дома». Кареты, повозки и сани также облагались налогом в соответствии с их качеством и количеством.

Облагавшиеся налогом предметы первой необходимости включали в себя соль, мыло, масло, бобы, торф (в основном использовавшийся для отопления), дрова, мясо и хлеб. «Существовало еще множество налогов в торговле, поскольку ни один человек не может взвешивать или измерять свой товар оптом – это прерогатива чиновников штата. Также имелся налог провинциальных штатов, так называемый *veg-rounding*, на все землевладения и строения в их владениях. Плюс налог на документы с печатью и пошлина за регистрацию земель и строений; кроме того, налог на коров, лошадей, молодняка животных и все сорта фруктовых деревьев». Каждый, входящий в город или покидающий его через мосты или пешеходные переходы при пересечении каналов, должен был заплатить стейвер, чтобы пройти через ворота. Пошлина налагалась за проход через мосты и пешеходные переходы через каналы людей, животных и повозок. «Молоко сначала оплачивается как молоко и еще раз, если из него делается масло; и, да, пахта и сыворотка также облагаются пошлиной; из всего этого можно прийти к мысли, что люди, так дорожащие своей свободой, должны были бы взбунтоваться и отказаться платить налоги». Уильям Карр заверяет нас, что такое случалось крайне редко, а когда это все-таки происходило, бунтовщиков очень жестоко наказывали. И он вполне открыто добавляет: «Если бы нам в Англии пришлось платить такие же налоги, как здесь, у нас мятежи следовали бы один за другим. И тем не менее за все это здесь платят, и никто не может выпечь себе хлеб, смолоть свое зерно или сварить собственное пиво; как никто не посмеет держать дома ручную мельницу хотя бы для того, чтобы смолоть кофе или горчицу».

Приведя несколько примеров из собственного опыта, касающихся скорой расправы над уклоняющимися от налогов – вне зависимости от их состояния, – консул отметил: «Налоги здесь священны и должны быть в точности заплачены. Не взымайся они здесь с такой аккуратностью, такое маленькое государство не смогло бы существовать. Поэтому можно услышать, как граждане зачастую говорят, что страдают ради своего Отечества. Поэтому даже самые прижимистые из них согласны платить, что наложено на них, поскольку они говорят, что все, что есть в Отечестве, – наше». И хотя то, что голландцы платят налоги с относительно меньшей неохотой, чем другие народы, может быть вполне правдивым, поскольку у них не возникает вопроса о том, что деньги безрассудно тратятся на прихоти короля или двора, картина неунывающих голландских налогоплательщиков, представленная Уильямом Карром, несомненно преувеличена в назидание своим вечно ропщущим соотечественникам. Налоги на голландский военно-морской флот, которые, как он полагает, с готовностью приняли и своевременно выплачивали, на самом деле часто принимали с большой неохотой и выплачивали крайне долго. Из пяти провинциальных адмиралтейств только богатое амстердамское вело достаточно правдивый учет, как у нас еще будет возможность это увидеть. Питер де ла Кур и другие промышленники решительно отказались платить налоги на «все импортируемое сырье, которое перерабатывают наши граждане». Уклонение от сборов за конвойное сопровождение было широко распространено среди богатых грузоотправителей; более бедные слои населения, которые Карр представляет как безропотных налогоплательщиков, несомненно согласились бы с его определением акцизов как «позорного налога, взимаемого мерзавцами».

Какими бы тяжелыми ни казались условия жизни промышленных и сельскохозяйственных рабочих, жизнь сообществ мореплавателей была еще тяжелее. Сама природа профессии моряка и долгие холодные зимы, присущие Северным Нидерландам, означали, что сезонная бездельность среди *varend volk* – моряков парусных судов – являлась до некоторой степени неизбежной. Она зачастую усугублялась противными ветрами и льдами, которые могли запереть гавани на целые недели, а также войнами или слухами о войнах, из-за чего закрывались свои или иностранные порты; плюс – до 1648 г. – периодические эмбарго на заход голландских судов в иберийские гавани; или вследствие приостановки жизненно важной торговли на Балтике через Зунд (Эресунн). Несмотря на

феноменальный рост голландского мореходства и морской торговли между 1585 и 1650 гг., большую часть этого периода и, возможно, в следующие 60–70 лет в стране наблюдался переизбыток моряков. В эти времена голландский шкипер обычно мог рассчитывать на набор команды, даже несмотря на низкое жалование и спартанские рационы, что считалось тогда делом обычным. По крайней мере, такое имело место в случае судов, занимавшихся торговлей в европейских водах; с «индийцами»^[30] дело обстояло совершенно иначе, что было связано с дальними плаваниями и печально известным нездоровым климатом тропических земель, где имелись равные шансы вернуться живым или сгинуть навсегда.

Более того, провинциальные адмиралтейства также испытывали трудности в наборе команд на свои боевые корабли – особенно старейшее, но нуждающееся в средствах адмиралтейство Роттердама, которое славилось задержками в выплате жалования. Однако, когда деньги имелись в наличии, во второй половине XVII в. недостатка в рекрутах для службы в военно-морском флоте практически не возникало; тогда голландцы могли выставить несколько флотов, укомплектованных командами общей численностью от 16 до 24 тысяч человек, фактически все из которых являлись добровольцами. Хотя голландское правительство не пользовалось вербовщиками на военно-морскую службу, как это делали англичане, порой власти считали необходимым накладывать в военное время временное эмбарго на заграничное торговое судоходство, дабы побудить моряков поступать на военно-морскую службу, как единственную возможность заработать на хлеб насущный. Голландские историки зачастую утверждали, что в обычные времена жалование военных моряков преднамеренно держалось ниже преобладающего в торговом флоте – из страха, чтобы повышение первого не повлекло за собой роста последнего. Повышение заработка в торговом флоте помешало бы судовладельцам в их борьбе с иностранными конкурентами, поскольку низкое жалование, которое они выплачивали своим командам, являлось основной причиной, благодаря которой они имели возможность предлагать более низкие фрахтовочные ставки. Насколько я могу быть уверенным, такая дифференциация, если она вообще имела место, определенно сошла на нет в начале второй половины XVII в. С 1665 по 1780 г. базовая ставка квалифицированного военного моряка оставалась неизменной – 15 гульденов в месяц. Тогда как в тот же самый период профессиональные моряки на службе VOC получали меньше – обычно их жалование составляло 10 или 11 гульденов в месяц.

Когда в 1629 г. некоторые ведущие амстердамские судовладельцы достаточно обоснованно заявили, что за период двенадцатилетнего перемирия голландцы захватили львиную долю фрахтовых перевозок в Европе благодаря своим низким ставкам на фрахт и более совершенным техническим методам, они постеснялись добавить, что в значительной степени это было достигнуто благодаря экономии на численности команд и их рационах. Другие их современники оказались более откровенными. Ван Метерен в своей хронике 1599 г. отметил, что промысел сельди в Северном море был столь рискованным и ненадежным занятием, что «ни англичане, ни кто-либо еще не стал бы выходить на него при таком низком жалованье и отвратительном питании, которые получали голландские рыбаки». Несколько лет спустя другой хроникер отметил, что голландские «шкиперы и моряки такие умелые в судоходстве и рыбной ловле и такие экономные в своем питании, что сберегают нашим судовладельцам не меньше трети расходов на людей и рационы, чего в других странах требуют в больших количествах и лучшего качества». Другой комментатор оказался еще более прямым в объяснении успеха голландских и зеландских судовладельцев в их соперничестве со скандинавскими и немецкими конкурентами. «Первые, – написал он в 1645 г., – более экономно тратятся на свои суда, а моряков хуже кормят... посему считается, что если на судно истерлингов – восточных соседей – требуется команда более десяти человек, то голландский корабль того же тоннажа может управляться шестью». «Голландский Меркурий» от октября 1661 г., ссылаясь на все более ожесточенную конкуренцию между голландскими и английскими рыболовами в Северном море, отмечает: «Отважные голландцы не могли стерпеть, чтобы англичане (которые скорее предпочли бы

строить из себя господ-белоручек, чем делать какую-то работу) лишили их общей морской стихии, которой они обладали многие сотни лет».

Португальские и испанские современники открыто признавали, что голландские «индийцы» были более экономичными и более эффективно управлялись, чем их собственные, – такие же признания порой можно было услышать и от англичан. С другой стороны, опытные английские моряки, служившие в 1674 г. на выходящих в море из бурхт – средневековых укреплений Лейдена – кораблях, считали, что скудное по качеству и количеству питание являлось причиной более высокой смертности на борту голландских судов, чем у их английских конкурентов. Постройка флейтов, или «летучих судов», ставших столь важным фактором во взлете голландских фрахтовых перевозок, имела и отрицательные моменты, потому что, когда такие экономно укомплектованные суда были впервые введены в эксплуатацию, многие голландские моряки лишились работы и некоторые из них влились в ряды «берберских пиратов». Экономность голландских судовладельцев, занимавшихся торговлей норвежским строевым лесом, также часто подвергалась острой критике. Используемые там суда часто были просто старыми развалюхами, малопригодными для плавания. И лишь их груз помогал им держаться на плаву – по крайней мере, так утверждалось.

В тот же самый год, когда амстердамцы похвалялись тем, что захватили львиную долю фрахтовых перевозок в Европе, мореходов города Маасслэйс (к югу от Гааги) описывали как «невероятно бедных и несчастных... состоящих из рыбаков, зарабатывающих на хлеб насущный мучительным трудом и с огромным риском для жизни». Разумеется, во времена парусного флота жизнь моряка не могла не быть тяжелой, и за схожими наблюдениями относительно, допустим, тягот жизни британских, французских или португальских моряков не нужно было далеко ходить. Во всяком случае, имеется достаточно свидетельств тому, что голландские моряки и рыбаки по большей части существовали на грани выживания, особенно обремененные женами и детьми, которых нужно было содержать. Это и было тем обстоятельством, которым их работодатели, будь то директора индийских компаний, члены провинциальных адмиралтейств или купцы-судовладельцы, пользовались в полной мере. Искушение судовладельцев и шкиперов укомплектовать свои корабли низкооплачиваемыми и скудно обеспечиваемыми провиантом командами усиливалось еще и тем, что обычно в избытке имелись не только голландские моряки, но и иностранные, прибывшие в Соединенные провинции в поисках работы – «соблазняемые сладким запахом большей прибыли» моряки из Скандинавии и Германии.

По некоторым данным, уже в 1588 г. насчитывалось более 2 тысяч больших голландских торговых судов, пригодных для использования в качестве боевых кораблей, а вице-адмирал провинции Голландия утверждал, что за две недели мог набрать 30 тысяч моряков. В 1608 г. директора VOC заявляли, что у них имеется 40 кораблей с командами общей численностью 5 тысяч человек в Азии, 20 судов с 400 моряками у берегов Гвинеи и 100 кораблей с 1800 человек экипажей в Западных Индиях, тогда как количество судов и членов команд в европейских водах значительно превосходило всех занятых в колониальной торговле. В 1644 г. один, видимо, хорошо информированный памфлетист писал, будто у голландцев насчитывалось более тысячи судов, пригодных для использования в качестве боевых кораблей, и еще тысяча торговых парусников в открытом море, не говоря уж о 6 тысячах судов для ловли сельди и использования на внутренних водных путях. С патриотическим преувеличением он добавлял, что на всех этих судах несут службу более 80 тысяч самых лучших в мире моряков, а у одной только Ост-Индской компании имеется 150 кораблей с занятыми на них 15 тысячами человек (очевидно, не все из которых являлись моряками). В последнюю четверть XVII столетия со всей уверенностью утверждали, что VOC содержала более 200 крупных боевых кораблей и 30 тысяч человек на жалованье, примерно половина из которых были моряками.

В целом голландские мореходные сообщества в значительно меньшей степени смирились со своим тяжелым уделом, чем более покорные городские и сельскохозяйственные рабочие.

Бунты были далеко не редким явлением, и, когда моряки считали, что их обманом лишили жалованья, они имели склонность бунтовать такими способами, которые зачастую доставляли серьезное беспокойство правящей верхушке портовых городов. В 1629 г. несколько моряков WIC, недовольных своей долей призовых денег от захвата Питом Хайном «серебряного флота», попытались прорваться в здание, куда поместили добычу, и их пришлось разгонять при помощи гражданской гвардии. В более серьезную демонстрацию вылилось недовольство взбунтовавшихся моряков флота в Амстердаме в 1652 г. Подавить ее удалось, только когда солдаты стали стрелять в толпу, а двух зачинщиков повесили. 15 июня 1665 г. разъяренная толпа жен, детей и иждивенцев моряков Брилле (Бриля) попыталась устроить самосуд над лейтенант-адмиралом Зеландии Йоханом Эвертсенем, которого они необоснованно обвиняли в трусости в недавнем сражении при Лоустофте^[31]. Несчастливого адмирала вовремя успели спасти солдаты, однако власти не посмели ни арестовать, ни наказать мятежников. Официальные отчеты и популярная литература XVII в. неоднократно подчеркивают необузданную и недисциплинированную натуру *varend volk* – «парусного люда» и те затруднения, с которыми офицерам и работодателям приходилось управляться с ними. Тем более что сами офицеры часто были того же самого происхождения, что и их подчиненные. Как объяснил «Парусиновый» лейтенант-адмирал М.Х. Тромп, отклоняя приглашение отобедать с адмиралом Джоном Пеннингтоном в Даунсе, сказав, что среди его (Тромпа) капитанов слишком много неотесанных буров, которые не понимают ни этикета, ни манер.

Какими бы морские офицеры ни были «неотесанными бурами» или бюргерскими сыновьями, они обычно полагались на жесткую дисциплину и суровые наказания, дабы поддерживать порядок среди своих людей, обращаясь с ними, согласно вошедшей в обиход поговорке, «как с людьми на берегу и как со скотом на борту». «Для моряков на борту «индийца», – записал в 1751 г. один опытный путешественник, – проклятия, ругань, блуд, разврат и убийства являются сущими пустяками. Поэтому среди этой публики всегда происходит некое брожение, и если офицеры быстро не пресекали бы беспорядки с помощью наказаний, то их собственная жизнь наверняка подвергалась бы опасности среди такого разнузданного сброда». Солдаты и моряки Ост-Индской компании, писал в 1677 г. один из наиболее нетерпимых в вопросах нравственности служащих, «ведут себя как дикие кабаны; они грабят и воруют, пьянствуют и блудят с таким бесстыдством, словно у них это не считается зазорным». По сей причине, добавляет он, ими следует править железной рукой, «как дикими зверями; иначе они способны безо всяких причин избить кого угодно». Николас де Графф, более сочувствующий и искушенный путешественник, проявил большее понимание участи моряка и возможной причины их непокорности, когда писал: «Ян Маат, самый последний и нижний чин на судне, должен быть готов, по малейшему кивку или приказу любого вышестоящего, без пререканий выполнять все, что ему велено. При любом проявлении нежелания ему грозит порка линем – отрезком веревки или каната. Матросы должны взбираться на мачты и реи днем и ночью, в шторм и бурю. Они должны нагружать и разгружать суда, они также должны стоять на сходнях, словно покорные рабы, держа шляпу в руках, когда шкипер или иной офицер покидает корабль или возвращается на него». Свидетельства де Граффа особенно ценны, поскольку он служил в военно-морском флоте, на китобойных судах и судах Вест- и Ост-Индской компаний.

Наказания включали в себя смертную казнь за убийство, мятеж и гомосексуализм (обычно провинившегося сбрасывали за борт привязанным к телу жертвы или к другому преступнику); протаскивание под килем от носа до кормы; ныряние с реи; прибывание руки преступника к грот-мачте; порку чем попало – от 10 до 500 ударов; заключение в кандалах на хлеб и воду в очень тесный карцер. Расчетливая сторона голландского характера проявлялась в штрафах самого широкого диапазона, которые накладывались сами по себе или в сочетании с физическим наказанием – в этом отношении особой взыскательностью славилась Голландская Ост-Индская компания. Оскорбление вышестоящих офицеров, богохульство, пьянство, драки на ножах (кортиках) были наиболее распространенными

нарушениями. Несомненно, мятежи и неподчинение чаще случались на судах восточных и западных «индийцев», чем в военно-морском и обычном торговом флоте. Возможно, это частично связано с более длительными морскими переходами «индийцев» и более высоким процентом иностранцев в их командах, хотя по поводу последнего мнения расходятся.

Heeren XVII изначально – и оптимистично – постановили, что не следует нанимать в качестве моряков норвежцев и «истерлингов» и как можно меньше французов, англичан и шотландцев, однако правило это оказалось с самого начала мертворожденным. Огромные потери европейцев в тропиках и нежелание многих нидерландцев служить в колониях или в монополистической торговой компании означало (как мы уже видели), что и VOC, и WIC приходилось брать на службу кого попало. Многие не видели в этом большого вреда, соглашаясь с Николасом Витсенем, отметившим в 1671 г., что мешанина национальностей на борту судна уменьшает шансы успешного мятежа, замышлявшегося командой. Однако другие соглашались с генерал-губернатором Жаком Спексом, который в 1629 г. сокрушался по поводу большого процента иностранцев, напоминая Heeren XVII: «У нас так часто возникали проблемы в Азии из-за множества англичан и французов на нашей службе, что, как мы надеемся, их превосходительства предотвратят в будущем, обеспечивая нас добропорядочными и заслуживающими доверия нидерландскими душами». Но, увы, даже когда и «находились нидерландские души», они не всегда оказывались «добропорядочными и заслуживающими доверия», как показали мятежи на кораблях, в которых они зачастую принимали самое активное участие.

Естественно, мнения относительно того, какие иностранцы более желательны – или хотя бы нежелательны – для найма в качестве низовых чинов, сильно различались. Например, обе компании постоянно издавали приказы против найма католиков на любые должности, однако их обычно игнорировали или обходили, когда дело доходило до набора солдат или матросов. Долгое время даже к лютеранам относились с подозрением; однако, хотя богобоязненным кальвинистам и оказывалось официальное предпочтение, их никогда не находилось под рукой в достаточном количестве.

Англичанам и в меньшей степени шотландцам не доверяли из-за давнего англо-голландского соперничества, но порой их принимали на службу в значительных количествах. Генерал-губернатор ван Рейст хорошо отзывался о тех, кто служил на борту его флагмана в 1614 г., утверждая, что они проявляли себя усердными и послушными работниками, «которые содержали себя в чистоте». Однако, по совершенно очевидным причинам, более всего в командах судов были представлены скандинавы и немцы – что на боевых кораблях, что на «индийцах», что на обычных торговых судах.

В конце XVII в. поверенный и летописец VOC Питер ван Дам сокрушался, что тогда как в самом начале компания могла легко набрать моряков за 8–9 флоринов в месяц, то теперь трудно подыскать приличные команды за 10–11 флоринов в месяц плюс премия размером в месячное жалованье. По причинам, которые рассмотрим ниже, проблема с комплектацией восточных «индийцев» при подавляющем большинстве голландских моряков в экипажах стала особенно острой в XVIII в. Шведский путешественник К.П. Тунберг, посетив в 1775 г. Нагасаки, отметил, что, хотя японское правительство предписывает, чтобы экипажи всех судов состояли исключительно из уроженцев Голландии, тем не менее среди них имелось много «шведов, датчан, немцев, португальцев и испанцев», не считая 34 рабов.

Если среди моряков иностранцев было относительно немного, то, как мы увидим дальше, среди солдат они насчитывались в значительно больших пропорциях. Традиционная вражда между этими двумя группами (солдат и матросов) во всех странах и климатических зонах была особенно заметна на борту голландских «индийцев». Они давали друг другу оскорбительные прозвища, и только жесткие дисциплинарные меры, которые применялись к обеим сторонам, препятствовали тому, чтобы они вступали в драку чаще, чем это происходило на самом деле. Как написал в 1630 г. Heeren XVII с борта своего флагмана в Столовой бухте, в Атлантическом океане у юго-западных берегов Африки, отбывающий

колониальный губернатор: «Я вижу, что старые страсти по-прежнему кипят и что матросы находятся все в той же смертельной вражде с солдатами».

Хотя судовые офицеры на борту «индийцев» не имели полномочий назначать – кроме самых незначительных – наказания без согласования с большинством корабельного совета, состоявшего из шкипера, его помощников и старшего торгового представителя компании на борту, на это правило почти не обращали внимания. Шкиперов восточных «индийцев» постоянно критиковали за их склонность играть роль корабельных тиранов – вопреки приказу Heeren XVII от 8 августа 1705 г., по которому нарушители штрафовались в размере шестимесячного жалования в случае первого нарушения и с позором изгонялись со службы при повторном. Помимо действительной или приписываемой им жестокости, многие шкиперы сами наживали себе недобрую славу, экономя на питании команды и продавая излишки по прибытии в Батавию. Покуда «индийцы» находились восточнее мыса Доброй Надежды, команды имели мало возможностей слишком бурно выразить свое недовольство, поскольку боялись, что их могут заставить дольше служить в азиатских морях или отправить в какой-либо регион с особо нездоровым климатом. Но когда возвращавшиеся в порт приписки суда завершали свой рейс, команда порой буквально захватывала власть на корабле и обрушивала свой гнев на тех, кого ненавидела. Свидетель подобной сцены, произошедшей в 1701 г., поведал, как несчастного кока вытащили из его убежища и так жестоко избили его же кухонной утварью, «что он надолго остался калекой и даже не мог прийти в штаб-квартиру Ост-Индской компании за своим рундуком и жалованием». Шкиперу этого же судна поначалу удалось избежать гнева матросов, но, когда корабль вошел в гавань, «они, в присутствии директоров, которые расплачивались с нами, заявили ему прямо в лицо, что он негодяй, который разворовывал их рационы и издевался над ними. Кроме того, они пообещали рассчитаться с ним на берегу. Что действительно и сделали в Мидделбурге, избив его едва не до смерти».

Как можно понять из вышеупомянутого, моряки Ост-Индской компании были склонны превратиться во что-то вроде особой породы людей, и Николас де Графф рассказывает нам, что шкиперы обычных торговых судов крайне осторожно подходили к набору людей, которые ранее ходили под парусом «достопочтенной компании». Однако те, кто служил в военно-морском флоте или плавал на балтийских, атлантических или средиземноморских «торговцах», оказывались, если верить судовым журналам того времени, немногим лучше. Ян Сноп, кальвинистский пастор, служивший капелланом на флоте де Рейтера на Средиземном море в 1661–1662 гг., дает описание своих товарищей по плаванию, которое можно считать типичным. Он ужасался грубости моряков, их невежеству, богохульствам, ссорам и дракам. Церковь на море, заявлял он, заслуживает скорее названия «Церкви свиней», а не «Жены Христовой». Он горько сетовал по поводу большого числа папистов, ремонстрантов, лютеран, атеистов и зубоскалов среди моряков, особенно на борту флагмана де Рейтера De Liefde – «Любовь». «Они слушали Слово Божие без должного внимания, они присутствовали на службах безо всякого рвения и без удержки богохульствовали по воскресеньям. Когда их спрашивали о христианских догматах, они были «немые как рыбы». Естественно, пастор нашел невероятно трудным внушить уважение к основам «истинной реформированной христианской религии» такой команде, чье рвение в основном обращалось к Бахусу и Венере».

Если таковым было моральное состояние моряков на борту судна под командованием Михиела де Рейтера, действительно набожного и распевавшего псалмы кальвиниста, можно себе представить, что творилось на других кораблях, чьи капитаны оказывались далеки от примера пуританской добродетели. И де Рейтер, и его предшественник, Тромп-старший, заботились о том, чтобы содержать на борту священников в качестве флотских капелланов, которые оказывали бы воспитательное влияние на их команды, что помогало бы поддержанию дисциплины. Однако, как можно понять по дневнику Яна Снопа, вряд ли можно было найти достаточное количество пригодных священников-добровольцев, дабы что-то заметно изменить. Дисциплина по-прежнему продолжала поддерживаться поркой и

другими суровыми мерами наказания, даже во флотах под командованием столь популярных среди моряков адмиралов, как эти два великих мореплавателя, которых их команды называли *Bestevaer*, или Дедушками.

Преподобный Ян Сноп также жалуется на скудность рационов и трудности с сохранностью продовольствия в жарком климате Средиземноморья. В этом отношении, естественно, хуже всего приходилось восточным «индийцам», которые могли непрерывно находиться в открытом море от шести до восьми месяцев. До научных и инженерных изобретений XIX в. человеческий ум мало что мог придумать удовлетворительного по части сохранности еды и питья, хранившихся на протяжении многих месяцев в кладовках деревянных кораблей, которые следовали под тропическим солнцем. Уходящий в плавание генерал-губернатор Жерар Рейнст, хотя и обвинял поставщиков в том, что они доставляли просроченную провизию в надежде, что ее дальнейшую порчу можно будет списать на тропическую жару, признавал, что провиант все же мог испортиться. «Вода и вино, которые ежедневно доставались из трюма, почти такие же горячие, как если бы их вскипятили, а это и есть основная причина порчи продовольствия», – писал он с борта своего флагмана близ Сьерра-Леоне в 1614 г. По правде говоря, удивительно не то, что продукты и вода часто становились гнилыми и зловонными – безотносительно того, были ли подрядчики и судовые бакалейщики нечестны, – а то, что провизия иногда сохранялась в относительно хорошем состоянии во время рейсов, длившихся более шести месяцев.

В разные периоды времени рационы также различались, как это можно видеть по типичным их нормам, приведенным Николасом де Граффом и О.Ф. Менцелем. Они показывают, что моряки получали мясо два-три раза в неделю в то время, когда голландские крестьяне и рабочие считали себя счастливыми, если у них выпадал хотя бы один мясной день; однако современные свидетельства расходятся во мнении, были ли рационы моряков достаточными по качеству и количеству. По всей вероятности, если шкипер, казначей и эконом на судне оказывались людьми честными, а кок умелым, то команде было практически не на что жаловаться. Но если, как это часто случалось, шкипер или казначей пытался присвоить рационы команды или когда провизия портилась из-за тропической жары или по иным причинам, тогда людям, соответственно, приходилось страдать от недоедания.

Как известно, офицеры в любом случае получали лучшее довольствие. Старшины рангом от боцмана и ниже получали двойную порцию спиртного, тогда как за столом шкипера в кают-компании почти не существовало ограничений на жажду и аппетит столующихся. Читавшие мемуары Уильяма Хикки припомнят, как замечательно потчевали этого гурмана на борту голландского восточного «индийца» «Герой Волтемаде» на пути от мыса Доброй Надежды до Тексела в 1780 г. Почти ровно 100 лет назад Роберт Нокс после своего побега из королевства Канди^[32] отправился в Батавию вместе с голландским губернатором береговой части Цейлона. «Он так благоволил ко мне, – записал он, – что я присутствовал в его кают-компании, обедал за его личным столом, где каждая трапеза состояла из десяти – двенадцати мясных блюд с отличным выбором вин». Разумеется, такой резкий контраст в жизненных стандартах был свойствен не одним лишь голландцам. Он являлся общей чертой мореплавания во всех странах, и не в последнюю очередь на кораблях британского Королевского флота и судах Британской Ост-Индской компании. Читатели дневника священника Генри Теонге (1675–1679) припомнят обжорство и пьянство в кают-компании в то время, как моряки умирали от голода и страдали от недоедания.

Значение свежих продуктов в борьбе с цингой смутно осознавалось еще со времен первых португальских мореплавателей. На голландских «индийцах» часто перевозили апельсины, лимоны и яблоки, хотя превосходство лимона как средства против цинги над всеми другими цитрусовыми еще не осознавалось. Еще до основания поселения на мысе Доброй Надежды как продовольственной базы для восточных «индийцев» командующие ранними флотами периодически предпринимали попытки посадки фруктовых деревьев и овощей в таких местах, как острова Святой Елены и Маврикий, поэтому те, кто пришел после них, могли пожинать плоды и, в свою очередь, делать новые насаждения. На этих двух

островах царил необыкновенно здоровый климат; однако в других местах, таких как Кабо-Верде, Сьерра-Леоне и Мадагаскар, куда иногда заходили «индийцы» ради свежего продовольствия и фруктов, больных цингой можно было вылечить переменой питания, но при этом многие могли заразиться малярией или какой-либо иной тропической лихорадкой.

Другим источником заболеваний являлось отсутствие гигиены на борту, точнее, проблемы с внедрением соответствующих санитарных норм в битком набитых кубриках команды. Голландских «индийцев» времен золотого века вполне справедливо сравнивали с обычными голландскими домами того же периода, которые также знакомы нам по картинам старых голландских мастеров. Красочные и живописные снаружи, изнутри они были темными, холодными и плохо проветриваемыми. Солдаты и моряки жили в замкнутом пространстве между палубами, где они подвешивали свои гамаки, держали рундуки и столовались все вместе. Освещение и вентиляция осуществлялись через несколько люков и орудийные порты, которые часто приходилось закрывать при дождливой и штормовой погоде, и тогда, если судно находилось в тропиках, в кубриках была невыносимая жара и духота. Такую удушающую атмосферу часто усугубляли жар и пары из камбуза, не говоря уж об испарениях от насквозь пропотевших, до смерти вымотанных и страдавших от морской болезни человеческих существ. А поскольку «индийцы» часто ходили перегруженными и в любом случае им приходилось везти запасы питьевой воды и продовольствия не менее чем на девять месяцев, на суднах редко находилось достаточно места, чтобы изолировать больных от здоровых или как следует заниматься их лечением.

Хуже всего, пожалуй, было нежелание или неспособность некоторых людей пользоваться гальюном по назначению; эти негодяи справляли нужду прямо за рундуками или по углам. Разумеется, такие антисанитарные действия были строго запрещены, и на борту голландских судов подобное являлось скорее исключением, чем правилом, – по крайней мере, если сравнивать с кораблями других стран. Французский моряк Франсуа Пирар де Лаваль, описывая свое плавание на португальской ост-индской каракке в 1610 г., отмечает: «Эти корабли невероятно грязны и к тому же воняют; большинство экипажа не утруждает себя тем, чтобы выйти по нужде на палубу, что отчасти является причиной высокой смертности среди них. Испанцы, французы и итальянцы ничем не лучше, однако англичане и голландцы чрезвычайно щепетильны и чистоплотны». Однако доставленные вербовщиками неопытные новички, еще не привыкшие к качке, зачастую слишком сильно страдали от морской болезни, чтобы успеть добраться до гальюна; и даже старые голландские морские волки порой напивались до такого бесчувственного состояния, что валялись в собственных нечистотах. Последними, но не менее важными являлись блохи, вши и другие паразиты, кишевшие в матросской одежде, которую моряки часто не имели возможности поменять целыми неделями; и еще крысы, тараканы и прочие вредители, бурно размножившиеся в корабельных кладовых среди гниющего провианта. В таких условиях чистота даже на борту голландских судов оставляла желать много лучшего. Капитан вышедшего из Зеландии «индийца», прибывшего на мыс Доброй Надежды в 1774 г., написал об одном из своих кораблей сопровождения, который высадил на берег 80 больных моряков: «Судно между палубами было до того грязно, что кое-кто из моих офицеров уверял, будто никогда не видел ничего подобного – даже на борту французских кораблей».

Нехватка соответствующей одежды являлась еще одной причиной высокой заболеваемости среди моряков. Похоже, Нееген XVII разделяли мнение вербовщиков, будто людям, выходящим в море в разгар голландской зимы, теплая одежда не нужна, раз вскоре они уже окажутся в тропических морях, под Южным Крестом. Однако директора закрывали глаза на совершенно очевидные факты. И если Бонд ел в своей поэме «Похвала навигации», которую он посвятил доктору Лауренсу Реалу, прежнему генерал-губернатору Восточных Индий, лишь мимоходом упомянул хронические потери людей из-за лишений и холода, то те же жалобы намного чаще и более убедительно исходили от многих старших чиновников компании, как результат их собственного опыта. Реаль и сам разделял невзгоды моряцкой жизни в Атлантике, на Средиземноморье – как и в Индийском океане и Южно-Китайском

море. Симон ван дер Стел, губернатор мыса Доброй Надежды в 1679–1691 гг., отправил Heeren XVII конфиденциальное письмо, в котором он объясняет, что нехватка еды и продовольствия очень сильно влияет на моральное состояние моряков. «От недоедания они пали духом, – пишет он, – все запасы прочности исчерпаны, и они умирают».

Даже в европейских водах смертность была возмутительно велика. Например, зимой 1659/60 г. моряки голландского флота в запертой льдами гавани Копенгагена, в условиях, напоминавших крымскую зиму 1854/55 г. во время войны 1853–1856 гг., жестоко страдали от обморожений, сыпного тифа и других заболеваний. В любом случае на протяжении XVIII в. качество провианта и одежды только ухудшалось, особенно в голландском военно-морском флоте. Такое положение дел явилось одной из основных причин трудностей с набором нужного количества моряков в 1780 г.

Когда мы рассматриваем опасности, неотделимые от жизни моряков в дальних морях во времена парусного флота, то нет ничего удивительного, что смертность порой достигала катастрофических масштабов, особенно на борту восточных «индийцев». Наиболее распространенными и ужасными заболеваниями на кораблях можно назвать следующие: цинга – термин, использовавшийся для целой группы заболеваний, вызванных недостатком питания; корабельная (или тюремная) лихорадка – то есть тиф, обычно попадавший на борт с зараженной одеждой больных новобранцев, доставленных вербовщиками; дизентерия – она же «кровавый понос», как прозвали ее голландские и английские моряки. Простуда, плеврит и гнойное воспаление легких также собирали свою жатву смертей. Еще одним тяжелым заболеванием была задержка мочеиспускания, что часто вызывалось гипертрофией предстательной железы, особенно среди немолодых моряков 50–60 лет. никоим образом нельзя пренебрегать масштабами несчастных случаев и фактором примитивной хирургии того времени, делавшей любую операцию чрезвычайно опасной, не говоря уж о риске гангрены.

Поэтому неудивительно, что, когда моряки возвращались после пятилетнего пребывания в Индиях домой, они имели склонность проматывать свое заработанное тяжким трудом жалование в борделях и тавернах, из-за чего их прозвали «сеньорами на шесть недель». Амстердам стал Меккой этих heeren varengasten – «катающихся на лодках господ», вне зависимости от той страны, откуда они были родом. Деньги, которые они тратили таким образом, являлись долгожданным источником дохода для торговцев и хозяев таверн на протяжении двух столетий. В 1688 г. английский консул в Амстердаме писал, что к борделям, существовавшим под видом музыкальных заведений, относились терпимо,

поскольку вернувшиеся из плавания моряки «настолько изголодались по женщинам, что если бы здесь не было приманки в виде таких домов, то они брали бы силой жен и дочерей самих граждан города». 100 лет спустя еще один очевидец заметил, что «сеньоры на шесть недель» низводили себя от состояния относительного достатка до «наготы адамитов» того времени, но при этом самодовольно добавил: «А где остались промотанные ими деньги? В Амстердаме. И кто извлек из них прибыль? Жители города».

Если мы видели, что среди моряков дальнего плавания насчитывалось множество иностранцев, то в числе солдат их было еще больше – как в армиях, оплачиваемых Генеральными штатами, так и в составе наемников Вест- и Ост-Индской компаний. Даже во время Восемидесятилетней войны подавляющее большинство солдат, сражавшихся под знаменами принцев Оранских, были не голландцами, а немцами, валлонами и другими иностранцами. Точно так же в армии Соединенных провинций многие годы служили целые полки шотландцев и англичан, хотя, как утверждают некоторые современные писатели, голландские солдаты не являлись такой уж редкостью. Памфлет 1613 г. напоминает нам, что даже в Свободных Нидерландах голод и безработица являлись самыми действенными вербовщиками. «Мать-при-рода производит на свет рекрутов дважды в году; раз летом – тех, кто увиливает от работы и не переносит запаха собственного пота, и ближе к зиме, когда не хватает дров, торфа и прочих зимних припасов». Разумеется, соотношение голландцев среди офицеров было значительно выше, чем среди рядовых, но и здесь можно было встретить

много офицеров немцев, французов, швейцарцев, англичан и шотландцев – в ранге от прапорщика до фельдмаршала. Многие из офицеров, как голландских, так и иностранных, были аристократического или дворянского происхождения. Что находилось в резком контрасте со службой на флоте, где до первой половины XVIII в. большинство офицеров происходили из среднего или рабочего сословия.

Несмотря на катастрофический упадок голландского военного флота и, в меньшей степени, торгового, на протяжении всего XVIII столетия в провинциях Голландия, Зеландия и Фрисландия среди представителей голландского рабочего сословия всегда было проще набрать моряков, чем солдат.

Как записал в 1780 г. один очевидец, полк, в течение двух лет несший гарнизонную службу в нескольких городах на севере Голландии, несмотря на настойчивые усилия офицеров, не мог в то время завербовать более 15 человек, девять из которых являлись иностранцами. Общеизвестно, что не столь затруднительно было набрать солдат в материковых провинциях, даже в таких гарнизонных городах, как Гаага и Утрехт; но в общем и целом можно сказать, что было проще завербовать 1000 моряков, чем 100 солдат.

В наемных войсках Вест- и Ост-Индской компаний процент иностранцев всех званий был также высок. В январе 1622 г. из 143 солдат гарнизона Батавии 60 являлись немцами, швейцарцами, англичанами, шотландцами, ирландцами, датчанами и прочими иностранцами, не считая 17 фламандцев и валлонов и 9 человек неопределенной национальности. Списки личного состава гарнизонов Молуккских островов в 1618–1620 гг. показывают аналогичную разнородность в отношении солдат из Бремена, Гамбурга, Шотландии и с Шетландских островов. Из примерно 60 человек, которые были осуждены серией военных корабельных судов, проходивших в Южно-Китайском море между июлем 1622 и августом 1623 г., не менее 18 оказались иностранцами, включая швейцарцев, шотландцев, фламандцев, французов и японцев. В гарнизоне мыса Доброй Надежды в 1660 г. служили английские, шотландские и ирландские солдаты; однако здесь, как и повсюду среди наемников VOC, большинство составляли немцы. Доля немцев на службе WIC, похоже, была не такой уж большой, по крайней мере до 1642 г. Когда графу Иоганну Морицу, генерал-губернатору Голландской Бразилии, в тот год Heeren XIX приказали уволить всех своих солдат не голландского, немецкого или скандинавского происхождения, он ответил, что большинство его войск составляют англичане, шотландцы и французы. Примерно в то же время в гарнизоне штата Параиба на востоке Бразилии служило 150 англичан под командой своего соотечественника Джона Гудледа, а еще WIC пришлось подыскать английского священника-кальвиниста для чтения проповедей войскам в городе Ресифи на их родном языке.

Немецкий источник, сообщавший, что в 1710 г. гарнизон в Батавии почти полностью состоял из немцев, швейцарцев, поляков и «не более десятка голландцев», явно преувеличивал. Однако 80 лет спустя VOC взяла на службу на Востоке два полных подразделения европейских наемников – немецкий полк герцога Вюртембергского и швейцарский полковника де Мёрона. Как и в случае армии метрополии, среди офицеров голландцы были представлены в больших пропорциях, чем среди рядового состава, однако ключевые посты часто занимали иностранцы. Достаточно упомянуть несколько типичных примеров: в 1686–1696 гг. комендантом Батавии был французский гугенот Исаак де Сен-Мартин, а мыса Доброй Надежды в 1728–1740 гг. – берлинец И.Т. Рениус. На другом краю света голландским гарнизоном Луанды в 1641–1642 гг. командовал англичанин Джеймс Хендерсон, а повествование шотландского офицера Дж. Г. Стедмана о своей службе в Суринаме в 1772–1777 гг. заслуженно считается классикой. Попутно можно отметить, что социальный престиж армейских офицеров, который и без того никогда не был так высок, как в других европейских странах, где-то в XVIII столетии стал еще ниже, правда не столько в самих Соединенных провинциях, сколько в Восточных Индиях. Офицеры армии и военного флота, отправившиеся в Батавию с экспедицией ван Браама в 1783 г., были неприятно удивлены, когда обнаружили, что гражданские чиновники VOC обращаются со своими

военными коллегами с нескрываемым презрением. В тот период времени ни один из уважаемых бюргеров Цейлона не пригласил бы к себе на званый обед кого-либо из офицеров гарнизона, за исключением четырех-пяти высших военачальников.

Эдвард Барлоу, находившийся в плену у голландцев в Батавии в 1672–1673 гг., подтверждает, что «голландцы в Восточных Индиях могущественнее любой другой христианской нации; они содержат там, в том или ином месте, 150–200 парусников и 30 тысяч человек служащих на жалованье. Однако они весьма болезненны и быстро умирают; на некоторых судах из Голландии с 300 человек на борту к моменту прибытия в Восточную Индию порой умирает от 80 до 100». И действительно, потери среди белых людей в тропиках из-за смертности, болезней и дезертирства всегда были высоки. Сетования по поводу трудностей вербовки и низкой пригодности завербованных отмечаются с первой декады существования VOC. С редкими перерывами такие жалобы продолжались на протяжении почти 200 лет, достигнув своего пика во второй половине XVIII столетия. Для того чтобы обеспечить вербовку солдат и матросов для службы на востоке, вскоре в Амстердаме и других портах Голландии образовалась «гильдия» вербовщиков, прозванная *zielver-koopers* – «торговцы душами». Эти «торговцы душами» приставали к подходящим молодым людям из числа безработных без гроша за душой, в основном немцев, наполнивших Северные Нидерланды в поисках работы и богатства. Вербовщик предлагал будущему рекруту обеспечить его питанием и проживанием до того времени, как начнется набор людей для следующего индийского флота, в обмен на долговую расписку, дающую вербовщику право возместить свои расходы по содержанию рекрута путем ежемесячных вычетов из жалованья последнего, когда тот начнет его получать.

А в ожидании, пока прогремят барабаны, извещающие о наборе во флот – военно-морской или военной службы компании, – рекруты содержались в условиях, порой напоминавших барракуны – фактории для «черной слоновой кости», то есть рабов, – работорговцев Западной Африки. Рекруты были ограничены пространством тесных чердаков, мансард и подвалов, жили практически без света и вентиляции, при скудном питании и в возмутительной антисанитарии. В 1778 г. очевидец написал, что видел 300 человек в мансарде с очень низким потолком, «где им приходилось находиться день и ночь, где они отправляли естественные надобности, где у них не имелось нормального места для сна и им приходилось ложиться как попало вплотную друг к другу». Он же добавляет: «Наблюдал я и другие примеры, когда очень большое количество людей было заперто в подвалах домов, и некоторые из них пробыли здесь уже целых пять месяцев, в течение которых им приходилось дышать заразным нездоровым воздухом. В некоторых из таких домов смертность столь пугающе высока, что их владельцы, не осмеливаясь сообщать о точном количестве смертей, порой хоронили по два трупа в одном гробу». Рационы, вполне соответствовавшие условиям жизни, состояли в основном из плохо прокопченного бекона, «осклизлой речной рыбы», картофеля и хлеба. Совершенно очевидно, что люди, сколь-нибудь долго ограниченные такими условиями проживания, поднимались на борт своего корабля, будучи совершенно не в состоянии сопротивляться вспышкам инфекционных заболеваний или заразным болезням – даже если им посчастливилось еще не заразиться.

Ввиду того факта, что бессовестные методы голландских «торговцев душами» скоро приобрели дурную славу по всей Германии, кажется удивительным, что они могли обеспечивать постоянный приток жертв, даже если мы вспомним североамериканскую поговорку, что каждую минуту рождается новый простофиля. Значит, так оно и было. Вышеупомянутый очевидец уверяет нас, что в 1778 г. в провинциальных городах, где о вербовщиках раньше и не слышали, их насчитывалось по 20, 30, 40 и более человек. В Амстердаме, который всегда являлся центром притяжения, их было более двухсот. Эти «продавцы душ» работали в основном над поставкой военного и морского персонала для VOC, хотя при случае делали это и для WIC. Когда им не удавалось пристроить всех своих обманутых жертв в какую-либо из двух индийских компаний, они старались определить их в

армию, военный флот или на обычные торговые суда. В 1634 г. был установлен срок контракта с VOC – три года для большинства моряков и пять лет для всех остальных наемных работников. Позднее пятилетний контракт сделали обязательным для всех моряков, зарабатывавших от 6 до 10 гульденов в месяц. Юнги должны были подписывать контракт на 10 лет.

Из вышеизложенного и богатой литературы о путешествиях XVII–XVIII вв., очевидно, что голландскому моряку скорее всего была уготована отвратительная, жестокая и короткая жизнь – особенно у тех, кто ходил под парусом в Восточные и Западные Индии. Но разумеется, случалось и другое. Если многие суда переносили жестокие лишения во время долгого плавания между Текселом и Батавией, то некоторые проделывали тот же путь без людских потерь, и все люди на борту пребывали в добром здравии. Если еда часто была плохой, а дисциплина жестокой до садизма, то, похоже, вокальные упражнения в значительной степени успокаивали загрубевшую душу моряков. Многие путешественники отмечали, что команды экипажам отдавались нараспев или произносились на манер церковных песнопений, что стало характерной чертой повседневной жизни на борту голландских «индийцев». Матросские песни помогали легче переносить невероятно тяжелую работу, что с явной неохотой признавал Мендель, вспоминая свое собственное плавание к мысу Доброй Надежды. Уильям Хикки, как всегда, проявлял большой энтузиазм по поводу этих дуэтов и песенок, «жалобных и сентиментальных – как раз в моем вкусе», которые он с удовольствием слушал на «индийце» «Герой Волтемаде» и фрегате «Фетида». «Большая часть вахты зачастую довольно слаженно присоединялась к хору». Очевидно, двум этим голландским судам повезло, хотя наверняка должно было найтись еще немало таких же кораблей, как они.

Глава 4

Море открытое и море внутреннее

Когда Питер де ла Кур опубликовал в 1662 г. свои знаменитые «Интересы Голландии», он озаглавил одну из своих самых коротких и убедительных глав «Более всего война, и главным образом на море, является наиболее разорительной (а мир весьма выгодным) для Голландии». Ежемесячное издание «Голландский Меркурий» в редакционной статье от февраля того же года отмечало, что «в Соединенных провинциях полно состоятельных правителей и жителей, повсеместно страдающих от всех войн, пиратства и использования военной силы», которые с огромной радостью узнали о том, что король Франции готов подписать с ними новый мирный договор. Как правители страны, чьи купцы бороздили семь морей от Архангельска до мыса Доброй Надежды и от Нового Амстердама до Нагасаки, Генеральные штаты, естественно, теоретически дорожили миром, тем не менее большую часть XVII в. они обнаруживали себя участниками войн в том или ином регионе мира. Возможно, с подписанием в 1648 г. Мюнстерского договора они полагали, что в будущем могут рассчитывать на длительный период времени, когда Соединенные провинции Северных Нидерландов могли бы находиться в мире со всем светом, но вскоре их вывели из этого заблуждения. «Нашу страну здесь ненавидят лютой ненавистью», – писал из Мехелена корреспондент Яна де Витта в декабре 1652 г., вскоре после того, как разразилась неудачная война с Англией (1-я Англо-голландская война 1652–1653 гг.). Почти три года спустя Рейклоф ван Гуне, только что вернувшийся в Амстердам из Батавии, сообщил Heeren XVII: «Здесь, во всех Индиях, нет никого, кто желал бы нам добра; помимо этого, нас смертельно ненавидят все страны... поэтому, по моему мнению, рано или поздно нас рассудит война».

и в самом деле, после заключения Мюнстерского договора Голландская республика целую декаду находилась в положении тревожной дипломатической изоляции. Единственным ее европейским союзником оставалась Дания и, помимо папистской Португалии, протестантской Англии и мусульманского Макасара^[33], еще многие страны с завистью или беспокойством следили за преуспеванием Голландии в торговле и заморской экспансии. Купцы-олигархи Голландии и Зеландии могли заявлять о своем миролюбии, и де

ла Кур взывал именно к таким уже новообращенным, ратуя за поддержание мира – практически любой ценой – с такими могущественными державами, как Англия и Франция. «Англичане собираются напасть на гору золота; мы – на гору железа», – с мрачным предчувствием написал великий пенсионарий Голландии накануне 1-й Англо-голландской войны. Однако, если «пожиратели сыра», как их презрительно окрестили иностранцы, с неохотой брались за оружие ради собственной защиты, когда на них напала Англия в 1652 и 1664 гг. и Франция вместе с Англией в 1672 г., они не колебались предпринимать агрессивные действия в другое время и в других местах, если это их устраивало. Более того, даже когда Генеральные штаты, штатгальтеры и директора Вест- и Ост-Индской компаний, в интересах государства или торговли, были склонны к миролюбию, из этого вовсе не следовало, что их подчиненные в Индиях приняли бы во внимание миротворческие предписания своих руководителей. Те люди, которые попали под их удары, согласились бы с португальским хроникером XVIII в., написавшим следующее: «Похоже, Марс, после того как он побродил по планете, в конце концов обосновался в Голландии».

Пример того, как приобретения колониальной империи затруднили для купцов-олигархов Соединенных провинций выбор между войной и миром, представлен превратностями их отношений с Португалией в первые три десятилетия после того, как эта страна порвала с зависимостью от кастильской (испанской) короны. Когда в декабре 1640 г. герцог Браганса был провозглашен королем Жуаном IV Португальским, Испания все еще оставалась заклятым врагом голландцев; и штатгальтер, и Генеральные штаты были готовы к сотрудничеству с новым союзником, который осуществил масштабный отток военной силы с фронта во Фландрии. Некоторые из амстердамских торговцев также приветствовали перспективу увеличения торговли с самой Португалией, особенно солью из Сетубала, что в Западной Португалии, столь необходимой для засола сельди. Но только не директора Вест- и Ост-Индской компаний, которые считали более выгодным продолжать свои завоевания в колониальном мире за счет Португалии, даже если с королем Жуаном IV было необходимо заключить перемирие в Европе. В меморандуме, представленном Heeren XVII Генеральным штатам в мае 1641 г., директора заявляли, что «достопочтенная компания значительно разрослась благодаря столкновениям с португальцами, вследствие чего сейчас она обладает монополией на большую часть торговли в Азии; что они рассчитывают на среднюю ежегодную прибыль между 7 и 10 миллионами; и что если им позволят продолжать в том же духе, вышеуказанный доход будет с каждым годом только увеличиваться». Более того, они соглашались, что, если сейчас прекратить боевые действия с португальцами, то последние вскоре обретут второе дыхание и снова станут опасными соперниками в азиатской торговле. В таком случае нежелательный спад собственной торговли компании повлек бы за собой значительное уменьшение объемов ее кораблестроения и служб снабжения, лишая таким образом Соединенные провинции «множества мощных боевых кораблей». Тысячи моряков и других работников лишились бы средств к существованию, и произошло бы резкое сокращение доходов от импорта и налогов, выплачиваемых компанией. Heeren XVII утверждали, что, если Генеральные штаты так настаивали на заключении перемирия с португальской короной в Европе, то Восточные Индии должны быть – явно или неявно – исключены из него, как это было во время двенадцатилетнего перемирия 1609–1621 гг.

По тем же причинам генерал-губернатор Антони ван Димен и его советники в Батавии выказали величайшее нежелание к заключению перемирия с португальцами в Азии. Они отвергли предварительные инициативы португальского вице-короля Гоа и на протяжении трех лет умудрялись уклоняться – под тем или иным предлогом – от полной реализации десятилетнего перемирия, заключенного в Гааге в июне 1641 г. Отношение чиновников Голландской Ост-Индской компании к португальским претензиям в Азии, обоснованным или нет, отражено в письме английского резидента в Коломбо, касающемся спора о границах на Цейлоне между двумя странами после запоздалого оглашения перемирия в ноябре 1644 г.: «Вице-король отправил посла в Галле, чтобы, согласно договоренностям между королем Португалии и Генеральными штатами Нидерландов, потребовать возвращения Негомбо, но

Мацуйкер, генерал-губернатор Голландской компании, прямо заявил послу, что они действительно получили приказ Генеральных штатов и принца Оранского передать Негомбо португальцам, но подчиняются они не принцу и Генеральным штатам, а компании, от которой (как они сказали) подобных указаний не поступало; а получи они такой приказ от своей компании, то сдадут Негомбо, только если их вынудят сделать это силой. И посол вернулся назад несолоно хлебавши».

Директора Вест-Индской компании, которые поначалу приветствовали известия о разрыве Португалии с Испанией в 1640 г., быстро перешли на точку зрения Heeren XVII, направленную против лузитано (португало) – голландского перемирия в тропиках. В случае отказа от заключения прочного мира, который позволил бы им укрепить и развить с трудом удерживаемую колонию Пернамбуку, Heeren XIX посчитали, что для них было бы лучше продолжать агрессию против непрочных португальских владений в Бразилии и Западной Африке. Когда Генеральные штаты, под давлением штатгальтера и французского посла, решили принять предложение португальцев о десятилетнем перемирии «за пределами границ» так же, как и в Европе, Heeren XIX уже приказали своему губернатору Пернамбуку захватить как можно больше португальских территорий до того, как грядущее перемирие вступит в силу. Они настаивали на своей позиции вопреки возражениям Генеральных штатов и тем самым дали возможность графу Иоганну Морицу организовать завоевание Анголы и Сан-Томе в Африке и Мараньяна в Бразилии в тот момент, когда португальцы считали себя в безопасности от дальнейшей агрессии голландцев.

Беспечно не обращая внимания на то, что своими захватами они сами спровоцировали – с моральной, если не с юридической точки зрения – португальцев, Heeren XIX отозвали прославленного Иоганна Морица и сократили свои бразильские гарнизоны, после того как в июле 1642 г. запоздало объявили о перемирии. Что побудило португальцев Пернамбуку поднять в июне 1645 г. против захватчиков-еретиков восстание, которое поддержала – поначалу тайно, а потом и открыто – метрополия. Когда известия об этом достигли Соединенных провинций, Heeren XIX, естественно, призывали, чтобы Генеральные штаты и Ост-Индская компания снова начали военные действия против Португалии в Европе и Азии, просьбы об этом они возобновили после потери Анголы и Бенгелы в 1648 г. Генеральные штаты колебались, мнения разделились – в значительной степени из-за давления их французских союзников и амстердамских торговцев, занятых прибыльной торговлей солью с Португалией. Точно так же на некоторое время разделились мнения и среди Heeren XVII, однако их страсть к экономии оказалась сильнее воинственности, и они позволили перемирию длиться и дальше, до истечения его срока в 1652 г. И даже тогда они возобновили военные действия с великой неохотой, поставив Генеральные штаты в известность, что поступили так «только по настоянию и из-за давления государства, а не из целей защиты, не говоря уже о собственном желании или личной заинтересованности». Такой резкий поворот от их собственных позиций двенадцатилетней давности, когда они яростно протестовали против распространения перемирия на Азию, объясняется тем фактом, что, вопреки их страхам 1641 г., за годы перемирия португальская торговля в Азии не возродилась в сколь-нибудь значительных масштабах и, следовательно, не оказала неблагоприятного влияния на их коммерческое превосходство на Индийском океане.

К концу 1646 г. стало очевидно, что наполовину обанкротившаяся WIC совершенно не способна справиться с восстанием в Пернамбуку и что Генеральным штатам придется оказать ей серьезную помощь деньгами, людьми и кораблями. После долгих и мучительных переговоров в 1647–1648 гг.

Голландия и Амстердам в конечном счете согласились помочь WIC в обмен на неохотное согласие Зеландии заключить мир с Испанией, однако в 1649 г. между провинциями снова разразился кризис, когда стало ясно, что компании понадобится и дальнейшая помощь. В связи с этим Генеральные штаты решили отправить флот для блокады устья реки Тахо (Тежу), дабы вынудить короля Жозе IV согласиться с требованиями о возвращении всего того, что WIC потеряла в Бразилии и Анголе. Зеландия отказалась ратифицировать

подписанный с Данией в октябре 1649 г. Договор выкупа, в котором Амстердам был особенно заинтересован из-за торговли через Зунд (Эресунн), пока Голландия не согласится выполнять решения Генеральных штатов. Голландия же, подстрекаемая Амстердамом, отказалась предоставлять деньги и корабли на планировавшуюся в Португалию экспедицию до тех пор, пока Зеландия сначала не ратифицирует договор с Данией. Только к марту 1651 г. Зеландия с неохотой пошла на это; и тогда Голландия отказалась выплачивать свою долю, пока все остальные провинции не внесут свой вклад и не выплатят задолженности по субсидиям WIC с 1630 г.! Этого они не могли выполнить, а разразившаяся в мае 1652 г. война с Англией сделала дальнейшие решительные действия против Лиссабона или Бразилии невозможными.

Через три года после потери в 1654 г. Пернамбуку Генеральные штаты наконец вынудили Голландию отправить флот для блокады устья Тахо (Тежу) и принудить португальцев к повиновению, однако английское и французское дипломатическое вмешательство на стороне Португалии вскоре предоставило Голландии долгожданный предлог для возобновления своей оппозиции войне и для того, чтобы настоять на продолжении переговоров с представителем Португалии в Гааге в 1658 г. Пренебрегая постановлениями Утрехтского собора о том, что все подобные решения должны приниматься единогласно, депутаты от Голландии под руководством Яна де Витта протолкнули через Генеральные штаты мирный договор с Португалией, несмотря на яростное сопротивление Зеландии и помехи, чинимые в 1661–1662 гг. Гелдерландом и Гронингеном.

Отношение Голландии, а более всего Амстердама к португало-бразильской проблеме в 1641–1661 гг., ясно показывает подробный отчет Джорджа Даунинга, составленный для своего правительства в 1664 г.: «Вы обладаете безграничным преимуществом по сравнению с той формой правления – столь сильно раздробленной и разобщенной, – которая существует в этой стране; и хотя остальные провинции отдают свои голоса Голландии, тем не менее нет ничего более несомненного и определенного, чем то, что Голландии следует ожидать, что именно ей придется нести все бремя. Даже Зеландия мало что может сделать, поскольку она крайне бедна, а что до остальных провинций, то они либо ни на что не способны, либо попросту не имеют желаний». 14 годами ранее португальский посланник в Гааге, информируя свое правительство, изрек ту же истину, только еще точнее: «Если Голландия желает мира, то, чтобы его обеспечить, этого больше чем достаточно; для этого хватит одобрения одного лишь Амстердама». Пока вся Голландская республика терпела и пока музыку оплачивал Амстердам, правители-олигархи считали себя вправе эту самую музыку и заказывать.

Совершенно очевидно, что правящие сословия Голландии и Амстердама в своем неприятии войны руководствовались больше экономическими соображениями, чем исключительно пацифистскими принципами, что можно видеть по тем силовым методам, которые они применяли всякий раз, когда считали, что их «домашней торговле» на Балтике угрожала та или иная северная держава. Резко контрастирует с их нежеланием посылать флот для блокады устья реки Тахо (Тежу) в 1645–1661 гг. то, что в тот же период времени Амстердам стал движущей силой отправки нескольких голландских флотов в Зунд (Эресунн). Эти военно-морские силы могли быть использованы для воздействия поочередно на Данию и Швецию, если какая-то из этих стран вдруг вознамерится закрыть Зунд или наложить на проходящие проливом голландские суда более высокие пошлины, чем желали платить их владельцы. А поскольку это была эпоха шведских имперских амбиций, то после 1650 г. эта страна обычно являлась действительным или потенциальным противником. Когда король Карл X Шведский в беседе с голландским посланником как-то пригрозил закрыть Балтику для голландского судоходства, Конрад (Кунрад) ван Бёнинген остроумно ответил, что видел деревянные ключи от Зунда, которые стоят на рейде Амстердама. В 1645 г. предприимчивые судовладельцы Амстердама снабжали боевыми кораблями как Данию, так и Швецию – для ведения войны, разразившейся тогда между двумя королевствами; а поскольку Швеция становилась сильнее, а Дания слабела, голландские военно-морские

силы использовались для поддержки последней сначала в 1658–1660 гг. и еще раз в 1675–1678 гг.

Как самые крупные в мире морские перевозчики на протяжении целого столетия, голландцы давно заявили о своих претензиях на «открытое море». 15 марта 1608 г. штаты провинции Голландия приняли секретную резолюцию, что они «ни целиком, ни частично, ни прямо, ни косвенно не откажутся и не отрекутся от принципа открытого моря, повсюду и во всех частях света». Со временем они вынудили Генеральные штаты принять ту же точку зрения, и эта инстанция в 1645 г. торжественно подтвердила, что «существование, благополучие и доброе имя государства заключается в судоходстве и морской торговле». И не могло быть ничего проще, чем приумножить такие претензии общественным и личным осознанием того, что граждане Голландской республики должны стремиться преодолеть любые ограничения в отношении свободного судоходства, сохранять за собой право плавать во всех морях, ловить рыбу у всех берегов, торговать со всеми странами, защищать права нейтральных государств во время войны и как можно сильнее сузить понятие контрабанды.

Подобные претензии далеко не всегда совпадали с запросами других стран, и отсюда возникали споры с Данией по поводу пошлин за проход через Зунд (Эресунн) и с Англией по поводу большого рыбного промысла и претензий англичан на суверенитет над узкими морями^[34]. Однако, как правило, самые ожесточенные споры возникали по поводу прав нейтрального судоходства и определения контрабанды. Голландцы отстаивали принцип «свободное судно, свободные грузы», по которому грузы нейтральных судов освобождались от захвата или задержания воюющими сторонами, за исключением перевозящих контрабандное оружие и военные припасы. «Контрабанда» являлась довольно расплывчатым термином, и в договорах с другими морскими державами начиная с 1646 г. и далее Генеральные штаты старались как можно сильнее сузить определение контрабанды и исключить из него продовольствие, металлы, корабельные припасы и прочие товары, которые также могли рассматриваться в качестве потенциальных военных грузов. Они также прилагали усилия по ограничению права обыска и просмотра судовых документов и по запрету досмотра груза, если документы были в порядке. Для защиты своего торгового судоходства от иностранных военных кораблей в европейских водах голландцы широко использовали конвои, особенно в средиземноморской и балтийской торговле. Также они отправляли корабли навстречу возвращающимся домой флотам Вест- и Ост-Индской компаний – в Ла-Манш или к Шетландским островам и к острову Фер-Айл (между Оркнейскими и Шетландскими островами).

Вряд ли стоит повторять, что, отстаивая свободу международной торговли в целом и открытость морей в частности, торговцы-олигархи Голландии и Зеландии руководствовались в основном – если вообще не исключительно – собственными интересами. Они были убеждены, и, как показал XVII век, не совсем безосновательно, что всегда смогут обеспечить себе львиную долю европейских коммерческих перевозок при равных для всех условиях. Такое убеждение разделялось многими из их конкурентов, особенно английских, которые большую часть того периода времени пребывали в уверенности, что голландцы всегда собьют их цену в любом месте, где обе страны торгуют на равных условиях. Как Кларендон писал в 1661 г. из Гааги Даунингу, «Его Величество, наш Король, никогда не должен смиряться с тем, что голландцам следует пользоваться равными с ним привилегиями в торговле».

Однако голландцы без колебаний забывали о своих принципах свободной торговли, когда это их устраивало или если они считали, что могут установить доходную монополию. Как вполне справедливо отметил накануне 2-й Англо-голландской войны (1665–1667) Даунинг: «В британских водах море считается открытым, но у берегов Африки или в Восточных Индиях оно внутреннее». Он мог бы еще добавить, что у голландцев внутреннее море имелось и гораздо ближе к их дому. Они держали устье Шельды закрытым для иностранных судов еще со времен Мюнстерского договора 1648 г. – из опасений, что Антверпен мог снова обрести свое былое морское могущество за счет Амстердама. Во время

безуспешных переговоров насчет англо-голландского союза в 1650 г. голландцы предложили «чтобы все вражеские грузы, обнаруженные на дружественных судах, не арестовывались, а дружественные грузы, обнаруженные на вражеских судах, должны считаться трофеями... они сделали бы исключение только для товаров, принадлежащих Португалии и перевозимых из Европы в Азию, Африку и Америку или в противоположном направлении, поскольку для этих перевозок издавна использовались английские суда». Типичный пример желания иметь пирог и съесть его. Но где голландцы с готовностью забывали о своих принципах свободной торговли и показывали себя полностью поглощенными получением прибыли монополистами, так это в морях, контролировавшихся их Ост-Индской компанией, «великой и ужасной».

Карта 3.
Индонезийский архипелаг и прилегающие регионы

Слово «контролировавшихся» является здесь ключевым; хотя сфера деятельности VOC распростерлась от мыса Доброй Надежды до Японии, голландцы могли в течение какого-то промежутка времени осуществлять свою фактическую монополию только в некоторых конкретных регионах. Хороший обзор их положения на Востоке давали «Общие предписания», составленные Нееген XVII в 1650 г. для руководства генерал-губернаторов и советников в Батавии на острове Ява. Эти предписания заменили собой более ранние, от 1609, 1617 и 1632 г., и оставались в силе до самого конца могущества компании, хотя к 1795 г. большая часть их содержания уже перестала иметь особое практическое значение. Тем не менее они дают нам представление о побудительных мотивах директоров и о различиях, которые они делали между регионами, где компания могла использовать грубую силу и где следовало действовать в бархатных перчатках. Нееген XVII ясно осознавали, что торговая деятельность компании в Азии могла быть разделена на три категории. Во-первых, торговля в регионах, где VOC осуществляла неоспоримый территориальный контроль по праву уступки или завоевания. В 1650 г. такие места ограничивались несколькими мелкими

островками в Молуккском архипелаге и немногими укрепленными торговыми поселениями вроде построенных в Батавии (остров Ява), в Малакке (Малайя), в Пуликате (Индия) и форте Зеландия (остров Формоза (Тайвань)). Во-вторых, регионы, где VOC обладала эксклюзивными правами на торговлю благодаря монопольным контрактам, выторгованным (обычно с позиции силы) у местных правителей, таких как султан Тернате и вождь селения на Амбоне^[35]. И в-третьих, торговля с восточными правителями «как на основе свободных торговых соглашений, так и на основе свободной торговли бок о бок с купцами всех других наций».

Следовало бы заметить, что, хотя первые две категории после 1650 г. были значительно расширены благодаря завоеванию компанией Макасара, побережий Цейлона и Малабарского берега Индостана, а также территориальным приобретениям в результате войн XVIII столетия на Яве, тем не менее третья категория, в отношении которой у компании не имелось возможностей сохранять торговую монополию, почти всегда являлась наиболее значительной. Даже в расцвете своего могущества единственными товарами, по которым VOC могла действительно удерживать монополию, были пряности, специи из мускатного ореха и сам мускат с Молуккских островов и корица с Цейлона. Во всем остальном – в перце, шелке, тканях, сахаре, кофе и чае – компании пришлось столкнуться с жесткой конкуренцией как с приобретением этих товаров в Азии, так и с их реализацией на европейских и азиатских рынках. Даже в Японии, где голландцы оказались единственными европейскими торговцами, допущенными в страну с 1639 по 1854 г., им пришлось конкурировать со значительно большим объемом китайской торговли, и им никогда не удавалось манипулировать рынком в Нагасаки так, как им хотелось. На какое-то время они могли монополизировать торговлю некоторыми специями, но им всегда приходилось соперничать с другими народами в приобретении индийских штучных товаров и тканей, которыми они расплачивались за специи – частично или полностью. Другими словами, торговля компании в данной области никогда не определялась одним лишь типом товара, но оперировала целым их множеством, часть из которого всегда находилась за пределами досягаемости ее монополии.

Нееген XVII подчеркивали настоятельную потребность удержания своей, уже имеющейся монополии на Молукках, и при необходимости силой оружия, однако они выступали против применения силы на «нейтральных территориях, принадлежащих независимым народам, где имеются законы и где мы не должны их устанавливать». Они напоминали своим служащим на Востоке, что в подобных местах они не имеют права «приводить вышеупомянутую торговлю в соответствие с нашими принципами и принуждать к этому такие народы силой – точно так же, как компания не может позволить другим странам устанавливать законы того, как следует торговать в местах, находящихся под ее собственной юрисдикцией». Далее предписания 1650 г. подчеркивали необходимость честного и вежливого обращения с обитателями Амбона, в то же время требуя от них точного выполнения контрактов по поставкам гвоздики. В жителях острова Формоза (Тайвань), «всегда являвшихся свободным народом, следует поддерживать лояльность компании посредством хорошего обращения и освобождения этих несчастных от слишком тяжелых пошлин». Благосклонность могущественных азиатских правителей, таких как сёгун Японии или персидский шах, должна подпитываться умиротворяющей и услужливой позицией служащих компании в этих странах. Особенно в Японии, где им предписывалось «предугадывать желания этой отважной, надменной и требовательной нации, дабы во всем ей угождать». По этой причине только «скромные, вежливые и дружелюбные» люди могли быть откомандированы в голландское представительство на Дэдзиму Нагасаки. Общий смысл этих инструкций был отражен в предписании, что «особое внимание следует обратить на ведение мирной торговли во всей Азии, которая поддерживает приготовление пищи на кухнях нашей родины».

Акцент на мирной торговле и на фактических или потенциальных прибылях служил постоянной темой переписки Нееген XVII, особенно когда войны, ведшиеся их служащими на Востоке, оказывались занятием дорогостоящим. В 1644 г. директора палаты Делфта

возмутились тяжелыми потерями и расходами, понесенными в ходе кампаний в Малакке и на Цейлоне. Они отметили, что «торговцу приличествует вести себя честно, дабы развивать свои способности и отправлять из Азии в Нидерланды богатые грузы вместо того, чтобы вести дорогостоящие территориальные завоевания, которые больше к лицу коронованным особам и могущественным монархам, а не жадным до наживы купцам». Однако люди на местах часто имели иную точку зрения. Антони ван Димен со своим советом, провозглашая свое теоретическое согласие с мнением палаты Делфта, многозначительно добавил: «Существует огромная разница между общим и частным, между одним видом торговли и другим. На ежедневном опыте мы познали, что торговля компании в Азии не может существовать без территориальных завоеваний». Принимая такую воинственную позу, ван Димен вторил взглядам основателя форта Батавии, Яна Питерсзоона Куна, который в 1614 г. убеждал Heeren XVII: «Ваши Превосходительства по опыту должны знать, что торговля в Азии должна вестись и развиваться под защитой и при поддержке собственных вооруженных сил Ваших Превосходительств и что силы эти должны оплачиваться из прибыли от торговли, поэтому мы не можем ни торговать без войны, ни воевать без торговли». Точно так же Рейклоф ван Гуне в своем докладе от 1665 г. утверждал, что «христианские доктрины», которые директора внушали в своих предписаниях 1650 г., были неверно истолкованы враждебными азиатскими державами как признак слабости. Державы эти, говорил он, по сути завидовали морскому могуществу компании и стремились лишь к его уничтожению.

Когда произошли политические разногласия между Heeren XVII на родине и генерал-губернатором и его советом в Батавии, последний, естественно, получил преимущества, когда высшие посты в «Королеве восточных морей» занимали такие сильные личности, как Кун, ван Димен, Рейклоф ван Гуне и Спелман. Потребовалось примерно 18 месяцев или даже два года, чтобы получить ответ из Амстердама или Мидд ел бурга касательно действий, предпринятых в Батавии; и при таких обстоятельствах генерал-губернатору и его совету было относительно просто не считаться с указаниями Heeren XVII, если они того не желали. Преподобный Франсуа Валентейн (1666–1727) испытал это на себе, когда в 1706 г. вручил генеральному директору в Батавии письменный приказ Heeren XVII, на что сей чиновник заметил: «Директора на родине решают проблемы так, как им кажется лучше там; а мы поступаем так, как нам кажется лучше и целесообразнее здесь». Другими словами, голландский эквивалент испанского выражения «obedezco pero no cumpro» – «подчиняюсь, но не исполняю», с которым вице-короли Мексики и Перу откладывали в долгий ящик неудобные приказы из Мадрида. Власти Батавии обладали еще одним преимуществом в том, что примерно после 1650 г. очень немногие из директоров когда-либо служили в Азии или хотя бы проявляли особый интерес к политической ситуации там. Таким образом, они оказались более зависимы от советов и знаний своих заморских представителей, чем, например, португальская и испанская короны, чьи Индийские советы были в основном укомплектованы бывшими колониальными губернаторами и управляющими. Это помогает объяснить, почему директора, хоть временами и критиковали силовую политику, инициированную людьми с экспансионистскими взглядами, обычно заканчивали тем, что соглашались со свершившимся фактом или отправляли корабли, людей и деньги туда, куда их просили. Естественно, это проявлялось еще сильнее, когда подобная политика приносила ощутимые результаты, как когда Кун захватил Джакарту (в 1619 г.) или когда Спелман оккупировал Бантам (в 1684 г.). Вместе с тем директора порой отклоняли решения своих подчиненных. Когда генерал-губернатор и его совет в Батавии в 1696–1703 гг. выступили за то, чтобы разрешить королю Канди свободную торговлю через порты восточного побережья Цейлона, Heeren XVII дали задний ход такой политике, которую также критиковал голландский губернатор в Коломбо, и в 1703 г. приказали закрыть все порты королевства для иностранных торговцев.

Следует еще раз подчеркнуть, что Heeren XVII далеко не всегда и не везде противились применению силы своими подчиненными на Востоке, а лишь только там, где, как они

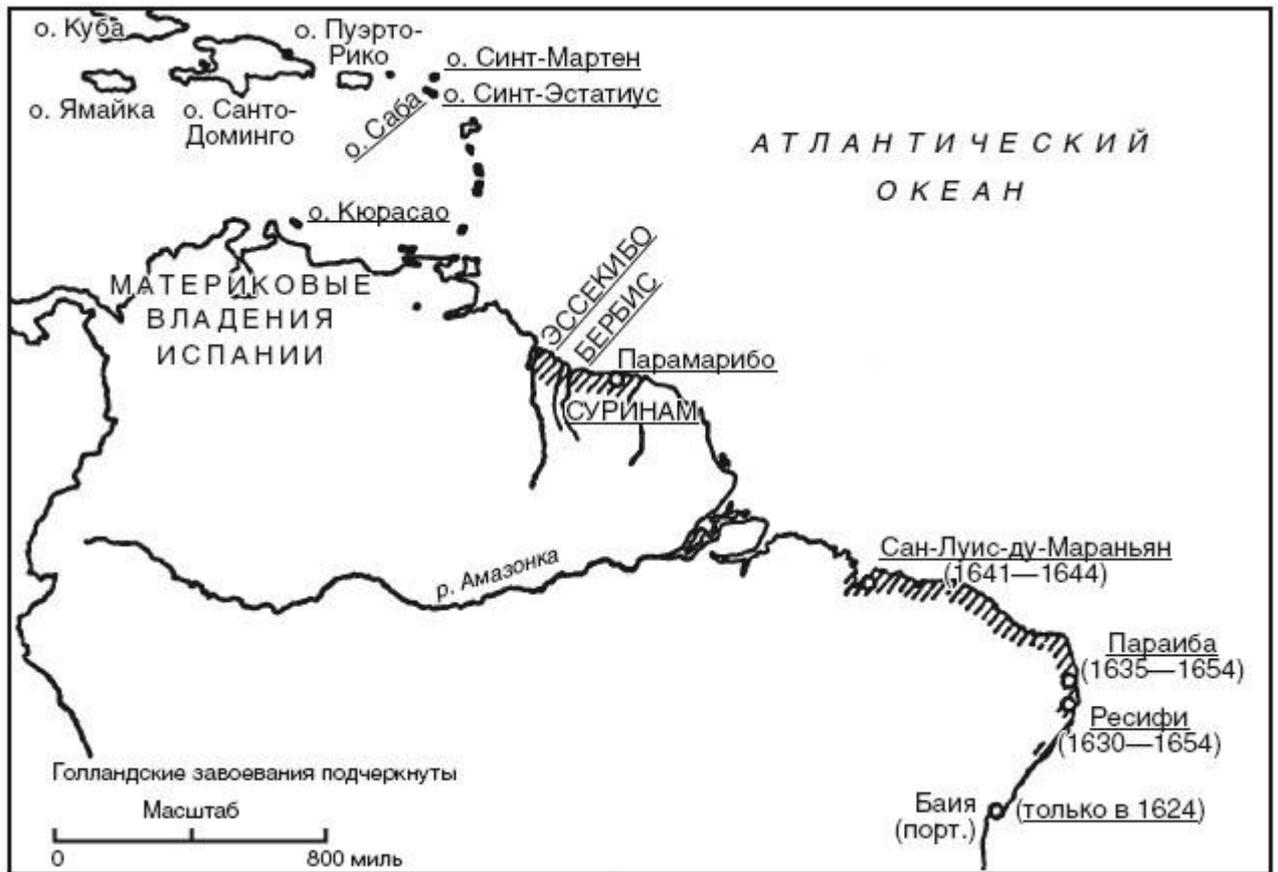
считали, было бы слишком дорого или сложно захватить и удерживать монополию посредством силы. Еще в 1614 г. они были решительно настроены защищать такую монополию на островах Пряностей (Молуккских) от всех пришельцев, будь то португальские, испанские, английские, китайские или индонезийские купцы. Они согласились с Куном, что в этом регионе в любом случае было бы безнадежно даже пытаться упрочить свое положение, просто «будучи доброжелательными и творя добро», и что необходимо «управлять туземцами железной рукой». Стоит признать, что поначалу они пришли в ужас оттого, что Кун фактически истребил жителей островов Банда в 1621 г., однако вскоре они восстановили свое душевное спокойствие и лишь мягко упрекнули его. Они – точнее, большинство из них, поскольку Heeren XVII не всегда были единодушны в своем мнении, – игнорировали совет одного из коллег Куна, которому не нравилась жестокость последнего и который считал, что менее суровыми методами можно было бы добиться лучших результатов. Лауренс Реаль и Стивен ван дер Хаген, ведущие представители подобной школы мировоззрения, утверждали, что компания не имела права принуждать туземцев Молуккских островов продавать свои пряности исключительно голландцам, если только те не снабжали их взамен необходимыми припасами продовольствия и одежды по приемлемым ценам. «Сами мы, – писал Реаль, – ввозим на Молукки недостаточно товара и не позволяем другим поставлять его в необходимых количествах. Местные жители не могут собирать гвоздики больше, поскольку высокие цены на ввозимый провиант вынуждают их вместо этого культивировать продовольственные культуры. Саго, которое прежде завозилось к ним с Явы за пятую часть его нынешней цены, теперь приходится импортировать из более далеких мест самим. Индийские ткани – часто плохого качества – им приходится покупать у нас по таким высоким ценам, что они не стоят того, чтобы ради них идти обрывать гвоздику (тяжелая и опасная работа). Более того, мы так поглощены погоней за прибылью, что никому не позволяем заработать хоть один гульден или пенни на нас».

Однако Кун и большинство Heeren XVII пришли к мнению, что голландцы имеют право монополизировать закупку гвоздики и мускатного ореха по ими же установленным ценам в обмен на «защиту», предоставляемую островитянам от португальцев и испанцев. Такая постановка вопроса просто игнорировала тот факт, что голландская монополия на пряности быстро стала более обременительной для островитян, чем при их испанских и португальских коллегах, – отчасти потому, что голландцы платили более низкие цены, а отчасти из-за того, что их монополия была более безжалостной и эффективно подкреплялась силой. Реаль и ван дер Хаген также возражали против карательных санкций, направленных на индонезийских вождей и старост деревень, их вынудили подписать невыгодные для них контракты, которые они не могли выполнить, даже если бы этого хотели. Они настаивали, что в долгосрочной перспективе голландцам лучше довольствоваться крупными продажами с невысокой прибылью, чем гнаться за жесткой репрессивной монополией, нацеленной на мелкий товароборот и высокий доход. Более того, Реаль и ван дер Хаген, находясь на последней стадии подготовки к применению силы против своих английских конкурентов на Молукках, были не склонны к этому из боязни нежелательных последствий для англо-голландских отношений в Европе – вероятность, которая не беспокоила Куна. И наконец, Реаль и ван дер Хаген считали, что было бы несправедливо и недальновидно силой изгонять азиатских купцов, будь то китайских, малайских или яванских, с Молуккских островов. Несправедливо потому, что существующие контракты не оговаривали подобного изгнания, и недальновидно, поскольку такая политика могла привести островитян в объятия европейских конкурентов и усилить, вместо того чтобы разрушить, малайскую и японскую торговлю.

Хотя выдвинутые Реалем и ван дер Хагеном доводы нашли некоторую поддержку среди директоров, большинство Heeren XVII согласилось с продвигаемой Куном и Хендриком Браувером^[36] агрессивной политикой. «Нет ничего в мире лучше из того, – писал Кун директорам, – что дает кому-то преимущественное право, чем подкрепляющие это право сила и могущество». Получив благословение компании (10 ноября 1617 г.) на то, чтобы

силой воспрепятствовать яванским и другим азиатским купцам торговать на Молукках, Кун с удовлетворением выразил свою признательность и добавил: «Изучение природы и того, что свершалось всеми народами из века в век, для меня всегда было достаточно». Одной из причин, почему директора были готовы использовать силу на Молукках, тогда как они не решались делать этого в других местах, являлось то, что местные правители не обладали сколь-нибудь значимыми боевыми кораблями, а районы, где выращивались специи, располагались в основном на побережье островов и находились в зоне прямой досягаемости голландских военно-морских сил. Зависящие от ввоза риса, хлопчатобумажных тканей и других предметов первой необходимости с Явы, из Малайи и Индии, обитатели островов Пряностей находились не в том положении, чтобы предпринимать ответные меры против голландцев за их действительные или мнимые несправедливости, как, например, могущественные королевства на материковой части Азии. Более того, торговля специями долгое время расценивалась как первоочередная цель деятельности компании в Восточных Индиях и как действительный или потенциальный источник огромной прибыли. Вследствие чего Нееген XVII с энтузиазмом поддерживали – если только сами фактически не инициировали – агрессивные действия на Молукках, причем в то самое время, когда осуждали или запрещали ведение захватнических войн в других местах.

И даже при всем при этом, как и предвидели Реаль и ван дер Хаген, борьба за полный контроль над урожаем пряностей на Молукках растянулась на долгие годы и оказалась весьма дорогостоящей в отношении денег и людских потерь. К концу она подошла только в 1684 г., когда Малакка, Макасар и Бантам оказались в руках компании, а индонезийские судоходство и торговля были практически ликвидированы – с ужасными последствиями для экономики и условий жизни обитателей островов. В 1620-х гг. все коренное население группы островов Банда было либо истреблено, либо переселено на другие острова, чтобы служить там в качестве рабов или солдат. После того как в 1651 г. в западной части острова Серам вырезали 160 нидерландцев, включая нескольких женщин и детей, голландцы провели ряд карательных экспедиций, завершившихся насильственным переселением около 12 тысяч человек из родных деревень и их расселением на островах Амбон и Манипа. Монополия на пряности на Молукках подкреплялась так называемыми *hongi-tochten* – «дружескими визитами», периодическими экспедициями на вооруженных судах с утлегарем – *cora-cora*^[37], которые под корень вырубали нелегальные гвоздичные плантации. Остается спорным, как много коммерческой прибыли принесла компании эта монополия на пряности, когда она на самом деле добилась ее. Если VOC получала большую прибыль от продажи некоторых пряностей в некоторых местах и в некоторое время, были и другие случаи, когда доход оказывался крайне мал или вовсе отсутствовал – и это не учитывая того факта, что расходы на поддержание монополии посредством флотов, фортов и гарнизонов в долгосрочной перспективе могли свести всю прибыль на нет. Это как раз то, что невозможно выяснить из-за запутанной системы бухгалтерской отчетности компании, которая не позволяла Нееген XVII точно подсчитывать действительные расходы компании до самых последних дней ее существования, однако такие предположения выглядят вполне правдоподобными.

Карта 4. Голландские завоевания в Западных Индиях и Бразилии

Взаимоотношения заморских властей Вест-Индской компании со своим руководством в Нидерландах довольно сильно отличались от преобладающих в их родственной компании, особенно после отзыва графа Иоганна Морица и вспышки восстания в Пернамбуку в Бразилии в 1644–1645 гг. Граф Мориц был в некотором роде фактическим законом самому себе, однако его преемники в Бразилии и других местах в большей степени находились под контролем Неерен XIX, чем он, – благодаря своему благородному происхождению и влиянию при дворе штатгальтера. После 1645 г. из-за задолженностей Неерен XIX и полной зависимости от субсидий государства WIC более чем на десятилетие стала чем-то вроде яблока раздора между соперничающими провинциями, Голландией и Зеландией. Даже после реорганизации в 1670 г. ее заморская деятельность, как на западном побережье Африки, так и в Карибском бассейне, более строго контролировалась из Нидерландов, чем это было в случае VOC, – отчасти потому, что здесь были не такие большие расстояния, а отчасти из-за того, что менее богатая Вест-Индская компания не могла позволить себе принять более жесткую и независимую линию поведения, как это часто делала ее богатая «сестра».

Но если торговцы-олигархи Нидерландов, а особенно из Амстердама, с неохотой поддерживали WIC в ее затянувшемся кризисе 1644–1661 гг., предпочитая уделять большее внимание торговле на Балтике и торговле солью из Сетубала, в других случаях они оказывали Неерен XIX более существенную помощь, если считали, что здесь затронуты интересы не только компании, но и всего государства. Безуспешные переговоры о перемирии с Испанией в 1629–1633 гг. были прерваны в основном из-за отказа Генеральных штатов вернуть (или обменять) завоевания WIC в Пернамбуку, хотя голландцы тогда владели лишь малой частью региона. В 1664 г., при подстрекательстве Амстердама Генеральные штаты санкционировали отправку средиземноморской эскадры вице-адмирала де Рейтера к берегам Гвинейского залива, дабы отвоевать форты WIC, захваченные Робертом Холмсом во время мира. Более столетия они не предпринимали подобных мер в Восточных Индиях, когда

эскадра боевых кораблей государства была послана на помощь VOC в Малайском архипелаге.

Не колебались Генеральные штаты и поддерживать WIC на протяжении всего XVIII в. в ее бесконечных препирательствах с португальской короной по поводу доступа к некоторым регионам гвинейского побережья. После обнаружения золота в Минас-Жерайсе^[38] (в 1695 г.) португальцы из Бразилии возобновили свою прежнюю торговлю с Нижней Гвинеей, основанную на обмене бразильского табака, рома и золота на рабов из Ардры^[39] и Дагомеи^[40]. Голландцы в Элмине^[41] протестовали, что такая торговля нарушает монопольные права WIC, и, когда им удавалось, они заставляли португало-бразильские корабли работоторговцев заходить в Элмину и платить пошлину WIC. Португальское правительство с завидным постоянством возмущалось таким поведением компании на протяжении всего XVIII в., однако в ответ на свои неоднократные протесты в Гааге оно не получило никакой сатисфакции, и единственное временное облегчение положения наступало только тогда, когда они высылали конвой боевых судов сопровождать португальских работоторговцев.

В своих спорах с англичанами и португальцами по поводу морской монополии, на которую претендовали две голландские индийские компании в различных регионах мира, голландцы находились в некотором замешательстве, имея Гроция^[42], своего главного защитника свободы мореходства, которого постоянно цитировали против их доводов. В 1612 г. Гроция самого направили в Англию, дабы разъяснить, почему голландцы имеют право не допускать англичан и других соперников на острова Пряностей. Его основным аргументом являлось то, что, хотя голландцы прибыли на Молукки в качестве мирных торговцев, их вынудили обороняться от португальцев и испанцев и укреплять свои позиции против последних посредством дорогостоящих гарнизонов и флотов. А поскольку они вели эту борьбу в одиночку, то имели полное право на всю прибыль, извлеченную из торговли специями, – не говоря уж о монопольных контрактах, которые они заключили с местными правителями. Нет необходимости говорить, что англичан не убедили подобные доводы – не в большей мере, чем португальцев, которые столетие спустя не согласились с законностью захвата Вест-Индской компанией их кораблей у побережья Гвинеи. Однако в конечном счете голландцы полагались не столько на свои весьма сомнительные аргументы, сколько на свои практические предпочтения:

Добрый старый закон прост:

Кто в силах – возьмет,

Кто сможет – удержит.

согласно которым столь успешно действовали Питерсзоон Кун, Антони ван Димен и Корнелис Спелман.

Из вышеприведенного ясно, что картина, нарисованная Питером де ла Куром и другими современными ему авторами, будто голландские торговцы-олигархи были исключительно мирными купцами, с великой неохотой бравшимися за оружие, требует значительных поправок. Мы уже видели, что начиная с 1648 г. и далее они, когда могли, обычно избегали военных действий с основными державами; но когда дело касалось более слабых – или, предположительно, более слабых – государств, таких как Португалия, Дания, Макасар или Тернате, история приобретала совсем другой характер. Голландцы не колеблясь принуждали другие стороны к точному соблюдению договоров и контрактов, даже там, где, как это часто случалось, такие договоренности были достигнуты с позиции силы. Нет необходимости добавлять, что подобным грешили не только голландцы, но и все их конкуренты – в большей или меньшей степени. Португальцы вели себя точно так же по отношению к мелким азиатским правителям, чье побережье оказалось открытым для их превосходящих военно-морских сил; а англо-португальское соглашение 1654 г., заложившее основы

английского торгового господства в Португалии, было не чем иным, как диктатом, если это вообще можно считать соглашением.

Контракты и договоры, которые VOC заключала с мелкими индонезийскими правителями в течение почти 200 лет, следовали тому же сценарию. Судя по формулировкам, очевидно, что контракты эти составлялись голландцами, а индонезийский правитель должен был лишь поставить свою подпись в соответствующем месте. Они предоставляли голландцам обширную монополию – или исключительные права на торговлю в соответствующем регионе, обычно исключавшие деятельность здесь прочих иностранных купцов, хоть европейских, хоть азиатских. По ним разрешалось строить голландские форты и размещать гарнизоны там, где это считалось необходимым, а представители VOC часто наделялись правом вмешиваться во внутренние конфликты в качестве арбитров или посредников. Голландцы почти всегда контролировали отправление правосудия над своими соотечественниками, которые обвинялись в совершении преступлений и обычно имели право проводить расследование в отношении местных жителей, вовлеченных в разногласия с ними.

Разумеется, на таких условиях нельзя было торговаться с могущественными правителями государств континента в тех местах, где «вопрос состоял не столько в том, терпима ли компания с индийцами, сколько в том, терпят ли компанию индийцы», как заметил один критик в 1624 г. Однако даже в таких местах компания – как и португальцы с англичанами – часто умудрялась добиться экстерриториальных прав для своих представителей, как это было принято у азиатских правителей по отношению к купцам всех национальностей. Одним примечательным исключением в обычных договорных отношениях между европейскими и азиатскими державами является голландско-персидское соглашение о дружбе и торговле, подписанное в феврале 1631 г. в Гааге. Документ этот в качестве особого условия оговаривает, что с персидскими купцами в Нидерландах будут обращаться точно так же, как с голландскими гражданами, но кроме этого им даруют коммерческие и юридические привилегии, какими обладали англичане в Делфте и шотландцы в Вере. Возможно, столь щедрые соглашения были сделаны Генеральными штатами потому, что они знали, что у персов (иранцев) не имелось морского судоходства. А поскольку наземные пути в Европу преграждали враждебно настроенные к ним русские и турки, перспективы того, что какие-либо персидские купцы обоснуются в Нидерландах, казались весьма отдаленными. Как бы там ни было, VOC не обращала внимания на сей договор, который так и остался невостребованным.

Территориальная экспансия VOC ограничивалась Цейлоном (Шри-Ланкой), Южной Африкой и островом Ява. В других местах, например на Суматре и Сулавеси (Целебес), голландцы довольствовались доминирующим коммерческим положением, приобретенным посредством договоров или контрактов с султанами побережья, многие из которых стали их приспешниками или вассалами, чья власть, однако, на внутренние районы островов не распространялась. Первоначально голландцы вторглись на Цейлон (в 1638 г.), дабы оказать помощь Раджасингху II против португальцев и захватить все – или хотя бы часть – районы острова, где выращивалась корица. К тому времени, когда в 1658 г. военные действия завершились изгнанием португальцев, VOC уже контролировала прибрежные районы, а король Канди в конечном итоге лишился выхода к морю. Голландская колонизация Южной Африки оказалась некоторым образом уникальной в истории VOC, и она рассматривается в главе 9. Что же касается завоевания Явы, то оно началось с вынужденного вмешательства генерал-губернатора Мацуйкера в непрекращающиеся раздоры в государстве Матарам на стороне законного, но лишённого права на трон правителя в 1667 г. и завершилось установлением голландского владычества над всем островом столетием позже. Это завоевание не планировалось Heeren XVII, у которых вовсе не было желания превращать свою морскую торговую империю в территориальную. Но, подобно «торговцам сыром с Лиденхолл-стрит»¹⁴³¹ во времена Роберта Клайва и Уоррена Гастингса, они обнаружили себя втянутыми своими служащими в Батавии во внутренние раздоры яванских правителей, что

закончилось именно таким превращением. Как писал Лауренс Реаль по другому случаю в 1614 г.: «Мы начали тянуть цепь, и одно звено повлекло за собой все остальные».

Хотя в XVIII столетии и Голландская компания на Яве, и Британская в Индии перестали представлять собой в первую очередь коммерческие структуры, а превратились в территориальные державы, в своих превращениях они явно отличались друг от друга. Тогда как британские военно-морские силы поддерживали и охраняли рост могущества своей Ост-Индской компании в Индии, военно-морские силы VOC и самой страны заметно ослабли за время борьбы за Яву. Возвращавшиеся домой голландские восточные «индийцы» везли, как всегда, богатый груз, состоявший больше из чая, кофе и фарфора, чем из пряностей и тканей, однако доминирование голландцев в малайских и индонезийских водах оказалось сильно подорванным в результате небывалого расцвета контрабанды и пиратства. Что, в свою очередь, во многом явилось результатом жесткой монополии, которую VOC стремилась установить в морях, на которые она заявила свои права.

Во многом, но не во всем. Потому что упадок военно-морских сил компании на Востоке некоторым образом являлся отражением ослабления военно-морских сил Соединенных провинций в Европе. Флот, с которым Михиел де Рейтер успешно противостоял объединенному англо-французскому флоту, был не более чем тенью своего предшественника веком раньше. Несмотря на потери, понесенные в европейских войнах второй половины XVII столетия, в 1699 г. голландская заморская торговля снова достигла высочайшего уровня пятидесятилетней давности, времен после заключения Мюнстерского договора. Однако в финальной борьбе против Людовика XIV, начавшейся в 1702 г. и завершившейся в 1713 г. подписанием Утрехтского мирного договора, Голландская республика переоценила свои силы. Она пожертвовала своими военно-морскими силами ради расходов на поддержку несоразмерно огромных военных усилий во Фландрии и на Иберийском полуострове. В частности, ошибочная политика английских и голландских государственных деятелей, направленная на принуждение Португалии присоединиться к Великому альянсу^[44], дабы использовать

Лиссабон в качестве военно-морской базы, втянула союзников в излишнее расширение военных действий. Такого перенапряжения сил оказалось достаточно, чтобы к 1713 г. заставить Англию принять французские предложения о мире, а Голландскую республику лишить статуса великой морской державы. В 1709 г. английское казначейство все еще могло занимать деньги под 6 процентов, тогда как Голландии приходилось платить все 9 процентов – по ставке, которая была выше любой другой, достигнутой со времен Олденбарневелта. Государственный долг Голландской республики, который в 1688 г. составлял 30 миллионов гульденов, возрос до 148 миллионов к концу Войны за испанское наследство.

Четыре континентальные провинции и вовсе не платили взносов на содержание военно-морского флота в 1706–1707 и 1711–1712 гг., и ограничивались лишь смехотворными суммами в другие годы, из-за чего остальные пять провинциальных адмиралтейств к 1713 г. глубоко погрязли в долгах. Задолженность эта побудила правителей-олигархов экономить на расходах на оборону, даже после того, как война закончилась и голландская заморская торговля стала оживать. Еще сильнее, чем прежде, они питали преданность идее достижения мира любой ценой и избегали каких-либо затрат, которые могли привести их к дополнительному налогообложению, – таких, каких требовало содержание боеспособного флота. Провинциальные адмиралтейства настолько увязли в долгах, что за 28 лет (с 1713 по 1741 г.) в Роттердаме было построено всего лишь семь боевых кораблей; адмиралтейство северной части провинции Северная Голландия в 1721 г. обладало только тремя кораблями дальнего плавания, два из которых прослужили уже где-то от 20 до 30 лет, адмиралтейство Фрисландии в 1723 г. имело всего один боевой корабль, а адмиралтейство Зеландии в первой половине XVIII в. построило только четыре боевых корабля. И лишь адмиралтейству Амстердама удалось в период с 1723 по 1741 г. найти деньги на постройку 33 кораблей, включая 12 линейных, несших от 52 до 74 орудий на борту.

Основной причиной столь неудовлетворительной ситуации была та, что преследовала Голландскую республику на протяжении всего ее существования. За исключением кратких промежутков времени, континентальные провинции никогда не выплачивали полную квоту на поддержание военного флота и конвоирование торговых судов. Их представители считали это исключительно заботой Голландии и Зеландии. Они полагали, что эти две провинции – в особенности Голландия – должны финансировать строительство и содержание флота за счет прибыли от своей морской торговли. Даже в тех редких случаях, когда их представителей в Генеральных штатах могли вынудить согласиться на сбор некоторой суммы на военный флот, вернувшись домой, они не предпринимали сколь-нибудь серьезных усилий, чтобы выполнить свои обещания. Такая запутанная ситуация еще более усложнилась во второй половине XVIII в., особенно в 1770–1780 гг., когда даже Зеландия отказалась выделять какие-либо средства на содержание флота и когда принцу Оранскому и континентальным провинциям пришлось согласиться с предложениями провинции Голландия выделять средства на флот в том случае, если на армию были потрачены еще большие средства. Что Голландия – а более всего Амстердам – решительно отказывалась делать, даже когда предназначенные для армии дополнительные ассигнования были относительно невелики. Результатом такого политического тупика явилось то, что, пока Голландия препиралась с остальными провинциями по поводу соответствующих размеров отчислений *equipage* – денег на военный флот, и *augmentatie* – на усиление армии и оборонительных сооружений, не было предпринято никаких эффективных мер для улучшения состояния как армии, так и военно-морского флота.

Ослабление морского могущества Нидерландов находило свое подтверждение не только в чисто военно-морской сфере, но и в технико-экономической. И если в первой половине XVII в. голландские суда управлялись более экономными, чем у их соперников, командами, то столетие спустя все выглядело по-другому. Шведский путешественник Тунберг основывался на собственном опыте, когда писал: «У голландцев также есть все причины для большего количества людей, служащих на их судах, чем у других народов, поскольку их оснастка сделана по старому образцу, с большими блоками и толстым такелажом, во всех отношениях тяжелым и неуклюжим». Некогда находившиеся в авангарде техники навигации в открытых морях и составлении карт, голландцы отстали в этом от своих английских и французских конкурентов, даже еще до изобретения Джоном Гаррисоном хронометра. «Действительно, остается лишь сожалеть, – писал контр-адмирал Ставоринус, – что такая мощная организация, как Ост-Индская компания, чье благосостояние столь сильно зависит от безопасности и благополучия плаваний ее судов, так мало заботилась об усовершенствовании навигации в целом и корректировке своих карт в частности. Я мог бы привести множество примеров ее недомыслия как в отношении обеих Индий, так и африканского побережья. Другие страны занимаются этим предметом с неутомимым усердием, особенно англичане, чьи карты в целом обычно несравнимо предпочтительнее наших».

В упадке голландского искусства навигации Ставоринус более всего винил бюрократические порядки дирекции Ост-Индской компании, которые настаивали на том, чтобы все их суда следовали точным курсом, зафиксированным в печатных инструкциях. «Индийцы» других стран, отмечал он, «не обязанные следовать каким-либо особым инструкциям или указаниям по деталям рейса, обычно совершают более короткие рейсы в Восточные Индии и обратно, чем корабли компании. И по той же причине капитаны голландских судов, ограниченные и связанные в своих действиях, не могут добиться такого же, как другие, прогресса в усовершенствовании навигации; и, с моей точки зрения, именно этим можно объяснить, что англичане, французы и другие нации настолько превзошли нас в усовершенствованиях, новых открытиях ит. и., хотя наша ост-индская торговля может на полном основании считаться превосходным питомником моряков и школой высочайшего развития мореходства по части количества судов и занятых на них людей, а также протяженности и разнообразия маршрутов». Описание Ставоринусом старомодных и

затратных по времени методов навигации, которые по-прежнему правили на борту голландских восточных «индийцев» в его время и при жизни его поколения, полностью подтверждается замечаниями Уильяма Хикки, сделанными после его возвращения домой с мыса Доброй Надежды на борту «Героя Волдемаде».

Некогда ведущие судостроители мира и корабелы, у которых считал за честь учиться в 1697 г. русский царь Петр I Великий, 30 годами позже голландцы были вынуждены нанимать английских кораблестроителей, дабы те обучили их усовершенствованным технологиям. Тогда как во время войны 1672–1674 гг. голландские боевые корабли делали из орудий одного борта выстрелов в соотношении 3 к 1 по сравнению с их английскими и французскими противниками, в 1746 г., по свидетельствам голландских морских офицеров, дело обстояло с точностью до наоборот. Арктический китобойный промысел, в котором в конце XVII в. участвовало 260 голландских судов и 14 тысяч моряков, 100 лет спустя задействовал только около 50 кораблей – упадок, отчасти обязанный чрезмерным промыслом, а отчасти конкуренции с другими странами. Годы после заключения Утрехтского договора стали свидетелями резкого уменьшения числа голландских моряков, пригодных к службе в военно-морском флоте и на океанских маршрутах, что стало особенно заметно примерно после 1740 г. Когда в 1744 г. Генеральные штаты решили укомплектовать личным составом эскадру из 20 парусников, вербовщиков пришлось отправлять в Гамбург, Бремен, Копенгаген и другие зарубежные порты, но, поскольку эта вербовочная кампания и предложение более высокого вознаграждения за поступление на службу не обеспечили достаточного количества людей, судовые команды пришлось дополнять заключенными из тюрьмы Амстердама. Ост-Индская компания точно так же оказалась подвержена этому упадку, как можно видеть из жалобы генерал-губернатора барона Вильгельма ван Имгофа, сделанной в том же году: «Я боюсь сообщать, как у нас идут дела, поскольку это позор... ничего не хватает – ни хороших кораблей, ни матросов, ни офицеров; таким образом, один из главных столпов могущества Нидерландов теряет устойчивость».

У меня и в мыслях нет делать из вышеприведенных сетований современников вывод, будто голландская заморская торговля уменьшилась до мизерных размеров или что рыбацкие или моряцкие сообщества к концу XVIII столетия прекратили свое существование. Наоборот, еще в 1780 г. объемы голландской морской торговли оставались все еще весьма впечатляющими, а рыболовство в Северном море и китобойный промысел в Арктике по-прежнему являлись «питомником» моряков. Однако в пропорциональном отношении голландские фрахтовые перевозки и мореходство заметно уменьшились по сравнению с прогрессом, достигнутым английскими, французскими и балтийскими соперниками голландцев. Более того, постоянно увеличивающаяся нехватка голландских моряков была, похоже, не просто относительной, а абсолютной. Ставоринус мог и несколько преувеличивать, когда сокрушался по поводу этого упадка в следующих выражениях, но если он и преувеличил что-то, то совсем немного: «В былые годы можно было завербовать достаточное количество умелых моряков, не прибегая к заполнению вакансий в командах судов привлечением сухопутных жителей; но уже начиная с 1740 г. множество войн на море, огромный рост торговли и судоходства – в частности, в тех странах, где прежде этому делу уделялось мало внимания, – и, следовательно, все более настоятельная потребность в умелых моряках, как для боевых кораблей, так и для торгового флота, столь сильно сократили их приток, что в нашей собственной стране, где прежде имелся огромный избыток моряков, сейчас лишь с великим трудом и затратами можно укомплектовать какое-либо судно необходимым для его управления количеством рабочих рук».

Хотя современники были практически единодушны, когда сокрушались по поводу ослабления голландского морского могущества и снижения стандартов голландского мореходства во второй половине XVIII в., они не проявляли такого же единодушия относительно причин, приведших к этому. Когда в декабре 1780 г. разразилась война с Англией, принц Оранский заметил по поводу нехватки моряков: «В последнее столетие жалованье, которое мог заработать простой человек, обычно было ниже, население было

многочисленнее, а нищета сильнее распространена, чем сейчас, и поэтому было намного проще набирать людей для морской службы». Все эти утверждения можно считать в той или иной степени спорными, однако, как подчеркивает де Босх Кемпер, более чем примечательным является то, что анти-оранжистский еженедельник *Der Post van den Neder-Rijn*, остро критиковавший принца по другим вопросам, в данном случае ограничился лишь слабым и половинчатым опровержением его доводов. Что тем более удивительно, поскольку это являлось одним из главных сетований писателей в 1770–1780 гг., так что безработица и нищета в Соединенных провинциях были тогда еще более серьезной и более распространенной проблемой, чем в любые времена после заключения Мюнстерского договора.

Растущее нежелание – или отсутствие возможности – голландских трудящихся заработать себе в XVIII в. на жизнь морской службой, какими бы причинами это ни было вызвано, сопровождалось переменой мировоззрения и взглядов на будущее правителей-олигархов. Будучи напрямую связанными с заморской торговлей в той или иной ее форме большую часть XVII в., некоторые из них превратились не только в рантье, но в рантье, которые имели тенденцию инвестировать значительную часть своих капиталов в иностранные ценные бумаги. В 1737 г. палата общин со всей определенностью подтвердила, что голландцам принадлежит почти 27 процентов государственного долга Англии; а в 1758 г. со слегка меньшей долей уверенности утверждалось, что голландским инвесторам принадлежит треть акционерного капитала Банка Англии, Британской Ост-Индской компании и Компании Южных морей^[45]. Существовала широко распространенная (хоть и ошибочная) уверенность современников, будто голландцам принадлежит треть государственного долга Англии. В 1762 г. хорошо осведомленный банкир из Роттердама сообщил своему земляку, что голландцам принадлежит четверть государственного долга Англии, который тогда в целом достиг 121 миллиона фунтов стерлингов. 20 годами позже пенсионер Ван де Спигел оценил голландские зарубежные инвестиции в 335 миллионов гульденов, из которых 280 миллионов (примерно 30 миллионов фунтов стерлингов в английской валюте) находились в Англии, а 55 миллионов в остальных странах.

Точность этих и других оценок довольно спорна, и последние исследования создают такое впечатление, что только относительно небольшое число голландских капиталистов делало крупные инвестиции за рубежом и что даже эта группа инвестировала более половины своего состояния на родине. Но где бы ни инвестировался голландский капитал, дома или за границей, он помещался под проценты у банкиров и маклеров коммерческих векселей или вкладывался в землю и колониальные вест-индские закладные, а не в развитие промышленности страны или поддержку ее судоходства. Амстердам превратился в денежный рынок западного мира, однако многие правители-олигархи были состоятельными рантье и крупными финансистами, сторонившимися купеческого сословия, из которого сами же и вышли. Их изменившееся коммерческое мировоззрение, несомненно, влияло и на внешнюю политику. Со слабым военным флотом и нехваткой умелых моряков нейтралитет являлся для них даже более насущной потребностью, чем при их более деятельных предшественниках во времена Яна де Витта и Питера де ла Кура.

Поэтому на первый взгляд кажется удивительным, что в 1780-х гг. голландцы, не подготовленные ни в военном, ни в экономическом смысле, совершили грубую ошибку, ввязавшись в войну с Англией. Со времен короля-штатгальтера их внешняя политика основывалась на союзе с Англией и страхе перед французской агрессией, и более всего в Южных Нидерландах, где они, по условиям договора, заключенного в Антверпене в 1715 г., владели своим знаменитым, но бесполезным кордоном из бельгийских крепостей и гарнизонных городов. Несмотря на затруднительное положение собственных вооруженных сил и многочисленные обиды на Англию из-за захвата их нейтральных судов английским Королевским флотом, Генеральные штаты соблюли верность, придя на помощь своему союзнику в 1744–1745 гг., чем в результате навлекли на себя французское вторжение. Английский досмотр и захват голландских нейтральных судов во время Семилетней войны

вызывали особое возмущение во всех слоях общества Северных Нидерландов, как черная неблагодарность за верность Голландии союзу с Англией 20 годами раньше. Проблемы, с которыми столкнулась Англия в результате начала в 1775 г. Американской революции, а особенно принятия несколькими странами политики вооруженного нейтралитета с 1780 г., предоставили голландцам очевидный шанс расширить свою морскую торговлю за счет англичан, перед которым часть торгового сословия просто не могла устоять.

Отчасти из-за ошибочного мнения, что Англия в конечном итоге не станет ввязываться в войну с еще одной европейской страной вдобавок к Франции и Испании, отчасти из чрезмерной уверенности в ожидаемой поддержке России и других нейтральных стран, а более всего из-за естественного недовольства английским досмотром и захватом их судов, группа амстердамских торговцев и правителей вынудила Генеральные штаты утвердить в 1779 г. политику неограниченного конвоирования^[46]. Штатгальтер и несколько оранжистов, считавших союз с Англией своим «спасительным якорем» против Франции и торжества папизма, резко осудили такой шаг, который также подвергли критике некоторые дальновидные личности, понимавшие, что Англия скорее станет сражаться, чем откажется от своего довольно спорного права досматривать голландские суда на предмет контрабандных военно-морских грузов. Последовавшая война обернулась для голландцев полной катастрофой и привела, хоть и не напрямую, к разорению VOC и краху института как штатгальтеров, так и правителей-олигархов. Но это никак не отменяет того факта, что в стране имелись не только группы воинствующих торговцев из Амстердама с их политикой неограниченного конвоирования, которые были готовы воевать, но также доморощенные «патриоты» или про-французски настроенные представители среднего класса, критиковавшие существующий аристократический режим, и великое множество *grauw* – прооранжистского пролетариата.

Глава 5

Выгода и набожность

Дома

Когда Генеральные штаты вежливо, но твердо отвергли предложение Оливера Кромвеля об англо-голландском военном союзе против Испании и Португалии, нацеленном на раздел иберийских колониальных империй между двумя протестантскими державами, английский диктатор мрачно заметил, что голландцы предпочли выгоду благочестию. Это был упрек, который часто высказывался в адрес жителей Соединенных провинций во времена их золотого века, и многие из них вовсе не стыдились этого. Типичным представителем таких беззастенчивых искателей наживы был один амстердамский купец, который в 1638 г. прямо в лицо штатгальтеру заявил, что не только будет продолжать торговлю с враждебным Антверпеном, но и, если можно было бы получить прибыль, пройдя через ад, он не побоялся бы спалить паруса своих кораблей, делая это. «...Мы рыщем в гаванях всего земного шара – из любви к выгоде», – пел Вондел об амстердамцах своего времени и своего поколения. Возможно, будет уместным рассмотреть в этой главе, как голландцам удалось согласовать догматы религии, объявляющей эту жизнь не более чем пустяком («Dit leven is gants met» – «Жизнь – это ничто»), с деятельностью, связанной с их обладанием всемирной торговой империей. Также я предполагаю вкратце рассмотреть, насколько сильно пострадал сам кальвинизм от кардинальных перемен при его пересадке с почвы Женевы – через Дордрехт – в тропики.

Хотя кальвинизм часто рассматривается как религия, присущая капитализму, для такой точки зрения слишком мало оправдывающих обстоятельств. Голландские кальвинистские священники XVII в. в большинстве своем происходили из нижней прослойки среднего и рабочего классов и в целом имели закоренелые антиэкономические наклонности. Они, как правило, имели склонность проявлять безразличие – если только не были действительно враждебно настроены к политике правителей на главенствующее положение в торговле и желанию купцов захватывать новые прибыльные рынки любой ценой. Такое их отношение

оспаривал известный зеландский проповедник и теолог, преподобный Годфрид Удемманс, в своемopusе «Духовный руль торгового судна», который он посвятил директорам Вест- и Ост-Индской компаний и который выдержал три издания с 1638 по 1655 г. Примечательно, что в своей работе Удемманс считал необходимым долго убеждать, прибегая к обильным цитатам из Священного Писания, что торговая деятельность вовсе не является неблагородным или противоестественным занятием, но прекрасно согласуется с практикой христианства, при условии, что она ведется честно и без погони за чрезмерной или незаконной прибылью. Также Удемманс доказывает, что заморская торговля предоставляет прекрасную возможность для распространения света истинного Евангелия и посему должна горячо поддерживаться всеми набожными верующими. Он всеми силами пытается оправдать создание двух индийских компаний и их экспансию в Восточную и Западную Индию, частью основываясь на самозащите от папистских иберийских мировых монархий, а частью на крайне важном рынке сбыта для избыточного голландского капитала и рабочей силы. Он настаивает на том, что завоевания компаний абсолютно законны и должны удерживаться любой ценой, в то время как религиозную помощь следует осуществлять путем усиления поддержки кальвинистских миссий среди язычников. Удемманс, однако, являлся исключением. Мало кто из голландских священнослужителей проявил интерес к заморской экспансии их страны, посвятив свои теологические и полемические таланты нападкам на Римско-католическую церковь или на анабаптистов, на антиоранжистские настроения правителей-олигархов или на чисто приходские заботы.

Многие писатели, как в прошлом, так и современные, видели в кальвинизме главную движущую силу динамичной торговой экспансии и культурного расцвета Голландии, ставших такой характерной чертой в общей картине XVII в. То, что кальвинизм сыграл тут огромную роль, даже не обсуждается, однако его вклад часто преувеличивают. Несколько величайших представителей голландского искусства и литературы золотого века, включая Гроция, Рембрандта и Вондела – если назвать только самых известных, – не являлись приверженцами господствующей кальвинистской церкви. Такие бесспорные поборники протестантизма, как Ян ван Олденбарневелт (Иоганн Олденбарневелде) и Ян де Витт, часто критично относились к ортодоксальным проповедникам, которые, в свою очередь, так же часто критиковали их самих. Если обратиться к великим адмиралам XVII столетия, то мы обнаружим, что трое из них, Пит Хайн, Мартин Тромп и Михиел де Рейтер, были весьма богобоязненными кальвинистами, излюбленным чтением которых являлась Библия, но о многих ли их коллегам и подчиненным можно было сказать то же самое? Нет необходимости обвинять пастора Удерманса в более чем умеренном преувеличении, когда он утверждал, что многие голландские моряки знакомы с Библией столь же мало, как с Кораном. Что касается Ост-Индской компании, два самых знаменитых генерал-губернатора Батавии, Кун и ван Димен, являлись преданными последователями голландской реформатской церкви, и они никогда не переставали сокрушаться по поводу того, что подавляющее большинство их соотечественников в Азии являлись кем угодно, но только не пылкими или достойными подражания верующими. И движущей силой, стоявшей за голландской заморской экспансией, был вовсе не кальвинизм, а сочетание «страсти к наживе» у торговцев с угрозой безработицы и голодного существования для множества представителей морского сообщества в родной стране.

«Ваш бог – золото», – заявили голландцам западноафриканские негры из Гвинеи в самом начале XVII столетия, предвосхищая таким образом Карла X Шведского, который достал из кармана риксдалер^[47] и сказал: «Вот ваша религия», обращаясь к голландскому посланнику, который высказал ему замечание по поводу свободы вероисповедания. За 200 лет существования Голландской Ост-Индской компании ради службы на Востоке Соединенные провинции покинуло менее тысячи проповедников, многие из которых возвратились домой через несколько лет. Эти цифры хорошо сравнимы с гораздо меньшим числом священников, поддерживавшихся Британской Ост-Индской компанией в Индии, однако они наглядно показывают, что миссионерский дух был не столь сильно заметен в кальвинизме, что являет

собой резкий контраст со многими тысячами миссионеров, получавших в колониях поддержку испанской и португальской корон. В этом отношении стоит заметить, что представителей протестантских религиозных профессий в Северных Нидерландах было не так уж и много. Похоже, что на протяжении двух столетий во всех семи провинциях насчитывалось не более двух тысяч священников.

Следует провести разграничительную линию между значимостью кальвинизма до и после Дордрехтского собора 1618–1619 гг., которая отмечает водораздел в истории религии Соединенных провинций. Ортодоксальный кальвинизм с его упором на предопределение в чистом виде и на спасение ограниченного числа богоизбранных был обречен стать религией избранного меньшинства – членов общества «Гедеоновы братья». Однако, хотя воинствующие кальвинисты среди морских гёзов играли столь важную роль в Нидерландском восстании, они не были ни первой и ни единственной группой, которая вознамерилась окончательно порвать с Римско-католической церковью. Лютеран, баптистов и других, не входивших в догматические секты или не исповедовавших догматических вероучений, но которых по той или иной причине не устраивала старая религия, к 1580 г. по совокупности было значительно больше. Филипп ван Марникс де Сент-Альдегонд, кальвинистский писатель, сочинивший в 1569 г. «Улей Святой римской церкви», был не так уж не прав, когда подытожил взгляды раннего протестантизма в следующих выражениях: «И вот наконец вся святость католической церкви в Риме начинает рассыпаться в прах: из этого вы не должны слышать ничего иного – ни в городах, ни вне их, – да-да, ничего не было прочитано, кроме Библии или Деяний апостола Павла. Люди не будут молиться никому другому, кроме как Богу, также не могут они иметь иного Посредника, кроме Иисуса Христа, или обращать свою веру на что-либо другое, кроме Его благодати: никакой радости, кроме как в Его кресте, смерти и страстях. Они почитали только таинства, крещение и Тайную вечерю – да-да, и делали это так же просто, без всяких торжеств или показного великолепия, без козней дьявола, без слюней, без соли, без масел, а также без риз, стихарей и хоругвей, без распевания *Per omnia saecula saeculorum* – «И ныне и присно и во веки веков», или *Dominus vobiscum* – «Господь с вами». Они не станут исповедоваться иному духовному отцу, кроме как Господу Всевышнему, или же перед всей Его паствой. Они более не приходили за отпущением грехов; они больше не станут молиться за грешников в чистилище; но каждый будет опираться в своей молитве на Священное Писание. Они будут признавать одну лишь верховную власть Церкви, а именно Иисуса Христа, Сына Божьего. У них будут епископы, отвергающие само имя и деятельность тиранической Инквизиции, дабы проповедовать Евангелие, оставить своих запряженных лошадей и мулов и идти пешком. Они почитали все виды пищи как полезные и правильные, изначально вознося благодарность на своих родных языках; и они также не одобряли поедание плоти в Великий пост – нет, даже в Страстную пятницу. Одним словом, они приступили к совершенно новой реформе религии и церковного уклада, подобных которым никогда не было в Святой римской церкви или во времена наших пращуров. Они взяли дело в свои руки, дабы заново вернуть все к прежним древним заветам апостолов и евангелистов».

Никакого упоминания о предопределении здесь нет, и упор делается на Библии, как на единственном авторитетном источнике, и на отсутствии какого-либо духовного посредника между Человеком и Богом. Протестанты всех конфессий, а также не принадлежащие ни к какой из них в принципе согласились с этим, хотя они могли иметь – и имели – совершенно разные точки зрения на прочтение и толкование Библии.

Когда морские гёзы в 1572 г. овладели большей частью Голландии и Зеландии, воинствующие кальвинисты находились в ничтожном меньшинстве. Консолидировать свои силы они смогли только после взятия – силой оружия или хитростью – городов, поскольку только они оказались единственной хорошо вооруженной группировкой среди мятежников и населения в целом. Мы уже видели, что они изгнали папских священников и саму религию так быстро, как только смогли, даже несмотря на личную склонность Вильгельма Оранского и других к проведению политики религиозной терпимости; однако прошло некоторое время,

прежде чем кальвинисты смогли заменить римско-католическую иерархию собственным духовенством. В противоположность тому, что произошло в Англии, Скандинавских странах и частично в Германии, голландское католическое духовенство в 1570-х гг. не перешло в протестантство после символического сопротивления и в сколь-нибудь значительных количествах. Некоторые авторитетные источники насчитывают число новообращенных от 5 до 10 процентов, но в любом случае подавляющее большинство либо бежало, либо было убито, либо оказалось высланным из страны. Таким образом, кальвинистской церкви «истинной реформированной христианской религии» пришлось, так сказать, начинать все с нуля, поскольку она не могла опираться на фундамент из переметнувшихся католических священников. Разумеется, имелось и достаточное количество протестантских пасторов, получивших теологическое образование в Женеве, Базеле, Цюрихе и где-либо еще за границей, но их и близко не хватало, чтобы заменить «сынов Велиала»^[48], которых они сами и интернировали. Университет Лейдена был основан (2 июня 1575 г.) главным образом с целью обеспечения притока высокообразованных проповедников, но прошло несколько лет, прежде чем требуемый результат был достигнут. Совсем немногих (если такие вообще нашлись) сыновей верхней прослойки среднего класса привлекло призвание священника, которое плохо оплачивалось; а бюргеры невзлюбили и не доверяли «захудалым пасторам», вышедшим из рядов пролетариата, которые читали свои импровизированные проповеди по неудачно подобранным текстам и имели обыкновение требовать социальной справедливости для низших классов. Приток многих хорошо образованных кальвинистов из Южных Нидерландов в 1585 и в последующие годы, а также победа воинствующего кальвинизма на Дордрехтском синоде способствовали укреплению социального статуса проповедников. С этого времени политические власти относились к ним с заметным уважением, и они занимали высокое положение в ряду приоритетов общественных и частных дел. Однако примечательно, что, хотя городское правящее сословие хорошо заботилось о высших офицерах городского ополчения – *schutterij*, оно никогда не беспокоилось о том, чтобы выучить своих сыновей на священников, и не поощряло их к тому, чтобы те стали проповедниками.

Как только кальвинисты переняли руководство у изгнанных папистов, они установили церковный уклад. В каждом приходе имелся собственный церковный совет или консистория, состоявшая из кальвинистских священников и мирян с проповедником во главе. Церкви объединялись в общие советы реформатских общин, классисы или коллоквиумы, а классисы каждой из семи провинций формировали синод – и по одному отдельному для северной и южной частей провинции Голландия. Эти организации часто сотрудничали и вели активную деятельность по оказанию давления на своих соотечественников по городу или приходу, дабы те вступили в лоно официальной церкви. Вполне понятно, что особенно они беспокоились об обращении молодого поколения. С 1574 г. и позже они стремились обратить в протестантство сельское и городское рабочее сословие посредством контроля над городскими и сельскими начальными школами. Большинство бывших католических монастырей и других крупных зданий превратились в школы, где начальные религиозные установки преподавали учителя, чью ортодоксальность удостоверили и одобрили местный пастор и церковные советы. Проповедники также прилагали усилия, чтобы препятствовать правителям-олигархам в допущении отправления католических обрядов и любых форм протестантского инакомыслия, будь то арминианское, баптистское или лютеранское. Естественно, на это требовалось время. В 1587 г. Верховный суд Голландии уверял графа Лестера^[49], будто большинство населения «до сих пор в душе склонно к римскому католицизму». Известный своей откровенностью либеральный протестант Дирк Волькертсен Коорнгерт в одном из памфлетов, защищавших религиозную терпимость, называл реформатов «безусловно самой мелкой группой». Несколько лет спустя Олденбарневелт (Олденбарневелде) утверждал, что богатейшие и лучшие из бюргеров по-прежнему привержены старой религии. Эти и им подобные утверждения не стоит воспринимать слишком серьезно; однако рьяным проповедникам и синодам было определено не просто

внушить своим любящим удовольствия и крепко выпить (а также много работающим) соотечественникам ограничительные догматы Жана Кальвина и Теодора Безе.

Проповедники и их сторонники среди правителей – хоть и немногочисленные, они порой обладали значительным влиянием даже в Амстердаме, где Бог определенно стоял на втором месте после мамоны, – продолжали усердно трудиться над самозванной миссией, и их настойчивость постепенно принесла свои плоды. Помогал им тот факт, что, поскольку они являлись наиболее яркими поборниками войны с Испанией, которую они рассматривали в свете крестового похода против антихриста, правители с более широким кругозором не могли позволить себе слишком сурово пресекать их деятельность. Заключение в 1609 г. Двенадцатилетнего перемирия рассматривалось кальвинистами-фанатиками или как акт презренной слабости, или в качестве прямого предательства. Их негодование усилилось еще из-за поддержки Олденбарневелтом и многими из правителей учения Арминиуса, профессора теологии в Лейдене, чьи взгляды на предопределение были несколько умереннее, чем у ортодоксальных кальвинистов. Раздел между ремонстрантами и контрремонстрантами, как соответственно называли последователей Арминиуса и его основного оппонента Гомаруса – голландского протестантского реформатского богослова и проповедника, – обострялся еще и политическими различиями. Арминиане ассоциировались с Олденбарневелтом и правителями-олигархами, поддерживавшими суверенитет провинций в его самом прямом смысле. Что подразумевало верховенство провинции Голландия и неоспоримое утверждение власти городского патрициата, включая его главенство над церковью. Контрремонстранты же защищали неограниченную свободу кальвинистской церкви от любого вмешательства или надзора гражданской власти. Также они жаждали полного изгнания католиков и инакомыслящих протестантов с любых церковных и государственных должностей.

Памфлетная война, разгоревшаяся между ремонстрантами и контрремонстрантами, отражала все усиливавшуюся ожесточенность, с которой велись споры с обеих сторон. Контрремонстранты, как более экстремистская группировка, были, естественно, наиболее озлобленными из них. Также их было значительно больше числом, хотя ремонстрантам, благодаря поддержке Олденбарневелта и согласных с ним правителей, удавалось сохранять за собой лидирующее положение в церкви вплоть до 1618 г. *Odium Theologicum*, богословская ненависть, порождает намного более сильные страсти, чем что-либо еще; но при всем при этом еще более удивительно обнаружить добропорядочных контрремонстрантов, граждан Роттердама, заявляющих, что они скорее согласятся на обряд венчания, проводимый свиньей, чем пастором-ремонстрантом. А бургомистр Амстердама, отказываясь от приглашения коллеги присутствовать на ремонстрантской службе, обронил замечание, что он лучше посидел бы в борделе с семьей шлюхами. Спорам о религиозной доктрине положило конец вмешательство на стороне контр-ремонстрантов принца Морица – не из-за его глубоких убеждений относительно тонкостей предопределения, а из чисто политических соображений. Более всего он желал упрочить свое положение штатгальтера и власть Генеральных штатов (на большинство делегатов которых он мог положиться) за счет Олденбарневелта и правящей олигархии провинции Голландия. Он смог добиться этого, поскольку контрремонстранты, члены городского совета Амстердама, резко выступавшие против Олденбарневелта из-за заключения Двенадцатилетнего перемирия и предотвращения создания Вест-Индской компании, в тот период времени как раз находились при должностях. Также Мориц мог рассчитывать на поддержку материковых провинций и их представителей в Генеральных штатах, которые всегда завидовали преобладающему влиянию Голландии.

Падение Олденбарневелта совпало с проведением кальвинистского синода в Дордрехте, который утвердил ортодоксальные доктрины контрремонстрантов и заклеил арминиан как еретиков. С этого момента ремонстрантам вместе с католиками, лютеранами, баптистами и другими, не следовавшими догмам «истинной реформированной христианской религии», как постановил Дордрехтский синод, запрещалось (на бумаге) занимать церковные и государственные должности. Однако это правило не всегда выполнялось во всех семи

провинциях в форме торжественной установленной законом присяги, как это было с английским Актом о присяге 1673 г.^[50] Многие правители с ремонстрантскими наклонностями уже в скором времени смогли удержаться на должностях на основании голословных утверждений, будто они придерживались доктринальных постановлений Дордрехтского синода. Запрещенная ремонстрантская церковь, чьих священников прогнали, заточили в тюрьму или изгнали из страны в 1619 г., быстро возродилась в форме более или менее тайного братства, а в течение нескольких лет прекратилось и само активное преследование ремонстрантов. Они были организованы по той же схеме, что и официальная реформатская церковь, и должным образом приняли официальную Библию от 1637 г., как единственный источник протестантской доктрины. От ортодоксальных верующих-кальвинистов они отличались тем, что оставляли за собой право самим судить о значимости формулировок, исповеди и катехизиса вместо того, чтобы оставаться связанными Гейдельбергским катехизисом и догмами «истинной реформированной христианской религии», утвержденными на Дордрехтском синоде в 1619 г. Впервые ремонстрантам позволили открыть свою церковь в Амстердаме в 1630 г., однако они продолжали оставаться обособленной и замкнутой, хоть и относительно влиятельной организацией, которая в XVII в. никогда не насчитывала более 12 тысяч участников.

Одна из резолюций, принятых Дордрехтским синодом, санкционировала перевод Библии комиссией из 18 теологов, языковедов и историков, поскольку существующая голландская версия (основанная на немецкой Библии Лютера) считалась неудовлетворительной. Работа продолжалась с 1627 по 1637 год, и Государственная Библия, названная так потому, что проект финансировался Генеральными штатами, заняла в голландской жизни и литературе место, весьма схожее с тем, что получила «Авторизованная версия» (английский перевод Библии) в Англии XVII–XVIII вв. Параллель ближе еще и в том, что обе версии доказали, что качественное литературное произведение может быть создано группой авторов. Широкое распространение Государственной Библии в Семи провинциях, а также усердие, с которым многие люди читали ее, несомненно усилили существующую тенденцию поминать имя или помощь Господа Всемогущего – как по поводу, так и всуе – и в официальной, и в частной переписке. Такая мода на библейские изречения не ограничивалась одними лишь голландскими кальвинистами, но они, похоже, пошли дальше всех и пользовались ими дольше всех в Европе, за исключением разве что Англии Кромвеля. Самые что ни на есть деловые переписки и самые мирские письма часто пестрили благочестивыми банальностями и призывами.

Триумф контрремонстрантов в 1618–1619 гг., хоть и неоспоримый, оказался не окончательным. Некоторые результаты были вскоре сведены на нет или урезаны пассивным сопротивлением и нежеланием сотрудничать многих правителей. Существующие предписания, направленные против католиков, были ужесточены, и кальвинистские церкви очищались от любых еще имевшихся изображений или предметов интерьера, однако правители не позволили проповедникам ликвидировать еще и органы. Кальвинистское духовенство теперь обладало большим, чем прежде, весом, но им не дозволялось становиться членами городских советов или провинциальных штатов, а окончательным контролем над церковью в значительной степени по-прежнему обладали правители-олигархи, в руках которых находились финансовые рычаги. Как указывалось выше, за все время существования Голландской республики большая часть священнослужителей вышла из среднего класса и его нижней прослойки – из столь презируемого правителями *gemeene* – «подлого сословия», – и они никогда не образовывали священнической касты или церковного третьего сословия, как их конкуренты-католики в таких странах, как Франция, Испания и Португалия. Хотя правители имели своих представителей в провинциальных синодах, они, как мы увидим ниже, редко утруждали себя службой в консисториях и церковных советах, где кальвинистские старейшины, как и многие из священников, вышли из рядов простых бюргеров.

Отношение среднего голландского бюргера-протестанта к церкви и государству можно проследить на примере адмирала Михиела де Рейтера, который начал карьеру с юнги на «Флиссингене», а закончил ее состоятельным амстердамским бюргером. Его биограф-современник, ремонстрантский священник, повествует нам, что, хотя адмирал глубоко уважал кальвинистских священнослужителей и не потерпел бы никакой несправедливой критики в их адрес, он также проявлял настойчивость в том, что им никогда не следует вмешиваться во что-либо вне сферы их конкретной деятельности. Он являлся убежденным сторонником главенства государства над церковью, как и современные ему правители, которые, как отметил Уильям Карп, имели своих представителей во всех собраниях провинциальных синодов, «дабы проследить, чтобы их дебаты никоим образом не касались или не отражались на правительстве и губернаторах; и если такое случалось, то немедленно звучал голос штатов: «Но 1a myn Heeren Predicaten!» – «А ну, **стоять**, господа священнослужители!» Точно так же правители не терпели какой бы то ни было критики с церковной кафедры, однако, как отметил тот же Карп, если священники вели себя благопристойно и спокойно, «простой люд почитал их, как богов на земле». Как правило, так оно и было, однако встречалось и немало исключений, особенно среди грубых моряцких сообществ. Преподобный Годфрид Удеманс из Зирикзе был не единственным священником-кальвинистом, который сравнивал – и не в лучшую сторону – отсутствие уважения многих голландских мирян к их духовным наставникам со смиренным почтением, которое оказывали испанские и португальские католики своим священникам.

Из вышеприведенного ясно, что кальвинистская церковь «истинной реформированной христианской религии» не полностью освободилась от контроля и надзора гражданской власти, как на это надеялись священники контрремонстрантов в 1618–1619 гг. Да и католики и инакомыслящие протестанты подавлялись не столь сильно, как это предусматривал Дордрехтский синод, даже перед реакцией, наступившей после смерти принца Морица и замены его Фредериком Генрихом в 1625 г. и свержения правителей-контрремонстрантов в Амстердаме примерно в то же время. Мы уже видели, что ремонстрантская церковь была официально разрешена в Амстердаме в 1630 г., а на следующий год городской совет одобрил возведение большой лютеранской церкви; вторая была построена 40 лет спустя. Гонения, однако, существовали; и основной их удар приняли на себя католики.

Более 150 лет после относительного триумфа воинствующего кальвинизма на Дордрехтском синоде католики не могли на законных основаниях совершать ни общественные, ни частные богослужения, а католические священники не имели права совершать обряды крещения и бракосочетания. Им запрещалось давать детям католическое образование или даже отправлять их с этой целью за границу. Ношение распятий, четок или католических эмблем любого вида, покупка и продажа католических религиозных книг и литературы, печатных изданий и гравюр, декламация или чтение католических гимнов и псалмов, празднование католических праздничных дат – все это запрещалось законом. Ни один католик не мог занимать официальных постов – в муниципалитетах, университетах, юриспруденции, военно-морском флоте или армии. Незамужним католичкам запрещалось составлять завещания, а любое завещание наследства католическому фонду по закону автоматически считалось недействительным. В большинстве мест дети от смешанных браков должны были воспитываться протестантами; имелось еще так много других досадных юридических препон на пути следования католической вере, что, если бы эти уголовные законы надлежащим образом соблюдались, свобода совести, которую с такой неохотой даровали католикам, оказалась бы практически бесполезной сама по себе. Вдобавок ко всей этой гражданской неправоподобности, от которой страдали голландские католики, многие соотечественники-протестанты долгое время считали их действительными или потенциальными предателями, с 1568 по 1648 г. действовавшими в интересах Испании, а с 1648 по 1748 г. – Франции.

Единственным, что делало жизнь католиков, граждан Голландской республики, терпимой, было то, что уголовные законы, направленные против их религиозной практики,

никогда не исполнялись в полную силу во все времена и во всех местах, и постепенно, с течением XVIII в., эти законы стало проще обходить или игнорировать. К счастью для католиков и инакомыслящих протестантов, Генеральные штаты никогда не одобряли планов духовенства по полному осуществлению кальвинистского превосходства. Они никогда не настаивали на том, что все жители республики должны следовать «истинной реформированной христианской религии», и не заставляли присутствовать на кальвинистских церковных службах в принудительном порядке. Гражданские браки считались столь же законными, как и любая форма протестантского религиозного бракосочетания, и любой мог выбрать одну из этих форм (или обе). Голландская реформатская церковь, как определил и постановил Дордрехтский синод, являлась единственной формой христианского богослужения, полностью признанного государством – до тех пор, пока революция 1795 г. не разорвала связь между церковью и государством. Однако она и не была государственной церковью до такой степени, как, например, англиканская церковь в Англии.

Несмотря на то что католикам по закону запрещалось занимать официальные и правительственные посты и хотя большинство профессий было для них якобы закрыто, на таких должностях неизменно находились практикующие (или тайно практикующие) католики, за исключением, быть может, первых лет непосредственно после Дордрехтского синода. Католики бургомистры и олдермены хоть редко, но встречались, а в армии офицеров-католиков было довольно много. Ко второй половине XVIII в. во многих городах католические семьи на протяжении нескольких поколений поставляли адвокатов, нотариусов и врачей. В большинстве городов, примерно с 1630 г., функционировали замаскированные католические храмы и молитвенные дома, и все, включая местное кальвинистское духовенство, знали, что это такое и где находится. Точно также католические священники, принимавшие меры элементарной предосторожности и избегавшие выставлять напоказ самих себя и свои одеяния, несмотря на прописанные запреты на свою деятельность, вполне могли проповедовать своим единоверцам.

Систематическое пренебрежение уголовными законами против католиков отчасти обязано эрастианским и прагматическим воззрениям большинства правителей, которые склонялись к религиозной терпимости, а частью той самой «страстью к прибыли», которую Бонд ел восхвалял в своих амстердамцах и по поводу которой не переставали сетовать кальвинистские проповедники. Младшие чиновники, призванные следить за исполнением закона – помощники шерифов, бейлифы, приставы и т. п., – регулярно получали взятки в обмен на то, чтобы не видеть и не слышать ничего имеющего отношение к католическому вероисповеданию. Такие платежи получили название «плата за понимание». Вскоре они стали – и долгое время оставались – неофициальными, но общепризнанными приработками соответствующих местных властей, и из этого не делалось никакой тайны. Реформатские общины и синоды постоянно подавали жалобы на «повсеместную распространенность папистской веры» и потворство этому чиновников. Генеральные и провинциальные штаты обычно реагировали на это изданием рекомендательных эдиктов или заявлений, подтверждающих существование уголовных законов, однако от их исполнения по-прежнему регулярно уклонялись посредством взяточничества. Эта «плата за понимание» стала столь обычным явлением, что, когда в 1787 г. она прекратила свое существование – как результат ослабления кальвинистской нетерпимости, вызванного распространением идей, вдохновленных Просвещением, – чиновникам, извлеком из этого выгоду, пришлось платить более высокое жалованье.

Совокупный эффект от юридической, социальной и финансовой дискриминации голландских католиков в долгосрочной перспективе привел к постепенному снижению их численности. В то время как протестанты всех толков в 1650 г. обладали, вероятно, незначительным большинством (если оно у них вообще было) над католиками, 50 лет спустя последние, похоже, насчитывали 45 процентов от всего населения, а в 1795 г. уже только около 40 процентов. Утверждение реформатских синодов, что в 1650 г. в Соединенных

провинциях имелось еще где-то 20 тысяч бегинок – католических послушниц, нет необходимости принимать слишком всерьез; хотя, если их насчитывалась хотя бы десятая часть названного числа, это все равно было бы весьма впечатляюще, если припомнить, что тогда там имелось чуть больше 2 тысяч кальвинистских священников. Намного сложнее оценить, как католики распределялись по сословной структуре, хотя очевидно, что подавляющее большинство городского правящего класса, состоятельных торговцев и, как бы выразиться точнее, интеллектуалов к концу XVII в. стали протестантами. Основная масса пролетариата также являлась протестантской, хотя многие торговцы и самозанятые предприниматели из нижней прослойки среднего класса, по-видимому, оставались католиками. Католические области Генералитетских земель также были верны католицизму, даже несмотря на давление, оказываемое на них крупными землевладельцами-протестантами, или, возможно, отчасти именно из-за этого, как это случилось с ирландскими католиками при английском правлении. Существовали целые анклавные католических деревень, разбросанных по всем Семи провинциям, даже по соседству с такими оплотами протестантизма, как Алкмар и Лейден. Уильям Карр при написании своего труда в 1688 г. всего лишь повторил общее ошибочное мнение, когда утверждал, будто треть населения Амстердама принадлежит к официальной кальвинистской церкви, треть к католической, а остальные являются инакомыслящими протестантами (включая лютеран, арминиан, браунистов, квакеров и баптистов) и евреев. На самом деле, как свидетельствуют крестильные регистры, к 1688 г. почти половина населения Амстердама являлась кальвинистами. Однако, несмотря на заметные местные и региональные различия, возможно будет не слишком большим допущением заметить, что из общего числа населения в 2 миллиона человек действительными приверженцами официальной голландской реформатской церкви являлось не более трети.

Хотя постановления Дордрехтского синода так никогда и не были полностью воплощены в жизнь, а с течением времени от них все больше уклонялись и все чаще нарушали, победа кальвинизма в 1618–1619 гг. продемонстрировала долгосрочные результаты. Союз дома Оранских с духовенством, приведший Олденбарневелта (Олденбарнвелде) на плаху, существовал в течение двух столетий, хотя временами не без недоверия друг к другу с обеих сторон. Например, Фредерик Генрих если не на деле, то в душе симпатизировал арминианам, а неприкрытая тяга его сына и преемника^[51] к вину, женщинам Вильгельма II Нассау-Оранского (1626–1650). и песням могла создать для него серьезные проблемы с занудами-кальвинистами, если бы не его преждевременная смерть от оспы в 1650 г. Покровительство Вильгельма III театру также вело к конфронтации с суровой кальвинистской моралью; и совсем неудивительно обнаружить, что некоторых священников и их жен, которые присутствовали на балу, устроенном графом Яном Морицем Нассауским после своего возвращения из Бразилии, «совсем не развеселило» представление, разыгранное среди публики совершенно голыми аборигенами Американского континента. Более серьезной, чем подобные мирские развлечения принцев дома Нассау, стала неоднократная (еще до 1648 г.) поддержка штатгальтерами французских католических королей против их мятежных подданных-гугенотов. Но в целом не будет чрезмерным упрощением сказать, что после 1618 г. духовенство рассматривало принцев Оранских в качестве своих естественных защитников против якобы свободомыслящих «развратников» – про-ремонтантских правителей провинции Голландия в целом и Амстердама в частности. Кальвинистские проповедники были склонны раздувать пламя прооранжистских настроений среди нижней прослойки среднего класса и народных масс, откуда многие из них и вышли. Этот союз дома Оранских с ортодоксальной кальвинистской церковью имел особое значение во времена национальных потрясений, таких как французские вторжения в 1672 и 1748 гг., когда можно было вывести на улицы городов мелких бюргеров и городской пролетариат, дабы оказать давление на засевших в ратушах правителей-олигархов.

Другим долгосрочным результатом кризиса 1618–1619 гг. явилось то, что люди вообще, а правители в особенности стали больше, чем раньше, заботиться о соблюдении внешних

ортодоксальных признаков. Даже хотя такое поведение зачастую было скорее кажущимся, чем настоящим, порой оно делало гражданские власти более подверженными давлению духовенства. Отстранение католиков и инакомыслящих протестантов от службы, хотя это нигде полностью не применялось во все времена, практиковалось достаточно широко, чтобы побудить многие семьи высшего сословия перейти в кальвинизм в течение следующих полутора столетий. Пуританская сторона кальвинизма также усилилась в результате влияния Дордрехтского синода, на котором священнослужители подвергли критике склонность нидерландцев «к свободе и удовольствиям». С этого времени члены кальвинистской церкви стали объектами строжайшего надзора со стороны своих консисторий, которые часто вмешивались в самые интимные дела. Празднование «папистских праздников», таких как Рождество и канун Нового года, повсеместно осуждалось, театры и танцы объявлялись как минимум пагубными развлечениями. Однако кальвинистам так и не удалось полностью запретить подобные увеселения, а в таких многонациональных центрах, как Гаага и Амстердам, они практически не смогли даже повлиять на них. С другой стороны, в сельской местности, мелких городах и остальных провинциях проповедникам удалось в большей, чем в Голландии, степени постепенно навязать пуританский образ мышления и поведения многим представителям среднего городского сословия, а также крестьянству.

Воеций, ревностный пастор-долгожитель, добился закрытия театра в Леувардене, где он имел поддержку непоколебимого штатгальтера-кальвиниста Фрисландии, однако театр Амстердама пережил нападки духовенства в течение долгих лет. В Амстердаме также, к великому неудовольствию проповедников, процветали музыкальные салоны и танцевальные заведения; и даже гостиницы, обслуживавшие высокопоставленных клиентов, позволяли своим гостям устраивать в дальних номерах пирушки с вином, женщинами и распеванием песен. Такие гостиницы не содержали музыкальных оркестров ради привлечения посетителей, как это делали некоторые заурядные таверны, предпочитая вместо этого искушать жажду ожидаемых клиентов широким выбором французских, испанских, рейнских и даже греческих и итальянских вин. Некоторые музыкальные и танцевальные салоны представляли собой более или менее замаскированными бордели, но имелись и такие, которые предлагали музыку без непристойных развлечений. Ночная жизнь и разнообразие увеселений в Амстердаме не являлись характерными для остальных Семи провинций, где в большинстве своем вели более умеренный образ жизни. Особенно заметно это было по Зеландии, где в 1570-х гг. прочно укоренился кальвинизм и где правители, видимо, оказались более ревностными верующими и поэтому более готовыми к сотрудничеству с духовенством, чем их коллеги во всех остальных местах. Голландский католицизм также находился под сильным влиянием своего насильственного подчинения кальвинистскому пуританству и аскетизму, что можно видеть, сравнивая его внешние проявления с более пышными примерами южных и восточных соседей. Нечто подобное произошло с католицизмом в Англии, благодаря его положению относительно доминирующего протестантства.

Голландская реформатская церковь также стремилась по-своему направить ход интеллектуальной жизни посредством пяти провинциальных университетов, основанных один за другим между 1575 и 1636 гг. В дальнейшем такая тенденция только усилилась благодаря событиям 1618–1619 гг., когда существующие университеты «очистили» от всех преподавателей, которые безоговорочно не поддержали решений Дордрехтского синода. Но и здесь триумф контрремонстрантов оказался неполным. Впредь настоятельно требовалось принесение «клятвы верности» доктрине всеми священниками, профессорами и преподавателями, однако она часто принималась при условии индивидуального толкования, а иногда даже учитель, который отказался принимать ее, тем не менее назначался на должность. Профессора-ремонстранты, такие как знаменитый классический ученый и поэт, преподаватель Каспар Барлеус, нидерландский ученый и писатель, изгнанный в 1619 г. из Лейдена, позже получили места в Амстердамской академии, или, как ее называли, «Прославленной школе», а также в других учебных заведениях, которые имели более

уступчивое руководство. В кальвинистских университетах, как и в католических других стран, глубоко укоренились философия Аристотеля и догма позитивизма, однако у реформатских членов университетского совета не хватало власти – а зачастую и желания – полностью подавить прения, о чем свидетельствовал не имеющий силы запрет, который они наложили на распространение картезианской (декартовской) философии в Лейдене. Даже в Утрехте, ставшем бастионом кальвинистского фундаментализма за сорокалетнее пребывание пылкого Воеция на посту главного профессора теологии (1636–1676), на преподавательскую должность в 1649 г. был принят ремонстрант – при условии, что его назначение не будет рассматриваться в качестве прецедента. И наконец поддержка провинциального суверенитета правителями-олигархами обычно давала уверенность, что если квалифицированный педагог не был принят в одном месте, то он мог найти другой город, где власти оказывались не такими придирчивыми.

Отношение ортодоксальных кальвинистов к лютеранам, баптистам, браунистам и прочим протестантским инакомыслящим, хоть и менее враждебное, чем к католикам, долгое время являлось довольно относительной и частичной веротерпимостью. После диких эксцессов раннего анабаптистского движения в Германии и Нидерландах, которые были осуждены Лютером, Цвингли и другими протестантскими реформаторами с такой вербальной свирепостью, вполне соответствовавшей по своей жестокости садистской мести, обрушенной немецкими священниками и князьями на последователей Томаса Мюнцера и Иоанна Лейденского, нидерландские баптисты превратились в пацифистское и ультрапуританское сообщество. Наиболее примечательной их сектой являлись меннониты, названные так по имени ее основателя Менно Симонса, которые отказывались нести гражданскую службу или брать в руки оружие. Активное преследование меннонитов прекратилось в 1581 г., в основном благодаря защите, оказанной им Вильгельмом Молчаливым, однако полные гражданские права они обрели только в 1672 г. Возможно, изначально баптисты представляли собой самую большую протестантскую группу, однако в 1650-х и 1670-х годах многие из них, разочаровавшись в пацифизме и непротивлении в борьбе с Испанией и Римом, переметнулись к воинствующим кальвинистским проповедникам. На протяжении XVII и XVIII столетий баптисты и меннониты сформировались в две тихо процветающие замкнутые общины, чья экстремально пуританская манера одеваться и умеренность порой вызывала насмешки как кальвинистов, так и «вольнодумцев». Обе эти группы инакомыслящих в XVIII в. сильно уменьшились в численности, хотя их значение в социальной и культурной жизни Северных Нидерландов еще недостаточно оценено.

Евреи составляли еще одну заметную группу, извлекавшую пользу из относительной терпимости правящего сословия Голландской республики ко всем верам, кроме католической. Амстердамские общины португальских и испанских евреев, бежавших с Иберийского полуострова от инквизиции, насчитывали около 800 человек в 1626 г. и 1200 в 1655 г.

В 1597 г. им позволили построить свою первую синагогу и значительно лучшую в 1639 г. Ряды этих евреев-сефардов пополнились беженцами-ашкеназами из Германии и Польши, осевшими как в восточных провинциях, так и в Амстердаме. Ашкеназы в большинстве своем стояли на более низком культурном и экономическом уровне, чем их предшественники-сефарды, и презирались как иноверцами, так и сефардами. Однако их не заставляли жить в гетто, и в 1657 г. Генеральные штаты недвусмысленно признали всех проживавших здесь евреев, принадлежащих к голландской нации, хотя полных гражданских прав они не получали вплоть до 1796 г.

Евреи-сефарды пользовались определенным уважением среди своих кальвинистских современников-интеллектуалов; такие, как Гроций, Барлеус и Фоссиус, консультировались с образованными раввинами, такими как Менассе (Менаше) бен Исраэль, по вопросам текстологических комментариев к Ветхому Завету и философии иудаизма. Но хотя кальвинистские проповедники постоянно опирались в своих доводах на библейские

еврейские прецеденты и считали Моисея и иудейских пророков образцами для подражания, социальное клеймо, наложенное на еврейство христианским миром, присутствовало в Северных Нидерландах, как и повсюду в Европе. Суровый контрремонстрант, памфлетист и организатор кампании против инакомыслящих Виллем Усселинкс проявлял в своих работах откровенный антисемитизм, а кальвинистский священник, взятый в плен испанцами в Байе в 1625 г., с очевидной искренностью уверял последних, что, хотя евреев в Амстердаме и терпят официально, основная масса населения относится к ним с презрительной неприязнью и отвращением. Верность, проявленная евреями в Нидерландской Бразилии во время восстания местных португальцев в 1645–1654 гг., несомненно способствовала упрочению положения трех иудейских общин Амстердама, где в 1642 г. штатгальтер со своей женой нанесли официальный визит в недавно построенную синагогу.

Еврейские купцы Амстердама с самого начала активно участвовали в торговле сахаром и рабами, однако их золотой век наступил в XVIII столетии, когда они стали крупными инвесторами в обе индийские компании и плантации в Суринаме. Еврейские поставщики армии штатгальтера также нажили себе состояние, а другие еврейские финансисты обогатились за счет спекуляций на Амстердамской фондовой бирже способом, описанным Иосифом Пенса де ла Вегой в «Путаница путаницы» (1688). В XVIII в. голландские еврейские финансисты последовали примеру своих христианских соотечественников посредством крупных вложений в английские акции. Даже во время военных действий с Англией 1780–1784 гг. в число голландских покупателей ценных английских бумаг входили «Парнассим братства еврейских мальчиков-сирот Португалии», обыкновенно называвшаяся в Амстердаме «Аби Тетония», а также пышная Валлонская церковь Амстердама. Разумеется, ни в коем случае нельзя считать, будто все евреи Амстердама являлись состоятельными финансистами или зажиточными бюргерами. Наоборот, подавляющее большинство местных еврейских общин – *kehilloth* – оставались бедными и отсталыми, что составляло разительный контраст с богатыми и образованными сефардами Амстердама. Жесткая и ориентированная внутрь себя структура автономных *kehilloth* не позволяла им развиваться в сильное сословие рабочих и ремесленников, а их парнассимы – духовные наставники противились любым переменам или новым идеям, способным пошатнуть их власть. К концу XVIII столетия более половины из 2800 евреев-сефардов, прихожан главной синагоги Амстердама, являлись получателями пособия для бедных, а из 20 304 евреев-ашкеназов этого города не менее 17 500 считались нищими.

Часто цитируемые строки из поэмы Эндрю Марвелла «Голландский характер»:

Вот Амстердам – турецкий, христианский, языческий, еврейский,
 Важнейший рынок сект и ересей рассадник:
 Банк совести, где не сыскать той чужеродной мысли,
 Чтоб не нашла себе кредит или размен, —

более чем точно отражают успех правящего сословия в пресечении стремлений кальвинистских фанатиков принести выгоду в жертву набожности, даже несмотря на частичный триумф контрремонстрантского Дордрехтского синода. Защита правительства или (относительная) религиозная терпимость, по сути, вызывалась прагматическими соображениями и собственной заинтересованностью; тем не менее их позиция не была менее подлинной и предоставляла благоприятный контраст по сравнению с условиями, имевшими место в остальной Европе. Питер де ла Кур, хотя и не являвшийся правителем, отразил в своих «Интересах Голландии» настроение многих правителей: «Свобода или терпимость к служению или поклонению Богу является мощным средством защиты множества жителей Голландии и побуждения иностранцев к жизни среди нас». Тем не менее правители-олигархи не могли пойти так далеко, как де ла Кур, в отстаивании и гарантиях полной свободы вероисповедания как католиков, так и инакомыслящих протестантов. Нетерпимость и влияние кальвинистов оставались еще слишком сильны для этого и продолжали

господствовать весь следующий век. Однако правители зашли так далеко, как только могли в преобладающих обстоятельствах; и даже если их отношение вдохновлялось скорее коммерческими соображениями, чем религиозными убеждениями, они заслуживают признательности за то, что на целых 200 лет сделали Соединенные провинции Северных Нидерландов наиболее веротерпимой страной в Европе.

Будет только справедливым добавить, что религиозные убеждения во всех сословиях голландского общества порой заставляли их принять сторону веротерпимости. В 1662 г. штаты Фрисландии под давлением духовенства издали эдикт, запрещающий «некоторым ненавистным сектам», вроде социниан и квакеров, появляться в этой провинции и практиковать там свое вероучение. Нарушителям грозили пять лет принудительных работ в рабочих домах с последующим изгнанием из провинции. Печатание и распространение их книг и трактатов точно так же запрещалось под угрозой сурового наказания. Эдикт этот поднял такой шквал критики, что штаты провинции были вынуждены вскоре отозвать его. Критики указывали, что помимо того, что эта «инквизиторская» мера по своей сути является вопиющим проявлением религиозной нетерпимости, она к тому же нелепа своим запретом протестантских сект в стране, где «евреи, турки и сарацины обладают религиозными свободами и даже правом иметь свои синагоги».

В процессе своего обращения с требованием религиозной терпимости де ла Кур с одобрением процитировал недавно опубликованный де-юре Ecclesiasticorum^[52] Л.А. Констанса, где доказывалось, что «функциями принуждения обладают только гражданские власти; вся власть и все права, которые имеют духовные лица – если они их вообще имеют, – должны быть делегированы им исключительно гражданской властью». Подчиненность церкви государству, которую отражали эти замечания и которая стала более очевидной во второй половине XVII в., еще отчетливее проявилась в позиции кальвинистской церкви, занимаемой ею в сферах деятельности Вест- и Ост-Индской компаний, на что нам теперь и следует обратить свое внимание.

За границей

Лютер, Кальвин, Цвингли и другие главенствующие протестантские реформаторы, будучи всецело поглощенными яростными религиозными спорами у себя дома, похоже, мало задумывались – если задумывались вообще – о возможности распространения протестантизма за пределы Европы. Было бы неразумно ожидать, что директора Вест- и Ост-Индской компаний стали серьезно утруждать себя проблемами миссионерства, которые фактически игнорировали сами отцы – основатели протестантизма, однако вскоре им пришлось столкнуться с ними по двум направлениям. Во-первых, им пришлось хоть как-то обеспечивать духовные потребности своих служащих – хотя бы только ради поддержания их дисциплины и морального духа во время длительных морских путешествий или продолжительного пребывания в тропических землях. Во-вторых, они были вынуждены считаться с присутствием воинствующего католицизма в тех местах, где обосновались их португальские предшественники. В случае Ост-Индской компании приходилось еще учитывать глубоко укоренившиеся религиозные и общественные структуры ислама, индуизма и буддизма.

Хотя изначальные уставы обеих компаний не предусматривали содержания кальвинистских священников в соответствующих им сферах деятельности или каких-либо обязательств нести свет «истинной реформированной христианской религии» «невежественным папистам» и «заблудшим язычникам», обе компании вскоре четко осознали, что у них все-таки есть такие обязательства и их официальная корреспонденция изобилует ссылками на эту тему. Исполнение своих обязательств не всегда слишком сильно отступало от их принципов, как это часто утверждается. За 200 лет существования Голландской Ост-Индской компании директора отправили на Восток и содержали за свой счет всего около тысячи кальвинистских священников и несколько тысяч внештатных священников и учителей. Неерен XVII предоставляли средства для строительства и содержания церквей и школ, основали несколько семинарий ради обучения кандидатов для

рукоположения, хотя такие учреждения не всегда долго существовали. Также они оплачивали издание и распространение Библии и религиозной литературы в весьма значительных объемах, как на голландском, так и на некоторых азиатских языках. И хотя их миссионерские усилия не слишком впечатляющи по сравнению с деятельностью Римско-католической церкви, они определенно значительнее того, что сделали директора Британской Ост-Индской компании в тот же период времени.

Хотя Heeren XVII были в достаточной степени подвержены влиянию собственного кальвинистского окружения и нажиму требований духовенства на родине с требованиями сделать что-нибудь для поддержки «истинной реформированной христианской церкви» на Востоке, они все же твердо настояли на подчинении заморских церквей своей власти. Они настояли, чтобы именно генерал-губернаторы решали, где и как долго служить священникам и внештатным священникам, вместо того чтобы оставить вопросы их назначения и перевода на усмотрение церковных советов. Генерал-губернатор и его совет в Батавии также использовали свое право читать и подвергать цензуре корреспонденцию, отправляющуюся священниками и церковными советами на Востоке в адрес церковных властей в Нидерландах. Точно так же Heeren XVII настояли на том, чтобы чиновники-миряне VOC присутствовали на всех заседаниях церковных советов и чтобы решения этих собраний исполнялись лишь с одобрения и во взаимодействии с руководством компании. Священники и их внештатные собратья оплачивались компанией, а не церковью. Директора считали их своими служащими на жалованье и в соответствии с этим определялось их место на служебной лестнице в чиновничьей иерархии компании, где внештатные священники занимали самую нижнюю ступень. И наконец, хотя Heeren XVII и признавали необходимость ведения миссионерской деятельности достаточно подготовленными священниками, они закрыли школу подготовки миссионеров – *Seminarium Indicum*, которую основали в Лейдене в 1622 г., после того как она проработала всего 10 лет. Впоследствии они ответили отказом на неоднократные просьбы классисов и синодов в Нидерландах заново открыть эту семинарию или учредить новую, обосновывая свой отказ интересами экономии и утверждая, будто и без нее хватает профессиональных священников. Однако, похоже, причина крылась в том, что, как показал опыт, выпускники *Seminarium Indicum* проявили меньшую сговорчивость по отношению к чиновникам компании, чем священники, выбранные директорами региональных палат за свое послушание.

Учитывая строгое подчинение церкви государству – а Бога мамоне, – неудивительно, что Ост-Индская компания испытывала проблемы с набором священников и внештатных священников для службы на Востоке. Также компании оказалось непросто удержать их в часто разочаровывающих и порой унижительных условиях, в которых тем приходилось работать. То же самое относилось – с некоторыми оговорками, но по тем же причинам – к обычным и внештатным священникам, нанятым и Вест-Индской компанией для службы за морем. Помимо всего прочего, прошло много времени, прежде чем в самих Семи провинциях появилось достаточное количество кальвинистских священников для адекватного удовлетворения духовных потребностей их собственных общин и для предотвращения возможности переметнуться к Римско-католической церкви и протестантским инакомыслящим. Другим фактором, затруднявшим набор подходящих обычных и внештатных священников для службы в Индиях, стало то, что там с ними обращались со значительно меньшим почетом и уважением, чем дома. Служащие Вест- и Ост-Индской компаний славились своими грубыми нравами – нередко мы видим, что их называли «отбросами голландского общества», «немецкой деревенщиной» и т. п., – и неудивительно, что трения между ними и их духовными сослуживцами часто достигали точки кипения. Heeren XVII постоянно приказывали своим подчиненным относиться к священникам с должным уважением, как было указано в их *artikulierbrief* – постоянном приказе-инструкции. Однако официальная переписка и сообщения путешественников изобилуют утверждениями о духовном высокомерии и невосприимчивости одних и мирской гордыне и антиклерикальными настроениями других. По крайней мере, такое положение дел

превалировало в XVII столетии. На протяжении XVIII в. социальный престиж священников в Восточных Индиях заметно повысился – возможно, отчасти потому, что члены духовного сословия часто женились на богатых вдовах.

Одним из основных затруднений, с которым приходилось мириться священникам на Востоке, являлось то, что их «призывали» для службы приходу или общине не на несколько лет подряд, как это было в Нидерландах, а на краткий промежуток времени, после которого их, по прихоти генерал-губернатора и его совета в Батавии, обычно переводили с места на место. Помимо личных неудобств, вызванных частыми переездами – особенно для женатых, – это означало, что у них обычно не имелось достаточно времени на изучение местного языка, особенно если они занимались миссионерской деятельностью. И наоборот, если они оставались (допустим) четыре-пять лет в одном месте и выучивали местный язык, они могли обнаружить себя назначенными в совсем другой регион, где их с таким трудом обретенные лингвистические познания оказывались бесполезными. Это стало одной из наиболее частых жалоб советов колониальных церквей, и некоторые из высокопоставленных чиновников компании признали эту проблему. Николас Вербург, губернатор Голландской Формозы (Тайваня) с 1650 по 1653 г., который чрезвычайно критично относился к местным кальвинистским миссионерам, предлагал, чтобы все прибывающие на остров связывали себя обязательством оставаться здесь на десятилетний срок, даже если такая политика могла стоить компании более высоких жалований. Его совет не приняли в расчет, и частая перемена мест, несомненно, препятствовала целостности миссионерской деятельности.

Если жалобы на неудовлетворительную подготовку священников – хотя порой и несправедливые – звучали слишком часто, еще более жестокая критика обрушивалась на их помощников, *krank-bezoekers* – буквально, «навещающие больных» и *zieken-troosters* – «утешающие больных», – как называли этих внештатных священников. Их набирали преимущественно из рабочей прослойки, так что среди них встречались бывшие солдаты, портные, сапожники, ткачи, текстильщики и пекари. Лишь немногие из них получили более чем самое элементарное теологическое образование, и им не позволялось читать проповеди экспромтом или возносить спонтанные молитвы, но лишь зачитывать некоторые из установленных текстов. Зачастую они служили в качестве капелланов на кораблях, где их обязанности были описаны неким опытным путешественником в 1703 г. следующим образом: «Читать по маленькой книжонке утреннюю и вечернюю молитвы и спеть пару гимнов по псалтири. По воскресеньям они должны читать главу из Библии или проповедь, а также петь псалом или гимн до и после чтения. Если кто-то заболел и был близок к смерти, «утешающий больных» должен был подбадривать его и читать какие-нибудь христианские молитвы (а также помочь больному составить завещание)». Такие внештатные священники служили на берегу наставниками новообращенных, учителями начальных школ, «навещающими больных» и выполняли схожие должности под присмотром священника.

Сетования на недостатки этих внештатных священников, которые начались на втором десятке лет существования Ост-Индской компании (вместе с их собственными сетованиями), продолжались столько же, сколько времени продолжали существовать и те и другие. «Невежи, неотесанные болваны» называл их в 1614 г. Ян Питерсзон Кун, и подобные оскорбления сыпались на них на протяжении почти двух столетий, как от высшего сословия, так и со стороны низших классов. Особенно возмущались на их счет матросы на борту кораблей, в первую очередь из-за того, что те происходили из рабочего сословия и получили офицерское звание и офицерские привилегии, хотя не занимались судовождением и не выполняли навигационных работ. Их прозвище *krank-bezoeker* – «навещающий больных» глумливо переименовали в *drank-bezoeker* – «навещающий выпивку» и зачастую обвиняли в том, что они потворствовали частной торговле и распутничали. То, какое обращение им приходилось терпеть от грубиянов чиновников, иллюстрирует случай, который произошел в городе Тамсуй на острове Формоза (Тайвань) в 1650 г. Местный губернатор попросил *krank-bezoeker* прийти к больному. На вопрос, где находится больной, ему показали пустой бочонок из-под арака – спиртного напитка из риса – и велели помолиться, дабы он

наполнился. Разумеется, подобные непристойности были свойственны не только голландцам. Те, кто читал «Молитвенные свечи Танжера» Сэмюэла Пипса, могут припомнить адмирала Артура Герберта, который все время называл своего судебного капеллана «Хрен собачий» и «разговаривал с ним столь грубо и настолько язвительно высмеивал его службы, что тот был вынужден оставить свой пост». Внештатным священникам, даже если они оказывались людьми достойными, зачастую оказывалась крайне неудовлетворительная поддержка со стороны их священников, которые презирали их и ревниво оберегали свой более высокий статус. Относительно малое количество внештатных священников становилось рукоположенными в сан, хотя в этом нет ничего удивительного, поскольку лишь единицы из них знали латынь, считавшуюся одной из важнейших дисциплин. И хотя основная часть доступных нам свидетельств указывает на то, что стандартный уровень внештатных священников зачастую оказывался довольно низким, всегда находились и исключения, и эти священники усердно потрудились на поприще школьных учителей на Формозе (Тайване) и Цейлоне (Шри-Ланке).

Пределы, до которых голландская реформатская церковь в Азии была подчинена гражданским властям, особенно сильно обозначились в 1653 г. В октябре сего года генерал-губернатор и его совет приказали провести благодарственную службу, устроить постный день в честь голландских побед над «мятежниками» на Молукках и молиться за дальнейшие успехи голландского оружия. Церковный совет Батавии осмелился выступить против такого решения – на основании того, что война на Амбоне являлась не единственной, спровоцированной деспотичным поведением самих голландцев, что действительно было правдой. Этот протест вызвал вспышку ярости со стороны генерал-губернатора, обвинившего церковный совет в полнейшем отсутствии патриотизма и «в создании превратного представления о добродетельных методах торговли компании». Директора в Амстердаме отреагировали еще более гневно и издали приказ, по которому любой священник, осмелившийся в дальнейшем выступить с подобной критикой, будет немедленно лишен своего поста и возвращен в

Нидерланды на первом же попавшемся судне. Пока это решение достигло Батавии, местный церковный совет склонился перед требованиями генерал-губернатора, а два священника, зачинщики протеста, избежали депортации путем самоуничижительных извинений и отказа от своих заявлений. Насколько мне известно, компания больше не подвергалась критике со стороны священников голландской реформатской церкви в отношении ее войн – справедливых или несправедливых – все оставшееся время своего существования.

Этот инцидент произошел во времена длительного правления генерал-губернатора Яна Мацуйкера (1653–1678), который обучался в католическом Университете Лёвена и чья протестантская ортодоксальность выглядела весьма сомнительной. Однако даже такие ортодоксальные кальвинисты, как Ян Питерсзоон Кун, Антони ван Димен и Рейклоф ван Гунс-старший, никогда не колебались занять жесткую позицию, если считали, что священники вмешиваются в дела, не имеющие отношения к их непосредственной сфере религиозной деятельности. Более того, когда бы ни случались конфликты между гражданскими и духовными властями, генерал-губернатор и его совет в Батавии, а также директора на родине неизменно принимали сторону мирян. Heeren XVII могли порой попросить совета у синода и классиса в Нидерландах по поводу специфических моментов церковного уклада или доктрин и обычно были готовы получить от этих организаций разъяснения. Однако они давали четко понять, что окончательное решение остается за ними; там, где сталкивались интересы компании и церкви, первая неизменно превалировала. Как писали директора Мацуйкеру и его совету (12 апреля 1656 г.): «Природа управления такова, что оно не может допускать две равновеликие руководящие силы – не больше, чем тело способно носить две головы», в результате чего гражданская власть должна обладать полным и непререкаемым контролем над церковной.

Так что кальвинистскую миссионерскую деятельность в Восточной и Западной Индиях следует рассматривать в свете жесткой подчиненности церкви государству. На родине кальвинистские ортодоксы были достаточно сильны, чтобы в окончательных инструкциях Ост-Индской компании 1650 г. генерал-губернатору и его совету «под руководством Ваших Превосходительств было предписано следовать в Восточных

Индиях «истинной реформированной христианской религии», как определялось Дордрехтским синодом в 1618–1619 гг., не допускать публичного отправления любого другого вероисповедания, а самое главное – не проявлять терпимости к папизму». На деле же чиновники компании в Азии действовали не столь непреклонно, как предписывала им данная инструкция, хотя, естественно, их отношение менялось в зависимости от времени, места и обстоятельств. Во всяком случае, директора редко настаивали на проведении строго официальной политики, да и поддерживать ее можно было только в тех местах, где компания обладала не вызывающей сомнений юрисдикцией и где это можно было позволить – как, например, в хорошо укрепленной Батавии – игнорировать религиозные чувства соседних правителей и народов. Во всех остальных местах компания вела себя осторожно. Например, в 1627 г. миссионерам на Формозе (Тайване) было велено распространять христианство как можно менее навязчиво, дабы не возбудить ненависти могущественных правителей соседних Японии и Китая.

Отношение кальвинистов-ортодоксов к протестантским инакомыслящим за морем являлось еще менее терпимым, чем в Европе. В Батавии в 1743–1749 гг. лишь одним лютеранам позволили создать свою первую официально признанную конгрегацию. И это спустя целых 100 лет после того, как они получили такие привилегии в Амстердаме, примерно в то же самое время, когда их запоздало признали на Кюрасао и в Западных Индиях. Временная задержка веротерпимости в Южной Африке была еще более продолжительной, даже несмотря на значительные пропорции лютеран – солдат родом из Германии и поселенцев в районе мыса Доброй Надежды. До самого 1780 г. им не позволялось иметь в Кейптауне собственного священника. Однако проведению частных религиозных обрядов протестантскими инакомыслящими никогда не препятствовали, и эта «более слабая братия» создавала лишь относительно незначительные проблемы. С самого начала и до конца кальвинистские священники на Востоке были в основном заняты сражением на два фронта, против столь же воинственных, как их собственное, вероучений – римского католицизма и ислама.

Распространению кальвинизма на Востоке препятствовали три неблагоприятных условия. Во-первых, во многих районах уже прочно утвердился католицизм. Во-вторых, пышные обряды и роскошные церемонии римской церкви намного сильнее привлекали азиатов, чем голые стены церквей последователей Кальвина. И в-третьих, католических миссионеров было значительно больше, и они, как правило, работали намного активнее своих протестантских конкурентов. Если начать с последнего пункта, то в 1647 г. в регионе, раскинувшимся от Цейлона (Шри-Ланки) и Коромандельского берега до Молуккских островов и Формозы (Тайваня), насчитывалось всего 28 кальвинистских священников. В Батавии, с населением в 20 тысяч душ в 1670 г. и около 16 тысяч в 1768, в 1669 г. было только шесть священников, восемь в 1680, 27 в 1725 (часть из них еще только дожидалась назначения на пост) и 12 в 1749 г. К концу XVIII столетия их осталось только один или два. Такое количество выглядит просто мизерным по сравнению с португальскими, испанскими, французскими и итальянскими священниками, трудившимися на ниве азиатского католического миссионерства. Например, католические общины на Цейлоне XVIII в. обычно имели намного больше проповедовавших им священников – даже несмотря на то, что их присутствие на голландской территории считалось незаконным, – чем их было у всех протестантских конгрегаций на острове. Более того, как указывалось выше, священники часто были людьми женатыми, которых постоянно переводили с места на место, тогда как католические соблюдали обет безбрачия и обычно оставались на одном месте по многу лет, а зачастую и до конца жизни.

Что касается большей привлекательности римского католицизма, то, когда португальский иезуит Антонио Кардим, будучи заключенным в Малакке, спросил местного голландского священника, почему нидерландцы терпимо относятся к мусульманским мечетям и языческим храмам, но не к католическим церквям, тот честно ответил, что если бы католические церкви были разрешены, то его собственная паства зачастила бы в них. Что было чистой правдой. За все время существования Голландской Ост-Индской компании кальвинистские священники не могли конкурировать с католическими на равных. Евразийские общины Батавии, Малакки, Коромандельского берега Цейлона и Малабарского берега, как только им выпадала такая возможность – и часто подвергая себя немалому риску, – оставляли кальвинистского священника проповедовать перед пустыми скамьями, пока сами слушали праздничную мессу или тайно крестили своих детей и совершали брачные церемонии у проезжего католического священника. С протестантской точки зрения распространение двух вероисповеданий являлось неким религиозным эквивалентом Закона Грешема^[53], вместе с «папистским идолопоклонничеством» постоянно набирающим силу в ущерб «истинной реформированной христианской религии».

Столь же убедительно было подтверждено общее превосходство католического миссионерского персонала и методов его работы над своими соперниками. Кун и ван Димен оказались двумя единственными мирянами-кальвинистами, сокрушавшимися по поводу успеха рареп – папистов, как они называли католических священников. «В этом отношении, – писал ван Димен Heeren XVII в 1631 г., – они (то есть испанцы) значительно превосходят нас, и их священники проявляют куда большее усердие и рвение, чем наши обычные и внештатные проповедники». Это было сказано в отношении миссионерской деятельности на Формозе (Тайване) в то время, когда для голландских «сеятелей семени Евангелия» перспектива выглядела действительно многообещающей. То же самое происходило и на Цейлоне, где после заключения перемирия с Португалией в 1644 г. церковный совет в Батавии отмечал, что теперь рареп смогут «пристроить свой чудовищный недоношенный плод» прямо под стенами голландских крепостей. Подобные жалобы, сформулированные, как правило, несколько более приличным языком, без конца приходили с островов Солор к востоку от острова Флорес, из Малакки и отовсюду, где соприкасались обе религии. Даже после полного изгнания с Цейлона всех португальских священников в 1658 г. католицизм на этом острове сохранился и оживился усилиями ораторианцев – священников-миссионеров из Гоа, которым удавалось тайно работать как среди тамиллов, так и сингалов.

Такое положение дел имело последствия и в Европе, где гугенотский священник-изгнанник Пьер Жюрье пытался опровергнуть широко распространенное мнение, будто протестанты по сравнению с католиками проявляли меньшее – если вообще проявляли – рвение в распространении христианства за морями. Как ни странно, он не упоминал относительно успешную (хоть и недолговечную) миссионерскую деятельность голландцев на Формозе (Тайване), зато писал о массовых обращениях краснокожих в Новой Англии, совершенных Джоном Коттоном и Джоном Элиотом. Пример оказался не слишком убедительным, поскольку он, по-видимому, не знал, что разразившиеся в 1675 г. Индейские войны уничтожили все следы этого зыбкого успеха. Утверждения Жюрье имели под собой более твердую почву, когда он заявлял, что одной из причин относительно малого количества протестантских миссионеров на Востоке являлась нехватка кальвинистских священников в самих Соединенных провинциях – дабы противостоять католикам и протестантским инакомыслящим.

Точно так же, как классисы и синоды в Нидерландах непрестанно, но по большей части впустую выражали протест гражданским властям по поводу неисполнения уголовных законов против практики папистских обрядов, духовенство в Батавии безо всякой пользы возмущалось «свободой, почетом и привилегиями», которые, по их утверждению, получали здесь католики. Такие заявления находили слабую поддержку Heeren XVII, которые, признавая, что антикатолические положения должны соблюдаться, в 1654 г. отметили, что

невозможно помешать католическим священникам проникать на Восток тайно. Не большей поддержки находили они и у генерал-губернаторов Батавии, особенно у тех, чья ортодоксальность была более чем сомнительна, – таких, как Мацуйкер и ван дер Лейн. Общеизвестно, что такие события, как восстание португальских поселенцев в захваченном голландцами Пернамбуку в 1645 г. и отмена во Франции Нантского эдикта 40 годами позднее, естественно, вызвали ужесточение направленных против католиков мер, как только новости достигали Батавии. Однако подобная реакция проявлялась лишь временно, и положение вскоре вернулось к своей неопределенности. В 1754 г. власти Батавии разрешили католическому епископу, практически не скрывавшему своей деятельности, проводить скромные обряды крещения и служить мессы, вопреки неистовым протестам кальвинистского церковного совета. К концу правления компании антикатолические меры превратились буквально в «закон на бумаге», хотя первый официальный католический храм в Батавии построили только в 1809 г.

«Liever Turck dan Paus» («Лучше Турок (Султан), чем папа») – таков был лозунг морских гёзов-протестантов в 1574 г., однако в глазах пионеров-кальвинистов в Восточных Индиях особой разницы между этими двумя «ипостасями антихриста» не существовало. Оскорбительные эпитеты, которыми столь свободно награждали в голландской официальной и частной переписке римских католиков, также щедро лились и на приверженцев ислама – вплоть до того, что исламских богословов, а более всего хаджи, то есть тех, кто совершил паломничество в Мекку, совершенно нелепо называли *raren* или *moorse raren* – «мавританскими папистами». Поначалу голландцы действовали сообща с мусульманами Молуккских островов против португальцев, но только до той поры, пока не изгнали католиков с островов Пряностей, после чего над кальвинистами взяли верх их предрассудки в отношении мусульман в целом. Многие из протестантов и без того были преисполнены такими предрассудками, как показывает пример одного влиятельного голландского купца, взявшего за привычку публично мочиться на стену мечети в Джапаре на западе Индонезии в 1618 г. Голландцам пришлось противостоять мусульманским противникам или торговым конкурентам на Яве, Суматре, Молукках и Сулавеси (Целебес), и такое коммерческое соперничество сильно повлияло на их отношение к мусульманам повсюду. Точно так же, как против римской церкви, они издавали законы против публичного отправления мусульманских обрядов – там, где считали, что могли подкрепить свои запреты силой. С другой стороны, они быстро осознали, к чему в конечном итоге пришли их португальские предшественники – что у них нет шансов обратить мусульман в христианство в сколь-нибудь значительных количествах. Вследствие этого они направили свои усилия по обращению в собственную веру на «невежественных язычников» и католические общины, захваченные у португальцев.

После окончательного покорения в 1669 г. Макасара голландские власти постепенно стали более терпимыми к исламу и понемногу ослабили строгие меры, которые они раньше применяли к мусульманам в своих индонезийских владениях. Антиисламистские законы из свода законов Батавии никуда не делись, однако, когда кальвинистские священники пытались претворить их в жизнь, они встречали все меньше и меньше поддержки властей. Официальное отношение было четко сформулировано в 1679 г. Heeren XVII, которые заявили, что индонезийцев не следует принуждать к смене религии, – «Как сказал Павел: Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог»^[54], – заявили они весьма афористично. Семью годами позже генерал-губернатор Камфуис (кстати, убежденный кальвинист) отверг требование церковного совета Батавии о сносе местных китайских храмов и мусульманских мечетей, «из которых последних очень большое количество». Камфуис заявил священникам, что было бы лучше обращать мусульман и язычников добром и положительным примером, тогда и эти храмы сами постепенно придут в негодность. Правительство Батавии, которое изначально не хотело позволять мусульманским паломникам отправляться в Мекку на своих кораблях, торгующих в Красное море, позже сменило свое отношение и соперничало за право перевозки паломников. В течение XVIII столетия терпимость к нехристианским

вероисповеданиям все более становилась общим правилом, хотя потребовался целый век, чтобы ей окончательно сформироваться на Цейлоне, где мусульманские купцы (которых называли «маврами») были неистребимыми розничными торговцами, перемещавшимися из одного места в другое. Здесь, как и в других местах, голландцы применяли более жесткие меры против последователей ислама, чем против индуистов или буддистов. Мусульмане долгое время подвергались юридической и экономической дискриминации, будучи вынужденными платить более высокие пошлины и налоги, чем другие.

Только в трех местах кальвинистские миссии, при поддержке Голландской Ост-Индской компании, достигли скромных успехов – на Формозе (Тайване), Амбоне и Цейлоне, – и лишь на Амбоне успех этот пережил саму компанию. Георгиус Кандидиус, первый священник на Формозе (в 1627–1631 гг.), вполне справедливо предвидел, что на этом острове имеются замечательные возможности для насаждения христианства, поскольку местные жители не подвержены влиянию никакой внешней религии, а их собственная является примитивным анимизмом, культ которого отправляют жрицы или чародейки, называвшиеся «инипс». Между 1627 и 1662 гг. в прибрежных районах, покоренных голландцами, работало всего 32 священника, которым помогал довольно большой штат деревенских учителей и внештатных священников. Поначалу прогресс шел неминуемо медленно, хотя Кандидиус оптимистично докладывал, что его школьники с Формозы способны усвоить за восемь дней столько, сколько учащиеся в Голландии и на Яве смогут осилить лишь за две недели. Дабы поддерживать своих обращенных на должном уровне, кальвинистские миссионеры опирались на поддержку светских властей, сделав посещение школы обязательным путем штрафования прогульщиков и запрета идолопоклонничества. В начале 1640-х гг. несколько сотен необращенных инипс были изгнаны из контролируемых голландцами районов, создав таким образом среди аборигенов духовный вакуум, сильно облегчивший работу священников.

Как обнаружили португальские первопроходцы, во всех местах шанс на обращение в веру детей был намного выше, чем их родителей, и кальвинистские священники в большей степени концентрировали свои усилия на подрастающем поколении. Для обучения в сельских школах обычно использовался тот или иной из местных диалектов, но примерно с 1650 г. предпринимались все более успешные усилия по использованию голландского языка. Некоторые из священников сделали настоящими лингвистами и написали религиозные труды как минимум на пяти местных языках, которые они для этой цели латинизировали. Голландские губернаторы, обосновавшиеся в форте Зеландия, не всегда были лестного мнения об истинности или стойкости большого количества обращенных, о которых утверждали миссионеры. Так, например, губернатор Николас Вербург в 1654 г. заявил, что дети зазубривали катехизис и догматы веры как попугаи, на самом деле не понимая того, что они бойко повторяют. Если может быть предъявлен хоть один истинно обращенный среди тысяч заявленных, писал он, «я с истинно христианской радостью пожертвую церкви и школам на Формозе тысячу гульденов». Вербург слыл отъявленным антиклерикалом, и его критика являлась, безусловно, предвзятой. Это правда, что, когда китайцы под предводительством Коксинги (Чжэн Чэнгуна) вторглись на остров в 1661 г., подавляющее большинство местных аборигенов перешло на сторону вторгшихся, выступив против своих европейских повелителей. Но также правда и то, что впоследствии они пожалели о замене Короля Бревно на Короля Аиста^[55]. Иезуитский миссионер, де Маилла, побывавший на острове в 1715 г., обнаружил заметные следы протестантского христианства, насажденного голландцами. У нескольких аборигенов до сих пор уцелели голландские книги, и они умели их читать, а использование латинизированных форм местных языков, созданных голландцами, сохранилось до второй половины XIX в.

Усилиям кальвинистских священников на Формозе препятствовал тройственный характер их обязанностей на острове. В дополнение к своей миссионерской деятельности им приходилось удовлетворять духовные потребности голландских жителей и гарнизона, а также (до 1661 г.) выполнять роль переводчиков, сборщиков налогов и лицензиатов по

торговле замшей, которая являлась одной из основных статей экономики острова. Помимо такой смеси духовного и мирского, целостности их деятельности мешал тот факт, что никто из священников не задерживался на острове больше чем на 11 лет, а некоторые пребывали там всего 2–3 года. Если одни губернаторы оказывали поддержку миссионерской работе, то другие – не только Николас Вербург – были настроены к ней откровенно критично. Учитывая все вышесказанное, можно только поставить в заслугу священникам и учителям, что они добились того, что было в их силах. Священник, утверждавший, будто он один привел более 5 тысяч взрослых жителей Формозы в лоно реформатской церкви, явно был не кем иным, как оптимистом; однако свидетельство иезуита де Маиллы, сделанное в 1715 г., показывает, что не все из принявших христианство местных жителей являлись «рисовыми христианами», как утверждали Вербург и другие враждебно настроенные критики, то есть объявили себя христианином ради материальных благ, а не по религиозным соображениям.

Когда в 1605 г. голландцы заняли место португальцев на Амбоине (Амбоне), они обнаружили, что миссионеры-иезуиты обратили здесь и на соседних островах более 16 тысяч местных жителей, хотя большинство аборигенов по-прежнему оставались или мусульманами, или анимистами.

Изгнав католических миссионеров, голландцы могли гарантировать, что те не вернуться обратно ни в открытую, ни тайно – чего им никогда не удавалось добиться на Цейлоне, в Малакке или Батавии. Лишившись духовного руководства, католики постепенно обращались в кальвинизм или переходили в ислам, хотя прошло много десятилетий, прежде чем они утвердились в своей новой вере. Преподобный Валентейн, служивший на этой группе островов между 1686 и 1712 гг., свидетельствовал, что к концу XVII столетия удалось добиться крайне незначительного прогресса «и жители Амбоины (Амбона) не имеют никакого представления об основах нашей религии». Он возлагал вину за подобное положение дел на власти в Батавии, которые требовали, чтобы обучение велось на верхнем, а не нижнем малайском диалекте, а также на частые переводы священников с места на место, что не давало им времени на приобретение глубоких знаний как по части языка, так и людей. Ставоринус, посетивший Амбон три четверти века спустя, дал еще более низкую оценку. Он обвинил местных священников в «повсеместной халатности и отсутствии рвения», добавив, что «неутешительные результаты» перемены религии среди жителей Амбона в целом оказались таковы, что «из слепых идолопоклонников они превратились в никчемных католиков, а затем в еще худших протестантов». Такая критика была явно несправедливой или, в любом случае, сильно преувеличенной, ведь именно в период правления компании жители Амбона прочно утвердились в кальвинизме, и процесс этот в XIX веке только усилился, что расширило пропасть между ними и их соплеменниками-мусульманами на других островах. Такая все больше и больше крепнувшая приверженность религии своих белых правителей постепенно порождала взаимопонимание между христианами Амбона и голландцами, что продолжилось и до наших дней, свидетельством чему стали тысячи жителей Амбона, которые нашли убежище в Нидерландах после обретения Индонезией независимости.

Положение кальвинистской церкви на Цейлоне (Шри-Ланке) некоторое время казалось более многообещающим, чем на Формозе (Тайване) и Амбоине (Амбоне), однако результат оказался весьма плачевным. Когда в 1658 г. голландцы окончательно изгнали португальцев с острова, они обнаружили там четверть миллиона аборигенов-католиков, большинство из которых проживало в королевстве Джафна – государстве, существовавшем на севере острова в 1215–1619 гг. В то время как часть их являлась «рисовыми христианами», которые без особых проблем приняли кальвинизм или обратились в буддизм и индуизм, неожиданно большое количество осталось верным своей религии – даже несмотря на депортацию всех португальских священников и юридические препоны, выставлявшиеся на пути публичного отправления их религиозных обрядов. Это ядро верующих начиная с 1687 г. и далее со временем выросло и усилилось благодаря самоотверженной деятельности отца Иосифа Вазы и его преемников из ораторианцев Гоа. За причинами присутствия католицизма на острове,

вопреки всем гражданским и правовым притеснениям, которым подвергались его последователи – хотя они в течение XVIII в. проявлялись все реже и реже, – не нужно далеко ходить. Внешняя обрядность римской церкви оказалась поразительно схожей с ритуалами индуизма и буддизма, которые она стремилась заменить, – использование скульптур и икон, молитвы по четкам, культ святых и т. д. Поклонение, оказываемое индуистским брахманам (и буддийским бхикку¹⁵⁶¹), вполне соответствовало почитанию римскими католиками сакраментальных и священнических атрибутов собственного духовенства. Что резко контрастировало с невыразительным статусом кальвинистских священников и «навещающих больных». Священно-магические элементы этих трех популярных религий давали их верующим ощущение духовной защищенности, которую был не способен – да и не имел намерения – дать им кальвинизм.

Голландская деятельность по обращению в свою веру была практически полностью направлена против католического сообщества, поскольку реформатские священники не обладали ни значительным количеством, ни достаточными знаниями об эффективной работе среди индуистов, буддистов или мусульман. Насколько я могу быть уверен, на Цейлоне (Шри-Ланке) никогда и ни в какие времена не проживало даже дюжины священников и очень немногие из них обладали способностью или склонностью к вдумчивому изучению местных диалектов и религий. Встречались среди них и исключения, как, например, преподобный Филипп Балдеус, выучивший тамильский, и преподобный Иоганн (Ян) Руэль, изучивший сингальский, однако их личная деятельность не могла хоть как-то повлиять на две глубоко укоренившиеся и состоявшиеся религии, индуизм и буддизм. Более того, чиновники компании, хотя часто и кровно заинтересованные в обращении католиков, которых считали потенциальной пятой колонной, как правило, очень неохотно вмешивались в буддийские и индуистские религиозные обряды и общественные церемонии, если только те не предполагали широкомасштабных процессий или других проявлений «идолопоклонничества» вблизи христианских церквей.

Поскольку подходящих священников, знавших тамильский или сингальский, было крайне трудно найти, а также удержать их на острове на протяжении какого-то времени, были основаны две семинарии по обучению местного духовенства. Первая из них, функционировавшая в Наллуре близ порта Джафнапатам с 1690 по 1723 г., предназначалась для направления священников в регион, где говорили на тамильском, тогда как вторая, действовавшая непосредственно в Коломбо ровно 100 лет (с 1696 по 1796 г.), предназначалась для районов острова, говорящих на сингальском. Очевидно, эти семинарии имели целью не только выпуск будущих священников, но и обучение школьных учителей, наставников в вере, переводчиков и клерков для службы в правительстве. В программу включался голландский и греческий языки, латынь и даже иврит, и барон Густав ван Имгоф, который являлся самым горячим сторонником семинарии в Коломбо за время своего губернаторства на Цейлоне (в 1736–1740 гг.) и который позднее основал менее долговечную семинарию в Батавии (1745–1755), приходил в восхищение от того, как свободно «эти маленькие смуглые ребята болтают на латыни и переводят с греческого». И хотя часть выпускников семинарий в итоге была рукоположена в сан, а некоторые впоследствии отправились в Нидерланды, где получили ученые степени по теологии, их оказалось не так много, как оптимистично предполагали основатели семинарий. Например, семинария в Батавии за 10 лет своего существования выпустила всего одного такого священника. Две цейлонские семинарии оказались более продуктивными, но по большей части в выпуске наставников, школьных учителей и правительственных клерков. Нескольких священников, в обучении которых они преуспели, едва хватало для службы в имеющихся голландских и бюргерских общинах, и семинарии не могли поставлять людей для миссионерской работы среди необращенных. Сингалы и тамилы, которые приняли кальвинизм, пошли на это в первую очередь потому, что в период правления компании только приверженцы реформированной христианской религии имели право занимать официальные посты. Во время английского завоевания острова несколько тысяч сингальских и тамильских

номинальных кальвинистов отреклись от своей веры столь быстро и бесповоротно, как только прекратилась поддержка религии государством, что стало свидетельством того, что кальвинизм не оказал никакого реального или долгосрочного влияния на те религии, с которыми он безуспешно соперничал. Сегодня протестантские общины на острове являются следствием работы американских и европейских миссионеров в XIX в., и только самая незначительная часть верующих берет свое начало от «истинной реформированной христианской религии», которая господствовала в цейлонских владениях Нидерландов на протяжении целых полутора столетий.

Если роль кальвинизма как сподвижника великой торговой компании на Востоке трудно назвать вдохновляющей, то в равной степени это относится и к его участию в атлантической сфере деятельности Голландской Вест-Индской компании, которая распростерлась от Западной Африки до Американского материка. В Новой Голландии или Нидерландской Бразилии, с их шатким в основном положением с 1630 по 1654 г., священникам приходилось соперничать не только с португальскими поселенцами-католиками, но также и с евреями, в значительных количествах эмигрировавшими туда из Европы. В Ресифи, так же как и в Батавии, высшие чиновники компании часто равнодушно относились к исполнению законов, дискриминировавших католиков и (в меньшей степени) евреев. В частности, принц Иоганн Мориц Нассау-Зигенский, который вполне успешно правил Пернамбуку с 1637 по 1644 г., взял за привычку игнорировать или уваливать от постоянных требований местных синодов, чтобы он строго запретил публичное отправление «папистских суеверий и идолопоклонничества». В этом его поддерживало большинство директоров на родине, которые точно так же «предпочли набожности выгоду», хотя среди них имелись и непримиримые кальвинисты. Кальвинистские священники обнаружили, что в Южной Америке, как и в Азии, где местные власти проявляли к ним некоторую терпимость, они не в состоянии на равных условиях конкурировать с «католическими попами». За 24 года существования Нидерландской Бразилии обращенные в кальвинизм католики встречались столь же редко, сколь куры с зубами. Что еще больше усугубляло – с точки зрения реформатских священников – положение, так это то, что многие голландцы, женатые на местных португалках, бросали свою религию, чтобы оказаться в объятиях веры собственных жен. То же самое происходило при недолговечной голландской оккупации Луанды и Бенгелы в Анголе в 1641–1648 гг.

В своих усилиях создать кальвинистские общины среди необращенных американских индейцев миссионеры добились больших успехов, будь то говорившие на тупи племена или каннибалы, говорившие на тапуа. Причина была предположительно та же самая, что и в случае охотников за головами с Формозы^[57], – отсутствие соперничества со стороны «старейшей» религии. Несколько из этих молодых дикарей отправили в Нидерланды для обучения, а в 1641 г. в Энкхёйзене издали кальвинистский катехизис на языке тупи для распространения религии среди новообращенных индейцев Бразилии. К несчастью, не сохранилось ни одного экземпляра, а проект по переводу Библии на тупи так и не был воплощен в жизнь. Несколько обученных в Голландии тапуа по возвращении в Бразилию снова вернулись к своему первобытному состоянию, однако у них сохранились воспоминания и некоторые симпатии к тому, чему они научились. Португальские миссионеры-иезуиты, посетившие индейские поселения в глубине страны вскоре после окончательного изгнания оттуда голландцев, пришли в ужас, обнаружив, что «множество местных жителей оказались кальвинистами и лютеранами, словно они были уроженцами Англии или Германии». Падре Антонио Визйра из иезуитского Общества Христа и его коллеги вскоре уничтожили все следы протестантизма, которые в противном случае могли бы сохраняться во внутренних районах Северо-Восточной Бразилии столь же долго, как и на Формозе (Тайване).

Обстоятельства существования голландской реформатской церкви в Новых Нидерландах (в 1624–1664 гг.) в ряде случаев проявляли те же самые черты, которые были характерны для ее деятельности в Восточных и Западных Индиях. Подыскать священников-добровольцев

для службы в этой далекой и довольно негостеприимной земле было не менее трудно. Неерен XIX также добились, чтобы церковь в Северной Америке находилась в прямом подчинении гражданской власти, хотя в итоге это имело благотворный эффект. Паписты в этом регионе не представляли угрозы, поскольку имелись лишь кратковременные контакты с миссионерами-иезуитами во Французской Канаде. Кальвинистские священники тратили большую часть времени и энергии на борьбу с присутствием протестантских инакомыслящих и (после 1654 г.) евреев, чем на заведомо неблагодарное занятие по обращению краснокожих. «Мы мало что можем сообщить об обращении здешних язычников-индейцев, – писали два священника из Новых Нидерландов в 1657 г., – и не видим способа для исполнения этой задачи, пока они превосходят наших людей силой и количеством и не поддаются какому-либо приобщению к цивилизации. А также пока наши люди не подадут им лучший пример, нежели то, что они делали до сих пор». Питер Стёйвесант (1612–1672), последний голландский губернатор колонии (с 1647 по 1664 г.), будучи ревностным кальвинистом, в большинстве случаев поддерживал усилия местных священников по запрету или полному подавлению всех форм религиозного инакомыслия, однако директора обладали более широкими взглядами. Они велели ему (в апреле 1663 г.), чтобы он не был слишком суров с протестантскими инакомыслящими, поскольку это может неблагоприятно отразиться на колонии, препятствуя иммиграции и вынуждая уже проживающих там людей уезжать. Ему следовало смотреть сквозь пальцы на некальвинистов, отправляющих собственные обряды богослужения, – при условии, что они делают это сдержанно и не вызывают раздражения у своих соседей-ортодоксов. Религиозная терпимость, напоминали Неерен XIX своему губернатору, в значительной мере способствовала процветанию Амстердама, и они считали, что это будет в равной степени выгодно и для Новой Голландии. Это не являлось единичным примером веротерпимости, поскольку и Неерен XIX, и бургомистры Амстердама неоднократно вмешивались в события, дабы защитить лютеран, меннонитов, квакеров и иудеев от чрезмерно ортодоксальных фанатиков из числа кальвинистских священников в колонии и их сторонников в синагах и классисах на родине.

Что касается прогресса – или, скорее, его отсутствия – в распространении кальвинизма в Суринаме и в голландских колониях в Западных Индиях в XVII и XVIII вв., то о нем, пожалуй, чем меньше сказано, тем лучше. Суринам с гуманитарной точки зрения, несомненно, стал позорным пятном Голландской тропической империи, и садистские зверства, упрямый эгоизм и близорукая алчность нескольких поколений плантаторов и их надсмотрщиков сделали распространение любой формы христианства невероятно сложным. Как отмечал в XVIII в. один из губернаторов Суринама: «Обращение так называемых христиан в колонии должно быть похоронено до того, как появится хоть какая-то надежда на обращение язычников». Здесь, как и повсюду, имелось несколько единичных священников, которые исполняли свой долг, и протестантских инакомыслящих, известных как лабадисты, исповедовавших своего рода христианский коммунизм, и гернгутеров, являвшихся ответвлением «Моравских братьев»^[58] или «Братского единения», работавших здесь в различные периоды времени, однако тропические болезни и в той или иной степени скрытая враждебность плантаторов не позволили им добиться результатов, соизмеримых с их самоотверженными усилиями. По схожим причинам и католические миссионеры, которые действовали в Суринаме в течение нескольких лет (в 1683–1686 гг.), не достигли долгосрочных результатов, прежде чем умерли от лихорадки, и их миссия была восстановлена лишь в 1786 г. Однако не следует забывать, что Суринам предоставил убежище такой влиятельной еврейской общине, как сефарды, которая была создана здесь во второй половине XVII в. и в ближайшие 100 лет достигла значительного процветания.

Роль кальвинизма в африканских владениях Вест-Индской компании точно так же может быть описана в нескольких строках. В начале XVII в. в голландские форты и торговые фактории на Золотом Берегу отправили несколько священников с двойной задачей – удовлетворять духовные потребности голландских торговцев слоновой костью и черной

краской и обращать язычников-негров. Они никогда не проявляли особого усердия и, как только смогли, вернулись домой, обескураженные смертоносным климатом и тяжелыми условиями жизни. Начиная примерно с 1645 г. и далее невозможно было найти ни одного добровольца-священника для службы в Западной Африке, и поэтому голландская реформатская церковь оказалась представленной там парой внештатных священников (которым иногда даровалась честь носить титул «пастор») в трех основных фортах – в Элмине, Нассау и Аксиме. Эти священники регулярно проводили утреннюю и вечернюю молитвы, а дважды в неделю читали для голландских поселенцев Священное Писание или проповедь. По всей видимости, таков был объем их обязанностей, и они, похоже, даже не пытались заниматься какой-либо миссионерской работой.

Примечательным исключением из этого общего правила стал чистокровный негр-священник, преподобный Якобус Элиза Йоаннес Капитейн. В 1728 г. его, рожденного в рабстве одиннадцатилетнего мальчика, забрали в Голландию, где он автоматически стал свободным человеком. Бывший хозяин Капитейна вместе со своими влиятельными друзьями оплатил его обучение в Лейденском университете. В 1742 г. Капитейн окончил университет, защитив диссертацию на латыни, в которой, основываясь на Священном Писании, отстаивал законность рабовладения. Работа эта выдержала несколько изданий на латыни и голландском и стала часто цитируемой апологетами рабовладения и работоторговли. В том же самом году Капитейн был рукоположен классисом Амстердама в сан священника и отправлен директорами WIC в Элмину. Поначалу его хорошо приняли как голландские поселенцы, так и его соотечественники, однако вскоре он столкнулся с трудностями. Капитейн докладывал, что его курсы катехизиса посещает крайне мало европейцев, «поскольку в большинстве своем они католики или лютеране, а реформаты постоянно слишком заняты своими повседневными делами» – наблюдение, позволяющее объяснить провал кальвинизма также и в остальных регионах тропического мира. Также Капитейн открыл школу для негров и мулатов и перевел «Отче наш» и «Двенадцать заповедей» на местный язык. Некоторые европейцы в общении с ним проявляли предубеждение к цвету его кожи, однако его поддерживал сам губернатор, и ему удалось жениться на голландской девушке из Утрехта – после того как мимолетный роман с некрещеной молодой африканкой грозил перерасти в серьезный скандал. Видимо, обескураженный ничтожными результатами своих трудов на «виноградниках Господних» – как среди черных, так и белых, – Капитейн пренебрег служением Богу в пользу мамоны и, после нескольких неудачных торговых рискованных предприятий, умер 1 февраля 1747 г. полным банкротом. Больше эксперимент по обучению других священников-негров не повторялся.

Из вышесказанного читателю должно быть ясно, что кальвинизм мало или вовсе не оказал влияния на жителей тропических земель, где он проповедовался в XVII и XVIII столетиях. Всякий раз, когда имелась действующая религия – такая, как ислам в Индонезии, индуизм в Индии, буддизм на Цейлоне или католицизм в местах, заселенных португальцами, – кальвинизм, как только лишался государственной поддержки своего вероучения, больше не мог оказывать длительного влияния. На самом деле значение кальвинизма на Востоке оказалось, по сути, отрицательным. Как и у предшествовавшего ему воинствующего католицизма, пережившего все испытания в муссонной Азии, внедрение кальвинизма в основном послужило лишь укреплению и расширению влияния ислама в регионах, где сталкивались Крест и Полумесяц.

Проникновение ислама на Индонезийский архипелаг значительно усилилось в XVI в., как реакция на воинствующий католицизм, распространявшийся португальцами со своих опорных пунктов в Малакке и на Молуккских островах, хотя только на Амбоне и островах Солор незваные европейские гости добились некоторого успеха. Для уже принявших ислам индонезийцев голландцы-кальвинисты были ничуть не меньшими кафирами («неверными»), чем португальцы-паписты. Уверенный рост голландского могущества после основания Батавии и последовательных завоеваний Молуккских островов, Макасара, Бантама и, наконец, Матарамы встревожили индонезийских правителей и многих их подданных

значительно сильнее, чем относительно ограниченные достижения португальцев. Тревога эта заставила их укрепить уже имевшиеся связи с мусульманскими правителями Индии и Священной земли Мекки, в основном через королевство Ачин (Ачех), а также Бантам, до того как последний в 1684 г. был захвачен голландцами. Как в Марокко дервиши-марабуты вдохновляли, организовывали и руководили отпором мусульман португальским захватчикам в XVI столетии, точно так же мавры-паписты Индонезии стояли за каждой попыткой сопротивления властям голландской компании, которому они стремились придать характер джихада – «священной войны». Многие из этих исламских деятелей имели арабское, индийское или персидское происхождение, но остальные были индонезийцами, совершившими паломничество в Мекку или получившими образование в фанатичном мусульманском королевстве Ачин (Ачех), которое считалось процветающим центром исламского образования. Хотя военно-морские и сухопутные силы Голландской Ост-Индской компании, которым в значительной степени помогали раздоры среди индонезийских лидеров, в конце концов победили основных мусульманских правителей – за исключением короля Ачина, – ислам по-прежнему продолжал расширять и усиливать свое присутствие среди индонезийских придворных кругов и простого народа.

Глава 6

Афина Паллада и Меркурий

В августе 1785 г., когда отбывающий руководитель отделения компании в Нагасаки Исаак Титсинг порекомендовал, чтобы его преемников отбирали среди тех, кто «не только обладал коммерческими способностями, но и разбирался в науке и искусстве», генерал-губернатор со своим советом в Батавии отметили, что «благотворность такого предложения с радостью признается и его претворение в жизнь более желательно, чем можно было ожидать, поскольку общим правилом компании в тех частях света является почитание Меркурия – бога торговли, а не покровительницы наук Афины Паллады». Это представляет собой яркий, если вообще не неожиданный, контраст с ситуацией в Семи провинциях во время их золотого века, когда португальский посланник в Гааге, противопоставляя своих невежественных соотечественников культурным голландцам, отмечал: «В сих краях не сыскать сапожника, который не владел бы французским и латынью, вдобавок к родному языку». Франциско де Соуза Коутиньо, несомненно, преувеличивал, однако существует множество более достоверных свидетельств, указывающих на то, что процент грамотности в Северных Нидерландах был выше, чем во всей остальной Европе, и что большинство голландцев имели образование того или иного рода. Как недавно заметил Джордж Кларк: «Насколько возможно делать сравнения в области, где общие представления не могут быть тщательно проверены, голландцы были хорошо образованной нацией. По-видимому, грамотность находилась на довольно высоком уровне и многие из видов знаний были широко распространены». Как отметил еще в 1525 г. Эразм Роттердамский: «Нигде не сыскать большего числа людей со средним образованием».

На нижней ступени образовательной лестницы находились сельские школы, почти всегда прикрепленные к местной церкви и где школьный учитель обычно выполнял еще и функции псаломщика и регента церковного хора. Обучение ограничивалось чтением, письмом, началами арифметики и уроками Слова Божия. Порой в деревнях, а чаще всего в городах имелись также и частные начальные школы, где обучали еще и французскому, дополнительно к трем основным дисциплинам. Муниципальные и церковные власти следили за такими частными школами, дабы быть уверенными, что они не открыты без их разрешения и что все учителя в них являлись проверенными приверженцами «истинной реформированной христианской религии». Ступенькой выше начальных школ, как муниципальных, церковных или частных, стояли латинские, и практически во всех городах Соединенных провинций имелось одно из таких учреждений. Они брали свое начало от римско-католических учреждений, которые были конфискованы в первые годы Нидерландской революции и в значительной степени содержались на доходы, изымавшиеся

у католической церкви и передававшиеся городским и церковным советам на нужды образования. Латинские школы, как следует из их названия, не только специализировались на обучении латыни, но также стремились дать своим ученикам знания по классической Античности. Девочек в такие школы не принимали, а мальчики учились в них с 9—10 до 16—17 лет. После того как организация и учебная программа этих латинских школ были более или менее упорядочены эдиктом Голландских штатов в 1625 г., в течение первых трех лет латынь в них преподавалась по 20–30 часов в неделю и от 10 до 18 часов в последние три года. В старших классах также обучали греческому языку, началам риторики и логики, однако религиозное воспитание и близко не занимало такое выдающееся место, как этого можно было ожидать, исходя из факта, что школы эти были основаны в 1588–1625 гг. и в значительной степени по настоянию кальвинистских консисторий. Всего около 6 процентов учебного времени отводилось на изучение Гейдельбергского катехизиса, истории Священного Писания ит. и., хотя после 1619 г. все вновь назначенные учителя были обязаны подписать документ о согласии с постановлениями Дордрехтского синода. В некоторых из таких латинских школ оговаривалось, что мальчикам, чьи родители не принадлежали к голландской реформатской церкви, нет необходимости посещать уроки религиозного обучения. Аналогичная толерантность превалировала и во многих начальных школах, и преподобный Годфрид Удеманс утверждал (в 1630–1655 гг.), что некоторые частные учителя подлизываются к родителям – католикам и другим некальвинистам, – практически полностью пренебрегая ортодоксальным религиозным обучением. Разумеется, местами отличались и часы школьных занятий, но, поскольку большинство учеников отправлялось обедать домой, утренние уроки длились с 7–8 часов утра до 11–12 дня, а дневные – с 13 до 16 или с 14 до 17 часов дня.

Неудивительно, что стандарты обучения в латинских школах в XVII в. были значительно выше, чем в начальных школах. Дирк Адрианзон Валког, автор *Regel der Duytsche schoolmeesters* (1591), возможно преувеличивал, когда писал: «Люди, которые могли с трудом написать свое имя и фальшиво спеть псалом, в одночасье становились школьными учителями и пытались строить из себя важных господ», однако жалобы на отвратительное состояние помещений и возмутительную их переполненность не являлись такой уж редкостью, а в качестве школ порой использовались «темные, сырые подвалы с каменными полами». Жалованье учителей начальных школ было низким, особенно в сельских районах, в 1630–1750 гг. оно составляло в среднем 150 флоринов в год, хотя учитель часто освобождался от платы за жилье. Их жалованье формировалось в основном из тех денег, что платили за обучение родители учеников, – конкретная сумма, определявшаяся местным церковным советом. Из-за низкого жалованья многие учителя меняли место работы, и их можно было обнаружить на солдатской службе, работающих парикмахерами, сапожниками, переплетчиками, церковными сторожами и могильщиками. Возможно, именно из-за того факта, что учителя начальных школ зачастую занимались такой неприятной работой и неполный рабочий день, у Франциско де Соузы Коутиньо и сложилось впечатление, будто в Голландии даже сапожники говорят по-французски и на латыни.

Высшее образование в Голландской республике было доступно в пяти провинциальных университетах – в Лейдене (с 1575 г.), во Франекере (с 1585 г.), в Хардервейке (с 1648 г.), в Гронингене (с 1614 г.) и в Утрехте (с 1636 г.), из которых самыми значительными считались первый и последний. Вдобавок ко всему имелись так называемые «Прославленные школы», некоторые из них фактически обладали статусом университета. Наиболее известной из них стала «Прославленная школа» Амстердама, основанная в 1632 г. ведущими ремесленниками и их сторонниками и ставшая непосредственной предшественницей нынешнего Амстердамского университета. Главное различие между официальными университетами и «Прославленными школами» состояло в том, что преподавание в университетах велось на четырех традиционных факультетах – «искусств» (наука и литература), юридическом, медицинском и теологическом, тогда как «Прославленные школы» были ограничены тремя первыми и не могли присуждать докторские степени. Они служили не только для подготовки

молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет к поступлению в провинциальные университеты, но также, если те не намеревались покинуть свои родные города, предоставляли им возможность получить образование, альтернативное университетскому. Стандарты обучения в большинстве университетов и «Прославленных школах» в XVII столетии были очень высокими, однако в XVIII в. последние оказались на грани исчезновения, хотя еще в 1740 г. англичанин, проживавший в Голландии, утверждал, что они предоставляли великолепную альтернативу официальному университетскому образованию.

Из пяти провинциальных университетов Лейденский считался не только старейшим, лучшим и самым знаменитым, но и одним из наиболее тесно связанных с голландским заморским предпринимательством, хоть связь эта и была несколько непостоянной и нестабильной. Бургомистры и делегаты провинциальных штатов Голландии занимали посты в попечительских советах, а их эрастианские предпочтения, несомненно, не позволяли университету превратиться в заведение, занятое в основном подготовкой претендентов на службу кальвинистскими священниками, что и являлось первоначальным намерением его основателей. Традиционные средневековые факультеты теологии, философии, юриспруденции и медицины Лейдена вскоре дополнились технической школой, ботаническим садом, обсерваторией и замечательной университетской типографией. Кроме технической школы, преподавание обычно велось на латыни, а благодаря относительно высокому жалованью кураторам удалось привлечь для работы на факультете известных ученых Соединенных провинций и из других мест. Слава таких признанных профессоров, в свою очередь, привлекала студентов со всей Европы, как католиков, так и протестантов, хотя, естественно, последние составляли подавляющее большинство. Из 2725 студентов, поступивших в Лейденский университет в первые 26 лет его существования, 41 процент прибыли из стран вне пределов Соединенных провинций. В период с 1601 по 1625 г. общая доля иностранных студентов составляла чуть более 43 процентов; а в следующую четверть века (1626–1650) более 52 процентов из 11 076 учащихся прибыло из-за границы.

В последующие годы Лейден несколько утратил свой блеск, однако в 1688 г. Уильям Карр отметил, что там учиться около тысячи иностранных студентов «из всех стран, таких как Венгрия, Польша, Германия, и даже из самой Оттоманской (Османской) империи (последние притворялись греками), не говоря уж об англичанах, шотландцах и ирландцах, которых в тот год насчитывалось более 80 человек». Английский консул сообщал, что, когда он спросил одного из кураторов, почему такая богатая провинция, как Голландия, не построила и не содержала в Лейдене колледжей с проживанием для студентов «наподобие Оксфорда и Кембриджа», попечитель ответил: «Если бы у нас имелись такие колледжи, то наши бургомистры пристроили бы туда своих сыновей и сыновей своих друзей, которые, ведя праздный образ жизни, никогда не стали бы пригодными для службы на благо отечества». К этому ответу можно отнести с недоверием, однако нет оснований подвергать сомнению утверждение куратора о том, что в рамках существующей системы профессора поддерживали образование студентов на должном уровне и следили за их присутствием как на общих лекциях, так и на индивидуальных консультациях.

Изучение Библии послужило резким толчком к развитию изучения Востока в Лейдене сильнее, чем в других местах. Жозеф Жюст Скалигер, француз по происхождению, которого называли «величайшим ученым своего времени» и который служил в Лейдене (не читающим лекций) профессором с 1593 г. до самой своей смерти в 1609 г., подчеркивал необходимость обращения к халдейским, арабским и другим ближневосточным источникам ради овладения первоисточниками, которые были бы полезны кальвинистским теологам в их полемике с римскими католиками. Влияние Скалигера как ученого на пике его славы оказалось столь велико, что, возможно, затмевало влияние Эразма Роттердамского, и он поднял филологические и восточные исследования в Лейдене на такой высокий уровень, который сохранялся еще целое столетие. Его ученик и впоследствии профессор, Якобус Голиус стал штатным переводчиком восточных языков при Генеральных штатах. Говорят, что изящный стиль его писем на арабском, адресованных мусульманским властителям, которые он

сочинял, находясь на этой должности, вызывал восхищение их получателей. В 1625 г. Эльзевиры^[59] основали в Лейдене Восточную типографию как подразделение университетской типографии, которая имела в своем распоряжении сирийский, халдейский, эфиопский, арабский и еврейский шрифты и которая функционировала до тех пор, пока в 1712 г. шрифты не продали частному издателю.

Начальные школы во владениях Вест- и Ост-Индской компаний следовали тому же образцу, что и школы на родине, находясь одновременно под контролем духовным и светским. При отсутствии более квалифицированных учителей их роль часто исполняли внештатные священники. Занятия в колониальных школах проходили также с 8 до 11 утра и с 14 до 15 часов дня, со свободной второй половиной дня по субботам и воскресеньям. Учебный план в общем ограничивался изучением основ религиозных догм кальвинистской веры, чтением, письмом и начальной арифметикой. Как и в Нидерландах, помимо собственных школ Ост-Индской или Вест-Индской компаний, кто угодно мог открыть начальную школу или детский сад – при условии, что местный церковный совет устраивала его кальвинистская ортодоксальность и у него имелось одобрение старших чиновников компании. Стоит отметить, что такие колониальные школы зачастую были смешанными, как по расовому составу, так и по половому признаку, и дети рабов и «цветных» обучались вместе с белыми и евразийцами. Например, в 1681 г. в школе VOC в Коломбо обучалось около 200 детей рабов. Обычно мальчики оканчивали школу в 15–16 лет, однако в XVII в. на Цейлоне азиатских девочек выпускали из школы в десятилетнем возрасте, «дабы избежать их соращения через развратные действия мальчиков и прочих».

В Батавии латинскую школу открыли в 1642 г., в основном с целью дать более высокое образование детям старших чиновников компании, которых в противном случае пришлось бы отправлять в Нидерланды. Несмотря на поддержку Нееген XVII, это заведение зачахло, и в 1656 г. местные власти его упразднили. Заново открытая 10 лет спустя школа по прошествии четырех лет снова прекратила свое существование. Третья попытка в следующем столетии имела более долгосрочный результат (с 1743 по 1756 г.), но на этот раз ее смерть стала окончательной. Нигде во владениях VOC не предпринималось даже попыток предоставить мирянам более высокий уровень образования – по причинам, которые изложил Менцель, объясняя отсутствие латинских школ в районе мыса Доброй Надежды, где тем не менее одна школа все-таки функционировала с 1714 по 1730 г. «Подобные учреждения не востребованы, поскольку какую пользу можно извлечь из обучения в землях, где жизнь все еще находится на примитивном уровне, а правила компании являются законом?» Точность наблюдения Менцеля подтверждает тот факт, что, хотя в XVIII в. в Южной Африке имелось несколько букинистов, а один из них, немец по происхождению фон Дессин (родился в 1704 г. в городе Росток, Германия, умер в 1761 г. в Капштадте, современный Кейптаун), завещал в 1761 г. свою коллекцию публичной библиотеке Капштадта (Кейптауна), свидетельства показывают, что в последующие 50 лет практически никто из местных жителей ею не пользовался. Поэтому те из служащих компании, которые желали дать своим сыновьям хорошее образование и которые могли себе это позволить, продолжали отправлять их в Европу, не считаясь с огромными расходами и сопутствующей этому долгой разлукой. Для тех, кто желал посвятить себя церкви, весь этот период времени было также доступно получение более высокого образования в тех или иных семинариях, ранее кратко нами описанных, хотя, как мы видели, они не справились со своей основной задачей по обеспечению притока квалифицированных священников. Фактически получается, что в то время, как правители Голландской республики почти полностью возложили ответственность за начальное образование на кальвинистскую церковь или частные школы, директора Ост-Индской компании прямо или косвенно субсидировали многочисленные начальные школы, которые – по крайней мере, в некоторых местах – порой добивались неплохих результатов. В 1779 г. общее число детей, посещавших такие школы в регионе восточнее мыса Доброй Надежды, составляло 20 936 человек, из которых подавляющее большинство

приходилось на Цейлон (19 147), однако в Батавии было 639 учеников и неожиданно высокое число (593 учащихся) на острове Тимор.

Ситуация в регионах, контролировавшихся Вест-Индской компанией, была в основном аналогичной. Учителя, назначенные в ноябре 1661 г. в школы Нового Амстердама на острове Манхэттен, получили указания следить за тем, чтобы дети присутствовали на ежедневных занятиях с 8 утра и с 13 часов дня. Их следовало обучать «христианским молитвам, десяти заповедям, значению крещения и Тайной вечери, а также вопросам и ответам из катехизиса». Помимо годового оклада, учитель получал ежеквартальное вознаграждение в размере от 30 до 60 стюверов (стёйверов) за каждого ребенка, которого обучил азбуке, чтению, письму и арифметике. За дополнительное обучение большинства детей во внеурочные часы следовало взимать умеренную плату и в пропорциональных размерах, однако бедным и нуждающимся полагались бесплатные уроки. Перед уходом из школы по окончании учебного дня все ученики должны были спеть какой-либо гимн из псалтири. В 1743–1744 гг., на другом берегу Атлантики, в Элмине, негр-священник Якобус (Якоб) Элиза Капитейн руководил детским садом-школой для детей негров, мулатов и белых, где ученикам преподавали основы «истинной реформированной христианской религии».

Относительно высокий процент грамотности в Северных Нидерландах помогает объяснить процветающее состояние книгопечатания и книжной торговли в Голландской республике, особенно в период ее золотого века. Как и повсюду в Западной Европе, в огромных количествах издавались проповеди, с жадностью расхватывавшиеся читающей публикой, которая также могла поглотить невероятное количество заумных богословских и откровенно полемических религиозных работ. Голландская коммерческая и морская экспансия получила точное отражение в обширной литературе о путешествиях и мореплавании, которая бурно расцвела в динамичном десятилетии (с 1595 по 1605 г.) и на протяжении следующих 100 лет оставалась отличительной чертой голландского издательского дела. Разумеется, голландцы были не первыми, кто развивал эту ветвь литературы. Их португальские и испанские предшественники в тропиках явили миру посвященные путешествиям и исследованиям эпические поэмы, хроники и повествования в прозе, вдохновленные иберийскими конкистадорами, мореплавателями и миссионерами, проложившими путь европейской экспансии. Точно так же английские и французские соперники голландцев во многом обязаны литературе последних, примером чему являются восхитительные коллекции Ричарда Хаклюйта, Сэмюэла Парчаса и Мельхисидека Тевено^[60]. Нельзя забывать и о вкладе итальянцев, поскольку в лице Марко Поло и Джованни Рамузио они имели первых великих персонажей литературы о путешествиях, которым впоследствии немецкие печатники, редакторы и издатели в полной мере воздали должное, в том числе изданием во Франкфурте в 1590–1634 гг. энциклопедической серии Де Бри *Grands et Petits Voyages* – «Большие и малые путешествия». Однако, когда дело касается общей массы брошюр, книг и карт, изданных в других странах, факт остается фактом: все, изданное в Соединенных провинциях Северных Нидерландов, задавало тон и лидировало в течение всего XVII в. – как в качественном, так и в количественном отношении.

Возможно, наиболее популярным из голландских повествований о путешествиях и приключениях являлась история и приключения шкипера Виллема Бонтеке в восточных морях (1618–1625) – книга выдержала не менее 50 изданий между 1646 и 1756 гг. Еще до 1650 г. часто издавались путевые дневники, которые вели офицеры и пассажиры на борту «индийцев», а лучшие из них были собраны в двухтомную антологию, изданную в Амстердаме в 1645 г. Эти дневники представляли собой не просто вахтенные журналы, но в них также описывались порты и места, куда заходили корабли, нравы и обычаи их обитателей, их методы торговли. Они были богато иллюстрированы – что являлось редкостью для испанской и португальской литературы о путешествиях – и служили двойной цели: для снабжения практической информацией торговцев и моряков и для развлечения или ознакомления тех, кто путешествовал, не выходя из дома. Из этих дневников со всей очевидностью просматривается одна отличительная черта – это то, какие жизненные

резервы, силу духа и изобретательность демонстрировали голландские матросы и потерпевшие кораблекрушение в критических условиях, будь то среди плавучих льдов у Новой Земли или ураганов Индийского океана. Другой популярный жанр, сформированный на основе небылиц и воспоминаний путешественников, также был щедро иллюстрирован оттисками гравюр по меди или по дереву.

Поскольку относительно мало людей за пределами Нидерландов знали голландский, многие из этих книг издавались также на латыни, на французском, немецком и, не так часто, на английском языках – с прицелом на зарубежный рынок. Двумя выдающимися составителями таких трудов, предназначенных для распространения в Европе, стали Иоханнес де Лаэт и Олферт Даппер. Первый, уроженец Антверпена, служил директором Вест-Индской компании и опубликовал целый ряд описательных работ по Европе, Азии и Америке. Никогда не покидая Нидерландов, он приложил огромные усилия, дабы собрать достоверную информацию; также он обладал собственной великолепной библиотекой, как и доступом к библиотеке Лейденского университета и архивам Вест-Индской компании. Наиболее известные работы де Лаэта посвящены Америке, однако точность его описания империи Великих Моголов (*De Imperio Magni Mogols*, 1631) превозносится даже индологами XX в. Даппер же не был таким взыскательным редактором, как де Лаэт, но его объемистые фолианты по Африке, тома по Азии и Среднему Востоку долго оставались образцовыми трудами по этим регионам, к которым, как обнаружили современные историки Западной Африки, все еще можно с пользой обращаться по некоторым вопросам. Подобные подборки были снабжены большим количеством карт и иллюстраций – от чисто умозрительных до абсолютно точных; однако, вне зависимости от качества самих гравюр, основным фактором в приобретении популярности этими произведениями являлось их количество в стране и за рубежом.

Самыми замечательными примерами голландского книгопечатания являются труды двух представителей кальвинистского духовенства. Первым по времени стал объемистый фолиант под названием *Rerum per octennium in Brasilia* – «История восьми лет в Бразилии» под редакцией преподобного Каспара Барлеуса, изданный Блау в Амстердаме в 1647 г. Барлеус, ремонстрантский священник, являлся одним из ведущих классических ученых своего времени и профессором в амстердамском Атенеуме. Его труд на латыни был издан при содействии Иоганна Морица, принца Нассау-Зигенского, чье губернаторство в Нидерландской Бразилии (1637–1644) описывается автором с вполне обоснованным пиететом. Текст работы в основном базируется на официальных документах и депешах принца, а ценность многочисленных карт и иллюстраций усиливается тем, что они являлись оттисками гравюр с написанных в Пернамбуку оригинальных работ художника из Харлема Франса Поста. И если эта книга отражает высшую точку расцвета Вест-Индской компании, то в отношении ее восточной «сестры» то же самое делает преподобный Франсуа Валентейн в своих *Oud en Nieuw Oost-Indien* – «Старых и новых Восточных Индиях», изданных в Дордрехте в восьми томах и состоявших из 4800 страниц текста с сотнями карт и иллюстраций. Труд отца Валентейна можно без преувеличений назвать энциклопедическим, и, хотя его обвиняли в обширном плагиате некоторых разделов этого действительно монументального труда, это затрагивает его значимость только в тех немногих местах, где он неверно прочел или неверно истолковал свои первоисточники. Валентейн не полагался полностью на собственный опыт пребывания в Восточных Индиях, где прожил немало лет – в основном на островах Пряностей и на Яве, – и он не зависел в основном от «кражи» уже опубликованных работ своих предшественников (без указания ссылок на авторов и источники). Он также извлек немалую пользу из многих неопубликованных материалов, предоставленных в его распоряжение руководством компании, включая дневники с Дэдзимы ее агентов в Нагасаки. Помимо всего прочего, публикация этого фундаментального труда положила конец широко распространенному утверждению, будто Голландская Ост-Индская компания неизменно препятствовала распространению любой информации о своих восточных владениях. Разумеется, *Neegen XVII* и *Neegen XIX* препятствовали и даже

запрещали публикацию специфической информации, которая, по их мнению, могла быть использована их торговыми конкурентами; но в остальном они даже не пытались мешать своим действительным или бывшим служащим, публиковавшим свои описательные повествования о Восточной и Западной Индиях.

Помимо литературы о путешествиях, в Голландии быстро получило приоритет – почти на целое столетие – издание руководств по навигации и географических атласов. В 1584–1585 гг. Лукас Янсзон Вагенер опубликовал свое *Spiegel der Zeevaart* – «Зерцало мореплавателя», двухтомную подборку карт – оттисков с гравюр по меди, изображавших континентальное побережье Западной Европы от Нордкапа до Кадиса, вместе с соответствующими лоциями. Этот труд, переведенный на английский в год Испанской армады (1588), под названием «Зерцало моряка», стал настолько значительным прорывом в навигации по сравнению с ранее опубликованными работами, что надолго остался эталоном для будущих изданий подобного рода, которые до конца XVIII в. называли по имени Вагенера – *Waggoners*. «Зерцало» Вагенера стало первой книгой, где использовались унифицированные символы для обозначения буев и бакенов, навигационных знаков, безопасных якорных стоянок, подводных и опасных скал. Хотя испанцы начали гравировать и издавать навигационные карты еще за несколько лет до выхода «Зерцала мореплавателя», последнее стало первым популярным руководством для использования на море. Как отметил командор Д.У. Уотерс: «Их заслуга в том, что они устранили ошибки переписчиков, их достоинство в том, что они стандартизировали гидрографические знания и включили только известные факты, необходимые для правильной лоцманской проводки, а их достижение в том, что они поставили лоцманское дело на более прочную научную основу, чем когда-либо прежде».

Труд Вагенера продолжили несколько издательских домов Амстердама, которые специализировались на выпуске гравированных морских и географических карт и книг на различных европейских языках. Более всех прославилось издательство Яна Блау, процветавшее между 1620 и 1673 гг., наиболее известным изданием которого стал атлас мира 1662 г. в 11 томах. В этой отрасли голландцы сохраняли лидирующее положение примерно до 1675 г. Английский морской атлас Джона Селлера, изданный в этом году в Лондоне и считавшийся лучшей работой подобного рода, был не чем иным, как беззастенчивым «переводом» *Zeeatlas ofte water-wereld* – «Морского атласа, или Мира воды» Питера Го-оса. Однако после смерти Яна Блау в 1673 г. голландские составители карт и издатели утратили свою предприимчивость и довольствовались более или менее механистическим воспроизведением работ мастеров XVII в. Иоганн ван Келен, наследовавший морское и географическое торговое предприятие Яна Блау и ставший основателем фирмы, которая почти два столетия специализировалась на производстве глобусов и морских и географических карт, выпустил в 1682 г. глобус мира безо всякого указания на совершенные Тасманом^[61] открытия, сделанные 40 годами ранее, хотя они были уже вполне доступны, как, например, в «Плаваниях» Тевено. Во многих домах бюргеров в качестве картин использовались вставленные в рамки морские и географические карты, а огромные глобусы и настенные карты можно было часто встретить в жилищах богатых коллекционеров и в муниципальных зданиях. Также голландские коллекционеры тратили баснословные суммы на дорогие, роскошно переплетенные атласы, изданные домом Блау, наиболее востребованные в золотом веке и за которые в наше время дают все более высокую цену, поскольку на аукционных торгах они выставляются все реже и реже. В начале XVIII в. и англичане, и французы превзошли и перегнали голландцев в издании подробных глобусов и морских и географических карт. Это лидерство они продолжали удерживать, хотя Дирк ван Гогендорп^[62] явно преувеличивал, когда в 1792 г. писал: «Здесь не сыскать ни одной сносной голландской карты Индий, тогда как у англичан и французов они просто превосходны».

В том, что касается руководств по искусству навигации в открытом море, то голландцы долгое время зависели от переводов классического труда испанского картографа Педро Медины, *Arte de Navegar* – «Искусство навигации» (Вальядолид, 1545), фламандский

перевод которого был издан в Антверпене в 1580 г. Лишь в 1642 г. им удалось издать руководство, которое соперничало с работой Медины по популярности, а именно *Beschrijvinge van de Kunst der Stuerlieden* – «Описание искусства навигации» К.Я. Ластмана, за которым последовало множество аналогичных работ. Во всех крупных морских портах, а особенно в Амстердаме, можно было найти достаточно старых моряков, более или менее квалифицированных, которые у себя дома обучали начинающих молодых моряков, в основном в зимние месяцы, когда торговое судоходство простаивало. Помимо этих людей, имевших практический опыт в морском деле, имелись и другие, никогда не выходившие в море, однако считавшие себя квалифицированными преподавателями, поскольку методично изучали математику и теорию навигации. Их английским современником или, если так можно выразиться, сотоварищем был Уильям Борн, содержатель гостиницы в Грейвзэнде (на правом, южном берегу Темзы ниже Лондона) и математик-самоучка, чей *Regiment for the Sea: conteyning most profitable rules, mathematical experiences, and perfect knowledge of navigation for all coasts and countreys* – «Морской распорядок: подборка наиболее полезных правил, математических расчетов и точных указаний по навигации у всех побережий всех стран» (Лондон, 1574) имел огромный и вполне заслуженный успех дома и за границей – включая три голландских издания между 1594 и 1609 гг.

Конкуренция среди голландцев, практикующих обучение навигации, была весьма острой и нередко выливалась во взаимные обвинения в плагиате и некомпетентности. В целях привлечения потенциальных клиентов эти учителя часто рекламировали свои навыки, прибывая на своих дверях листки бумаги со сложными математическими головоломками и их решениями. Двумя наиболее популярными руководствами, опубликованными этими доморощенными преподавателями, стали *Vergulde Licht der Zeevaart* («Золотой свет навигации») Клааса Хендрикса Гитермакера и *Schatkamer ofte Konst der Stuerluyden* («Сокровищница навигаторского искусства») Клааса де Ври. Первое выдержало 14 изданий с 1660 по 1774 г., а последнее 11 с 1702 по 1811 г., не считая их публикаций на иностранных языках. Несмотря на популярность среди многих поколений голландских, немецких и скандинавских лоцманов и штурманов, обе эти работы оставляли желать много лучшего в части доходчивости изложения. Материалы в них были плохо упорядоченными, описания слишком многословными, запутанными и повторяющимися, и в них содержалось слишком много громоздких и усложненных правил. Для среднего голландского штурмана образца 1740 г. сферическая тригонометрия все еще оставалась тайной за семью печатями, однако эти старомодные руководства широко использовались даже тогда, когда были доступны лучшие и более современные работы, как, например, Корнелиуса Дауэса (1712–1773), астронома и математика Амстердамского адмиралтейства.

Сферами деятельности, в которых в XVII в. голландские инженеры и техники являлись признанными мастерами, были гидротехника и мелиорация. Они стали излюбленными объектами инвестиций голландского капитала, а опыт, который голландцы приобрели в дренировании, мелиорации, строительстве каналов, отвоевании земли у моря и в рекультивации болот, топей и устьев рек еще с раннего Средневековья, позволил им развить непревзойденное техническое мастерство. Их выдающийся инженер-гидротехник Ян Адриансон Лехватер (1575–1650) разработал метод откачки воды при помощи ветряных мельниц. Он осушил обширные территории в провинции Северная Голландия, хотя его амбициозным планам по рекультивации озера Харлем в 1641 г. пришлось ждать еще 200 лет, прежде чем их воплотили в жизнь. Король Яков I пригласил в Англию зelandца Корнелиуса Вермуйдена, где тот нажил и потерял состояние со своим предприятием по осушению охотничьих угодий Хатфилда и большей части Фенских болот. Другие голландские инженеры-гидротехники работали в Германии, Франции, Польше, России и Италии. Еще в XVIII в. голландцы оставались признанными экспертами по строительству и управлению ветряными мельницами. Когда король Жуан V Португальский решил возвести лесопилку в сосновом бору в Лейрии, чтобы производить доски для своих боевых кораблей, он послал за мастерами в Голландию, дабы те построили и управляли этой «Сосновой мельницей»,

которая исправно работала до 1774 г., пока не была уничтожена пожаром. Куда бы ни отправились голландцы, они повсюду рыли каналы и возводили дамбы. Топографическая съемка, являвшаяся неизбежным следствием всей этой инженерной деятельности, также стимулировала создание довольно большой группы картографов-землемеров. Их работа зачастую достигала высокой степени художественного мастерства, а также картографической точности, походя в этом отношении на более известные географические и навигационные карты.

Поскольку в XVII в. голландцы являлись передовой нацией мореходов, неудивительно, что они занимали лидирующее положение в издании морских и географических карт, руководств по навигации и описании путешествий. Однако, как я уже упоминал, внутри страны последние не пользовались широким успехом у читателей. Не считая разве что в некоторой степени Вондела, остальные крупные величины голландской литературы интересовались заморской деятельностью своих соотечественников значительно меньше, чем, скажем, Сервантес, Мильтон или Мольер относительно своих. Как и повсюду в Европе в первой половине XVII в., в Соединенных провинциях излюбленным чтением были религия и теология, за которыми следовали юриспруденция, политика и классические тексты. В 1612 г. в муниципальной библиотеке Амстердама имелось всего семь книг на голландском языке, а большая часть из 3 тысяч книг, занесенных в каталог библиотеки университета Утрехта в 1608 г., являлась трудами по теологии. Во второй половине столетия у правящего сословия и богатых бюргеров все более популярными становились французские пьесы и беллетристика, и рост количества книг на голландском французском за счет изданий на латыни стал явно заметен даже в научном мире. Компания Эльзевиров, специализировавшаяся на издании книг для ученых, юристов и теологов и имевшая европейскую репутацию и клиентуру, в 1594–1617 гг. выпустила 96 процентов своих книг на латыни. Будучи с 1626 по 1652 г. печатной фирмой Лейденского университета, в этом качестве Эльзевиры за первые пять лет своего контракта выпустили всего 1 процент своих наименований на французском, зато в последние пять лет их уже было больше 50 процентов. В 1685 г. гугенотский философ и критик Пьер Бейль писал из своего изгнания в Роттердаме о Северных Нидерландах: «В этой стране так хорошо знают французский язык, что книг на нем продается больше, чем на всех остальных».

Во второй половине XVII века, примерно с 1650 г., число работ, изданных на голландском языке, также заметно увеличилось – почти в три раза по сравнению с первой. Но какими бы популярными ни стали истории о путешествиях и книги о плаваниях, они не могли соперничать с Государственной Библией и скверными виршами Якоба Катса (1577–1660). Говорить о том, что экземпляры этих работ можно было найти практически в каждом образованном доме, – это не просто фигура речи. Разумеется, наиболее популярной оставалась Библия, однако иллюстрированных и довольно-таки дорогих изданий поэм Катса к 1655 г. было продано 50 тысяч экземпляров, что сделало их одним из бестселлеров столетия. «Пасторские» многословные поэмы Катса предназначались не для экспорта – за исключением Южных Нидерландов и Южной Африки, где этот автор был широко читаем, – зато печатание Библии на английском и немецком на экспорт стало едва ли не основной статьей голландской издательской индустрии. Один ведущий амстердамский печатник хвастался, что «за несколько лет я лично издал более миллиона Библий для Англии и Шотландии. Вам не сыскать там деревенского парня или служанки без нее». Возможно, он преувеличивал, однако в 1672 г. печатник короля Карла II жаловался, что из-за «постоянного притока голландских Библий в огромных количествах сами они не распродали и десятой части того, что было уже отпечатано». Вполне вероятно, что к концу XVII в. в Голландии было издано больше книг, чем во всех остальных странах Европы, вместе взятых, и большая часть таких книг голландского производства предназначалась для международного рынка.

В определенном смысле похоже, что голландская литература золотого века осталась той же, что и прежде: закрытой книгой для всех, кроме голландцев, фламандцев и африканеров^[63]. По сравнению с произведениями по географии, морскому делу и о

путешествиях, которые из практических соображений быстро перевели на европейские языки, голландская проза и поэзия за пределами Нидерландов интереса не вызывала, если не считать ограниченно распространенного в Германии Йоста ван ден Вондела, по общему признанию величайшего из голландских писателей, наиболее почитаемого у себя на родине – как Шекспир в Англии, Сервантес в Испании и Камознс в Португалии. В отличие от последних голландская литература никогда не находила ни своих переводчиков, ни своего зарубежного читателя. Трудно объяснить почему. Примечательно, что французские и английские соседи голландцев склонны к неоправданному презрению по отношению к голландскому языку, критикуя его за так называемое сиплое произношение. Голландский писатель золотого века, Питер Шрийвер (1576–1660), создал поэму во славу родного языка, который он описал как «язык невероятно благозвучный, принц всех наречий», хотя современники-англичане называли квакающих лягушек «голландскими соловьями». Но ведь незнание, например, скандинавских и русского языков не помешало широкому признанию переведенных произведений Кьеркегора, Ибсена, Толстого и Достоевского. Вондел состоял членом *Muider-kring*, кружка образованных людей обоих полов, в свободное время занимавшихся писательской и поэтической деятельностью, а также музыкой и живописью. Между 1609 и 1647 гг. они периодически собирались в замке Муиден, хранителем которого являлся один из членов кружка, поэт, музыкант и историк П.К. Хофт. Членами кружка состояли Гуго Гроций, вместе со своим испанским предшественником, Франсиско де Виторией, заложивший основы международного права; Лауренс Реаль, бывший генерал-губернатор Восточных Индий, переписывавшийся на научные темы с Галилео Галилеем; знаменитый органист, педагог и композитор Я.П. Свелинк; Константейн Гюйгенс, секретарь двух подряд принцев Оранских, свободно сочинявший стихи на латыни, французском и голландском; еще две очаровательных сестры-поэтессы, Анна и Мария Румер-Висхер. Константейн Гюйгенс перевел некоторые из поэм Джона Донна на голландский, однако никто из английских современников не ответил на эту любезность, а члены *Muiderkring*, представлявшие собой цвет голландской литературы золотого века, были отринуты современным им английским критиком, как коллекция драгоценностей, не производящих впечатления даже в своих французских оправках.

Богатство, которое правящее и торговое сословия приобретали, напрямую или косвенно, через заморскую торговлю, не только обеспечивало рынок сбыта для многословных поэтических излияний «пастора Катса» и прекрасно иллюстрированных фолиантов и атласов, издававшихся Плантинум, Эльзевиром и Блау, но и способствовало мощному расцвету искусства в целом и живописи в частности. Не только богатые голландцы хотели украшать картинами свои комнаты, они также являлись ценными предметами обстановки повсюду, кроме самых бедных семей. Наверное, ни в одной стране, за исключением разве что Японии, живописные работы – если не сам живописец – были действительно более популярны, чем на родине Рембрандта. «Что до живописи и любви жителей к картинам, – писал опытный путешественник Питер Манди после посещения Голландии в 1640 г., – то я думаю, что еще никто их в этом не превзошел; в этой стране всегда было много превосходных художников; есть и несколько современных, таких как Рембрандт и другие. В целом все стремятся украсить свои дома дорогостоящими работами, особенно наружные и выходящие на улицу комнаты; и, как справедливо замечено, мало чем в этом отличаются магазины мясников и пекарей – да-да, кузнецы, сапожники и им подобные вешают те или иные картины в своих кузницах и на конюшнях. Таково общее отношение, предпочтение и восхищение, которые жители этой страны проявляют к живописи».

Джон Эвелин, посетивший Голландию годом позже Питера Манди, был точно так же потрясен. Ежегодная ярмарка в Роттердаме была «так великолепно украшена картинами», особенно пейзажами и сценами из простой жизни, что он пришел в восхищение. «Причина изобилия картин и их дешевизна, – рассуждал он, – происходит из-за недостатка земли, в которую можно вкладывать деньги, поэтому нет ничего необычного в том, что обычный любитель живописи вкладывает в товар такого рода две-три тысячи фунтов. Их дома полны

картин, которые они перепродают на ярмарках с огромной прибылью». Объяснение Эвелином популярности коллекционирования картин звучит не слишком убедительно, поскольку было бы намного проще и прибыльнее вкладывать излишки капитала в правительственные или муниципальные облигации. Скорее люди покупали картины потому, что они, как заметил Питер Манди, им нравились. Иностранцы гостя Семи провинций редко забывали упомянуть о любви голландцев к живописи, а в 1688 г. Уильям Карр отметил, что даже их богадельни были «богато украшены» картинами.

Голландские художники ценились за пределами республики, и на их работах процветала экспортная торговля. В искусстве, как в коммерции и банковском деле, Антверпен уступил свое первенство Амстердаму, по крайней мере после смерти Рубенса (1577–1640). Главными центрами покровительства искусству – а следовательно, его производства – стали такие крупные города, как Амстердам, Лейден, Утрехт, Харлем и Делфт, однако почти в каждом городе Северных Нидерландов имелись свои художники. Кальвинистская церковь, по-видимому, оставалась равнодушной к искусству, пока оно не было откровенно враждебным, однако отсутствие духовного патронажа более чем компенсировалось желанием обыкновенных городских и сельских жителей владеть некоторыми картинами. Многие голландские художники отправлялись работать за границу, не говоря уж о тех, кто в юности учился в Италии. Другие навсегда эмигрировали из страны, как признанные маринисты, братья ван де Вельде, осевшие в Англии во время 3-й Англо-голландской войны 1672–1674 гг. Кстати, эти и другие голландские художники, преуспевшие в рисовании кораблей, оказались не столь искусны в изображении моря. Пренебрежительное отношение Рёскина к «завитушкам мелких волн и похожим на парики хлопьям мутной пены, доставляющих такую радость Бакхёйзену и ему подобным», в какой-то мере может быть обязано аллитерации; но он, несомненно, прав, заявляя, что Тёрнер не имел себе равных в изображении морской стихии во всех ее проявлениях.

Несмотря на свою страсть к коллекционированию живописи, богатые правители, торговцы и бюргеры Голландской республики презирали художников, как социальную группу. Практически все голландские художники вышли из рядов мелкой буржуазии и класса трудящихся. И им не удалось возвыситься над своим низким социальным происхождением, чтобы обрести положение, которого добились Рубенс, ван Дейк и Веласкес. Богатые покровители Рембрандта презирали его, когда он стал неплатежеспособным банкротом, точно так же, как восхищались совершенством его творений. Художников обычно считали мотами и транжирами, проводившими слишком много времени в тавернах, где их ученики порой рисовали на полу монеты, чтобы посмеяться над своим пьяным учителем, когда тот пытался их поднять.

Европейский рынок был не единственным у голландских произведений искусства; в Азию картины экспортировались еще до создания Ост-Индской компании. Китайцев и индонезийцев мало интересовало западное искусство, однако индийские и персидские правители часто обращались с просьбой, чтобы к их дворам прислали голландских художников. Чиновники компании выполняли эти просьбы при первой же возможности, и помимо художников, нанятых самой компанией, имелись еще и другие, работавшие самостоятельно. В 1602 г. голландцы подарили королю Канди огромное полотно, изображавшее битву при Ньюпорте (Нивпорте) 2 июля 1600 г., на котором на переднем плане был в натуральную величину изображен принц Мориц верхом на коне. Гигантское полотно долгое время хранилось в тронном зале дворца сингальского правителя. Султану индонезийского города Палембанга в 1629 г. подарили картину с изображением гавани Амстердама, а индийскому принцу и королю Пегу – портреты штатгальтеров. Однако японскому сёгуну не пришлось по вкусу подаренные ему в 1640 г. картины маслом, и в том же году компании не удалось убедить шаха Ирана (Персии) приобрести полотно с изображением победы ван Хемскерка в морской битве при Гибралтаре в 1607 г.

Похоже, нидерландцы на Востоке испытывали к картинам столь же нежные чувства, что и их соотечественники в Нидерландах у Северного моря. В описи содержимого дома

губернатора в форте Новая Зеландия на Формозе (Тайване) за 1644 г. насчитывалось 22 картины, четырнадцать из которых являлись портретами принцев дома Нассау, а восемь были посвящены библейским сюжетам. В завещаниях и изъявлениях последней воли, хранившихся в нотариальных архивах Батавии, часто встречаются упоминания о картинах, хотя имена их авторов указывались редко. Однако одна вдова в 1709 г. среди других картин завещала пейзаж Рёйсдала и портрет мужчины кисти Рембрандта. Гугенот Исаак де Сен-Мартин, командир гарнизона Батавии, оставил после своей смерти в 1696 г., помимо собственного портрета, 89 «больших и малых полотен». Коллекции из 30–40 картин были самым обыденным явлением для самых состоятельных жителей Батавии. Некоторые из чиновников компании также коллекционировали предметы искусства Востока. Генерал-губернатор Камфиус завещал своему другу, поверенному в делах компании в Амстердаме Питеру ван Даму, четыре тома с несколькими сотнями китайских, японских, мусульманских и прочих восточных рисунков. 100 лет спустя Исаак Титсинг привез из Нагасаки несколько японских гравюр и две объемистые папки с изображениями растений, сделанными супругой главного лекаря сёгуна, Хоши Кацурагавы, о которых один видевший их француз написал: «Сомневаюсь, существует ли что-либо более совершенное в этом роде». Современник Титсинга А.Э. ван Браам Хуккгест, много лет проживший в Кантоне, также собрал большую коллекцию китайских рисунков, картин и прочих «раритетов искусства», которые были проданы в 1799 г. на аукционе «Кристи». Нам известно, что Рембрандт владел миниатюрами Моголов и копировал их, из чего предполагается, что он находился под некоторым влиянием японской и китайской живописи.

Хотя множество голландских художников работало на Востоке в XVII и XVIII вв., кажется странным, что сохранилось лишь небольшое число из написанных ими там картин. Единственными профессиональными живописцами, работавшими в тропиках и чьи произведения дошли до нас в более или менее значительных количествах, были Франс Пост и Альберт Экхаут. Они творили не в муссонной Азии, а в Нидерландской Бразилии, в период губернаторства принца Иоганна Морица (в 1637–1644 гг.), и их картины и рисунки стали предметом тщательного изучения историков искусства в последнее время. Мнения о том, заслуживает ли их художественная ценность посвященного им детального исследования или дело в астрономических суммах, которые сейчас за них платят, могут различаться, однако в свое время популярность этих работ была более чем скромной. Тропические мотивы, пронизывающие многие из работ Поста и Экхаута, после их возвращения из Бразилии не ограничивались только темами Южной Америки и Западной Африки, но и, в случае Экхаута, в некотором смысле нелепо смешивались с тематикой Восточной Азии. Таковую смесь Востока и Запада иллюстрируют некоторые фрески, написанные этим малозначительным мастером в немецких замках, но более всего это известно по рисункам гобеленов, называемым *Peintures des Indes* – «Картины Индий». Они были заказаны – после настойчивого убеждения со стороны принца Иоганна Морица – Людовиком XIV и оказались столь популярны в придворных кругах, что их периодически копировали в том же самом виде на протяжении следующих 120 лет.

Если миниатюры Моголов и японские гравюры коллекционировали лишь единицы прозорливых служащих VOC и эстетическое влияние таких образцов восточного искусства, попавших в Европу, можно было не принимать в расчет, то с дальневосточным фарфором дело обстояло совсем иначе. Еще в XVI в. некоторые его экземпляры привозили в Европу португальцы (через Гоа) и испанцы (через Мексику), однако большая часть партий фарфора продавалась на Иберийском полуострове или в их американских колониях. И именно голландцы первыми начали импортировать китайский и японский фарфор в действительно больших масштабах в Европу севернее Пиренеев. Толчком для этого стал захват голландцами двух португальских карак – «Сантьяго» близ острова Святой Елены в 1602 г. и «Санта-Катарины» недалеко от Джохора (полуостров Малакка) годом позже. Их груз, состоявший из огромного количества уцелевших китайских фарфоровых изделий, будучи выставленным на аукционе Амстердама, разошелся по весьма высоким ценам, и с этого

времени за бело-синим фарфором династии Мин (правила в Китае в 1368–1644 гг.) на несколько десятилетий закрепился термин *kraak-porcelain* – «фарфор с каракки». Эти торги породили спрос, который VOC тут же поспешила удовлетворить. Уже в 1614 г. изданное в Амстердаме описание утверждало, что фарфор стал «предметом обихода обычных людей», а 26 лет спустя Питер Манди отметил, что «любой дом среднего достатка» имел китайский фарфор.

Этот солидный внутренний спрос оказался превзойденным еще большим объемом товара, реэкспортированного в другие страны, благодаря чему поставки с Дальнего Востока в Северные Нидерланды быстро увеличились. Между 1602 и 1657 гг. голландские восточные «индийцы» завезли в Европу более 3 миллионов единиц китайского фарфора, после чего еще около 190 тысяч фарфоровых изделий из Японии, когда между 1659 и 1682 гг. Китай сотрясала внутренняя междоусобица^[64]. Помимо экспорта в Европу, несколько миллионов единиц фарфора (в основном китайского) было переправлено в Батавию для размещения на рынках Индонезии, Малайи, Индии, Персии и т. д. Как описывал один историк экспортной торговли, «уникального качества китайского фарфора, его водонепроницаемости и чистоты, его практичной красоты и относительной дешевизны» вполне достаточно для объяснения его огромной и непрекращающейся популярности. Почти весь дальневосточный фарфор, импортировавшийся в XVII в., имел бело-синюю палитру, будь он хоть китайского, хоть японского происхождения; однако в XVIII в. разноцветные, одноцветные и эмалированные изделия неуклонно завоевывали популярность на большинстве европейских рынков, хотя в самой Голландской республике бело-синее все еще продолжало задавать тон.

Еще в 1614 г. голландцы начали копировать бело-синюю керамику династии Мин, и через 50 лет гончарные мастерские Делфта производили довольно качественные имитации японских и китайских фарфоровых изделий. Производство знаменитого делфтского бело-синего фарфора продолжалось следующие 150 лет, хотя первый настоящий европейский фарфор был изготовлен в Мейсене (Майсене) в Саксонии в 1709 г. Не все из этих голландских керамических изделий являлись слепым копированием дальневосточных оригиналов, поскольку некоторые делфтские художники по фарфору комбинировали в своей росписи японские, китайские и индийские мотивы. Примерно с 1660 г. и далее они также производили композиции в цветистом китайском стиле (шинуазри), ставшем столь популярным в XVIII столетии. Как ни странно, в 1634 г. голландцы надеялись создать в Японии рынок собственной керамики. Но для воплощения в жизнь этого плана не имелось ни малейших шансов, поскольку японские покупатели желали иметь посуду, подходящую для *cha-no-yu* – чайных церемоний, и их вкус к этому вдохновлялся эстетическими традициями, которые европейские производители и импортеры вряд ли могли надеяться понять. Как бы там ни было, после мощного расширения японского производства фарфора начиная с 1660 г. надежды эти ушли в небытие, хотя некоторые поклонники *cha-no-yu* продолжали коллекционировать необычные предметы делфтской и кельнской керамики. Японские гончары, в свою очередь, иногда имитировали делфтскую роспись, которая изначально была скопирована или вдохновлена привезенным с Дальнего Востока фарфором, и, таким образом, колесо искусства сделало полный оборот.

Две характеристики дальневосточного фарфора – дешевизна и то, что его можно было мыть без ущерба для качества, – давали основания рассчитывать и на большой и растущий спрос в Европе во второй половине XVII в. на лучшие сорта индийских хлопчатобумажных изделий и тканей. Также Британская и Голландская Ост-Индские компании импортировали шелк-сырец и шелковые ткани изначально – и не напрямую – из Китая, позднее из Персии (Ирана) и Бенгалии. Примерно до 1669 г. и голландцы, и англичане ввозили в Европу индийский текстиль, но в основном грубых сортов, предназначенных для перепродажи в Америку и Западную Африку, а более тонкие ткани использовались в основном для постельного белья, а не для пошива одежды. Для последних десятилетий XVII столетия стало характерно «индийское безумие», предшествовавшее «китайскому безумию» XVIII в. Директора Британской Ост-Индской компании писали в 1692 г. своим торговым агентам в

Бенгалии: «Вы сейчас не можете присылать нам ничего плохого, поскольку все индийское пользуется спросом», на что их голландские конкуренты в Амстердаме могли добавить лишь «аминь». В Соединенных провинциях, как и в Англии, моралисты сокрушались, что «эти текстильные товары из Индии пользуются такой популярностью, что все, от самых именитых модниц до простых горничных, и думать не желают о том, чтобы нарядиться во что-либо иное, кроме индийских тканей». Узоры на этих тканях, расписных и набивных, не обязательно были вдохновлены чисто индийскими мотивами, но зачастую производились по образцам, привезенным из Европы для копирования или переделки индийскими мастерами. На некоторых тканях, произведенных для голландского рынка на Коромандельском берегу – восточном побережье полуострова Индостан к югу от дельты реки Кришна до мыса Коморин, мы иногда даже находим японские мотивы.

В 1697 году Голландская Ост-Индская компания импортировала азиатского текстиля и отрезков ткани на сумму более 5 миллионов флоринов, немногим менее трети которых было произведено в Бенгалии. В этот период Голландская компания все еще опережала свою английскую соперницу, однако в начале XVIII в. последняя вырвалась вперед, и в 1731–1735 гг. ЕИС приобрела вдвое большее количество шелка, чем ее голландская конкурентка. Успех Британской компании тем более примечателен потому, что в Соединенных провинциях импорт текстиля и отрезков ткани не сталкивался с таким сильным и действенным сопротивлением текстильщиков, как это происходило в Англии. В то время как английские ограничительные законы по такого рода импорту в 1720 г. увенчались полным запретом на ввоз индийских хлопчатобумажных тканей, индийские отрезки тканей, доставляемые голландскими восточными «индийцами», еще целых 30 лет по-прежнему облагались голландскими таможенными тарифами практически наравне с местными «тканями, изделиями и прочим национальным продуктом». В обеих странах стоимость реэкспортировавшихся азиатских товаров значительно превышала то, что поглощалось их внутренними рынками. В то время как ЕИС находилась под постоянным давлением со стороны производителей сукна, торговцев тканями и политиков, настаивавших, чтобы компания постаралась продавать английские ткани на азиатских рынках, директора VOC никогда не предпринимали особых усилий для того, чтобы поступать таким же образом.

Еще одно средство, с помощью которого конкурирующие Голландская и Британская Ост-Индские компании способствовали серьезным и длительным переменам в привычках европейского общества примерно с 1660 г., заключалось в стимулировании продаж и поощрении потребления чая и кофе. Знаменитый амстердамский врач доктор Николас Тульп рекомендовал чай как прекрасное средство буквально от всех болезней. Но даже его пылкий энтузиазм по поводу якобы лечебных достоинств этого напитка оказался превзойденным тем фактом, что его коллега, доктор Корнелис Деккер (известный как Бонтеке), заставлял своих пациентов выпивать от 50 до 200 чашек чая каждый день. Кроме того, доктор Бонтеке опубликовал в 1697 г. свой *Tractaat van het excellente cruut thee* – «Трактат о превосходном лечебном чае», который, кстати, щедро финансировали Heeren XVII. Несколько лет чай оставался модным напитком богатых, поскольку его подавали с дорогим сахаром, в японских фарфоровых чашках, на инкрустированных столиках и с золотыми ложечками, однако к концу века чай с молоком уже всюду продавали на улицах. Несмотря на ожесточенную конкуренцию с английскими, французскими, скандинавскими и бельгийскими Ост-Индскими компаниями, голландцы продолжали импортировать чай во все больших количествах, дабы удовлетворить как свой собственный, так и европейский спрос в целом. Самый значительный бум в голландской торговле чаем пришелся на период между 1734 и 1785 гг., когда суммарный импорт вырос до 3 миллионов 500 тысяч фунтов чая в год, то есть в четыре раза, и с 1739 г. чай стал наиболее ценным и единственным товаром потребления среди грузов, доставлявшихся возвращавшимися домой голландскими восточными «индийцами».

Кофе стал более поздним нововведением на европейском рынке, чем чай, однако и его неподражаемый доктор Бонтеке рекламировал как лекарство от всех болезней. Он

предписывал пользоваться им как верным средством от «цинги, ангины, колик, подагры, раздражительности, неприятного запаха изо рта, воспаленных глаз» и бог знает чего еще. Напиток вскоре стал очень популярен, даже несмотря на то, что в Нидерландах, как и повсюду, некоторые врачи объявили и чай, и кофе вредными наркотиками. Того же мнения придерживался и отец Франсуа Валентейн, который в 1724 г. сетовал на то, что «пристрастие к нему в нашей стране стало столь широко распространенным, что, покуда служанка или швея не выпьют свой ежедневный утренний кофе, они не могут попасть ниткой в игольное ушко». Забавно, что он клял англичан за введение в обиход такого порочного обычая, как *elevenses* – легкий завтрак с чаем или кофе в 11 часов утра. Растущая популярность чая и кофе помогла до некоторой степени обуздать пьянство в Соединенных провинциях, хотя «бренди с сахаром» оставался излюбленным напитком голландского рабочего – когда он был ему по карману. 100 лет спустя после пропаганды Тульпом и Бонтеке достоинств чая и кофе другой амстердамский доктор написал: «Простой человек пьет много бренди и верит, что тем самым укрепляет свой желудок, но он ошибается и не сможет долго продержаться, если не выпьет чая».

Возможно, несправедливо упоминать докторов Тульпа и Бонтеке вместе, поскольку последний являлся более серьезным и компетентным врачом, однако их слепо принимаемая пропаганда чая в качестве панацеи напоминает нам, что в золотой век Голландской республики – или, если уж на то пошло, даже в свой «период смены париков» – медицина была все еще далека от того, чтобы считаться точной наукой. В XVII и XVIII столетиях теория микробного происхождения болезней и клеточная структура тела были еще неизвестны. Несмотря на значимость таких вех в науке, как открытие Уильямом Гарвеем циркуляции крови, красных кровяных телец и сперматозоидов – посредством микроскопа – Антони ван Левенгуком, медицинские диагнозы и способы лечения по-прежнему во многом опирались на грекоримскую гуморальную патологию^[65], которая рассматривала все заболевания как нарушение баланса или загрязнение четырех телесных тумор – соков или жидкостей. Лечение концентрировалось на восстановлении этого баланса, в основном посредством использования клистиров, слабительных, кровопускания и диет, но, кроме того, действовало стимулирующие, тонизирующие и наркотические средства. Появление биологии как точной науки стало возможным только благодаря кардинальному улучшению микроскопа в XIX в., а появление эффективных фармацевтических препаратов датируется примерно 1880 г. Примечательно, что религиозное предубеждение против вскрытия человеческих трупов для медицинских и анатомических исследований в Голландской республике оказалось не столь сильным, как в большинстве других стран, что содействовало прогрессу как в хирургии, так и в анатомии. Часто проводились публичные анатомические вскрытия, и Рембрандт был не единственным из старых мастеров, кто запечатлел это на своих полотнах. Тем не менее медицинская фармакопея содержала так много бесполезных или даже вредных примесей, а хирургия как наука находилась на таком примитивном уровне, что большая часть удивительных исцелений, которых добивались врачи и хирурги, должно быть, объяснялась скорее безусловной верой пациентов в них, чем чем-либо еще. Почти наверняка то же самое имело место и в случае прославленного Германа Бургаве (1669–1738), руководившего кафедрами медицины, ботаники и химии в Лейдене, чья слава достигла даже Китая.

Стоит отметить, что, за исключением Бургаве, никто из крупных величин в областях естественных наук и философии во времена Голландской республики не преподавал в университетах. Симон Стевин, математик и инженер, выступавший за переход на десятичную систему; Рене Декарт, француз по происхождению и прирожденный философ, проведший большую часть своей творческой жизни в Соединенных провинциях; Барух (Бенедикт) Спиноза, амстердамский шлифовальщик оптических стекол и философ-метафизик; Христиан Гюйгенс, изобретатель маятниковых часов и автор волновой теории света; Ян Сваммердам, основоположник науки о насекомых – энтомологии; уже упоминавшийся Антони ван Левенгук, конструктор микроскопов и основоположник научной

микроскопии, – все эти и другие люди, которых можно было бы упомянуть, занимались научной работой вне академического мира, хотя, естественно, поддерживали с ним контакты.

Значение Декарта и Спинозы для интеллектуального развития философии XVII в. слишком хорошо известно, чтобы говорить о нем подробно. Помимо всего прочего, их сочинения помогли постепенно подорвать слепую веру в ортодоксальные религиозные догматы и породили дух критической дискуссии, правда, быть может, не столько в самой Голландии, где издавались их работы, а за ее пределами. То же самое можно сказать о сочинениях беженца-гугенота из Роттердама Пьера Бейля, чей широко читавшийся «Исторический и критический словарь» (1695–1697) был пронизан духом глубоко скептической критики, которая не могла не потрясти твердые религиозные убеждения многих его читателей, будь то протестанты или католики. Также Бейль являлся выдающимся проповедником веротерпимости, весьма эффектно противопоставившим религиозную нетерпимость Людовика XIV, аннулировавшего Нантский эдикт, с эдиктом императора Маньчжурской династии Цин Канси, разрешавшим исповедание христианства в Китайской империи. Пьер Бейль жил и умер христианином-протестантом, однако его деятельность во многом ответственна за рост рационализма и скептицизма в XVIII столетии.

В царстве науки величайшим гением, подаренным миру Нидерландами, стал, безусловно, Христиан Гюйгенс (1629–1695). Достижения Гюйгенса великолепно суммировал его английский биограф А.Э. Белл: «Человек, который превратил телескоп из игрушки в мощный инструмент для исследований, что стало следствием его глубокого изучения оптики; который открыл кольцо Сатурна и его спутник Титан; который привлек внимание к туманности в созвездии Ориона; который подверг проблему гравитации количественному анализу, вылившемуся в правильные предпосылки относительно действия центробежной силы и формы Земли; который обосновал в своем великом труде *Horologium Oscillatorum* – «Маятниковые часы» динамичность систем и прояснил тему усовершенствованного циклоидного маятника и таутохронности движений тяжелой точки по циклоиде; который разрешил знаменитую проблему столкновения упругих тел и вывел общие положения закона сохранения энергии; и, наконец, который справедливо считается основоположником волновой теории света и, следовательно, физической оптики, – такой человек достоин, чтобы его упоминали наряду с Галилео и Ньютоном».

Гюйгенс начал свою научную карьеру, будучи горячим поклонником Декарта, чьи *Principia Philosophiae* – «Первоначала философии» 1644 г. потрясли его еще в юности. «Когда я впервые прочел эту книгу, – писал он много лет спустя, – мне показалось, будто все в мире стало намного понятней, и я был уверен, что когда я находил что-то противоречивое, то в этом виноват был я сам, поскольку не понял его смысла. Тогда мне было всего 15 или 16 лет. Однако, время от времени обнаруживая, что некоторые положения явно неверны, а другие крайне маловероятны, я решительно вернулся к своим прежним предубеждениям и в настоящее время с трудом нахожу что-либо, что мог бы принять как истину во всей физике, метафизике и природе атмосферных явлений». Однако Гюйгенс всегда был признателен Декарту за тот творческий стимул, преданный ему и другим ученым, отмечая в 1691 г.: «Мы многим обязаны Декарту, поскольку он открыл нам новые пути изучения физики и высказал идею, что все может быть сведено к законам механики». Тем не менее, как подчеркивает Белл, Гюйгенс пришел к убеждению, что Декарт повторял ошибки схоластики, пытаясь отыскать некую убедительную и логичную систему, которая заменила бы ее, и сам таким образом вернулся к мировоззрению Галилео. По сути, благодаря Гюйгенсу, «основной поток научной мысли был, если так можно выразиться, отклонен с пути следования Декарта и перенаправлен в русло канала, стараниями Ньютона превращенного в полноводную реку».

Можно добавить, что большая часть лучших работ Гюйгенса была написана им в Париже между 1661 и 1681 гг., под патронажем Людовика XIV, и что после своего окончательного возвращения в Голландию он сожалел об отсутствии кого-либо, с кем можно было бы пообщаться на научные темы. Возможно, он представлялся своим собеседникам слишком уж

высокомерным, однако в Западной Европе действительно было не так уж много людей, не считая Ньютона и Лейбница, с кем он мог общаться на равных. Но более примечательно то, что его отец, Константейн, поэт и остролов, всегда пользовался в Соединенных провинциях большей популярностью, чем его сын, даже несмотря на выдающиеся научные достижения, принесшие последнему заслуженную мировую известность.

Наиболее прославленный ученый, работавший в тропических владениях Голландской республики, Георг Румф, «слепой провидец с Амбона», был немцем по происхождению, поступившим на службу Голландской Ост-Индской компании простым солдатом и работавшим чиновником и управляющим на острове Амбон из группы Молуккских островов с 1653 г. до самой своей смерти в 1702 г. Восхищенный флорой и фауной этого острова, он посвятил свою жизнь сбору всех доступных ему материалов о них, составляя из результатов своих опытов и исследований объемистые рукописные фолианты, иллюстрированные рисунками. Он ослеп; во время землетрясения он потерял жену и самую младшую дочь; огонь уничтожил все его рисунки практически законченного труда, но ни одно из этих несчастий не сломило его. Он сделал новые рисунки на замену тем, что сгорели в огне, и в 1692 г. отправил все шесть томов своего «Гербария Амбона» в Голландию. Корабль потопили французы, но, к счастью, его покровитель, генерал-губернатор в Батавии Иоганн Камфиус, предварительно снял копию, которая в конце концов достигла Голландии четыре года спустя. Шеститомный труд опубликовали уже после смерти автора, в 1741–1750 гг., чему предшествовала другая, тоже посмертная публикация в 1705 г. другой работы Румфа, посвященной морским раковинам, моллюскам и ракообразным Молуккских островов. Рукопись Румфа о фауне Амбона пропала, однако опубликованные работы по ботанике и зоологии, вместе с тем, что он написал по минералогии, геологии и палеонтологии Молуккских островов, до сих пор имеют актуальное научное значение, и с ними сверяются специалисты в вышеупомянутых областях.

Название издания работы Румфа 1705 г., *Amboinse Rari-teitenkamer* – «Кунсткамера Амбона», отражало моду того времени на коллекционирование экземпляров и прочих «редкостей» естественной истории в кунсткамерах или частных музеях, которые многие богатые правители и торговцы устраивали в своих городских или сельских домах. Минералы, морские раковины, чучела птиц, зверей и рыб, монеты, амулеты и экзотические безделушки всевозможных видов нашли себе страстных, хоть и не всегда разборчивых энтузиастов среди тех, у кого имелись деньги на их покупку. Огромная популярность морских раковин с Молуккских островов в первой половине XVIII в. отчасти стала результатом публикации работ Румфа. Отец Валентейн по возвращении в Голландию основал в Дордрехте Клуб любителей конхиологии – изучения раковин моллюсков, где он и еще несколько вернувшихся из Восточных Индий проводили приятные зимние вечера, рассматривая и обсуждая коллекции друг друга. Позднее также гонялись за редкими растениями и травами, но самой знаменитой стала маниакальная страсть к коллекционированию тюльпанов, завершившаяся в 1637 г. сокрушительным банкротством – своего рода эквивалентом дутой Компании Южных морей.

Ботанические изыскания Румфа на Молуккских островах происходили одновременно с исследованиями барона Хендрика ван Редде тот Дракестейна на западном побережье Индии. Один из очень немногих аристократов на службе Ост-Индской компании, этот дворянин из Утрехта был восторженным ботаником-любителем. Он прибыл на Восток младшим офицером в 1657 г. и с 1661 по 1667 г. провел на Малабарском берегу, губернатором которого прослужил семь лет. Такой же энергичный, как Румф, и обладающий значительно большей властью и социальным положением, ван Редде убедил раджу города Кочин и других правителей Южной Индии содействовать ему в сборе ботанических образцов. Также он организовал консультативный совет из 15 или 16 образованных браминов и отправлял вглубь страны ботанические экспедиции в сопровождении сотен кули-носильщиков. Результатом этих полевых исследований стал изданный за свой счет и богато иллюстрированный *Hortus Malabaricus* – «Малабарский огород», вышедший между 1678 и 1703 гг. в 12 томах.

На другом конце света Иоганн Мориц, принц Нассау-Зиген, генерал-губернатор Нидерландской Бразилии, в 1637–1644 гг. покровительствовал и финансировал деятельность двух выпускников Лейдена, немца Георга Маркграфа и голландца Виллема Пизона, чьи медицинские, ботанические, зоологические и астрономические исследования были собраны в книгу *Historia Naturalis Brasiliae* – «Естественная история Бразилии» (Лейден, 1648) и *De Indiae utriusque re naturali et medica* (Лейден, 1658). В этих книгах, помимо всего прочего, содержалось первое действительно научное исследование флоры и фауны Бразилии, географическое и метеорологическое описание Пернамбуку, включая ежедневные наблюдения по розе ветров и уровням осадков, астрономические наблюдения в Южном полушарии и этнологический обзор местных индейских народностей. Иллюстрации включали в себя 200 оттисков с гравюр по дереву растений и 222 животных, птиц, насекомых и рыб, многие из которых никем до тех пор не описывались. Две эти работы оставались наиболее авторитетными исследованиями по естественной истории Бразилии до тех пор, пока в 1820–1850 гг. их не сменили научные публикации князя Максимилиана Вид-Нойвида. Уже упоминалось о книгах по Америке, составленных ученым директором Амстердамской палаты Вест-Индской компании Иоханнесом де Лаэтом между 1625 и 1644 гг. Де Лаэт выступал в них больше в качестве редактора и составителя, чем автора. Однако оригинальный научный труд, сопоставимый с работами Румфа по Амбону, был проделан набожной голландской ученой женщиной, синим чулком Марией Сибиллой Мериан, чьи великолепно иллюстрированные *Metamorphosis insectorum Surinamensium* – «Метаморфозы насекомых Суринама» 1705 г. являются одной из замечательнейших книг, когда-либо вышедших из-под печатного пресса.

Можно привести достаточно много других примеров, показывающих, что генерал-губернатор и его совет в Батавии преувеличивали, когда писали, будто их соотечественники на Востоке неизменно предпочитали приносить жертвы Меркурию, а не Афине Палладе. Несомненно, большинство из них так и поступало, как и следовало ожидать от служащих любой коммерческой компании в данных обстоятельствах, что являлось в равной степени справедливым относительно их французских и английских конкурентов. Но и здесь всегда находились исключения; точно так же, как мы находим среди развеселых выпивох «Компании Джонов» историка Орме, филолога Марседена и санскритолога Уильяма Джонса, мы встречаем среди голландцев Румфа, Валентина и Исаака Титсингов, жертвующих Афине Палладе, не забывая при этом Меркурия – или, если уж на то пошло, и Бахуса. Это правда, что Николас Витсен, образованный бургомистр Амстердама и директор VOC, написавший руководство по постройке судов и еще одно, *Noord en Oost Tartarye*, 1692, о Сибири, часто жаловался в своих письмах, что его соотечественники в Азии не интересовались ничем другим, кроме доходов. А ведь Витсен писал свои жалобы в тот период, когда в компании было больше, чем когда-либо прежде, тех служащих (или бывших служащих), которые проявляли неподдельный интерес к культурным традициям Азии. Дэниел Хаварт опубликовал в 1693 г. свое повествование о взлете и падении Коромандельского берега и перевод в прозе персидской эпической поэмы *Bustan* – «Плодовый сад» Саади; Герберт де Ягер обнаружил связь между санскритом, древним яванским и тамильским языками; Энгельберт Кемпфер составил классическое повествование о Японии, остававшееся лучшим европейским описанием этой островной империи вплоть до публикации «Японии» фон Зибольда в 1832–1852 гг.; Румф и ван Редде написали или опубликовали свои упоминавшиеся ранее труды по ботанике и зоологии; отец Валентейн составил энциклопедическую работу «Древняя и новая Ост-Индия»; в Батавии даже имелось свое небольшое любительское литературное общество, *Ridder-Orde van Suum Cuique* – «Рыцарский орден «Каждому свое», просуществовавшее несколько лет, с 1706 по 1712 г. (предположительно).

Если мы вернемся к голландцам, которые в золотой век остались в Нижних Землях (Нидерландах) у Северного моря, то увидим ту же историю. Типичным из тех иностранцев, которые осуждали голландцев как обычных примитивных «охотников за талером», был Рене

Декарт, которому следовало бы подумать, прежде чем писать из Амстердама: «В этом огромном городе, где, кроме меня, не найти ни одного обывателя, кто не занимался бы торговлей, все так сильно озабочены собственной выгодой, что я смог бы прожить здесь целую жизнь, не встретив ни одного нормального человека». Абсурдность такого поверхностного суждения становится очевидной, если вспомнить, что среди современников Декарта в Амстердаме жили художник Рембрандт, поэт Вондел и специалист по античной филологии Каспар Барлеус. Современник Декарта, гугенот Жан Париваль, проживший в Соединенных провинциях 36 лет, издавая свои *Les Delices de la Hollande* – «Голландские удовольствия» (Лейден, 1662), был более доброжелателен и справедлив, когда цитировал «этого великого поэта Барлеуса» и описывал богатые коллекции библиотек Амстердама как доказательство того, что состоятельные торговцы и бюргеры этого города в своей пылкой погоне за торговой выгодой не пренебрегали заботой о литературе и образовании. Джон Локк оказался первым, кого сочувственный и великодушный прием, с которым он, будучи в Амстердаме политическим беженцем, столкнулся в научных кругах, побудил опубликовать некоторые из своих работ. Тем не менее многие иностранные визитеры продолжали клеймить сословие правителей как состоявшее исключительно из жадных до прибыли торговцев – и это в то время, когда Уильям Темпл подчеркивал, что большинство из них являлось прекрасно образованными и с юных лет подготовленными к государственной службе джентльменами и что здесь больше не было «мелких торговцев или ремесленников, как это принято считать иностранцами и что является предметом насмешек над их правительством». Далекая от того, чтобы слыть исключительно страной обывателей, земля Рембрандта, Бонд ела и Гюйгенса имела поборников и Афины Паллады, и Меркурия; и если первые составляли относительно небольшое меньшинство, то это в равной степени справедливо и для любой другой эпохи или любой другой нации.

Здесь скорее уместна критика правителей-олигархов, которые составляли правящий класс, поскольку они, превратившись в привилегированную прослойку – в некоторых отношениях ее можно назвать едва ли не кастой, – все больше пропитывались французской культурой, зачастую вплоть до отречения от собственной. Французское культурное влияние всегда было сильно, и во времена принца Фредерика Генриха двор штатгальтера в Гааге являлся одним из самых офранцузенных. Тем не менее культура и цивилизация земли Рембрандта оставалась по сути своей голландской. О ее взлете наглядно свидетельствуют живопись, литература, музыка и архитектура Нидерландов в последнюю четверть XVII в. Впоследствии иностранное влияние, особенно французское, нашло себе благодатную почву среди правителей-олигархов и богатых бюргеров – в ущерб всему голландскому. Ко второй половине XVIII столетия офранцузенность «правлящего меньшинства» и тех, кто подражал их образу жизни, стала практически повсеместной. Родители общались с детьми на французском, а многие взяли себе за правило никогда не читать голландскую литературу. Ученая дама из Утрехта, поклонница Босуэлла Елизабет ван Тейль ван Сероскеркен, известная также как Белль ван Зейлен, о которой тот писал, что «в ней нет ничего голландского, кроме имени», представляла собой разительный контраст с дамами кружка *Muiderkring*, Анной и Марией Румер-Вис-хер, даже не знавшими французского.

В XVIII в. Северные Нидерланды стали главным издательским центром европейского Просвещения. В Соединенных провинциях большими тиражами издавались Бейль, Локк, Дэвид Юм, Монтескье, Вольтер, Руссо и Рейналь – часто ради того, чтобы избежать французской цензуры, – однако не все из этих трудов, на которых стоял голландский штамп, печатались именно здесь, поскольку часть их нелегально издавалась во Франции. Но из того, что работы философов-рационалистов широко читались и обращались в Голландской республике, вовсе не следовало, что их идеи с восторгом воспринимались «свободомыслящими» правителями-олигархами, не говоря уж о фундаменталистах-священниках. И «Общественный договор» Руссо, и «Трактат о терпимости» Вольтера были официально запрещены по требованию голландской реформатской церкви, хотя запрет этот явно не возымел должного эффекта. Куда большее

признание новые идеи нашли среди представителей верхней прослойки среднего класса, которых раздражало их отстранение от муниципальных постов, а также среди просто среднего класса, читавшего периодические издания типа «Голландского обозревателя». Многие из таких журналов, хотя и предназначенных исключительно для голландского читателя, издавались на французском. Однако эти идеи не получили достаточно широкого распространения, чтобы стать серьезной движущей силой проамериканских настроений среди многих голландцев в 1780 г., которые возникли скорее благодаря давней торговой конкуренции с Англией. После этого интеллектуальное брожение стало стремительно расти, отчасти из-за потрясения, вызванного неудачной войной (1780–1784) как это произошло^[66] стоletие спустя среди испанских интеллектуалов «поколения 1898 г.», после Американо-испанской войны. Культурное офранцуживание правителей-олигархов также могло способствовать расширению пропасти между ними и нижними сословиями, которых они от всего сердца презирали, и таким образом внесло свой вклад в бесславное крушение правящего класса в 1795 г.

Английские идеи в философии, теологии и естественных науках точно так же имели значительный успех у наиболее образованных сословий Голландской республики, во многом через издававшиеся здесь французские переводы и пространные рецензии и обзоры английских книг в периодической прессе. Ведущей фигурой распространения английского культурного влияния являлся Юстус ван Эффен (1684–1735), большой почитатель Джозефа Аддисона и Ричарда Стила, чей «Голландский обозреватель» за 1731–1735 гг. по общему признанию следовал образцу своего английского предшественника и был назван в его честь. Во второй половине XVIII столетия работы Сэмюэла Ричардсона и Лоренса Стерна стали весьма популярны у голландского читателя, и в одно время здесь даже существовали «клубы Стерна», члены которых называли друг друга по именам персонажей произведений Стерна. Однако английское литературное влияние всегда стояло на втором месте после французского. Даже такой пылкий англофил, как Юстус ван Эффен, публиковал большую часть своих работ во франкоязычных изданиях и не на своем родном языке – даже несмотря на заявленные им намерения вырвать своих образованных соотечественников из плена чрезмерного офранцуживания и способствовать развитию чисто голландского прозаического стиля.

Глава 7

Форты и фактории

В опубликованной 40 лет назад статье У.Х. Морленд, подчеркивая важность голландских источников для изучения истории Индии XVII в., отмечал: «Мы видим, что события XVII столетия привели нас из области коммерции в сферу политики. Ранние этапы этого пути представляют собой торговое судоходство, фактории, форты и начало территориальных приобретений; чтобы понять любую из этих стадий, нам следует понять все предыдущие, и так уж случилось, что и форты, и фактории стали следствием голландской предприимчивости. Чтобы осознать генезис факторий, необходимо изучить историю раннего голландского судоходства, и... форты, как и фактории, определенно имеют голландские корни».

Это неожиданный пример «клевания носом Гомера»^[67], поскольку европейские форты и фактории в Азии изначально имели португальское происхождение, во всяком случае в Африке. Их назначение в 1519 г. коротко разъяснил королеве города-порта Куилон португальский губернатор, что, дескать, король Португалии строит крепости в Индии не для того, чтобы захватывать территории, а лишь ради защиты своих купцов и товаров на побережье. Голландские *factorijen* и английские *factories*, как укрепленные, так и нет, являлись прямыми наследниками португальских *feitorias* – торговых агентств, которые были разбросаны вдоль всего африканского и азиатского побережья, начиная с построенной на островах Арген близ марокканского побережья крепости (в 1445 г.) и заканчивая основанной в Нагасаки *feitoria* (в 1570 г.). Эти португальские фактории, в свою очередь, происходили и

имели много общего со средневековыми *fondachi* – жилыми кварталами генуэзских, венецианских и других итальянских купцов в мусульманских портах Северной Африки и в гаванях Османской империи.

Для азиатских правителей и монархов неукрепленные европейские фактории в Азии – будь то португальские, голландские или английские – не являлись чем-то новым или диковинным. Ведь с незапамятных времен на многих восточных торговых опорных пунктах от Персидского залива до Южно-Китайского моря иностранные торговцы жили в отдельных кварталах, каждый из которых находился под управлением и, в некоторой мере, под юрисдикцией их собственного главы и пользовался в большей или меньшей степени тем, что в наши дни известно как экстерриториальность. Так, например, было в случае арабских торговых сообществ в Кантоне (Гуанчжоу) и Цюаньчжоу во времена Марко Поло, с тамильскими, гуджаратскими и яванскими купцами в средневековой Малакке, с индийцами, арабами и китайцами в Бантаме, когда там впервые появились голландцы. Тем не менее, хотя торговцы и чиновники этих более или менее автономных жилых районов часто наживали огромные богатства и обладали влиянием на местах, они по-прежнему полностью находились во власти правителя (или его губернаторов), которые могли забрать их дочерей в свой гарем, а после смерти иностранного купца присвоить себе его имущество и собственность. Также они порой подвергались необоснованным поборам со стороны местных высокопоставленных чиновников и злобным нападкам местных торговых конкурентов или даже черни. И хотя в большинстве стран такая система работала вполне удовлетворительно на протяжении нескольких столетий, да и сами европейцы приспособились к ней в таких могущественных империях, как Китай и Япония, где у них не было выбора, во всех других местах португальцы создали прецеденты в виде факторий и городов, укрепленных ради большей безопасности самих себя и своих товаров в действительно или потенциально опасном окружении.

Примеру португальцев очень скоро – и по тем же причинам – последовали голландцы. Они не только чувствовали себя неуверенно в азиатской среде, которую не понимали, и среди народов, на чьих языках лишь немногие из них могли изъясняться и к чьим верованиям они относились либо с уважением, либо с презрением. Помимо всего прочего, им были необходимы – или они только так считали – порты, где они сами и их товары не подвергались бы произвольному захвату и где они могли в полной безопасности снаряжать и ремонтировать свои корабли. Примерно с 1605 г. и далее голландцы вознамерились поддерживать свою монополию на пряности на Молукках, а позднее и монополию на торговлю перцем вообще везде, что само по себе требовало наличия военно-морских и сухопутных военных баз. Более того, вскоре они ощутили необходимость в «местах общего сбора» для прибывающих с родины и отбывающих обратно флотов, где они могли бы грузить и разгружать товары и где можно было бы накапливать, хранить или перегружать на другие суда грузы от межпортовой торговли в Азии. Форты, которые голландцы отобрали у португальцев на островах Пряностей, располагались слишком далеко, чтобы подходить для этой цели, и они осознавали, что их «место общего сбора» должно находиться где-то в районе Малаккского или Зондского пролива, где торговые пути сходились с муссонными ветрами. Едва не потерпев неудачу в захвате Малакки у португальцев в 1606 г., голландцы тут же положили глаз на небольшой яванский порт Джакарту. Ян Питерсзон Кун штурмом взял порт 30 мая 1619 г., причем при прямом неодобрении как султана Бантама, считавшего город своей феодальной вотчиной, так и Heeren XVII в метрополии, которые придавали особое значение тому, что «место общего сбора» должно быть приобретено путем мирных переговоров, а не силой оружия.

Кун писал о своем завоевании в ликующих и восторженных тонах, напоминая те, что более 100 лет назад использовал Афонсу д'Албукерки^[68] после завоевания Гоа и Малакки. «Все правители этих мест отлично понимают, что

означает основание нами колонии в Джакарте и что за этим может последовать, – точно так же, как самые мудрые и дальновидные политики в Европе». И они это осознали. Именно

по этой причине старый правитель Чиребона назвал крепость и укрепленный город Батавию, которые были возведены голландцами на развалинах Джакарты, Новой Малаккой. Не только султан Бантама, но все остальные правители Явы до этого отказывали голландцам в разрешении на постройку в любых из своих портов каменных крепостей или укрепленных факторий из опасений, что нидерландцы могут последовать примеру португальцев, постепенно поглощая окружающую их укрепленные города территорию. И их опасения полностью оправдались. В течение года после захвата Джакарты Кун предъявил претензии на «королевство» с тем же названием, чьи границы он определил, пренебрегая исторической справедливостью и существующим положением: Бантам на западе, Чиребон на востоке, острова в открытом море на севере и Индийский океан на юге. Эти претензии долгое время оставались лишь на бумаге, поскольку горная местность на западе Явы (высоты около 3 тысяч метров и более, много вулканических конусов, густая растительность) стала действительно управляемой только в XVIII в., однако в глазах азиатских правителей и просто населения оккупация Джакарты ставила голландцев в Индонезии в положение сопоставимое с позицией португальцев в Гоа. Как писал королю после завоевания Гоа сам Албукерки: «Народ Индии теперь осознает, что мы пришли на эту землю навсегда, поскольку он видит, что мы сажаем деревья, строим дома из камня и известняка, растим сыновей и дочерей».

Примечательно, что сам Кун вполне осознанно создавал империю – подобно Албукерки и в XVI в. Дюплексу^[69] и Клайву^[70], – в отличие от своих хозяев Heeren XVII, хоть те впоследствии и одобрили захват Джакарты, – а многие из его преемников не имели ни малейших намерений превращать Голландскую Ост-Индскую компанию из чисто коммерческой структуры в территориальное образование. Однако такое преобразование, рано или поздно, было неизбежно. Голландцы оказались втянутыми в яванские политические дела в то самое время, когда государство Матарам стремилось обрести гегемонию не только над Явой, но и добиться признания своего верховенства над всем Индонезийским архипелагом, как на это претендовало несколько столетий назад индуистское государство Маджапахит (распавшееся в середине XVI в.). Более того, как мы уже видели, что, хотя Heeren XVII в Амстердаме и Мидделбурге запоздало и неохотно одобряли – если одобряли вообще – любое вмешательство в чисто внутренние яванские дела своего губернатора в Батавии Куна (как Рейклофа ван Гунса и Корнелиса Спелмана после него), последние были вполне готовы поставить директоров перед свершившимся фактом.

Одной из причин, почему голландцы долгое время не предпринимали усилий следовать «аннексии на бумаге» всего «королевства» Джакарта и расширить свое правление вглубь острова, являлось то, что государство Матарам значительно превосходило их по внутренней мощи и сплоченности. Это аграрное королевство, добившееся к 1645 г. главенства над восточной и центральной частями Явы, имело для компании важное значение как источник поступления риса, потребителями которого являлись Батавия и Молукки. В Матараме, как и в других яванских султанатах, общество можно было разделить на четыре категории. Самым многочисленным было возделывавшее землю темнокожее крестьянство, с которым более светлокочая аристократия и чиновничество обращались крайне высокомерно, хотя и жили за счет плодов их труда. Аристократия являлась довольно многочисленной и варьировалась, как обычно, от младших чиновников до принцев крови, с общепринятым многоженством. Помимо крестьянства и аристократии имелись мусульманские духовные лидеры, писцы, ученые и праведники, которых у голландцев было принято клеймить как *rapen ende ander gespuys* – «папистов и прочих ничтожеств». Они были рассеяны по всему острову, где прилагали все усилия для удержания в исламе все еще не слишком глубоко исламизированные массы населения. Четвертый класс или группу яванского общества составляли купцы, ремесленники и мастеровые, о которых у нас крайне скудная информация, но которых должно было иметься во множестве в портовых городах и значительно меньше в селениях аграрных районов.

Карта 5.

Остров Ява и государство Матарам около 1650 г.

Государство Матарам было восточной деспотией традиционного типа, где султан, или, как его обычно величали, сусухунан, был абсолютным монархом – и в теории, и на практике. Его не интересовали ни торговля, ни коммерция, ни экономическое благосостояние своих подданных, а только поддержание собственного положения в королевстве и обладание признанием его главенства над другими регионами Индонезии. Крестьянство жило за счет продуктов земледелия, а аристократия за счет налогов на натуральное производство и принудительного труда низшего класса. Точно так же доход монарха состоял из налогообложения натурального производства и трудовой повинности, к чему добавлялись поступления от постов сбора пошлины, устроенных на дорогах и речных переправах, а также дани в виде подношений от иностранных представителей. В Матараме не чеканили монету, и экономика почти полностью основывалась на натуральном обмене. Имевшиеся в обороте деньги (в основном медные китайские монеты и испанские реалы) использовались для приобретения оружия, драгоценностей и наиболее дорогих иностранных товаров, таких как индийские ткани и китайский фарфор. Когда Рейклоф ван Гуне, между 1648 и 1654 гг. четырежды побывавший представителем при дворе сусухунана, как-то предложил его величеству, чтобы тот поощрял заморскую торговлю своих вассалов в прибрежных районах, дабы те могли разбогатеть и платить более высокие налоги, Амангkurat I ответил: «Мой народ, в отличие от вашего, не имеет ничего, что он мог бы назвать своим, но все, что у него есть, принадлежит мне; и если бы я не правил им твердой рукой, я не продержался бы на престоле и дня».

Будучи абсолютным монархом, сусухунан обычно осуществлял свою власть через небольшое число высокопоставленных чиновников различной степени влиятельности; на передний план выдвигалась то одна, то другая группа – в зависимости от личных качеств или прихоти правителя. Изначально наиболее важные области королевства находились под управлением ближайших родственников королевской семьи, однако в последние годы правления Амангkurat I превратился в полубезумного тирана наподобие Ивана IV Грозного и систематически истреблял старую аристократию. Он заменял ее чиновниками, часто меняя их на своих постах, дабы предотвратить непрекращающиеся заговоры против себя. Дважды в неделю он выходил на публику во дворе своего кратона – дворца, где с большой помпой и

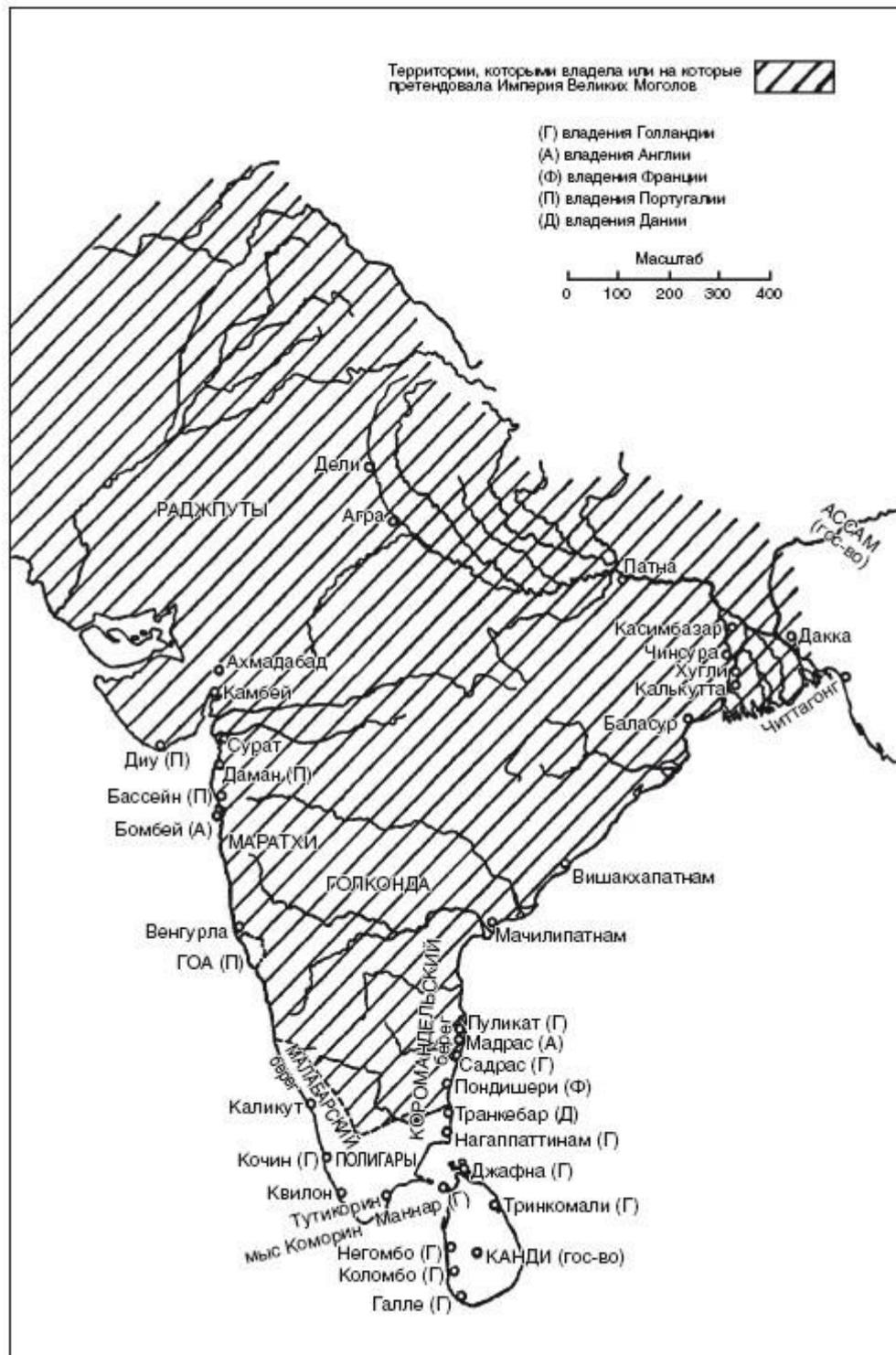
торжественностью вершил правосудие, приказывая казнить на месте любого, навлекшего на себя его гнев. Военная служба в Матараме осуществлялась на ленной основе, а армия почти полностью состояла из трудоспособных селян, которые призывались для проведения какой-либо экспедиции, хотя еще имелась и постоянная королевская гвардия, квартировавшая во дворце. В 1656 г. Рейклоф ван Гуне утверждал, что у сусухунана, согласно региональным спискам личного состава, насчитывалось около миллиона солдат. Что определенно сильно преувеличено, хотя армия Матарамы XVII в. была больше, чем любая из европейских армий, сражавшихся в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. Основным оружием были копья, пики, мечи и крисы – национальные кинжалы с характерной асимметричной формой клинка, и, хотя у яванцев имелось несколько пушек и ручное огнестрельное оружие, они не умели с ним как следует обращаться.

Султан Агунг ко времени своей смерти в 1645 г. распространил гегемонию Матарамы на всю Яву, за исключением прибрежной зоны Батавии и султаната Бантам на западе острова. Естественно, могущество Матарамы потрясло относительно немногих голландских посланников, наносивших визиты во дворец, или тех голландцев, которых держали там в качестве пленников между 1631 и 1651 гг.; однако семена распада были присущи характеру этой мусульманской державы – как и ее индуистской предшественницы, Маджапахита. Система коммуникаций была отвратительной, дорог невероятно мало, да и те становились непригодными в сезон дождей. Все реки центральной части Матарамы текли на юг и впадали в Индийский океан, где в то время не существовало гаваней и где лишь изредка плавали хрупкие проа – парусные суда с аутригером – балансиром на наветренном борту. На реках, текущих на север и впадавших в Яванское море, осуществлялись активные водные перевозки, но по большей части они были доступны только в определенное время года, и даже тогда небольшому судну могло потребоваться столько же недель, чтобы идти вверх по течению, сколько дней для спуска вниз. Основные регионы оставались изолированными друг от друга горными хребтами, и до XIX в. не имелось никаких технических средств для преодоления этих естественных преград. Прибрежные султанаты на севере и на востоке, завоеванные Матарамой в 1613–1645 гг., оказались сильно опустошенными войной, а их жители были явно или потенциально настроены против властей. И наконец, несмотря на готовность сусухунана казнить, изгонять или смещать местных правителей, которых он подозревал в измене, те из них, кто находился в удаленных районах, упорно пытались вернуть независимость. Как заметил в 1680 г. Рейклоф ван Гуне: «Яванские правители, особенно те, что находятся далеко или в горных районах, похоже, хотят быть независимыми правителями, и каждый из них притворяется, будто может вести борьбу и обойтись собственными силами».

Попытка Амангкурата I предотвратить неизбежный процесс распада при помощи политики «устрашения», примененной ко всем без разбора принцам крови, к земельной аристократии и правительственным чиновникам, только усугубила недовольство его правлением. Когда правитель острова Мадуря по имени Трунаджайя поднял знамя восстания против сусухунана, он получил широкую поддержку. Аманг-курата был вынужден бежать из своего дворца и умер по дороге к побережью, после того как в 1677 г. обратился к Голландской Ост-Индской компании с призывом выступить на его стороне. Благодаря массивной интервенции Спелмана и ван Гунса, после жестоких боев и несмотря на серьезное сопротивление, голландцы восстановили последнего наследника сусухунана на троне Матарамы. Однако они потребовали высокую цену за свою военную поддержку – в территориальных уступках и торговых привилегиях, – и в дальнейшем взаимоотношения голландцев и Матарамы строились на совершенно другой основе. И если в период с 1646 по 1677 г. голландцы признавали притязание сусухунана на главенство над Явой до такой степени, что отправляли в его дворец посольства с грузом ценных подношений – подобно тому, как это было с японскими сёгунами династии Токугава в Эдо (Токио), – то начиная с 1677 г. сусухунан обращался к генерал-губернатору в Батавии не иначе как «покровитель», «отец», а порой даже «дедушка». Более того, голландская интервенция 1677 г. только

отсрочила распад державшегося на честном слове государства Матарам. Соперничество всевозможных претендентов на трон и мятежи вассалов против ослабевшей центральной власти в XVIII в. привели к возобновлению споров о престолонаследии, что завершилось в 1755 г. разделением королевства и созданием двух государств (княжеств), Суракарты и Джокьякарты. К тому времени компания расширила свое господство на весь остров и поставила все яванские султанаты в положение подчиненных, то есть вассальных гособразований.

Следует особо отметить, что, хотя Голландская Ост-Индская компания стала территориальной державой на Яве, Цейлоне и Молуккских островах, она всегда оставалась чужеродным телом где-то на периферии азиатского общества, даже в тех регионах, где осуществляла прямое управление. Что, разумеется, проявлялось еще ярче в таких странах, как Китай и Япония, где у голландцев имелись всего лишь торговые агентства, и даже в Южной Индии, где они одно время обладали юрисдикцией над некоторыми районами и населением в непосредственной близости от своих фортов и факторий. Азиатские общества, будь то индонезийское, японское, иранское (персидское) или малайское, в XVII и XVIII вв. не имели желания изменяться под воздействием контактов с европейцами; они желали сохранять свои традиционные неизменные формы. Разумеется, некоторые изменения, произошедшие под европейским давлением или влиянием, все же имели место – такие, как обращение большинства жителей Филиппин в христианство после завоевания островов испанцами. Однако основные социальные, экономические и религиозные факторы, определявшие структуру азиатского общества, оставались неизменными до XIX, а во многих случаях и до XX в., когда одна за другой дали о себе знать отзвуки промышленной, Французской и русской революций.

Карта 6.

Империя Великих Моголов и европейские форты и фактории в Индии и на о. Цейлон (Шри-Ланка) около 1700 г.

Если структура азиатского общества под воздействием деятельности Голландской Ост-Индской компании и ее европейских конкурентов в основе своей не изменилась, столкновение с европейским торговым капитализмом и мореплаванием в открытых морях в XVII в. в некоторых случаях изменило модель азиатской торговли и промышленности. Португальцы открыли и использовали морской путь из Европы вокруг мыса Доброй Надежды, однако, достигнув юго-востока Африки, они последовали давно проторенными

муссонными маршрутами вдоль побережья, проложенными их мусульманскими предшественниками из порта Софала в Кантон. Регулярные тихоокеанские рейсы испанских манильских галеонов между Мексикой и Филиппинами, введенные в действие в 1654–1655 гг., были чем-то совершенно новым, и они привели к обмену американского серебра на китайский шелк (и чай, а также фарфор), на период времени почти 300 лет. Жесткое поддержание голландцами монополии на торговлю пряностями на Молукках, ставшей к концу XVII в. свершившимся фактом, явилось нововведением, которое отрицательно сказалось на жителях этих островов и морских сообществ Индонезии в целом. Точно так же было подорвано благосостояние яванских прибрежных государств после завоевания их Матарамом, поскольку аграрный султанат после поражения, нанесенного в 1641 г. голландцами его союзнику, португальской Малакке, не был склонен поощрять заморскую торговлю. И хотя яванцы некогда совершали плавания до самого Мадагаскара, который они в Средние века частично колонизировали, а их флот в XVI столетии время от времени серьезно угрожал Малакке, к 1700 г. яванская морская мощь осталась в прошлом. И уже в 1677 г. Спелман отметил, что «яванцы Восточного Матарама, помимо своего великого невежества в морском деле, теперь полностью лишены собственных судов, даже для самых необходимых целей». В этот же период Бантам добился значительных успехов в создании собственного океанского торгового флота, однако голландское завоевание этого султаната в 1682–1684 гг. положило конец его развитию.

За пределами индонезийских вод голландцы не смогли установить монополию на морскую торговлю ни в одном из регионов, они даже не предпринимали серьезных попыток для этого после провала политики «устрашения» Куна против китайских джонок, торговавших с Испанской Манилой. Время от времени голландцы пытались оказать давление на индийских правителей, с которыми у них возникали торговые разногласия, путем захвата их судов или через другие способы вмешательства в индийскую морскую торговлю, как это делали португальцы в XVI в. Подобные усилия приносили лишь кратковременный успех, поскольку у голландцев не имелось в Индии сильной базы, наподобие той, которой владели португальцы в Гоа. Голландские фактории на Малабарском и Коромандельском берегах, как укрепленные, так и нет, были подвержены риску ответных мер могущественных индийских правителей, чьи столицы в глубине материка находились вне досягаемости голландских военно-морских сил, как султанаты на побережье Индонезии. Лишь на Цейлоне их политика блокады побережья принесла серьезный успех, поскольку голландцам удалось отрезать государство Канди в центральной горной части острова от моря. На Коромандельском берегу приток голландского капитала с целью приобретения тканей, необходимых для Индонезии, на самом деле стимулировал некоторых из наиболее богатых индийских купцов (и занимавшихся коммерцией чиновников) самим участвовать в заморской торговле. Торговый флот индийских государств, который около 1600 г. ограничивался Бенгальским заливом и полуостровом Малакка, к концу XVII в. расширил поле своей деятельности до Явы, Борнео (Калимантана), Сулавеси (Целебеса) и Филиппин. Также мощным стимулом для производства индийских тканей послужило соперничество голландцев с англичанами, и теперь у индийских мануфактурных изделий появился рынок сбыта не только в Азии и Восточной Африке, но и в Западной Африке, в Европе и даже в Америке. Тем не менее увеличившиеся объемы производства не повлекли за собой сколь-нибудь значительных изменений в технике изготовления.

Одним новшеством, введенным голландцами в плавание по Индийскому океану, стало использование их выходящими в рейс восточными «индийцами» маршрута по ревушим сороковым^[71]. Этот путь в океане обнаружил в 1611 г. Хендрик Браувер, и шесть лет спустя его официально утвердили Нееген XVII. Пройдя (или оставив) мыс Доброй Надежды, «индийцы» брали курс на восток, между 36 и 42° южной широты, пока не достигали зоны юго-восточных пассатов, где они брали курс на север, к Зондскому проливу. Как только голландские позиции на Востоке упрочились благодаря захвату Джакарты и превращения ее в перевалочную базу и главную штаб-квартиру под названием Батавия, отправляющиеся в

плавание суда обычно выходили из портов метрополии тремя следовавшими друг за другом флотами. *Kermis* – «ярмарочный» флот отплывал в сентябре; «рождественский» – в декабре или январе; и «пасхальный» – в апреле или мае. Из этих трех флотов наиболее важным считался «ярмарочный», поскольку он достигал Батавии в марте или апреле, в самое подходящее время для перегрузки товаров, предназначенных для наиболее ценных азиатских рынков – Китая, Японии, регионов Бенгальского и Персидского заливов, – не дожидаясь следующего сезона юго-западных муссонов. Возвращавшиеся домой «индийцы» обычно оставляли Батавию двумя флотами. Первый миновал Зондский пролив примерно в конце года, а второй следовал за ним пару месяцев спустя, когда с северо-восточным муссоном прибывали грузы из Бенгальского залива, Китая и Японии. После 1652 г. отплывающие и возвращающиеся домой суда обычно заходили в район мыса Доброй Надежды в Капштадт. Длительность плавания в обоих направлениях составляла где-то от пяти с половиной до семи месяцев, более длительные путешествия были отнюдь не редкостью, а более короткие случались крайне редко.

Николас де Графф, описывая грандиозный взлет могущества и богатства Голландской Ост-Индской компании, повествует нам, что наиболее прибыльными и популярными как среди моряков, так и у торговцев считались рейсы из Батавии в Японию, Китай, Бенгалию, Коромандельский берег и Сурат. В этих излюбленных регионах надолго хватало совсем небольших денег, потому что там всего имелось в изобилии и стоило это дешево, а контрабанда или «частная» торговля цвела буйным цветом. Что резко контрастировало с Молукками, где прибыль от торговли специями принадлежала исключительно компании, а продовольствия не хватало и стоило оно дорого. В фортах и факториях на Молукках был высокий уровень смертности, и постепенно служба в них становилась все менее популярной. Тем более что власти определенно предпочитали оставлять тех, кто уже акклиматизировался, чем заменять их вновь прибывшими, которые, вполне возможно, могли вскоре умереть.

Как мы видели, компании лишь ценой больших усилий удавалось удерживать монополию на Молукках и Цейлоне, а во всех остальных местах ей приходилось считаться с европейской и/или азиатской конкуренцией. Например, даже после захвата у португальцев основных поставляющих перец регионов Малабарского берега в 1661–1663 гг. и после подчинения торговавшего перцем султаната Бантам в 1684 г. голландцы по-прежнему сталкивались с сильной английской конкуренцией на западном побережье Индии и на Суматре. Планам по монополизации рынка перца в Европе, периодически вырабатывавшимся *Heeren XVII*, не суждено было претвориться в жизнь; и в 1736 г. *EIC* вывезла в Лондон столько же перца, сколько *VOC* в Батавии получала со всего Малайско-Индонезийского архипелага. Весь XVII в. китайские торговцы точно так же проявляли крайнюю активность в торговле перцем на Суматре, и именно китайские «контрабандисты» не позволили голландцам добиться монополии на торговлю перцем на острове Борнео (Калимантан) в 1730-х гг.

Хотя *Heeren XVII* неизменно старались купить подешевле и продать подороже где и когда только могли, такое не всегда оказывалось возможным или желательным, даже при их монополии на пряности Молуккских островов. Как писал в Батавию в 1673 г. совет директоров, гвоздика «использовалась (раньше) компанией вместо денег для выплаты ежегодных дивидендов, что повлекло за собой снижение цен на нее, однако в связи с этим вырос и спрос, а использование гвоздики распространилось по всей Европе». Четырьмя годами позже *Heeren XVII* смогли зафиксировать продажную цену на гвоздику в 75 стюверов за фунт, а с начала XVIII в. на том же уровне была зафиксирована цена и на мускатный орех. Директора имели возможность удерживать эти цены вплоть до 1744 г., и хотя цены время от времени слегка менялись, компании удалось поддерживать действительную монополию на пряности с Молуккских островов до самого кануна собственной ликвидации. Когда в 1735 г. склады в Нидерландах оказались переполненными, было уничтожено 1 миллион 250 тысяч фунтов излишков мускатного ореха – точно так же, как двумя столетиями позже в Бразилии жгли излишки кофе.

Голландская Ост-Индская компания, как и ее английская соперница, создавалась преимущественно для торговли перцем и пряностями, и эти два наименования товаров в первой половине XVII в., безусловно, составляли наиболее ценную часть отправляемых домой грузов. Однако к 1700 г. европейский спрос на индийский текстиль и отрезы хлопчатобумажной ткани, как и на китайский, бенгальский и персидский шелк и изделия из него, привел к тому, что эти товары взяли приоритет над перцем и пряностями, как в закупках, так и в продаже. XVIII в. стал свидетелем феноменального взлета торговли чаем и кофе, и эти стимуляторы стали более важной группой товаров, чем текстильные изделия, тогда как относительная стоимость перца и пряностей падала все ниже. Neeren XVII занялись торговлей китайским чаем довольно поздно, и их претензии на доминирование в этой отрасли торговли путем установления прямого сообщения между Нидерландами и Кантоном в 1729–1734 гг. не увенчались успехом. После чего они вернулись к своей прежней практике перевозки чая через Батавию, однако VOC еще довольно долго удерживали свои позиции в качестве компании-перевозчика для англичан. Широкомасштабное возделывание кофе и сахара на Яве в XVIII столетии приобретало все большее значение. В 1721 г. 90 процентов кофе, импортировавшегося УОС в Европу, все еще поступало из порта Мохэ (Мохэ)^[72] в Йемене, и только 10 процентов с Явы; однако пять лет спустя это соотношение сменилось на прямо противоположное. К 1780 г. яванские сахар и кофе стали для Голландской Ост-Индской компании почти столь же важны, как и для Королевства Нидерланды в следующем столетии, во времена «культуривационной системы»^[73] ван ден Босха^[74].

Требования европейского рынка должны были быть сбалансированы с требованиями международной торговли в Азии, что естественным образом вызывало значительные колебания спроса и предложения. По самым грубым подсчетам, около двух третей грузов пряностей доставлялось в Европу, а треть поставлялось на рынок восточнее Суэца, где Сурат долгое время служил самой важной факторией по продаже гвоздики. Мечте Куна о финансировании всей экспортной торговли компании с Европой за счет прибыли от его предполагаемой монополии на международную торговлю в Азии не суждено было осуществиться, однако Neeren XVII всегда старались завладеть столькими слитками золота или серебра из азиатских стран, сколькими только могли, чтобы тем самым снизить ввоз драгоценных металлов из Европы. Вплоть до 1668 г. ввоз серебра из Японии давал голландцам значительное преимущество над их английскими конкурентами, поскольку они не в такой степени зависели от поставок европейского и испано-американского серебра, как последние. Когда японское правительство в тот год запретило экспорт серебра, VOC переключила свое внимание на японское золото, от которого можно было с прибылью избавиться на Коромандельском берегу. Бум японского золота продлился недолго, его в 1670 г. сменила медь, как «невеста, ради которой мы пляшем», согласно метафоре генерал-губернатора ван Имгофа от 1745 г. Почти целое столетие японская медь продолжала быть основой торговли между Батавией и Нагасаки, пока после 1770 г. не стала проникать на азиатский рынок во все больших объемах шведская медь.

Neeren XVII время от времени строили всевозможные неосуществимые планы захвата монополии на китайский и иранский (персидский) шелк, однако им никогда не удавалось даже скупка товара по спекулятивным ценам. В 1636 г. на сцену вышел третий великий производящий шелк регион, Бенгалия, и к концу столетия бенгальская торговля шелком превзошла китайскую и иранскую. Английская конкуренция в этом регионе становилась для VOC все более опасной, и к 1740 г. англичане в Бенгалии оставили своих соперников далеко позади. То же самое произошло и с индийской торговлей текстилем на Коромандельском берегу. Торговля хлопчатобумажной тканью из этого региона и из Гуджарата справедливо описывалась в 1612 г., как «левая рука» торговых операций Голландской компании на Молукках, тогда как ее «правой рукой» являлась торговля пряностями. Помимо продаж в Европе, различные сорта индийских тканей, от грубого «рубашка», предназначенного для негров-рабов, до тончайших «изысканных тканей для изысканных дам» легко продавались в

большей части муссонной Азии и на побережье тропической Африки. Таким образом, они оказались столь же важны для развития азиатской межпортовой торговли, как золото и серебро, и голландцы с англичанами, как и их португальские предшественники, стремились завладеть ими. VOC взяла хороший старт и опередила ЕIC на Коромандельском берегу, однако ее положение серьезно пошатнулось из-за междоусобных войн в самой Голконде и вокруг нее в последнем десятилетии XVII в., в тот период, когда англичане превзошли голландцев в объемах капитальных ресурсов. «Левая рука» VOC ослабла, и к 1740 г. здесь, как и повсюду в Индии, прежнее коммерческое превосходство Голландской компании перешло к англичанам.

Разумеется, помимо перца, пряностей, текстиля, чая, кофе и фарфора имелось много других азиатских товаров, которыми занималась Голландская Ост-Индская компания. Индиго и селитра из Индии, лакированные изделия из Японии, слоны с Цейлона, рабы из Аракана, Бутана и Бали – вот лишь некоторые из тех, что можно было бы упомянуть. Объем книги не позволяет нам рассмотреть все сферы торговой деятельности компании, однако есть один аспект, который зачастую остается недостаточно освещенным, – это вездесущность так называемой частной торговли, существовавшей параллельно с законной деятельностью компании. Директора не могли или попросту не выплачивали подавляющему большинству своих служащих достойное жалование. Более того, приличная часть их скудного жалования оставалась в отделениях компании в метрополии до истечения срока контракта служащего в тропиках – отчасти как мера предосторожности от дезертирства. Начиная с 1658 г. и далее Heeren XVII при итоговом расчете со своими людьми еще и манипулировали обменным курсом, причем не в пользу служащих, рассчитывая риксдалер (который стоил в Нидерландах 60 стюверов) по 64 стювера. Фактически никто не мог прожить на свое официальное жалование, не говоря уж о накоплениях к возможной отставке, а до 1753 г. пенсию можно было заслужить только при исключительных обстоятельствах. В результате все, от генерал-губернатора до юнги, приторговывали на стороне, и всем это было известно.

Следуя примеру своих португальских предшественников, Heeren XVII разрешали каждому привозить в своем рундуке домой небольшое количество недорогих восточных товаров, однако такой привилегией постоянно и с легкостью злоупотребляли. Сетования по поводу повсеместной распространенности частной торговли начались с августа 1603 г., когда компании исполнилось чуть больше года. Шестью годами позже директора с горечью отмечали, что «старшие и младшие торговцы, шкиперы, офицеры, рядовые и прочие сотрудники компании» покупали и привозили или отправляли домой «лучший тончайший фарфор, лакированные изделия и прочие индийские редкости, нарушая этим принятую ими присягу». Подобные жалобы неизменно повторяются в официальной корреспонденции компании до самых последних дней ее существования. Директора время от времени пересматривали качество и количество беспошлинных (или частично беспошлинных) товаров, которые можно было взять домой в рундуках, однако наиболее ценные всегда оставляли исключительно за компанией. Как писал Дэвид Хенни об аналогичном положении в Британской Ост-Индской компании: «Что вышло из этих вопиющих мер, можно было предвидеть, даже обладая интеллектом кролика средних размеров». Люди, рисквавшие своей жизнью в тропиках за ничтожное жалование, не собирались довольствоваться «ловлей мух» или «жеванием соломы», а имели намерение как можно быстрее разбогатеть. Их начальники на Востоке обычно не проявляли желания разоблачать своих подчиненных, поскольку и сами практически всегда были еще глубже вовлечены в это дело.

Возможностей для мошенничества и растрат было великое множество. Помимо прямого взяточничества и «посредничества» – и то и другое имело широкое распространение, – на отдаленных факториях учетные записи компании можно было относительно легко «подогнать». Закупавшиеся товары могли приходиться по фиктивным завышенным ценам, краденые или поврежденные сильно переоцениваться; расходы на проживание и поездки раздуваться, как современные счета на расходы; строительные материалы и жалование рабочим могли рассчитываться по более высоким ставкам, чем оплачиваться на самом деле.

Некоторые служащие VOC ссужали деньги китайским и другим азиатским купцам под проценты, даже если это означало, что цены на перец (к примеру) могли взлететь в результате конкурентных торгов и на открытых торгах компании пришлось бы платить за него больше. Другие служащие торговали от имени азиатских купцов или в сотрудничестве с ними, хотя и то и другое было строго запрещено. Уже в 1652 г. VOC запретила своим работникам отправлять свои личные накопления в Европу посредством векселей EIC, однако служащие обеих компаний продолжали пользоваться услугами конкурентов для перевода добытых нечестным путем средств. Эта практика вызвала во второй половине XVIII в. серьезный скандал. Иоганн Росс, агент Голландской компании в Бенгалии, нажил не менее полумиллиона рупий на комиссионных за денежные средства, которые служащие английской «Компании Джонов» тайно переправляли в Англию через голландскую «Компанию Янов» и банкирские дома Амстердама.

Из частной торговли, процветавшей среди европейцев на Востоке со времен Васко да Гамы и до начала XIX в., не делалось особой тайны. Множество служащих VOC, опубликовавших после возвращения в Европу свои воспоминания, объясняли, как и когда они обманывали (или подкупали) фискальных чиновников компании в Батавии или как провозили в рундуках контрабандные товары через местные «Дома Индии» в Нидерландах под самым носом досматривавших их чиновников. Справедливости ради следует отметить, что Heeren XVII, хоть и порицавшие в самых жестких терминах частную торговлю и постоянно издававшие направленные против нее приказы, часто закрывали глаза на происходящее. Отношение контролирующих чиновников также сильно колебалось – в соответствии с их характером и настроением в данный момент, «бывших более строгими и неумолимыми в одно время, чем в другое», как отметил в своем конфиденциальном «Описании» поверенный в делах компании Питер ван Дам. Также он сообщает нам, что директора время от времени рассматривали вопрос о том, нельзя ли избавиться от язвы частной торговли, выплачивая своим сотрудникам более высокое жалованье и настаивая на более строгом соблюдении их постоянных приказов-инструкций. Но, добавляет ван Дам, они неизбежно приходили к заключению, что даже более высокое жалованье «не уменьшит алчность их служащих, как и не побудит их к лучшему выполнению своих обязанностей».

Время от времени Heeren XVII в метрополии или высшие органы власти в Батавии подвергали наиболее зарвавшихся наказаниям за нарушения правил компании, направленных против частной торговли, однако такие проявления рвения неизменно длились довольно недолго. Япония и Бенгалия являлись регионами, где извлекалась самая большая незаконная прибыль и где разражались самые печально известные скандалы. Поскольку ни одна из этих стран не контролировалась компанией, там было еще сложнее уследить за контрабандой и хищением средств служащими VOC, особенно потому, что их деятельность часто касалась связей или сотрудничества с местными должностными лицами, переводчиками и торговцами. Суда, загруженные в Батавии для отправки в Японию, порой так «заполнялись» частными товарами, что невозможно было погрузить на борт все собственные грузы компании. Хендрик Кансиус, глава фактории на Дэдзими в 1681–1682 гг., по возвращении в Батавию, хвастал, что в то время в Японии частная торговля превышала торговые операции компании. По прошествии нескольких лет случился грандиозный скандал, когда японские власти приняли суровые меры против контрабандной торговли в Нагасаки, казнив 38 своих соотечественников и депортировав в Батавию главу представительства компании Андреаса Клейера, запретив тому под страхом смерти возвращаться в Японию. Аналогичное происшествие имело место в том же году в Бенгалии, где проверяющий старший интендант ван Редде тот Дракетейн с позором отстранил от должности главу фактории Хугли в Западной Бенгалии и нескольких его подчиненных за ведение частной торговли и расхищение средств компании. Излюбленным товаром частной торговли в Бенгалии являлся опиум, поскольку здесь его можно было купить по 70–75 рупий за фунт, а в Батавии продать по 220–225. В 1722 г. генерал-губернатор Звардекроон казнил в Батавии за контрабанду 26 человек, включая 11 европейцев – владельцев складов, а в 1731 г.

Heeren XVII с позором отозвали генерал-губернатора и ряд высших чиновников, которые глубоко погрязли в организованной контрабанде. Однако предание гласности этих и других скандалов не имело долгосрочного эффекта, и контрабандная торговля продолжала процветать по всей системе фортов и факторий компании.

Николас де Графф и другие, кто мог с авторитетом высказаться на эту тему, утверждали, что священники, как обычные, так и внештатные, точно так же часто обманывали компанию. Часть этих обвинений можно сбросить со счетов, как имеющие привкус антиклерикализма, но, когда должным образом отсеять все злостные наветы, становится очевидным, что в духовной ветви иерархии компании точно так же, как и во всех остальных, процветала частная торговля. Среди самых злостных нарушителей были даже ответственные за ее искоренение представители власти – от фискальных чиновников-европейцев в Батавии до азиатских пеонов-полицейских из экипажей сторожевых судов, наблюдавших за погрузкой и разгрузкой корабельных грузов. Почти всех этих людей можно было безнаказанно подкупить, и рассказ Николааса де Граффа о том, как японские золотые монеты попадали в руки фискальных чиновников Батавии – не в качестве взятки, а сувенира на память, – удивительно сильно напоминает описанный Франциско де Соузой Коутиньо способ подкупа в Голландии: «Прошу прощения за беспокойство, сэр. Мне прекрасно известно, что Вы не из тех людей, кто принимает подарки; а это всего лишь небольшая памятная безделушка для супруги и детей Вашего превосходительства».

Частная торговля и злоупотребление служебным положением, ставшие неизбежными спутницами деятельности VOC, признаны одними из главных причин краха компании в конце XVIII в., когда циники расшифровали ее аббревиатуру как *Vergaan Onder Corruptie* – «рухнувшая из-за коррупции». Доподлинно неизвестно, сколько потерь понесла из-за этого компания, но ее поздние историки склонны считать, что несоответствие требованиям европейского рынка, изменившиеся условия в Азии и возросшее число конкурирующих иностранных компаний в большей степени ответственны за подрыв коммерческих позиций VOC, чем взяточничество и коррупция среди ее якобы «вороватых, ленивых и некомпетентных чиновников». К утверждениям, будто стоимость контрабандных грузов на борту возвращавшихся домой голландских «индийцев» зачастую превышала стоимость грузов самой компании, определенно следует подходить с осторожностью; однако уже не далее чем в 1639 г. Heeren XVII жаловались, что лавки Соединенных провинций настолько плотно укомплектованы контрабандным товаром из Ост-Индии, что региональные отделения компании были ущемлены в продаже собственных квот импорта. Также критики VOC открыто утверждали в конце XVIII в., будто частная торговля и коррупция среди служащих компании на Востоке наносила больше урона, чем аналогичная практика, превалировавшая в ЕИС; однако это опять же трудно проверить из-за отсутствия точных оценок сумм, которыми оперировали обе компании. Также стоит отметить, что, как подчеркнул профессор Колхас, коррупция в Британской Ост-Индской компании достигла наибольших масштабов (реальных или кажущихся), возможно, только в период наибольшего процветания этой корпорации, во второй половине XVIII в.

Вряд ли нужно добавлять, что точно так же, как в Голландской Ост-Индской компании, частная торговля процветала и среди служащих Вест-Индской компании и по тем же основным причинам: мизерное ежемесячное жалованье, неопределенность жизни в тропиках, искушающие возможности легкого и быстрого обогащения нечестным путем и всеобщее убеждение, будто «южнее экватора Десяти заповедей не существует». Директора Вест-Индской компании, как и их коллеги из VOC, создавали изоциренные правила ради пресечения контрабандной торговли и угрожали их нарушителям, схваченным за руку, страшными карами, однако эти санкции на берегах Атлантического океана оказались столь же неэффективны, как и на берегах Индийского океана и Южно-Китайского и других морей. Точно так же, как в «сестринской» компании, фискальные и другие чиновники, обязанные следить за выполнением направленных против контрабанды предписаний, оказались именно

теми, кого было проще всего подкупить и «которые позволяли подкупить себя всеми доступными средствами».

Разделение обязанностей между персоналом любой отдельно взятой фактории, естественно, варьировалось в соответствии с численностью штата и значимостью конкретного места. Например, некоторые из самых маленьких агентств на Молукках управлялись одним-двумя европейцами, тогда как в укрепленных гаванях и гарнизонных городах их могло находиться несколько сотен. Подробный отчет, приведенный Дэниелом Хавартом относительно голландских факторий на Коромандельском берегу за 1680 г., можно считать вполне типичными и резюмировать следующим образом. Старший торговец или управляющий, *Opperhoofd*, имел дело с индийскими купцами, заказывал ткани, отвечал за кассу, принимал поступающие наличные средства и уполномочивал кассира делать платежи. *Tweede*, второй по старшинству, вел grossбухи, контролировал склады (*godowns*), помогал определять качество тканей и составлял накладные для их экспорта. Исходящую корреспонденцию должны были подписать оба торговца-руководителя. Третий торговец – если только таковой имелся – использовался для ведения повседневных дел и закупок товара во внутренних районах. Разные помощники, клерки и писцы выполняли свои функции под присмотром старших. Правила гражданского контроля являлись краеугольным камнем службы в обеих «индийских» компаниях. Самую главную должность неизменно занимал торговец, обычно в ранге *Oppeркоорман* – старшего торговца, причем даже в хорошо укрепленных поселениях с сильными гарнизонами, такими как, например, крепость Зеландия на Формозе (Тайване), форт Белгика на островах Банда, Пуликат на Коромандельском берегу и крепость Элмина в Гвинейском заливе.

Голландцы на Востоке в целом не являлись рьяными строителями крепостей и укреплений, как их португальские предшественники, чьи крепости они уменьшали в размерах после их захвата, с целью экономии на гарнизоне и артиллерии, необходимых для защиты их стен. Так голландцы поступили, например, с Кочином и Коломбо, хотя они построили несколько внушительных укрепленных поселений на Формозе (Тайване) и островах Банда, чьими развалинами можно было любоваться еще 60–70 лет назад. Наиболее дорогостоящей – и, как оказалось, наиболее бесполезной – из их крепостей оказалась Наарден в Негапатаме (Коромандельский берег), которая обошлась компании примерно в миллион гульденов и которую прозвали «крепостью со стенами из золота». Более самобытными, чем голландские форты и крепости, были образцы архитектуры Нидерландов у Северного моря, которые они оставили во многих местах своих поселений в тропиках. Самыми выдающимися тому примерами стали Батавия и Ресифи, однако голландцы рыли каналы и прокладывали усаженные деревьями улицы перед своими домами с остроконечными крышами также и во многих других местах. «Сам город, – писал в 1693 г. Дэниел Хаварт о фактории в Пуликате, – весьма приятен. В нем много улиц, включая несколько с домами, полностью построенными на голландский манер и с тремя рядами деревьев перед ними, где не живет никто, кроме голландцев; здесь можно с удовольствием прогуливаться хоть днем, хоть вечером».

В тропиках торговля по своей природе являлась в основном сезонной, особенно в Азии, где морские перевозки осуществлялись маршрутами, проложенными 100 лет назад с учетом переменных муссонных ветров. А это означало, что в торговый сезон на большинстве факторий должна была кипеть бурная деятельность, но, как только суда были нагружены и отправлены, до наступления следующего сезона особых дел здесь не оставалось. Естественно, торговцы совсем не обязательно бездельничали во время так называемого мертвого сезона, или межсезонья. Им нужно было при первой же возможности избавиться от нераспроданного товара, и они старались, насколько это было возможно, подготовить к следующему прибытию сезонных судов товары, отправляемые на экспорт. В таком оживленном промежуточном порту, как Батавия, с 1620 по 1740 г. рабочие часы длились с 6 до 11 утра и с 13 до 18 дня. Тогда же рабочее время для старшего персонала установили с 7 до 11 утра и с 14 до 17 дня, хотя многие служащие, несмотря на неоднократные

предупреждения правительства, пренебрегали присутствием на рабочих местах. Однако жизнь на отдаленных факториях и торговых пунктах, у которых после окончания торгового сезона не имелось – или почти не имелось – связи с внешним миром, можно было описать как самую унылую и самую тоскливую из всех возможных рутин. Описанный Тунбергом в ноябре 1775 г. распорядок дня на Дэдзиме после ухода голландских судов в Батавию с некоторыми вариациями применим к жизни во многих более мелких агентствах, где проживало не более дюжины европейцев.

«Европейца, обосновавшегося здесь, можно считать своего рода умершим и погребенным в этом глухом уголке мира. До него не доходят никакие новости – ничего относящегося к войне или другим бедам и несчастьям, поражающим человечество, – даже никаких слухов о внутренних или иностранных проблемах, ласкающих или режущих его слух. Живая душа обладает здесь только одной способностью – рассуждать (если, конечно, она всегда будет владеть такой способностью). Во всех остальных отношениях образ жизни европейца здесь ничем не отличается от его жизни во всех остальных частях Индии (или всей Азии), расточительной и распущенной. Тут точно так же, как в Батавии, мы каждый вечер наносим визит начальнику, предварительно прогулявшись несколько раз вверх и вниз по двум улицам. Вечера эти обычно длятся от 6 до 10 часов вечера, порой затягиваясь до 11 или 12, и представляют собой малоприятный образ жизни, годящийся разве только для тех, у кого нет иного способа проводить время, кроме как вести скучные беседы, попыхивая табачной трубкой».

20 лет спустя капитан Роберт Персиваль писал о голландцах на Цейлоне, что они начинают день с джина и табака, а заканчивают его табаком и джином. В промежутке они очень плотно ели, неспешно прогуливались, соблюдали обязательную сиесту и немного занимались делами. Да и их образ жизни в фортах на Золотом Берегу в Гвинейском заливе и в домах надсмотрщиков на плантациях Суринама в последней четверти XVIII в. мало чем отличался от этого.

Как дополнение к описанному Тунбергом унылому распорядку дня на Дэдзиме можно процитировать схожее изображение ежедневной жизни в Элмине на Золотом Берегу, сделанное голландским поэтом-сатириком Виллемом Годсхалком ван Фоккенброхом (ок. 1633–1675) и опубликованное после его смерти в *Afrikaense Thalia* – «Африканской Талии» (1682): «...Только представьте себе, что, куда ни глянь, на две мили вокруг вы не увидите ничего, кроме голых бесплодных пустошей, где не сыскать ни листка, ни побега, под которыми можно укрыться от солнца, которое стоит так пугающе высоко в зените, что в самый разгар полдня не найти и полоски тени толщиной хотя бы в палец даже вблизи самого высокого в мире здания. Более того, подумайте, нет ли у меня убедительной причины оставаться в своей келье в крепости, порой по три недели подряд, где меня можно было видеть сидящим вместе со своими двумя черными слугами, от которых валил пар и которые закатывали глаза, а их единственная работа заключалась в том, чтобы резать и измельчать табак и набивать им мою трубку. Таков ежедневный распорядок, пока пишешь или читаешь что-то забавное или развлекаешь почтенных гостей с помощью стакана спиртного, дабы обострить чувства и прогнать меланхолию... Но ничего, проявите терпение! Если здесь плохая земля, то золото очень хорошее; и только это дает мне силы переносить все то отвратное, от чего я страдаю. Потому что в мире нет ничего более бодрящего, что обладало бы таким могуществом; и в этом причина того, почему мной принято решение смиренно все переносить и, пока я нахожусь здесь, потихоньку, сколько смогу выдержать, жить дальше и на несколько лет забыть об удовольствиях мира, словно я уже умер. Ибо здесь нет никаких радостей, помимо внутренних ресурсов вашего собственного разума».

Бутылка и трубка являлись неразлучными спутниками голландцев за морями – как и в самих Соединенных провинциях. «Наша нация должна пить, или она умрет», – написал Ян Питерсзон Кун в 1620 г., и он имел в виду не воду. Ему эхом вторил Рейклоф ван Гуне, губернатор голландского Цейлона, который с сожалением заметил в 1661 г.: «Мы видим – да поможет нам Господь! – что наших людей невозможно заставить отказаться от выпивки». В

1674 г., из 340 состоявших на жалованье свободных бюргеров в Батавии 53 содержали таверны и винные магазины; другими словами, один из 6–7 мужчин, нанятых не конкретно компанией, занимался непосредственно торговлей спиртным. Heeren XVII писали в 1647 г. генерал-губернатору и его совету в Батавии, что средний голландец отдаст свое последнее пенни за кружку пива. До них дошло, будто англичане продали пива в Батавии на 14 тысяч испанских колониальных реалов, и хотя они вряд ли могли доверять подобной информации, но «если так оно и есть, то это только показывает, что наши люди не могут забыть дух Родины». В 1648 г. 170 прихожан кальвинистской церкви Нового Амстердама (на Манхэттене) описывались как «крайне невежественные в вопросах религии и весьма склонные к пьянству, предрасположенности к которому сильно содействовали имеющиеся здесь 17 пивных». В 1631 г. Ян Класзоон ван Кампен, голландский комендант острова Синт-Мартен (Сен-Мартен) в Западных Индиях, описан посетившим его англичанином как «единственный трезвый голландец» из всех, что ему встретились. Совершенно очевидно, что это яркий пример того, что называется «чья бы корова мычала», поскольку имеются неисчислимы свидетельства современников, показывающих, что англичане являлись не менее ярыми приверженцами Бахуса, чем голландцы. Дэниел Хаварт, прослуживший 13 лет в голландских факториях Коромандельского берега (в 1672–1685 гг.), с негодованием отрицал, что его соотечественники сильнее пристрастились к выпивке, чем англичане в Индии. Виллем Босман, его друг и товарищ по переписке на побережье Гвинейского залива, уверял, будто высоким моральным духом англичане в Западной Африке обязаны своему «чрезмерному употреблению» этого «отвратительного пойла» под названием пунш. Однако Босман также признавал и то, что среди голландских служащих факторий в Гвинейском заливе чрезмерное употребление алкоголя «слишком вошло в моду; и чем выше их жалованье, тем сильнее у них жажда».

Нет ничего проще, чем привести множество подобных цитат из официальной и частной переписки, а также из книг, посвященных жизни европейцев в тропиках в XVII–XVIII вв., не говоря уже о некоторых показательных статистических данных по колоссальному потреблению вина, бренди, арака (араки) и джина. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что большинство мужчин, голландцев и англичан, умерших в тропиках, погибли из-за пьянства, даже принимая во внимание серьезные потери, вызванные малярией и дизентерией. На это указывают две строки на надгробной плите XVII в. на Коромандельском берегу, которые не делают никакого принципиального различия между двумя сильно пьющими нациями:

ЗДЕСЬ ЖИЛИ И ГОЛЛАНДЦЫ, И АНГЛИЧАНЕ,
ОНИ ПИЛИ ТОДДИ^[75] ВМЕСТО ПИВА.

Еще одной особенностью жизни в тропических фортах и факториях Вест- и Ост-Индской компаний являлась чрезмерная озабоченность старших сотрудников своим официальным положением и социальным статусом. Классовое сознание голландцев было высоко развито у них на родине, и до самого последнего времени к замужним женщинам обращались не иначе, как *Mevrouw*, *Juffrouw* или *Vrouw* – в соответствии с тем, кем был ее супруг, – врачом, бакалейщиком или рабочим. Однако в заморских владениях обеих компаний в целом, а в Батавии в частности классовые различия и социальное положение доводились до гротеска, особенно во второй половине XVIII в. Официальная иерархия Голландской Ост-Индской компании была строго регламентирована и тщательно классифицирована, совсем как в Римско-католической церкви, а ранг и приоритетность являлись крайне важными для европейцев – граждан Батавии. «Каждый индивидуум здесь столь же чопорен и надменен, сколь чувствителен к любому нарушению его привилегий, словно его счастье или страдания целиком зависимы от их соблюдения», – отмечал в 1768 г. Ставоринус, и буквально чуть ли не все, кто приезжал в Батавию в конце XVIII в., оставляли похожие пренебрежительные комментарии. Одежания служащих компании (и их жен), количество карет или экипажей, которые они могли иметь, уровень полагающихся им украшений – эти и сотни других предметов личного имущества были весьма подробно регламентированы, как и длинные

списки провозглашающих тосты на официальных и частных приемах. Не менее скрупулезно был расписан порядок первоочередности на приемах, званых обедах и похоронах, что порождало острые личные ссоры и судебные тяжбы всякий раз, когда имело место реальное или воображаемое нарушение этих правил.

Если можно доверять множеству недружелюбно настроенных критиков, то именно дамы были более всего склонны настаивать на любой и каждой прерогативе, положенной их супругам в соответствии с занимаемым положением. «Довольно часто случается, – писал Ставоринус, – что две дамы равного положения, встретившись на своих экипажах, не уступят друг другу дорогу, хотя и будут вынуждены из-за этого застрять на несколько часов на улице. Незадолго до моего отъезда из Батавии такой казус случился с двумя женами священнослужителей, которые случайно встретились на своих экипажах в узком месте, и ни одна не желала уступить дорогу, перекрыв проезд всему кварталу на целый час, в течение которого они осыпали друг друга злобной бранью, используя самые оскорбительные эпитеты, немилосердно обмениваясь такими выражениями, как «шлюха» и «рабское отродье». Похоже, мать одной дамы была рабыней, а другая, как мне сказали, сильно подозревалась в том, что вполне заслуживает первого термина. Наконец они разминулись, продолжая свою перепалку до тех пор, пока не скрылись из вида, однако это происшествие стало поводом для судебной тяжбы, которая дошла до совета и продолжалась с величайшим упорством и ожесточением».

Другой чертой жизни в Батавии и, если уж на то пошло, в той или иной степени всех основных европейских поселений в тропиках являлась важность, придаваемая пышности и великолепию – в основном с целью произвести впечатление на коренные народы властью и богатством Белого Человека. Португальцы первыми приняли такую линию поведения в Золотом Гоа, где вице-король содержал двор, которому могли бы позавидовать некоторые европейские монархи.

Карта 7.

Основные голландские форты и фактории в Гвинейском заливе

Примеру португальцев сознательно следовали голландцы в Батавии, а впоследствии и англичане в Калькутте. В этой среде быстро испарились все следы кальвинистской простоты, и такой якобы благочестивый генерал-губернатор, как Петрус Албертус ван дер Парра

(1761–1775), жил в нарочито показной роскоши. Когда генерал-губернатор выезжал в своей карете, его сопровождал эскорт роскошно одетых верховых и охраны, и все, мимо кого он проезжал, должны были выйти из своих экипажей и, обнажив голову, низко кланяться (или, в случае дам, делать реверанс). Главы даже второстепенных факторий, таких как, например, Тегенапатнам на Коромандельском берегу, появлялись на публике со свитой индийских знаменосцев, трубачей, музыкантов, 20 вооруженных сопровождающих – не считая 12 голландских солдат-телохранителей. Согласно распоряжениям Heeren XVII, в 1678 г. в поселениях Коромандельского берега были приняты жесткие меры экономии, и Дэниел Хаварт уверяет нас, будто компания в этих местах сильно «потеряла свое лицо» и больше никогда не смогла вернуть былой престиж.

Разумеется, роскошный образ жизни, описанный выше, был свойствен лишь нескольким сотням торговцев и должностных лиц компании. К нему не имели никакого отношения младшие служащие, солдаты и моряки, о некоторых подробностях нелегкого существования которых рассказывалось ранее. Можно только добавить, что наказания, которым подвергали солдат, были столь же суровыми, как и у моряков. Нередко мужчина оставался калекой на всю жизнь из-за «деревянного коня» или другого бытовавшего тогда жестокого наказания. В 1706 г. генерал-губернатор и его совет решили, что «деревянный конь» и порка в будущем должны использоваться более умеренно, а впоследствии было принято решение о том, что солдаты, «ради поддержания престижа европейцев», не должны подвергаться позорным наказаниям – таким, как заковывание в цепи, – на глазах аборигенов. Однако участь наемных солдат на службе VOC да и, надо сказать, на службе WIC продолжала оставаться весьма тяжелой, и некоторые путешественники отмечали, что с солдатами обращаются почти так же дурно, как с неграми-рабами. Свидетельство Тунберга на эту тему достаточно красноречиво и заслуживает того, чтобы его привести: «Наконец-то я понял причину, по которой с европейскими солдатами и матросами во многих отношениях обращаются хуже и с меньшим состраданием, чем с рабами. Что касается последних, то их хозяин заботится не только о том, чтобы они были одеты и накормлены, но еще чтобы их лечили, когда они заболеют, и чтобы их выхаживали и обеспечивали надлежащим медицинским уходом. Первые же существовали как могли – а именно нагие и босые или одетые в лохмотья, которые, возможно, им совсем не по росту; а когда один из них умирает, то обычно говорят, что компания наймет другого за восемь гульденов».

Если многие из солдат публиковали свои воспоминания о военной жизни на Востоке, а из литературы о путешествиях и из частной и официальной переписки нам хорошо известно о том, как жили там торговцы, чиновники и моряки, у нас имеется крайне скудная информация о другой группе служащих компании, о так называемых *ambachtslieden* – квалифицированных мастеровых и ремесленниках. Похоже, в Восточных Индиях голландцы использовали труд квалифицированных ремесленников-европейцев в гораздо большей степени, чем португальцы или англичане. Изначально это были в основном корабельные плотники, конопатчики, такелажники и те, кого сейчас называют «рабочими верфи»; однако среди сотен европейских мастеров, с 1682 г. работавших и проживавших в *Ambachtskwartier* – ремесленном квартале, имелись представители почти всех промышленных ремесел. Плотники, столяры, мебельщики, кузнецы, замочных дел мастера, оружейники, литейщики пуль и шрифтов, резчики, каменотесы, каменщики, стекольщики, сапожники, портные, красильщики и ювелиры – здесь можно было обнаружить всех их плюс множество других. Во главе каждого цеха, жившего, работавшего и взаимодействовавшего с другими, стоял собственный мастер или куратор, он руководил европейскими рабочими, которые обучали рабов компании и жили с ними бок о бок. Многие из них стали впоследствии квалифицированными ремесленниками, и барочная мебель из черного дерева, изготовленная индийскими и индонезийскими рабами компании, зачастую соответствовала самым высоким стандартам как в техническом, так и в художественном плане. Со временем такие рабы, лучше одетые, накормленные и благоустроенные, чем обычные кули, стали более многочисленными, чем работники-европейцы, однако еще в 1759 г. только в Батавии

последних оставалось около 400 человек. В некоторых крупных голландских поселениях, особенно на Коромандельском берегу и на Цейлоне (Шри-Ланке), имелись свои ремесленные кварталы, где под присмотром голландских мастеров трудились европейские и азиатские ремесленники. В тропических фортах Голландской Вест-Индской компании также имелись европейские мастеровые и ремесленники, но их никогда не было так много, как на Востоке в Ост-Индской компании, и диапазон их навыков не был столь широк.

Дополнительно к ремесленникам, нанятым Ост-Индской компанией, существовало еще некоторое количество тех, кто работал самостоятельно. Такие включали в себя тех европейских мастеровых, кто поступил на службу VOC, а потом, по истечении срока контракта, вышел в отставку и открыл собственное дело. Они также использовали квалифицированных работников-рабов, и в XVIII в. такая форма частного предпринимательства, которая, вопреки пожеланиям Heeren XVII, поощрялась многими старшими чиновниками, все более успешно конкурировала с собственными ремесленниками компании. Активную деятельность развили также китайские мастеровые, особенно в Батавии, где они заслужили репутацию отличных производителей шкафов. Однако наилучшие произведения в этом отношении создавали свободные сингалские и тамильские ремесленники на Цейлоне и Коромандельском берегу, где выходящая из-под их резца великолепная резная мебель в индийско-голландском барочном стиле превосходила самые лучшие творения, какие только могли предложить рабы-ремесленники компании. Проблема свободных торговцев и квалифицированных работников, конкурирующих с коммерческой и производственной системами самой компании, существовала очень давно, однако ее лучше всего рассматривать в связи с безуспешными схемами колонизации белым человеком тропиков, которые обсуждаются в следующей главе.

Глава 8

Ассимиляция и апартеид

Дэвид Хенни в своем восторженном отзыве о книге голландского писателя-романиста Луиса Купейроса *De Stille Kracht* – «Скрытая сила» называет ее «убедительным исследованием той «скрытой силы» Востока, которая проникает и разлагает европейцев, которые не могут (или не в состоянии) дистанцироваться от местных народов или возвыситься над ними. И какими бы природными добродетелями последние ни обладали, белый человек никогда не сможет сочетать их со своими достоинствами без того, чтобы не оказаться отравленным и развращенным Востоком». Такое определение и оправдание апартеида, сделанное задолго до его официального признания в Южной Африке, отражает образ мышления, который можно проследить с самых первых дней существования европейских поселений в тропиках и который, однако, был сильнее распространен среди голландцев и англичан, чем среди их португальских и испанских предшественников. Вера в то, что белый человек, будь то купец, моряк или поселенец, должен стоять «выше и обособленно» от «цветных» народов, среди которых он жил, перемещался и существовал, естественным образом предполагала, что белые женщины должны были эмигрировать в тропики в количествах сопоставимых с числом их мужчин. Однако это оказалось как раз тем, что большинство из них не желали делать; да и крупные фрахтовые компании, голландские, английские или французские, не собирались поощрять эмиграцию женщин. Более того, всегда находилось достаточное количество людей, доказывавших, будто белые женщины редко способны на акклиматизацию в тропиках. Вследствие чего, по их мнению, единственной надеждой создания стабильного и лояльного общества в тех регионах оставалось поощрение межрасовых браков с туземными женщинами, при обязательном условии обращения последних в христианство – другими словами, политика ассимиляции противопоставлялась апартеиду.

Хотя у первых директоров Голландских Ост- и Вест-Индской компаний для руководства по данному вопросу имелся столетний опыт иберийских предшественников, они, составляя свои уставы, похоже, даже и не думали об этом. Отношение директоров к эмиграции

оставалось неопределенным, пока опыт не показал им, что от приличных голландских женщин бесполезно ожидать эмиграции в достаточных количествах в тропические страны, которые справедливо считались землями, где жизнь тех, кто родился и вырос в северном климате, была коротка. Еще одним мощным сдерживающим фактором являлись серьезные неудобства судовой жизни в длительных рейсах, хотя это имело большее значение при долгом пути вокруг мыса Доброй Надежды, чем на более коротком атлантическом переходе. И наконец, совершенно очевидно, что условия, которые отвращали многих уважаемых голландцев из верхнего и среднего классов от поступления на службу в VOC или WIC, создавали еще большее препятствие для эмиграции женского населения. Так же как основная масса служащих обеих компаний были мужчинами, которые не имели других возможностей, так же и многие женщины, которые отправились в тропики, славились больше своим авантюризмом, чем добродетелью.

Уже в 1612 г. первый генерал-губернатор Восточных Индий Питер Бот советовал Heeren XVII более не допускать эмиграции из метрополии «женщин легкого поведения», «поскольку их здесь уже больше чем достаточно». Эти женщины, «к великому бесчестью нашей нации», вели скандальный и аморальный образ жизни, а сам Бот выступал за межрасовые браки с туземными женщинами как значительно лучшую альтернативу, основанную на примерах древних римляни и недавних португальцев. Он уточнил свое предложение, добавив, что мусульманские женщины не подходят на роль невест, поскольку они намеренно избавляются от плодов, зачатых от христиан, но настаивал на межрасовых браках с «язычницами» или обращенными христианками с Амбона. Аналогичные предложения поступали и от других чиновников VOC, и в 1612–1613 гг. Heeren XVII уполномочили генерал-губернатора и его совет разрешать селиться на Востоке вышедшим в отставку женатым мужчинам. Им позволялось заниматься торговлей некоторыми товарами, такими как рис, саго и домашний скот, которые не вредили монополии компании на такие прибыльные статьи торговли, как пряности. Существовала надежда, что таким образом сформируется класс свободных бюргеров, эквивалентный португальским *casados* (женатых мужчин), и *moradores* (поселенцев), которые могли стать поддержкой местных гарнизонов компании во время войны. Такие так называемые свободные бюргеры должны были оставаться в прямом подчинении чиновникам компании, ее нормам и правилам; кроме того, их присутствие предусматривалось только на Молуккских островах. Со временем им было позволено селиться в Батавии и других местах, главным образом в Малакке и на Цейлоне.

В 1617 г. Heeren XVII постановили, что свободные бюргеры не могут жениться без согласия местных чиновников компании; что им можно жениться только на азиатских или евроазиатских (то есть полукровках) женщинах – при условии, что те являются крещеными или обращенными в христианство; и что их дети «и, насколько возможно, рабы» будут воспитываться в христианской вере. Только добавилось требование, чтобы потенциальные невесты хорошо знали голландский язык, а не только португальский, 300 лет служивший языком межнационального общения азиатского побережья. Также были наложены жесткие ограничения на приобретение золота или драгоценных камней и на перевод денежных средств в Европу. Женатым на азиатских женщинах свободным бюргерам не разрешалось возвращаться в Европу, и даже женатым на белых женщинах при посадке на идущий домой корабль позволялось взять с собой один-единственный сундук с одеждой и личными вещами. Запрет на выезд в Европу «цветных» жен, хоть он и возобновлялся в 1650 и еще раз в 1713 г., со временем и в некоторых отдельных случаях был смягчен. Однако так много ограничений было наложено на проживание, средства к существованию и поведение свободных бюргеров, что сам термин «свободный» был и остался единственным несоответствующим в контексте правил компании. Эти бюргеры во всех отношениях ставились в заведомо менее благоприятное положение, чем чиновники компании, не исключая и снисходительного отношения к контрабанде и частной торговле.

Свободные бюргеры набирались по большей части из вышедших в отставку торговцев, клерков, солдат и моряков, чей зачастую беспорядочный образ жизни – если верить

постоянным жалобам всех сменявшихся губернаторов – брачные узы не сильно изменили. Генерал-губернатор Рейнст утверждал в 1615 г., что «наше собственное отребье» женилось на «отребье Восточных Индий». Немного позже Лауренс Реаль и Стивен ван дер Хаген утверждали, будто большинство свободных бюргеров – беспутные пьяницы, за которых ни один почтенный азиатский отец не выдаст свою дочь, как они это делали на Молукках в отношении непьющих португальских предшественников голландцев. Свободных бюргеров также обвиняли в пиратстве, торговле с англичанами и другими конкурентами компании, а также в контрабанде пряностей и других запрещенных товаров.

Такие действительные или предполагаемые недостатки этих свободных бюргеров побудили некоторых высших чиновников периодически выступать за эмиграцию из Нидерландов супружеских пар или целых семей как единственного средства создания на Востоке прочных оседлых голландских общин. Горячим сторонником такой политики в 1623 г. показал себя Кун. Подобно многим своим современникам, он считал, что Соединенные провинции катастрофически перенаселены и что было бы относительно несложно организовать широкомасштабную эмиграцию в Восточные и Западные Индии. В западной части Явы хватит места для «многих сотен тысяч человек» оптимистично заявлял он, добавляя, что «там исключительно плодородная почва, очень хорошая вода, здоровый умеренный климат, море богато рыбой, а пастбища пригодны для любого скота». Кун разделял неприязнь и презрение своих предшественников к низким человеческим качествам свободных бюргеров и подчеркивал необходимость поощрения порядочных и обеспеченных бюргерских семей к эмиграции из Нидерландов вместе со своими капиталами. Его энтузиазм на некоторое время передался Heeren XVII, которые попытались завербовать подходящие семьи для эмиграции на Восток, однако результат оказался ничтожно малым.

Осада Батавии сусухунаном Матарам в 1628 г. и высокая смертность голландцев от малярии, дизентерии и других тропических болезней должны были со временем убедить Куна в том, что его оптимизм в отношении Западной Явы как подходящего региона для европейской колонизации абсолютно беспочвен. Более того, стало очевидно, что европейские свободные бюргеры не соперники своим китайским торговым конкурентам – там, где речь шла о равных условиях, честной и лишенной всякого протекционизма коммерции. Также богатые или состоятельные главы семейств Соединенных провинций не имели каких-либо побудительных мотивов эмигрировать в тропики, раз они могли заработать деньги, вкладывая их в VOC (или даже в иностранные Ост-Индские компании) у себя дома. Что до «нищих трудящихся масс», то те из них, кто не мог найти работу в Нидерландах, предпочитали искать удачу поближе к дому, в соседних странах, чем отправляться в пугающий вояж к Зондскому проливу. Поэтому контингент будущих эмигрантов ограничивался теми, кто поступал на службу компании торговцами, солдатами или моряками. Подавляющее большинство таких людей не собирались провести остаток жизни в Индиях, а были решительно настроены как можно скорее вернуться домой. В этом отношении голландцы резко контрастировали со своими предшественниками и современниками португальцами, пустившими более глубокие корни в качестве колонистов. Капрал Иоганн Саар после нескольких лет военной службы в противостоянии португальцам на Цейлоне написал о них в 1662 г.: «Куда бы они ни пришли, они намерены поселиться там до конца жизни и даже не помышляют о возвращении в Португалию. Однако голландец, едва прибыв в Азию, уже думает: «Как только выйдет срок моей шестилетней службы, я тут же вернусь в Европу». И последнее, но не менее важное – Heeren XVII побаивались разрешить свободным бюргерам участвовать в межпортовой торговле в сколь-нибудь адекватных масштабах, как им советовали сторонники колонизации. Запретов и ограничений, которые они налагали на коммерческую деятельность свободных бюргеров, было вполне достаточно, чтобы помешать развитию процветающего сообщества.

Все схемы стимулирования устройства и роста голландских сельскохозяйственных общин в тропиках точно так же потерпели неудачу. Вполне понятно, что крестьянские семьи не желали эмигрировать из Нидерландов в столь неизведанную и нездоровую местность, а

отставные солдаты, моряки и клерки явно не годились для возделывания тропической почвы. По сути, они даже надеяться не могли конкурировать с китайскими садоводами и огородниками, которые вскоре обосновались в Батавии и других местах, – не более чем соперничать с квалифицированными азиатскими работниками, как рабами, так и свободными, которых имелось в избытке для многих профессий и ремесел. Это правда, что большинство сторонников развития европейского сельского хозяйства в тропиках и не предполагало, что европейский крестьянин-эмигрант станет возделывать землю собственными руками; он будет только командовать и присматривать за китайскими рабочими или рабами, которые должны трудиться под его руководством. Однако планы по претворению в жизнь такого предположения не принесли никаких практических результатов восточнее мыса Доброй Надежды. На самом деле единственным занятием, за которое свободные бюргеры брались с заметным энтузиазмом, оказалось содержание таверн, на что постоянно сетовали старшие чиновники Вест- и Ост-Индской компаний. Питейные заведения стали отличительной особенностью голландской колониальной жизни от Манхэттена в Америке до Молуккских островов в Восточной Азии. Несмотря на провал амбициозных планов Куна, время от времени как в Нидерландах, так и в Индиях обсуждалась идея о крупных голландских поселениях в тропиках, однако все эти предложения так и не были реализованы на практике. Питер де ла Кур заявлял в 1662 г., что «смышленные, скромные и трудолюбивые голландцы по наиболее свойственным им добродетелям подходят более любой другой нации в мире для создания колоний и проживания в них, если им предоставлена свобода развивать их ради обеспечения себя средствами к существованию». Он опровергал широко распространенное мнение о том, что «наш народ по своей природе не предрасположен к земледелию и совершенно не подходит для создания колоний, но неизменно проявляет склонность к искусству купли-продажи». Де ла Кур доказывал, что в стране не только переизбыток трудоспособного населения, как голландской национальности, так и иностранного (в основном немецкого) происхождения, которое будет только радо эмигрировать, если ему в этом помогут, но и многие представители правящего класса, исключенные из участия в олигархическом правительстве, будут охотно эмигрировать вместе со своими капиталами в колонии, где они могли бы инвестировать их в соответствии с личными предпочтениями. Что отвращало добропорядочных голландцев, бюргеров, ремесленников или крестьян, от эмиграции в регионы под управлением Ост- и Вест-Индской компаний, так это ограничительная политика, проводившаяся директорами. «Несомненно, все это на совести директоров (и губернаторов?) указанных компаний. А именно то, что их моряки и солдаты, а также прочие служащие нанимаются на таких жестких и кабальных условиях. И то, что от последних требуется принесение множества клятв, нарушение которых влечет за собой наказание в виде лишения всего жалованья и имущества. В результате чего ничтожно малое число жителей Голландии, которых вынудила крайняя необходимость, или некоторое количество невежественных, беспутных или обладающих рабским складом ума неимущих иностранцев предложат свои услуги для такой каторжной службы». Только высокопоставленные служащие, утверждал де ла Кур, имели возможность сколотить себе огромные состояния путем взаимного попустительства в незаконных финансовых операциях друг друга и посредством частной торговли.

Однако Нееген XVII не всегда так отрицательно относились к поощрению эмиграции, как это утверждал де ла Кур. Если их поддержка амбициозных планов Куна длилась недолго, то позднее они с пониманием отнеслись и активно поддерживали (на некоторое время) более умеренный план Яна Мацуйкера по колонизации в Батавии и на Цейлоне. На ранних этапах своей колониальной карьеры Мацуйкер открыто восторгался португальской системой продвижения колонизации путем поощрения белых мужчин жениться на азиатских и евроазиатских девушках и селиться на Востоке. Дети от таких смешанных браков, утверждал он, более акклиматизированы, чем родившиеся от чисто европейских родителей, и спустя два-три поколения внешним видом они мало отличались бы, если отличались бы вообще, от

чистых нидерландцев. Мацуйкер признал, что в настоящее время многие из этих полукровок довольно-таки далеки от совершенства, но это он приписывал их плохому домашнему воспитанию, где рабство было в порядке вещей, а не какому-либо наследственному расовому дефекту. Средством для исправления такого положения дел, добавлял он, являлось обеспечение детей хорошими школами и надлежащий надзор за ними со стороны родителей. Мацуйкер настаивал, что при достаточной протекции со стороны высших должностных лиц компании, чего до сих пор явно не наблюдалось, свободные бюргеры могли стать сапожниками, портными, кузнецами, оружейниками, ювелирами, плотниками, каменщиками и хирургами. Он даже утверждал, будто они могут конкурировать с китайцами в занятии сельским хозяйством. Также Мацуйкер заявлял, что худшими врагами свободных бюргеров являлись старшие чиновники компании, поскольку они оказывали протекцию своим собственным китайским и азиатским конкурентам за «комиссионные» и взятки, которые получали от последних.

Во время своего губернаторства на Цейлоне (1646–1650) Мацуйкер попытался применить свою теорию колонизации на практике, но обнаружил, что свободные бюргеры не способны ни в чем конкурировать на равных с местными «маврами» – мусульманскими торговцами. В этот период его пропаганда колонизации через смешанные браки активно поддерживалась Heeren XVII, но даже при этом к тому времени, как Мацуйкер оставил службу в феврале 1650 г., на острове насчитывалось всего 68 женатых свободных бюргеров. Его преемник Корнелис ван Киттенстейн принадлежал к конкурирующему и более распространенному течению, которое утверждало, что голландские поселенцы никогда не будут выполнять в Азии какую-либо тяжелую работу и что их жены, коренные или полукровки, обладают врожденными порочностью и безнравственностью. После того как в 1656–1658 гг. у португальцев отбили Коломбо и Джафну, около 200 голландцев женились на женщинах индийско-португальского происхождения, оставшихся, добровольно или по принуждению, на острове. Завоеватель Джафны Рейклоф ван Гуне, впоследствии долгое время правивший прибрежными районами Цейлона, оказался еще одним восторженным сторонником голландской колонизации. Ввиду нехватки белых жен для свободных бюргеров он готов был снисходительно относиться к межрасовым бракам с сингальскими, тамильскими и евроазиатскими женщинами. Однако ставил условием, что дочери от таких брачных союзов должны выходить замуж за нидерландцев, «дабы наша раса вырождалась как можно меньше».

Несмотря на усилия таких влиятельных людей, как Мацуйкер и Рейклоф ван Гуне, и даже несмотря на одобренные Heeren XVII «скромные подъемные» размером в два-три месячных жалованья всем солдатам или морякам, которые женятся на «местных женщинах» на Цейлоне, достигнутые к концу XVII в. результаты оказались более чем обескураживающими. Они ясно показали, что голландская колонизация Востока по португальскому образцу провалилась. Большинство свободных бюргеров не смогли обеспечить себе достойную жизнь или пробиться в благополучный зажиточный средний класс. Как мрачно отметил Рейклоф ван Гуне, на Цейлоне, как и в остальных местах, единственным занятием, к которому они относились с великим энтузиазмом, оказалось содержание таверн. Во всех остальных сферах торговой и коммерческой деятельности свободные бюргеры не могли сравниться с азиатскими конкурентами, а в своих собственных жилищах они так и не смогли справиться с сильным индийско-португальским и азиатским влиянием, привнесенным и сохраненным их женщинами. Другими словами, свободные бюргеры не смогли развиться в голландскую по своей сути колонию и сформировать ядро «Новой Голландии» на Яве, Цейлоне (Шри-Ланке) или Формозе (Тайване).

Критики подобных неудачных схем колонизации были склонны приписывать ее неудачу исключительно привычке к пьянству и разврату (или лени и расточительству) тех самых голландцев, хотя это не совсем справедливо. Во-первых, экономические интересы колонистов часто сталкивались с интересами компании, и, когда такое случалось, естественно, превалировали последние. Несмотря на то что Heeren XVII периодически

поощряли свободных бюргеров разными мелкими подачками, они так и не смогли себя заставить предложить поселенцам какие-либо действительно привлекательные стимулы, как, например, участие в торговле пряностями или в более прибыльных торговых рейсах в Японию, Бенгалию, Сурат и Персию (Иран). Во-вторых, от свободных бюргеров трудно было ожидать эффективной конкуренции с азиатскими купцами и странствующими торговцами, которые куда лучше знали религию, языки, предрассудки и среду обитания своих соотечественников. Пытаясь помочь свободным бюргерам, власти в Батавии и на Цейлоне порой издавали дискриминационные законы, направленные против местных торговцев, однако они не могли заходить слишком далеко, поскольку сами до некоторой степени зависели от сотрудничества и услуг китайских и мусульманских купцов. Более того, подобные распоряжения легко обходились посредством предусмотрительно данной судье взятки, как это обнаружил Ставоринус, когда пожаловался на китайского владельца игорного заведения официальному лицу в Батавии. «Я ничего не могу поделать, – отвечал последний, – китаец, понимаете ли, все отрицает». «И это, – добавил раздосадованный Ставоринус, – был единственный ответ и единственная сатисфакция, которой в данном случае можно было добиться от исполнителя закона, как я убедился на собственном опыте». Что касается занятий сельским хозяйством, то шансы бывших солдат-европейцев на успешную конкуренцию с китайцами, яванцами, тамилами, сингалами и малайцами в изнурительном труде на рисовых полях под тропическим солнцем казались более чем призрачными. Неудивительно, что усилия генерал-губернатора, барона Густава Вильгельма ван Имгофа, по расселению немецких крестьян в прибрежной зоне Цейлона не принесли долгосрочного результата. Те из свободных бюргеров, кому удалось разбогатеть, – а некоторые из них, особенно в Батавии, сколотили себе состояние, – были бывшими служащими компании, вышедшими в отставку после того, как уже нажили капитал и приумножили его путем ростовщичества или вкладывая деньги в частную торговлю.

Что касается того, чтобы убедить азиатских и евроазиатских женщин отказаться от своих индийско-португальских культурных обычаев и принять голландский образ жизни, то тут неудача голландских свободных бюргеров и служащих компании просто очевидна. По-видимому, предупрежденные предыдущим опытом португальцев по части межрасовых браков Heeren XVII строго настаивали (в 1641 г.), чтобы голландцы, желавшие жениться на азиатских женщинах, выбирали себе невест из высших каст или с хорошим социальным положением. Что было проще сказать, чем сделать. Такие женщины, будь то индуистки, буддистки или мусульманки, жили в таких обществах, в которых брачные узы допускались исключительно внутри четко определенных социальных групп. За исключением, возможно, некоторых японских и китайских буддистов, любая азиатская женщина, вышедшая замуж за человека не своего народа, касты или религии, лишалась всех прав на уважение и поддержку своей семьи и соотечественников – точно так же, как если бы европейская женщина по собственной воле вышла замуж, допустим, за турка, индийца или индонезийца. Поэтому голландцам на Востоке волей-неволей приходилось брать себе жен, наложниц или сожительниц из числа или евроазиатских женщин, или происходивших из низших классов или рабов, как это делали до них португальцы. Более того, Heeren XVII поставили условием, что их служащие могут жениться только на кальвинистках, а такое ограничение автоматически исключало женщин из азиатских высших сословий, крайне редко принимавших христианство.

Женщины-сожительницы – или супруги – голландцев, женившихся в Азии, в основном имели индийско-португальское происхождение. Но даже те, кто воспитывался без индийско-португальского культурного влияния, разговаривали на португальском – по причинам, описанным генерал-губернатором Мацуйкером и его советом в 1659 г.: «На португальском языке легко говорить, и его несложно выучить. Вот почему мы не можем помешать рабам, привезенным из Аракана (современный Ракхайн в Мьянме) и никогда не слышавшим ни слова по-португальски, – и, более того, нашим собственным детям – разговаривать на этом языке, предпочитая его всем другим и делая его своим основным». В

1674 г. Мацуйкер и его советники все еще находились в таком пораженческом настроении. Николас де Графф, Ян Сплинтер Ставоринус и многие другие, посещавшие Батавию в XVII и XVIII вв., отмечали, до какой степени португальский оставался языком межнационального общения в голландских поселениях, даже несмотря на периодически предпринимавшиеся правительством усилия по отказу от него в пользу голландского. Также достаточное количество голландских женщин, рожденных и воспитанных европейскими родителями в Батавии, говорили на креольском диалекте португальского, предпочитая его своему родному, на котором они могли изъясняться, но не настолько свободно.

Можно было ожидать, что их мужья или отцы должны были настоять на использовании дома голландского языка, однако очевидно, что это не так. Одной из причин этого (как отметили власти Батавии в 1674 г.) оказалось то, что большинство нидерландцев «по недомыслию» считали «умение говорить на иностранном языке большим достоинством» – в отличие от их португальских предшественников, а также английских и французских преемников, строителей собственных империй. Другую и, возможно, наиболее существенную причину такого состояния дел привел в 1778 г. Ставоринус: «Женатые мужчины не утруждают себя заботой о женах и не уделяют им особого внимания. Они редко общаются с ними – во всяком случае, если дело не касается каких-то насущных тем или проблем общины. Таким образом, прожив в браке ряд лет, эти дамы часто остаются столь же несведущими в окружающем мире и происходящем в нем, как и в день своей свадьбы. И дело не в том, что у них нет возможности учиться, просто мужчины не склонны их просвещать».

Таким образом, Батавия и, в той или иной степени, другие голландские поселения в Азии представили собой любопытное зрелище голландского кальвинистского мужского общества, связанного неловкими супружескими узами с преимущественно индийско-португальским женским обществом. Девушки, рожденные от таких смешанных браков, естественно, шли стопами своих матерей – или воспитывавших их нянек-рабынь, – а никак не отцов. Таким образом, элементы индийско-португальской колониальной культуры, которые привнесли первые женщины, закреплялись и передавались последующим поколениям на протяжении почти двух столетий. Азиатские элементы этой индийско-португальской культуры в таких вопросах, как еда, одежда и гарем или изоляция женщин в зенане – женской половине дома, похоже, не сильно ослабли с течением времени. Такая своеобразная домашняя атмосфера неизбежно в какой-то степени затрагивала и мужей, и поэтому голландские поселения в Азии, весьма далекие от создания «Новых Нидерландов» в тропиках, все больше уходили из-под культурного влияния метрополии.

Николас де Графф едва ли не истерично осуждает спесь, роскошь и распутство замужних женщин Батавии в последней четверти XVII в., будь они хоть европейского, хоть евразийского, хоть азиатского происхождения. Имея большой штат рабов для исполнения своих прихотей, они напускали на себя важность принцесс и даже не стали бы сами поднимать носовой платок с пола. Они полностью полагались на своих рабов, которых жестоко наказывали за малейший проступок, а зачастую и без всякой вины. Они переняли – или сохранили – такие восточные привычки, как сидеть скрестив ноги на полу, вместо того чтобы пользоваться стульями, и есть свое карри пальцами, а не ложкой и вилкой. Они мало или совсем не говорили между собой на голландском, а только лишь на креольском диалекте португальского. Единственными темами разговора являлись проступки их рабов и аппетитные блюда, которые они постоянно потребляли. Всякий раз, отправляясь в церковь или появляясь на публике, они наряжались в шелк, атлас и драгоценности, а за ними следовала свита рабов, однако дома они сидели на корточках в одних сорочках или в самом что ни на есть прозрачном нижнем белье. Спесь и высокомерие этих дам были просто невыносимы, и они переступали все границы своим игнорированием манер приличного общества. Возможно, в своем «Зерцале Ост-Индии» де Графф слишком сильно сгустил краски, однако столетие спустя Дирк ван Хогендорп, сам женатый на девушке из Батавии,

писал из Патны в Бенгалии: «Образование в Батавии хуже некуда, и я скорей сверну своему новорожденному младенцу шею, чем заставлю его страдать, отправив в Батавию».

Разумеется, такую вспышку недовольства не следует воспринимать слишком буквально, однако имеется довольно много современных свидетельств тому, что нравы и поведение многих голландско-евроазиатских женщин оставляли желать много лучшего. То же самое относится и к индийско-португальским женщинам Гоа, чьи сходные недостатки невероятно увлекательно описали Линсхотен, Пирар де Лаваль, Жан Моке и многие другие, посещавшие «португальскую Индию». Очевидно, в обоих случаях основные причины этому были одни и те же. Все эти женщины либо воспитывались в рабовладельческих семьях, либо были вырваны из неких рамок социального контроля, существовавшего в туземных обществах, из которых они произошли. Получившееся в результате падение нравственности могло изменить только время и благоприятные обстоятельства, однако их повседневное окружение и образ жизни в этом отношении были чем угодно, но только не благоприятными. Кроме того, принято было считать, что дети от этих смешанных браков наследуют пороки обеих рас и никаких достоинств, их недостатки приписывались евроазиатской крови, а никак не дурному воспитанию. В результате рожденные и воспитанные в Европе нидерландцы относились к ним с изрядной долей презрения, тем самым увековечивая сей порочный круг. «Разношерстное дворянство», «холщовые штаны», «вороны» и даже «тараканы» – вот наиболее обидные эпитеты, которыми награждали выросшие на родине нидерландцы своих «индийских кузенов».

Николас де Графф сообщает – и у нас нет оснований ему не верить, – что замужние женщины Батавии, отправлявшиеся (или возвращавшиеся) в Европу, крайне редко могли приспособиться к более простому образу жизни Соединенных провинций. Их быстро ставили на место, когда они пытались поколотить своих служанок-голландок, как они делали это со своими рабами, и им приходилось или следить за манерами, или остаться вообще без прислуги. Большинство из них вскоре пожалели, что оставили свою роскошную жизнь на Востоке, и это чувство также разделяли их мужья. В октябре 1656 г. Heeren XVII в предостерегающем тоне написали Мацуйкеру и его совету в Батавии: «К своему великому недовольству, мы обнаружили, что с последним флотом сюда прибыло большое количество семей. Многие из них будут горько раскаиваться в этом; не успев ступить на берег, большинство из них тут же пожелало снова вернуться обратно в Индии, а такая возможность не всегда доступна. Довольно странно, что они ничего не усвоили из опыта своих предшественников прошлых лет, будь то крупных или мелких чиновников или свободных бюргеров, которые приезжали сюда один за другим и которые теперь изо всех сил рвутся обратно... Здесь все стоит дорого, а у них мало – или вообще нет – возможности заработать, не говоря уж о той блестящей роскоши, к которой они привыкли в Индиях, но которая здесь им недоступна». Таково было положение дел, длившееся ровно столько, сколько существовала Ост-Индская компания.

Однако знание того, что белые женщины низкого происхождения имели хорошие шансы выгодно выйти замуж на Востоке, действовало в качестве мощного стимула для многих предприимчивых девиц из рабочей среды, побуждая их попытаться туда попасть, порой даже переодетыми в матросов или в другую мужскую одежду. Это был именно тот тип отчаянно смелых, но нежелательных женщин-эмигранток, которых имел в виду генерал-губернатор Жак Спекс, когда писал Heeren XVII с якорной стоянки Даунса неделю спустя после того, как покинул Тексел: «Все команды в порядке и добром здравии, и нам хватает всего, кроме множества честных девиц и домохозяек вместо того огромного количества грязных проституток и уличных шлюх, которых мы обнаружили – помоги нам господи! – на всех судах. Их так много, и это так ужасно, что мне стыдно что-нибудь добавить к этому». Позднее директора строго ограничили количество женщин, которым разрешалось отправиться в Батавию, и де Графф уверяет нас, что если бы они этого не сделали, то на кораблях было бы больше женщин, чем мужчин. Разумеется, это явное преувеличение, но похоже на то, что, образно говоря, на борт отходящих «индийцев» попадало – или пыталось

попасть – значительно больше женщин из Голландии, чем их португальских, английских и французских сестер. И неудивительно, что женщин на борту голландских восточных «индийцев» было принято считать «чертовой помехой» или же непреодолимым соблазном.

Нехватка добропорядочных женщин в качестве жен солдат, торговцев, чиновников и поселенцев в Нидерландской Бразилии также послужила причиной того, что эфемерная колония «Новая Голландия» в Пернамбуку не смогла оправдать свое официальное название. Как и на Востоке, многие голландцы в Бразилии и Анголе, ввиду недостатка североевропейских женщин, женились на местных португальских, у которых часто имелась частица индейской или негритянской крови. Такие союзы, как правило, требовали одобрения священников и высших должностных лиц, которые справедливо полагали, что мужья гораздо более склонны принимать католицизм или заново обращаться в него, чем их жены превращаться в убежденных кальвинисток. Иоганн Мориц, принц Нассау-Зиген, правивший Нидерландской Бразилией с 1637 по 1644 г., постоянно предупреждал свое руководство в Гааге и Амстердаме, что, пока оно не отправит сюда протестантские голландские, немецкие или скандинавские семьи эмигрантов в достаточном количестве, дабы заменить (или ассимилировать) местных португальских поселенцев, последние всегда будут оставаться португальцами в душе и станут бунтовать при первой же возможности – как это и случилось в июне 1645 г. В последовавшей затем

Португало-голландской войне некоторые голландские офицеры и торговцы, занимавшие ключевые посты в Пернамбуку, Луанде и Бенгеле и женатые на португалках, столкнувшись с выбором – признавать сюзеренитет короля Жуана IV или продолжать хранить верность Генеральным штатам, предпочли принять сторону и религию своих жен. Поньне существующие семьи Вандерлей в Пернамбуку и ван Дун в Луанде обязаны происхождением именно такой смене подданства своими предками.

Если «Новая Голландия», в основном из-за отсутствия достаточного количества переселенцев-протестантов, не имела возможности в долгосрочной перспективе противостоять военному, социальному и религиозному давлению пылких католических обитателей Пернамбуку, то, похоже, у «Новых Нидерландов» на берегах реки Гудзон и на острове Манхэттен имелись лучшие шансы. По крайней мере, здесь голландским колонистам не приходилось противостоять тропической местности и климату или преобладающему католическому населению, а можно было жить в природных условиях, в некотором роде напоминавших их родину. Здесь, как нигде еще, можно было основать колонию, в которой люди могли жить, трудиться и исповедовать свою религию во многом так же, как делали у себя дома. Несмотря на переменчивую политику Neeren XIX в отношении схем колонизации, которые периодически предлагались поселенцам, и несмотря на нежелание некоторых колониальных губернаторов разрешить поселенцам хотя бы ту долю управления местными делами, на которую они имели право, к моменту захвата колонии англичанами в 1664 г. в ней якобы проживало 10 тысяч человек. Что, безусловно, было сильным преувеличением, поскольку на самом деле «Новые Нидерланды» являлись малонаселенным анклавом среди гораздо более густонаселенных, энергичных и расширяющихся поселений Новой Англии. Мало кто по обе стороны Атлантики считал, будто Генеральные штаты заключили невыгодную сделку, отказавшись от своих притязаний на «Новые Нидерланды» в обмен на обладание тропической колонией в Суринаме по договорам, заключенным в городе Бреда в 1667 г. и в Вестминстере в 1674-м^[76]. Тем не менее при более горячей поддержке Neeren XIX и правительства метрополии «Новые Нидерланды» могли бы в конечном счете оправдать свое имя, но только в том маловероятном случае, если бы англичане оставили их в покое. Валлоны и другие поселенцы не голландского происхождения, которых оказалось довольно много среди самых первых колонистов, приняли голландский язык, голландскую реформатскую церковь и голландские нравы и обычаи, если уже раньше не разделяли их. Многие их потомки еще в XVIII в. говорили на голландском, а американская реформатская церковь отказалась от прежнего слова «голландская» только в 1867 г.

Благодаря умеренному климату «Новых Нидерландов» можно было найти достаточное количество европейских женщин для эмиграции в те места, хотя первое время в колонии определенно имело место некоторое расовое смешение, о чем свидетельствовало название *Noerenkanaal* – «канал шлюх», данное местности, где «индейцы были достаточно великодушны, чтобы отдавать нашим нидерландцам своих молодых женщин и дочерей». Но такое происходило главным образом в тропиках, где белые женщины были в таком дефиците, что голландцы вынуждены были находить себе сожительниц из числа туземок. Некоторые из них делали это весьма неохотно, о чем свидетельствует поговорка нашей собственной «Компании Джонов» – «Необходимость – мать находчивости и отец евразийца». Но хотя голландцы на Востоке редко вступали в брак с кем-либо из азиатских (в отличие от евроазиатских) женщин, с которыми они сожительствовали, против последнего они редко возражали, хотя увлекались этой практикой не столь рьяно, как их предшественники – португальцы. В течение XVIII в. женщины-рабыни малайской народности буги с острова Сулавеси (Целебес) были предпочтительнее в качестве наложниц по причинам, которые Ставоринус излагает в своей неподражаемой манере: «Бугийские женщины в основной своей массе гораздо красивее, чем женщины любой другой индийской (или азиатской) нации. Есть среди них и такие, которые, благодаря чертам своего лица, почитались бы красавицами даже в Европе; и обладай они белизной и румянностью наших северных фей, то были бы равны самому привлекательнейшему из полов. Все они крайне привержены чувственным удовольствиям и, побуждаемые жарким пламенем похоти, изобретательны в любом утонченном любовном наслаждении – вот почему повсюду на востоке бугийские девушки предпочитают в качестве наложниц – как европейцами, так и индийцами. Г-н ван Плерен, проживший там 8 лет, и некоторые другие, заслуживающие доверия люди, сообщили мне, что среди этих женщин и тех, что из Макасара, имелось много таких, которые, наравне с некоторыми португальскими женщинами Батавии, обладали секретом – при помощи особых трав и других средств – делать своих непостоянных любовников неспособными изменить им снова, поскольку причинная часть мужского тела полностью усыхала; о прочих подробностях мне ради приличия следует промолчать».

Сожительство женщин-рабынь со своими хозяевами-европейцами, естественно, привело к появлению на свет значительного количества незаконнорожденных полукровок с евроазиатскими корнями. В 1716 г. генерал-губернатор и совет в Батавии выразили глубокую озабоченность подобным состоянием дел и в результате постановили, что в дальнейшем белым отцам таких детей не позволяется возвращаться в Европу и они должны оставаться на Востоке. С 1644 г. *Heeren XVII* был издан закон против перевозки на возвращающихся в Европу «индийцах» рабов и «цветных», и этот запрет определенно касался детей-полукровок белых отцов. Закон соблюдался не слишком строго, и в 1672 г. власти Батавии запретили – за исключением особых случаев – прием на работу клерков-азиатов на том основании, что «в Индии (то есть в Азии) вполне достаточно детей нашей собственной национальности». Включались ли в число этих детей полукровки, непонятно, однако в 1715–1717 гг. их прием на службу компании был категорически запрещен – за исключением только тех случаев, когда не хватало европейцев. В 1718 г. этот запрет распространился и на детей, рожденных обоими белыми родителями в Азии, а девять лет спустя *Heeren XVII* постановили, что предпочтение в приеме на службу всегда должно оказываться рожденным в Европе – в противовес родившимся в Азии, вне зависимости от расового происхождения последних. Сомнительно, чтобы это последнее постановление всегда строго соблюдалось, и уже в 1729 г. генерал-губернатор и совет в Батавии одобрили прием на службу нескольких клерков-азиатов «ввиду острой нехватки квалифицированных письмоводителей». В 1756 г. *Heeren XVII* приказали правительству в Батавии отправить еще больше европейских рабочих и ремесленников в форты и фактории за пределами острова Ява, дабы те в дальнейшем обучали и готовили там квалифицированных работников из местных туземцев и детей-евразийцев.

Если отношение голландцев к своим евроазиатским сородичам зачастую было снисходительным или явно презрительным, то в еще большей степени это проявлялось в их обращении с азиатами в целом. Это правда, что Heeren XVII время от времени подчеркивали необходимость дружелюбного и справедливого обращения с азиатским населением, и точно так же верно, что правительство в Батавии порой издавало предписания с тем же смыслом, однако их подчиненные редко проявляли уважение к местному населению или хоть как-то показывали сочувственное понимание его точки зрения. Подшивки эдиктов, собранные в Батавии, часто трактуют индонезийцев, китайцев и мусульман посредством оскорбительных эпитетов, таких как «подлый» и «злой». Даже такой человек, как Корнелис Спелман, бегло говоривший на малайском и поставивший своей целью изучение азиатских верований, привычек и обычаев везде, где бы он ни находился в Индии или Индонезии, насмеялся над «табачного цвета» яванскими красавицами, которых, однако, сам зачастую использовал в качестве любовниц. Разумеется, всегда находились более широко мыслящие личности, такие как Стивен ван дер Хаген и Лауренс Реаль на Молукках или доктор Якоб Бонтиус в Батавии, которых возмущало игнорирование европейцами азиатов как «темных язычников», «вероломных мавров» и «никчемных варваров». Замечательный по силе призыв «взглянуть на себя глазами других», по всей вероятности, может быть приписан великому адмиралу Питу Питерсону Хайну, достойно служившему и в Восточной, и в Западной Индиях и не питавшему иллюзий по поводу враждебного отношения к голландцам, которое часто проявляли обитатели тропиков: «Они очень тонко чувствуют несправедливость по отношению к ним и именно из-за этого становятся еще более дикими и более свирепыми, чем были. Когда на червя наступают, он изворачивается и извивается; тогда стоит ли удивляться, что обиженные индийцы мстят за себя или кого-то другого?.. Дружба должна исходить от нас, поскольку это мы искали контакта с ними, а не они с нами. Вполне возможно и, несомненно, так и должно быть, что в некоторых местах индийцы из-за недопонимания поначалу отнесутся к нам скорее с враждебностью, чем дружески. Но это вовсе не повод для того, чтобы позволять себе против них военные действия или платить той же монетой... Обращаясь с индийцами грубо и жестоко, мы сами даем им повод ненавидеть нас. А такая ненависть быстро пускает корни и отвращает их от нас... Так давайте же убедимся, что мы не оскорбляем Господа своими несправедливыми делами и что вместо служения Ему в качестве бича Божия для других сами не побуждаем Его подвергнуть нас наказанию этим бичом».

Однако такие здравомыслящие кальвинисты, как Пит Хайн, всегда находились в меньшинстве. Более общепринятую точку зрения выразил голландский священник на Цейлоне, спасший капрала Саара от военно-полевого суда после того, как тот нечаянно убил сингальца, заявив его командиру, что тут не о чем беспокоиться, поскольку «жизнь индийца не дорого стоит». Дело уладили при помощи небольшой выплаты вдове из скудного жалованья Саара, однако сам он признался, что будь жертвой европеец, то ему вряд ли удалось бы избежать смертного приговора. Ян Мацуйкер, оставляя пост губернатора прибрежных районов Цейлона, подчеркивал своему преемнику необходимость обращения с сингальскими вождями и старостами деревень с должным уважением, «поскольку они крайне чувствительны относительно собственного достоинства. Вашему превосходительству следует обратить на это внимание, поскольку многие из нас относятся к ним с предубеждением, утверждая, будто эти «черные псы»^[77] – как они оскорбительно и совсем не по-христиански называют их – не заслуживают подобной чести и уважения». Исключительно образованный и культурный человек вроде отца Франсуа Валентейна, который гордился тем, что в совершенстве говорил на малайском, и проявлявший глубокий и искренний интерес ко множеству аспектов азиатских цивилизаций, умудрился описать предательское и садистски-жестокое убийство голландцами правителя султаната Тернате, Качила Саиди, в 1656 г. как «слишком легкую смерть» для «того, кто заслужил жить дольше, дабы принять еще больше смертных мук». Такая отвратительная смесь кальвинизма с садизмом не была чем-то из ряда вон выходящим. Примером чему послужил Ян Питерсзон

Кун, который истребил жителей островов Банда и жестоко расправился с тринадцатилетней евроазиатской девочкой, Сарой Спекс, позволившей соблазнить себя юноше, с которым она была обручена, и казненной по приказу Куна.

Голландцы на Востоке в полной мере обладали тем же врожденным убеждением превосходства белого человека, которое вдохновляло и португальских конкистадоров Афонсу д'Альбукерки и выдуманного, но вполне правдоподобного шотландца в «Днях в Бирме» Джорджа Оруэлла: «Помните, парни, всегда помните, что мы – сахибы, а они – дерьмо». Почти все португальцы, испанцы, голландцы, англичане и французы испытывали убеждение, что европейцы-христиане в силу самого факта превосходят представителей любой другой расы, не исключая на практике и обращенных в христианство, что бы они там ни утверждали в теории. А поскольку таковым было общее убеждение среди христиан всех конфессий, то оно неизбежно оказывалось наиболее сильным у кальвинистов, которые, сознательно или неосознанно, были обязаны верить, будто они есть «избранники Божии» и «соль земли». Совершенно очевидно, что такое отношение не всегда можно было открыто выражать в странах с сильным правительством, которое не потерпело бы подобных выходов европейских торгашей на своей прибрежной периферии. Например, как можно видеть из «Взлета и падения Коромандела» Дэниела Хаварта (1693), общественные отношения голландских управляющих факториями с индийскими торговцами, чиновниками и придворными Голконды, будь то мусульмане или индуисты, были в основном дружескими и вполне нормальными. Голландцы также не могли давать волю своим чувствам в таких изолированных факториях, как на Дэдзиме в Японии или в китайском Кантоне. Однако подобные проявления чувств часто встречаются в дневниках и конфиденциальной переписке, предназначенных только для глаз европейцев. Во всеобщем убеждении в превосходстве европейцев имелись и исключения, но они так и оставались исключениями, как тогда, так долгое время после.

Мы не обладаем столь же хорошо документированными свидетельствами об отношении населения Азии к европейцам в целом и к голландцам в частности, за исключением таких наций, как китайцы и японцы, чьи исторические хроники сопоставимы по объему и масштабам с западными. Какими выглядели в глазах воздержанных мусульман любящие выпить и поскандалить хозяйничавшие на Молукках европейцы, можно догадаться из следующего наблюдения, сделанного в 1615 г. священником с Амбона: «Эта смуглая раса – такая, как она есть, – достаточно цивилизована и честна, она ведет упорядоченный, размеренный образ жизни. Они не возвращаются домой пьяными, спотыкающимися, взвинченными, орущими во всю глотку, переворачивающими все на своем пути, устраивающими шум, бьющими свою жену и отталкивающими ее от двери, как это часто делают наши мужчины; и в этом причина, почему никто из них не хочет выдавать своих дочерей замуж за нас и почему сами девушки боятся этого». В тех регионах Индонезии, где голландцы обосновались и укрепились силой оружия, отношение населения к их правлению было глубоко враждебным, хотя поработенный народ мало что мог с этим поделать. Признание, сделанное Рейклофом ван Гунсом в 1655 г., что «нас смертельно ненавидят все народы Азии», может найти подтверждение во многих других современных источниках, таких как свидетельство Эдуарда Барлоу, который в 1673 г. попал в плен в Батавию и поэтому мог вплотную наблюдать за ее голландскими оккупантами – практически так же, как их видели покоренные индонезийцы: «Яванцы, этот островной народ, всеми силами души ненавидят голландцев, однако последние держат их в такой узде, что те не осмеливаются ничего предпринять. Потому что голландцы знают, что если яванцы восстанут и одержат над ними победу, то пощады не будет. Поэтому Батавия так сильно укреплена, как изнутри, так и снаружи, дабы никакая малая сила не смогла причинить им ни малейшего вреда». Яванские хроники также отражают то недоверие и непонимание, с которыми большинство яванцев относилось к голландцам и их поступкам. Что касается Цейлона, то чувства обитателей прибрежных регионов, оказавшихся под властью голландцев после изгнания оттуда в 1658 г. португальцев, выражались, как заметил Роберт Кнокс, сингальской

поговоркой про человека, совершившего неудачный обмен: «Отдал перец, а взамен получил имбирь».

Религиозные различия еще сильнее расширили пропасть между европейцами и азиатами. Если голландцы-кальвинисты XVII в. полностью разделяли современную им веру католиков-португальцев в сомнительное право европейских христиан эксплуатировать все меньшие народы за пределами христианского мира, то исламизированные народы Индонезии не любили и презирали голландцев как Kaffirs («неверных») – точно так же, как они делали в отношении португальских папистов, индуистов Бали или язычников-даяков^[78] с острова Борнео (Калимантан). На Цейлоне, где среди сингалов-буддистов кастовая система укоренилась почти так же глубоко, как среди тамил-индуистов, голландцы обнаружили, что представители высших каст менее «преданы» им и более подвержены влиянию независимого государства Канди, чем люди из низших каст. Более того, совершенно очевидно, что азиаты, как правило, предпочитали быть угнетаемыми правителями собственного народа и веры, чем приплывшими по морю захватчиками из Европы, чей образ мысли и поведения были столь чужды им. И также естественно, что именно этого поведения голландцы не всегда понимали. Когда Рейклоф ван Гуне, истинный империалист по отцовской линии, был губернатором Цейлона, он сильно огорчился, обнаружив, что подавляющее большинство сингалов предпочло «тираническую и деспотичную власть» Раджасингха его собственному «справедливому христианскому» управлению. Директора в метрополии крайне редко демонстрировали подобное отеческое отношение. В 1675 г. они вынесли генерал-губернатору и его совету порицание за отправку кораблей с провиантом для помощи голодающим на Цейлоне. «Кормить людей – не наша забота», – написали Neeren XVII по этому поводу.

Огромная пропасть, разверзшаяся между европейцами и индонезийцами, будь то религиозная, социальная, языковая или политическая, вовсе не означала, что последние выступали единым фронтом против агрессии первых. Далекое не так. Обитателей острова Серам, более всех страдавших от ежегодных hongi-tochten экспедиций, которые уничтожали все нелегальные гвоздичные деревья, раздирали вековые междоусобицы различных вождей, кланов и деревень, так что голландцы всегда могли рассчитывать на то, что информаторы из одного района предоставят им полные данные о занятиях контрабандой в другом. Охотники за головами, язычники-алифуру, населявшие внутренние районы острова, также не раз подкупались голландцами, дабы выполнять роль вспомогательных войск против мятежных или строптивых прибрежных мусульманских поселений как на Сераме, так и на Амбоне. Завоевание Макасара стало возможным – или, во всяком случае, оказалось значительно легче – благодаря совместным действиям с бугийским правителем, Ару Палаккой, и его воинами; во многом точно так же завоеванию Кортесом ацтеков в значительной степени помог его союз с их злейшими врагами, тласкаланцами. Начиная с 1674 г. компания также использовала вспомогательные войска с островов Амбон, Бали и иногда с Мадур. Капитан Йонкер, который, несмотря на свое голландское имя, был чистокровным амбонцем, был тем командиром, который заставил узурпатора Трунаджайю в конце концов сдаться. Компанию часто обвиняли в следовании принципу Макиавелли – «разделяй и властвуй», но на самом деле она редко делала что-то большее, чем использование глубоко укоренившейся вражды, уже существовавшей между различными группами населения на множестве индонезийских островов.

Естественно, на впечатления китайцев от голландцев в XVII в. сильно повлияли пиратские нападения последних на джонки из провинции Фуцзянь (на юго-востоке Китая), торговавшие с Манилой на Испанских Филиппинах, и насильственные похищения китайцев ради увеличения численности населения Батавии после захвата Куном Джакарты. «Люди, которых мы называем рыжеголовыми или рыжими варварами, – писал современный китайский летописец, – ничем не отличаются от голландцев, которые живут в западных морях. Они корыстные и хитрые, очень хорошо осведомлены о ценности товаров и весьма искусны в погоне за прибылью. Они будут рисковать своей жизнью в поисках выгоды, и нет

места для них слишком далекого. Их корабли очень большие, крепкие и прочно построенные – такие в Китае называются судами с двойной обшивкой. Они управляют парусами, словно паучьими сетями, и их можно повернуть под любым углом, чтобы поймать ветер. И если кто-то столкнется с ними в море, то будет наверняка ограблен». После завоевания (в 1683 г.) маньчжурами Формозы (Тайваня) и допуска голландцев к строго регламентированной торговле в Кантоне – на тех же самых условиях, что и англичан, французов, датчан и пр., китайцы стали относиться к нидерландцам во многом так же, как и ко всем остальным «иноземцам», и контакты с ними были ограничены одними лишь коммерческими отношениями.

Огромное китайское сообщество, образовавшееся в Батавии и других местах Индонезии, находившихся под властью голландцев, родилось из браков (или сожителства) мужчин-китайцев с индонезийскими женщинами, поскольку в тот период крайне мало китайских женщин покидало Поднебесную. Сменявшие друг друга правящие династии Китая, и китайская Мин, и маньчжурская Цин, рассматривали китайцев в Индонезии – хоть ханьцев, хоть маньчжуров – в качестве изгоев общества, поскольку эти переселенцы оставили свои родные места и пренебрегли надлежащим уходом за могилами предков. Когда голландцы, поддавшись ложному впечатлению, будто китайцы вот-вот поднимут против них мятеж, истребили в 1740 г. большую часть китайской общины Батавии, то поначалу очень беспокоились, что их торговля в Кантоне подвергнется репрессиям, но на самом деле никаких неудобств они не испытали. Маньчжурский двор династии Цин в Пекине проявил полное безразличие к судьбе своих соотечественников за морем – как и императоры предыдущей, китайской династии Мин, когда португальцы истребили осевших в Маниле китайцев.

В 1793 г. был составлен сборник хроник Батавии, собранный из записей глав местной китайской общины. Что дает нам представление о высших голландских чиновниках как бы глазами низов, которое интересно сравнивать с краткими характеристиками генерал-губернаторов, сделанными Валентейном и голландскими историками того времени. Ян Мацуйкер (1653–1678) описан китайцами, как «человек со вздорным отвратительным характером, из-за чего люди низших сословий не осмеливались даже приближаться к его дверям. А если кто-то из них делал это по оплошности, то ему могли грозить арест и наказание. Компания даже не предпринимала каких-либо попыток прекратить это». Иоанна Камфиуса (1684–1691) подвергали критике за введение новых монополий, «из-за чего компания богатела, а люди беднели». С другой стороны, этого губернатора хвалили за то, что он разрешил построить китайскую школу, показав таким образом, что голландцы «готовы идти навстречу пожеланиям людей и относиться к иностранцам милостиво и великодушно». Интересно отметить, что на генерал-губернатора Адриана Валкенъера (1737–1741) не была возложена основная вина за страшную резню китайцев в Батавии в 1740 г., однако его критика и преемника барона Густава ван Имгофа, заклеили «как позор рода человеческого». Лицемерный Петр Альберт ван дер Парра (1761–1775) был охарактеризован как внешне дружелюбный, но в душе жестокий к людям человек.

Отношение японцев к голландцам оказалось более противоречивым. С одной стороны, как нам известно из записей факторий на островах Хирадо и Дэдзима, оба народа имели общее пристрастие к крепким спиртным напиткам и были не прочь поучаствовать в дружеских пирушках, которые в период «христианского столетия» в Японии (1543–1640) более воздержанные португальцы и испанцы находили отвратительными. Во время двухсотлетней изоляции, установленной военным диктатором, сёгуном Токугавой Иэясу в 1603 и длившейся до 1867 г., голландцы на Дэдземе выполняли также функцию «проводников света». Эта голландская фактория являлась единственным источником, из которого японские власти черпали информацию (в той мере, в какой им этого хотелось) о событиях в Европе и откуда они получали голландские книги, которые могло читать лишь малое число переводчиков в Нагасаки. В XVIII в. некоторые ученые, чиновники и даже даймё^[79] стали проявлять научный интерес к этой *gangaku* – голландской образованности.

Некоторые наиболее эксцентричные люди, такие как Сиба (Шибя) Кокан (1738–1818) и Хонда Госиаки (Тоши-аки) (1744–1821), даже расценивали европейскую цивилизацию как превосходящую китайскую и японскую в определенных аспектах; изучение западной медицины, астрономии и математики привело к неожиданному прогрессу в узких кругах, которыми он неизбежно и ограничился.

Также японцы восхищались мастерством голландцев как мореплавателей, судостроителей и пушкарей. Когда главами фактории на Дэдзиме или проживавшими там врачами оказывались люди, проявлявшие научный интерес к окружающей их обстановке и пытавшиеся понять взгляд японцев на жизнь, представители власти и даймё, с которыми они входили в контакт, обычно относились к ним уважительно и с вниманием. Таким человеком был Исаак Титсинг, который после нескольких лет жизни в Японии (1780–1783) продолжал дружескую переписку из Бенгалии с некоторыми переводчиками в Нагасаки и двумя даймё, выучившимися читать и писать на голландском. Однако слишком уж часто голландцы на Дэдзиме оказывались людьми того типа, который в 1775 г. критиковал Тунберг. Шведский путешественник порицал «надменность, которую некоторые тупоголовые офицеры на голландской службе по крайнему недомыслию демонстрируют японцам своей неуместной конфликтностью, высокомерным поведением, презрительными взглядами и насмешками, что, в свою очередь, дает японцам повод ненавидеть и презирать их. И подобная ненависть только растет, когда последние видят недружественное и невоспитанное отношение офицеров друг с другом и то скотское обращение, которое зачастую испытывают на себе подчиненные им матросы – вместе с бранью, проклятиями и тумаками, которыми офицеры осыпают их».

Если даже на голландских матросов часто сыпались брань, проклятия и побои, то можно легко себе представить, какого рода обращение ожидало провинившихся рабов со стороны их хозяев. Хотя голландцы изначально не зависели от рабского труда до такой степени, как их предшественники-португальцы на трех континентах, они вскоре обнаружили, что не могут без него обойтись – какие бы угрызения кальвинистской совести ни мучили их из-за торговли человеческой плотью. Как мы уже видели, вначале голландская торговля с Западной Африкой ограничивалась в основном золотом и слоновой костью, однако завоевание северо-востока Бразилии в 1634–1638 гг. породило высокий спрос на рабов для «Новой Голландии», не считая тех, которых можно было продать испанцам на Карибах и англичанам в Виргинии^[80]. Иоганн Мориц, принц Нассау-Зиген, поначалу лелеял идею использования на сахарных заводах Пернамбуку свободных рабочих рук белых поселенцев, но вскоре пришел к преобладавшему среди голландских и португальских плантаторов в тропиках мнению, будто «в Бразилии без рабов невозможно ничего добиться... без них нельзя обойтись ни при каких обстоятельствах, и если кто-то чувствует себя виноватым из-за этого, то это никчемная щепетильность». Ввиду нехватки колонистов из Нидерландов Батавия оказалась значительно заселенной рабами, привезенными из регионов вокруг Бенгальского залива, в основном подобранными молодыми парами с детьми. Голландские мускатные плантации на островах Банда также были заселены завезенными туда рабами и китайскими каторжниками – после того, как оттуда вывезли (или уничтожили) коренное население. Даже в таких местах, как Коромандельский берег, где свободные рабочие руки всегда были доступны, голландцы часто находили применение рабскому труду, а поиски рынков рабов заводили их восточных «индийцев» до островов Мадагаскар на западе и Минданао на востоке.

Если в XVII в. голландцы приняли участие в работоторговле, как на Востоке, так и на Западе, с некоторыми колебаниями и неохотой, то вскоре, подавив собственные угрызения совести, они запоздало взялись за дело. Кое-кто из голландских первопроходцев был потрясен ужасным обращением португальцев с рабами, однако нидерландцы и сами вскоре оказались повинны в таких же жестокостях, как это видно из повествований путешественников XVII–XVIII вв. и драконовской суровости их собственного колониального законодательства. Как это было и у португальцев, множество очевидцев

отмечало, что женщины-рабовладельцы наиболее жестоко обращались со своими рабами, особенно с молодыми и привлекательными девушками, которых подозревали в любовных связях со своими мужьями. Однако следует отметить, что директорами Вест- и Ост-Индской компаний было строго запрещено – по разным причинам – порабощение американских индейцев, готтентотов и яванцев. Большинство рабов в Индонезии было с островов Целебес (Сулавеси), Бали, Бутунг и Тимор. Ввоз рабов из Макасара и Бали в Батавию часто запрещался или жестко ограничивался законом из-за предрасположенности этих островитян впадать в амок (слепую ярость) или жестоко мстить за плохое обращение с ними. Однако на практике все подобные периодические запреты, похоже, игнорировались.

Голландские рабовладельческие хозяйства зачастую были неоправданно большими и, как в португальских Гоа в Индии, Луанде в Африке и Байе в Бразилии, содержались исключительно ради хвастовства и поддержания социального статуса. Новоиспеченная невеста, писавшая в 1689 г. из Батавии своей двоюродной тетке в Голландии, описала обязанности своих 59 домашних рабов следующим образом: «Трое-четверо молодых слуг и столько же служанок сопровождают хозяйку и ее супруга, когда те выходят из дома. Еще пять или шесть прислуживающих за столом слуг и служанок стоят во время еды позади стульев хозяев. Трое или четверо постоянно находятся у каждой из дверей, а один раб всегда сидит при входе, готовый принять сообщения или побежать с поручением. Остальные рабы заняты в домашнем хозяйстве, в подвале и кладовых или выполняют работу конюхов, поваров, садовников и портних».

У голландцев, как и у представителей других колониальных держав, рабство на плантациях обычно было более бесчеловечным и жестоким, чем домашнее. В этом отношении Суринам XVIII в. побил все рекорды. Восстания рабов в течение всего этого периода носили эндемический характер, и ни плантаторы Суринама, ни их надсмотрщики, похоже, так и не сделали очевидного вывода; как заметил в 1760 г. один из лидеров восставших рабов: «Белые отрезали себе носы назло лицу, столь дурно обращаясь со своими дорогостоящими работниками, что те были вынуждены скрываться в лесах». Беглые рабы, или, как их называли, «бушниггеры» или «мароны», основывали на очищенных от джунглей участках поселения, на которые время от времени нападали карательные отряды или команды из бюргеров и солдат – обычно без особо длительного эффекта. Один из наиболее грозных негритянских вожаков по имени Барон, взявший в плен белого армейского офицера, совсем недолго пробывшего в Суринаме, отпустил его со словами: «Убирайся, поскольку ты пробыл в колонии недостаточно времени, чтобы быть виновным в жестоком обращении с рабами!»

Общество Суринама XVIII столетия ничем не отличалось от плантаторских и рабовладельческих обществ, характерных для сахарных колоний других европейских держав в Западных Индиях. На самом вершине находились белые плантаторы, которые предавались тому же феодальному образу жизни, что и подобные им на Антильских островах и в Бразилии. Затем шли те, кого можно было назвать зародышем среднего класса, состоящего из белых надсмотрщиков, клерков и торговцев. Ниже находилась группа цветных вольноотпущенников, потомков белых отцов и черных матерей, а также прибывших из Западной Африки «негров соленой воды»^[81], названных так в противовес креолам. Как и во всех рабовладельческих обществах, дистанция между этими социальными группами была разительной, и наиболее непосредственный контакт высших и низших групп происходил посредством сожительства негритянок с белыми мужчинами. Хозяева и рабы в Суринаме имели еще меньше общего, чем во Французской и Английской Вест-Индиях, поскольку языком межнационального общения там являлся не голландский и даже не португальский, а необычный диалект, названный негритянско-английским – отчасти как атавизм английского происхождения колонии в 1650–1660 гг. Возможно, африканские культурные элементы, привезенные негритянскими рабами, в Суринаме укоренились более прочно, чем где-либо еще в Новом Свете. Отчасти это произошло потому, что, как мы уже видели, плантаторы систематически препятствовали распространению любых форм христианства среди своих

рабов. В общем и целом бесчеловечное отношение человека к человеку практически достигло своего пика именно в Суринаме, и я испытываю облегчение, обращаясь к региону с менее позорной историей.

Глава 9

Таверна двух морей

Нельзя с уверенностью сказать, кто первым назвал мыс Доброй Надежды de Indische Zeeherberg – Таверной Индийского океана, однако официальный представитель правительства Нидерландов, Эйтенхаге де Мнет, использовавший фразу в своем знаменитом меморандуме 1802 г. и кому ее зачастую приписывают, определенно не являлся автором этого прозвища. Тунберг, впервые посетивший мыс Доброй Надежды в 1772 г., писал, что это место «вполне уместно рассматривать как гостиницу для путешественников на пути в Вест-Индию и обратно, которые после многомесячного плавания под парусом могли пополнить запасы провианта всех видов, будучи уже примерно на половине пути от цели своего назначения, будь то путь домой или из дома». Мне кажется, что фраза родилась в XVII в., но, как бы там ни было, с того самого времени, как Ян ван Рибек водрузил здесь голландский флаг в 1652 г., и до открытия Суэцкого канала более 100 лет спустя, мыс оставался стоянкой на полпути между Европой и Азией, а обитатели Капстада (с 1806 г. Кейптауна) были, можно сказать, хозяевами большой таверны, расположившейся на стыке Индийского и Атлантического океанов.

Хотя португальцы открыли и дали имя мысу Доброй Надежды в конце XV столетия, их восточные «индийцы», следуя дорогой из дома или домой, обычно использовали его лишь в качестве якорной стоянки, а своим основным портом захода сделали маленький живописный, но нездоровый коралловый островок Мозамбик^[82]. Когда директора Голландской Ост-Индской компании решили бросить вызов притязаниям португальцев на монополию в Индийском океане, они в 1607–1608 гг. попытались вырвать из рук противника это укрепленное место. Если бы им это удалось, они никогда не решились бы устроить на мысе Доброй Надежды перевалочную базу снабжения, и вся история Южной Африки пошла бы совсем другим путем. После неудачи голландцев в Мозамбике и португальцы, и англичане время от времени вынашивали идею основания собственного поселения на мысе Доброй Надежды, дабы предвосхитить возможную его оккупацию голландцами. В июле 1620 г. командующий проходящего мимо английского Ост-Индского флота водрузил на вершине горы Голова Льва английский гражданский флаг – Крест святого Георгия и от имени короля Якова объявил о формальной принадлежности Капского полуострова британской короне. Однако «мудрейшие болваны христианского мира» проигнорировали это заявление, и мыс оставался ничейным до тех пор, пока 32 года спустя ван Рибек не воплотил в жизнь решение Heeren XVII об основании базы – перевалочной и продовольственной – для своих «индийцев».

Надо признать, что мыс Доброй Надежды не смог всецело оправдать надежд директоров в том, что экипажи заходивших туда голландских «индийцев» будут намного меньше страдать от цинги и других корабельных заболеваний. Полная отчетность по смертности на этих «индийцах» за некоторые периоды отсутствует, но из того, что у нас есть, создается впечатление, что за 50 лет до того, как был основан Капстад (Кейптаун), смертность на судах была намного меньше, чем в последние 50 лет существования компании. Во всяком случае, можно с достаточной степенью уверенности сказать, что уровень смертности начал увеличиваться в последней декаде XVII в. и постепенно прогрессировал (со значительными колебаниями) в XVIII в., а худшими оказались 1760–1795 гг. Ставоринус привел типичный тому пример: «Из команд 27 кораблей, выходящих из Европы в 1768–1769 гг. и насчитывавших, согласно спискам личного состава, 5971 человека, количество умерших составило 959, то есть примерно в соотношении 1 к 6». В 1782 г. из Нидерландов вышло десять «индийцев» с 2653 человек на борту, из которых 1095 – то есть 43 процента – умерло, не достигнув мыса Доброй Надежды, где 915 человек из оставшихся в живых поместили в

госпиталь. Кстати, это заведение никогда не пользовалось хорошей репутацией, порой походя не на лечебное учреждение, а на кладбище. Несомненно, Мендель был прав, когда писал о больных моряках и солдатах, сошедших с «индийцев» на берег в Кейптауне: «Чистый воздух и свежая пища часто шли на пользу их выздоровлению куда больше, чем доктора со всей своей медициной». Не исключено, что рост смертности на борту голландских восточных «индийцев» во второй половине XVIII в. был обусловлен хронической непригодностью к службе многих мужчин, поднявшихся на борт, – тех, чье здоровье оказалось подорванным ужасающими условиями скученности в голландских портах с их вербовочными домами, в которых тех размещали, а те, что в Батавии, страдали от эндемической малярийной лихорадки, превратившей «Королеву восточных морей» буквально в склеп. Однако худшие из общих показателей смертности пришлось на 1652–1795 гг., и, возможно, они были бы еще хуже, если бы не произошло желанных перемен, связанных с заходом на мыс Доброй Надежды.

Еще один аспект, в котором мыс, по всей видимости, не полностью оправдал первоначальные ожидания его основателей, заключался в том, что Столовая бухта оказалась гораздо менее безопасным рейдом, чем предполагалось. В зимние месяцы (на мысе Доброй Надежды, то есть те месяцы, когда в Северном полушарии лето), а особенно в мае и июне, в бухте, на которую часто обрушивались мощные северные и северо-западные штормовые ветра, было не сыскать безопасной якорной стоянки. Перечень кораблекрушений за 150 лет слишком длинен, чтобы приводить его здесь, но можно упомянуть о нескольких особо впечатляющих трагедиях 1697, 1722, 1728, 1737 и 1790 гг., когда потерпели крушения многие из богато груженных возвращающихся домой «индийцев», некоторые из них пошли на дно вместе со своими экипажами. В 1753 г. Heeren XVII постановили, что в зимний сезон, с апреля по сентябрь, «индийцы», заходящие на мыс, должны бросать якорь в бухте Фалсбай, надежнее защищенной от северо-западных штормов. Этот порядок не всегда строго соблюдался, и еще меньше внимания уделялось повторным приказам Heeren XVII, ограничивающим пребывание «индийцев» на мысе периодом от 10 до 20 дней.

Одно время директора рассматривали возможность запрета «индийцам» заходить на мыс Доброй Надежды «кроме как в случае вынужденной необходимости ради сохранения корабля и экипажа», но в итоге они решили (в 1766 г.), что судам, покидающим Батавию после 1 декабря, не следует заходить на мыс, если имеется возможность избежать этого. Такие запреты на длительное пребывание груженных судов на рейде были вызваны не только стремлением избежать кораблекрушений, но также желанием снизить сопутствующие расходы и, прежде всего, уменьшить масштабы контрабанды и частной торговли.

Здесь, как и повсюду, власти вели заведомо проигрышную войну с этой многолетней «язвой». Повторные указы против контрабандной деятельности и неоднократные разоблачения ненадлежащего поведения матросов и солдат с проходящих «индийцев» показывают, что в целом эти запреты игнорировались. Предисловие к одному из таких указов, обнародованному в Кейптауне в 1719 г., с грустью признавало, что, несмотря на тяжесть наказаний, наложенных на нарушение дисциплинарных и направленных против контрабанды правил, «противозаконные действия моряков, вместо того чтобы уменьшаться из-за страха перед наказанием, напротив, неуклонно растут». Ситуация на мысе усугублялась еще и тем, что в Столовую бухту вскоре стали регулярно заходить иностранные «индийцы», и в XVII в. на рейде часто находилось больше иностранных парусных судов, чем голландских. Поначалу Heeren XVII попытались отвести иностранных «индийцев» от захода на мыс, постановив, что им следует предоставлять только минимальный запас необходимых припасов, но позднее они приняли более либеральную политику, когда поняли, что и компания, и жители Кейптауна могут извлекать прибыль, продавая местные продукты и услуги иностранным «индийцам» – после того, как примерно в 1684 г. колония смогла сама обеспечивать себя продуктами питания.

Масштабы, до которых процветание Таверны двух морей становилось все более зависимым от иностранного судоходства, свидетельствуют заметки одной побывавшей там в

1764–1765 гг. английской дамы: «Ничто не может быть более желанным для людей этого городка, чем прибытие английского корабля, поскольку оно вызывает оборот денег, ведь большинство здешних людей занимается обслуживанием главным образом англичан – не только принимая на постой в своих домах капитанов, пассажиров и т. д., но и поставляя припасы на суда. Точно так же сюда заходит большое число французских судов, да и все идущие из Индии голландские корабли, однако последних жители обязаны снабжать по определенным ценам, установленным Голландской компанией, и поскольку ни голландцы, ни французы не тратят здесь деньги так свободно, как англичане, естественно, они не столь желанные гости. Здесь принято платить один риксдалер в день на человека за кров и стол, и за эти деньги их обеспечивают всем – изобильным питанием, чистым жильем, предупредительностью хозяев, и, что особенно удобно, большинство из них говорит по-английски. Здесь многие говорят также по-французски, так что иностранцы чувствуют себя в этом порту как дома в большей степени, чем можно себе представить».

Несколько лет спустя Ставоринус и Тунберг сделали похожие наблюдения. Голландец писал, что посещавшие город англичане «не жалели денег и беззаботно тратили их на дам», тогда как швед отметил: «На французского офицера, хоть и одетого намного лучше и часто носившего звезду на груди, как знак его заслуг и благосклонности короля, почти не обращали внимания; тогда как английского помощника капитана корабля, с его закрывавшими уши волосами, весьма уважали, поскольку он сорил деньгами».

Помимо своей значимости как порта захода для восточных «индийцев» всех национальностей, в некоторых отношениях мыс Доброй Надежды развился в уникальную колонию – за исключением недолго просуществовавших Новых Нидерландов – во владениях Ост- и Вест-Индской компаний. Здесь имелась климатически здоровая субтропическая и местами плодородная прибрежная зона, практически никем не занятая, за исключением кочевых бушменов и готтентотов, не представлявших серьезной угрозы. Белая колонизация оказалась здесь столь же возможной, как и в Новой Голландии, с дополнительным преимуществом в том, что поблизости не имелось конкурирующей европейской нации. Стоит отметить, что условия для первопроходцев ван Рибек сложились крайне суровые, ведь все приходилось строить с нуля, и здесь не было дешевой рабочей силы, как в азиатских фортах и факториях VOC. Строительного леса оказалось столь мало, что приходилось большое его количество ввозить из Скандинавии через Голландию, до обнаружения в 1760 г. лесов в восточной части района мыса. Когда Нееген XVII санкционировали основание новой колонии, они не предусматривали сколь-нибудь многочисленного белого поселения и долгое время, ради экономии средств, стремились сохранить его как можно меньшего размера. Существовал даже план, инициатором которого был Рейклоф ван Гуне (в 1655–1657 гг.), прорыть канал между бухтами Столовой и Фалсбай, дабы тем самым превратить мыс в легко обороняемый остров. Однако обстоятельства вынудили местные власти (или, как их называли до 1691 г., «командоров»), а через них и Нееген XVII согласиться, хотя и крайне неохотно, на расширение оригинального поселения до размеров, о каких и не мечтали его основатели.

Ван Рибек вскоре осознал, что бывшие солдаты, моряки, клерки и ремесленники не самый подходящий контингент для сельскохозяйственных работ, которые были необходимы, если поселению вменялось в обязанность снабжать восточных «индийцев» достаточным количеством свежего мяса, овощей, фруктов и другого провианта. Он и его преемник Захария Вагенер выступали за привлечение китайских рабочих, поскольку оба они служили на Востоке и были впечатлены результатами, достигнутыми китайскими огородниками на Формозе (Тайване) и Яве. Однако властям Батавии не удалось убедить китайцев эмигрировать в это отдаленное место, о котором те ничего не знали. И хотя ван Рибек настаивал, чтобы ему в качестве альтернативы прислали рабов, они стали появляться здесь в достаточных количествах не раньше, чем в 1670-х гг. наладилась торговля рабами с Мадагаскаром. Порабощение местных аборигенов было строго запрещено Нееген XVII, да и в любом случае опыт вскоре показал, что чистокровные готтентоты и бушмены оказались

бесполезны в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих, хотя из мужчин-готтентотов получались хорошие пастухи, конюхи и извозчики, а девушек и женщин-готтентоток иногда брали в домашние служанки.

Из-за нехватки рабов и китайцев ван Рибеку по необходимости пришлось обратиться к системе свободных бюргеров, с треском провалившейся в Восточных Индиях. Он уговорил некоторых из местных служащих, проявивших – хотя бы отчасти – склонность к сельскохозяйственным работам, оставить службу в компании и принять в дар земли под фермы на условии, что продукция должна будет продаваться компании по установленным ею же ценам. Позднее фермерам и бюргерам разрешили устанавливать более высокие цены на провизию для иностранных судов, за исключением периодов нехватки продовольствия, когда они были обязаны продавать его исключительно компании. Прогресс шел медленно – на протяжении нескольких десятилетий. С одной стороны, власти сетовали, что свободные бюргеры имели склонность бросать работу на земле в пользу содержания таверн в Кейптауне. А с другой – свободные бюргеры жаловались, что не могут возделывать землю и выращивать пшеницу без использования тягловых волов и рабов и что компания платит слишком мало за их продукцию. Максимальный упадок пришелся на 1660 г., когда 42 из примерно 70 свободных бюргеров удалось тайно подняться на борт возвращающегося в Нидерланды индийского флота, причем при активном содействии моряков. 12 лет спустя белое население все еще насчитывало менее 600 человек, из которых только 64 были взрослыми свободными бюргерами, из них только 38 женатых.

Поворотный момент наступил в 1680-х гг., когда директора наконец решили, что преимущества умеренного поощрения белой колонизации района мыса Доброй Надежды перевешивают недостатки. После отмены в 1685 г. Нантского эдикта при их содействии удалось отправить туда несколько групп изгнанных из Франции эмигрантов-гугенотов, а также несколько голландских семей и небольшие партии девушек на выданье из сиротских приютов Соединенных провинций. В 1695 г. на мысе насчитывалось все еще только 340 свободных бюргеров, однако благодаря в основном энергичному руководству и первопроходческому духу губернатора Симона ван дер Стела (1679–1699) фермы и фруктовые сады теперь раскинулись уже за пределами Капского полуострова. Эмигранты-гугеноты пожелали жить вместе и сохранить свою национальную идентичность, однако Симон ван дер Стел, настроенный необычайно националистически для голландца, настоял на расселении их среди голландских фермеров, и через два или три поколения они полностью растворились среди местных голландцев. Постоянный приток населения обеспечивали военные и гражданские служащие компании, оставившие службу и ставшие бюргерами и фермерами на мысе, а в XVIII в. точно таким же образом в колонии обосновалось значительное количество немцев. Подавляющее большинство этих мужчин не привозило с собой женщин собственной национальности, поэтому они женились на девушках голландского или франко-голландского происхождения. К 1780 г. в колонии уже проживало где-то между 11 и 12 тысячами свободных бюргеров, из которых не менее 3 тысяч жило в Капстаде (Кейптауне). Несколькими годами раньше Ставоринус отмечал: «Хотя первые колонисты здесь были из разных народов, они, с течением времени, теперь настолько тщательно перемешались, что их невозможно отличить друг от друга; даже большинство тех, кто родился в Европе и кто прожил здесь несколько лет, изменили свой национальный характер на свойственный этой стране».

Экономическое развитие колонии тормозилось многочисленными ограничениями, наложенными компанией, судя по постоянным жалобам свободных бюргеров, на коммерческую и, в меньшей степени, сельскохозяйственную деятельность. В 1685 г. ван Редет тот Дракетейн докладывал, что все свободные бюргеры недовольны правлением компании. Те, кто жил близ замка, резиденции местного правления, – тем, что им не позволяли свободно торговать; занятые земледелием – из-за того, что не могли назначить более высокую цену за свою продукцию; занимавшиеся разведением скота – потому, что им не разрешалось вести обмен с готтентотами. И вряд ли можно было ожидать, что голландские

директора XVII в. согласятся с взглядами на свободную торговлю, которые стали общепринятыми лишь в викторианской Англии; однако некоторые побывавшие на мысе Доброй Надежды в 1655–1795 гг. официальные уполномоченные критиковали жесткие ограничения, наложенные на его жителей, и рекомендовали облегчить их бремя теми или иными незначительными уступками. Один из них, Дэниел Нолтениус, зашел настолько далеко, что даже заявил (в 1748 г.), что колония не добьется настоящего процветания, пока свободная торговля и мореходство не будут доступны «не только жителям этого мыса, но и всем, кто хотел бы участвовать в ней, независимо от того, живут ли они в Европе или в Азии». Вряд ли стоило ожидать, что столь революционная точка зрения придется по нраву директорам фрахтовой компании, для которой, по общему признанию, «торговля служила компасом, а выгода путеводной звездой». Желание директоров свести стоимость содержания колонии до минимума и при этом обеспечивать свои суда свежей провизией по возможно более низким ценам столкнулось с желанием колонистов рассчитывать по ценам, которые они, по их мнению, заслуживали и по которым они обычно могли рассчитывать с командами и пассажирами иностранных судов. Таков был конфликт интересов, в период правления компании так и не разрешенный к удовлетворению ни одной из сторон. Рассмотрение производства пшеницы, вина и шерсти в колонии поможет прояснить этот вопрос.

По приведенным выше причинам поселению на мысе потребовалось больше времени, чтобы перейти на самообеспечение продовольствием, чем изначально рассчитывали директора. Огороды, разбитые ван Рибеком, вскоре производили достаточно овощей для команд «индийцев», а свежее мясо обычно можно было получить путем обмена с готтентотами. Однако почти ровно 30 лет мыс Доброй Надежды оставался зависим от поставок пшеницы и риса из Батавии и других мест, а первые небольшие излишки зерна для экспорта появились лишь в 1684 г. Вместе с расширением колонии улучшалась и ситуация. Естественное плодородие почвы местами сильно варьировалось, но, как заметил Менцель, имелось крайне мало ферм, где участки хорошей почвы не чередовались бы с вкраплениями песчаного и каменистого грунта. Обычно фермеры собирали урожай три года подряд, а на четвертый оставляли вспаханную землю под паром. Использовались плуги, запряженные шестью, восемью и десятью волами, обслуживаемые бригадой в три человека; основными посевными культурами являлись пшеница, рожь и ячмень. Сезон сбора урожая приходился на Рождество, когда все трудоспособные, включая детей и рабов, с рассвета до заката трудились в поле, делая в 7 часов утра перерыв на завтрак и с 10 утра до 14 часов дня – слишком жаркое для работы время – на отдых.

Когда мыс Доброй Надежды впервые произвел избыток пшеницы на экспорт, было предложено выращивать эту зерновую культуру для поставок в Нидерланды, однако Нееген XVII отвергли эту идею, как непрактичную, поскольку себестоимость пшеницы на мысе почти вдвое превосходила ее себестоимость в метрополии. Позднее директора пытались поощрять экспорт пшеницы с мыса в Батавию, однако ее власти заявили, что могут получить более дешевое и качественное индийское зерно из Бенгалии и Сурата, тем более что прямо под боком у них находилась яванская «чаша с рисом». Яванские войны за наследство, сопровождавшиеся распадом Матарам (1704–1755) и опустошением многих обрабатываемых земель, изменили эту ситуацию. К 1750 г. с мыса Доброй Надежды ежегодно экспортировалось 2 тысячи тонн пшеницы в Батавию – это помимо несколько меньшего количества на Цейлон. После 1772 г. фермеры района мыса могли снабжать зерновыми все голландские поселения в Азии, да и экспорт пшеницы в Нидерланды также стал целесообразен из-за резкого скачка цен на зерно на рынке метрополии после 1769 г. Англо-голландская война 1780–1784 гг. положила конец этому, так же как и многим другим источникам голландского колониального процветания. Когда в 1795 г. власть компании рухнула, проблема того, что делать с экспортными излишками пшеницы с мыса, так и осталась нерешенной. Весь этот период компания никогда не платила фермерам мыса такую же высокую цену за их зерно, какую обычно были готовы заплатить пассажиры и команды

иностранцев» или даже жители Кап-стада (Кейптауна). Вследствие этого свободные бюргеры предпочитали продавать зерно иностранцам, даже несмотря на периодически издававшиеся распоряжения и приказы, призванные ограничить такую практику и отдавать предпочтение потребностям компании.

Производство и экспорт вина являлись еще одной проблемой, по которой виноделы и компания не всегда находили общий язык. Виноградарство на мысе Доброй Надежды ввел ван Рибек, и в 1680 г. было отобрано несколько сведущих в этом деле гугенотов-эмигрантов, однако произошло это задолго до того, как вина с мыса признали в других местах. Как и многое другое, виноградарство во многом обязано предписаниям и личному примеру Симона ван дер Стела, чьи с любовью возделывавшиеся виноградники в Грот-Констанции дали имя вину, ставшему в XVIII в. знаменитым на весь мир.

Несмотря на улучшение качества и факт стабильного роста и даже удвоения выпускаемой продукции между 1776 и 1786 гг., рост экспорта вина не соответствовал этим показателям. Большинство побывавших на мысе Доброй Надежды после длительного морского путешествия вполне доброжелательно отзывались о его винах; но как только они обосновывались в Батавии, Пондишери (ныне Пондичерри) или Калькутте, то меняли свои предпочтения на французские кларет, бордо и шампанское. Луи де ла Кайе, Менцель и другие иностранные наблюдатели были согласны, что качество наиболее распространенных вин мыса Доброй Надежды можно улучшить, если проявлять большую заботу относительно культивации винограда. Большинство виноградарей «не знало, как правильно обращаться со своими виноградниками». А те, что знали – как виноградари Констанции (ныне на юго-западе Кейптауна), – держали свои секреты при себе, дабы продавать вино по более высоким ценам, если не компании, то на черном рынке. Виноделы должны были продавать свое вино компании по фиксированным ценам, а сама компания выдавала лицензии на торговлю вином в розницу. Хотя Менцель утверждал, что монополия была не такой уж и обременительной, сами виноделы жаловались, что цены на продажу их вина в значительной степени зависят от решений нескольких высокопоставленных чиновников компании и некоторых избранных лиц.

Одной из проблем, замедлявших в XVII в. развитие земледельческих ферм, являлось то, что многие фермеры предпочитали заниматься скотоводством, поскольку это требовало меньше рабочих рук и труд этот был востребован. Изначально компания рассчитывала на натуральный обмен с готтентотами, дабы получать достаточное количество овец и крупного рогатого скота для снабжения колонистов и «индийцев» свежим мясом. Периодические трудности – хотя они никогда не выливались в длительные войны – в отношениях с готтентотами (ныне употребляется название койкоин) и смерть, унесшая множество жизней готтентотов из-за вспышки оспы, привели к изменению подобной политики. Власти, хоть и отдавая предпочтение созданию земледельческих ферм, более не препятствовали разведению скота бюргерами. Овцеводческие и скотоводческие хозяйства продвинулись еще дальше вглубь страны – вместе с поисками фермерами новых пастбищ на землях, где вода зачастую оказывалась в дефиците и где почва не могла выдерживать слишком длительные выпасы. Капских овец разводили главным образом из-за баранины, которая составляла основную пищу жителей Кейптауна, а гости с судов «индийцев», которые на некоторое время задерживались на берегу, обычно жаловались на однообразие такого ежедневного питания и на то, что еду готовили очень жирной. Овечьи шкуры шли на обувную кожу, однако шерсть оставалась фактически бесполезной «из-за того, что это скорее были волосы, чем шерсть», как заметил Менцель.

Время от времени предпринимались усилия по улучшению породы путем завоза баранов – персидских и мериносов, однако почти до самого конца правления компании приемлемых результатов по производству шерсти, пригодной для экспорта, не было достигнуто. В 1782 г. несколько фермеров и чиновников подали петицию с просьбой позволить им «попробовать производить шерстяные изделия», однако фискальная служба компании отказала в их просьбе, откровенно заявив, будто «создание и развитие подобных производств кардинально

противоречит истинному благосостоянию и самой сути политической системы правительства», поскольку это негативно повлияет на усилия, предпринимаемые для оживления текстильной промышленности в Нидерландах. Тем не менее овцеводство ради баранины оставалось и выгодным, и продуктивным. Стада в тысячу голов считались довольно маленькими, а Тунберг однажды останавливался у фермера в Боккевельде, который владел 3 тысячами голов крупного рогатого скота и 12 тысячами овец. К концу XVIII в. в колонии насчитывалось более 1 миллиона 250 тысяч овец, хотя только 7 тысяч из них являлись полутонкорунными.

Отношение компании к развитию фермерства в районе мыса Доброй Надежды, хотя и диктуемое в основном желанием удерживать низкие цены и обеспечивать своих «индийцев» провизией насколько возможно дешевле, было не полностью ограничительным. В 1706 г., в результате жалоб многих бюргеров на энергичных, но деспотичных губернаторов, Симона и Виллема ван дер Стелов, которые якобы заняли большие участки самой лучшей земли под собственные фермы (1685–1705), Heeren XVII запретили своим чиновникам и служащим владеть землей в сколь-нибудь значительных масштабах или заниматься фермерством. Правило это не всегда слишком строго соблюдалось, поскольку его можно было до некоторой степени обойти посредством разумного брачного контракта, однако оно давало уверенность, что свободным бюргерам, занятым фермерством или виноградарством, не придется конкурировать с чиновниками, также являвшимися крупными землевладельцами. Бюргеры и фермеры района мыса Доброй Надежды были уверены в достаточном рынке в метрополии для своей продукции, даже если они и не могли продавать ее по тем ценам, которые им хотелось бы получить за пшеницу, вино и шерсть, и даже если они не всегда могли экспортировать свою избыточную продукцию.

Когда время первопроходцев ван Рибека и его ближайших преемников закончилось, белое общество мыса Доброй Надежды можно было поделить на три основные группы: бюрократы, то есть чиновники компании, городские свободные бюргеры Капстада (Кейптауна) и сельские свободные бюргеры – буры. Восемь старших чиновников компании составляли Правительственный совет под председательством губернатора, и этот орган власти (без губернатора) также собирался два-три раза в неделю в качестве Совета юстиции. Начиная с 1685 г. в этом последнем совете присутствовало два (а позднее три) представителя от свободных бюргеров, а время от времени им позволялось представлять своих сограждан также в Правительственном совете. Некоторые из старших чиновников, которые почти всегда принадлежали к родившимся в Европе нидерландцам, были убеждены в своем действительном или воображаемом культурном превосходстве над бюргерами, многие из которых имели незнатное голландское, французское, немецкое или местное происхождение. Однако верно и то, что социальные отношения между бюрократами и бюргерами являлись здесь значительно менее напряженными, чем в Батавии. Менцель, замечавший скрытую неприязнь в отношениях между родившимися в Европе голландцами и местными африканерами, также отмечал: «На общественных празднованиях, таких как свадьбы и прочее, я часто наблюдал оптовых торговцев или даже офицеров, танцующих с дочерьми обувщиков, тогда как их собственные дочери отплясывали с сыновьями простых торговцев. Преимущество оставлено лишь за крупными торговцами, поскольку они являются членами правительства и государственными деятелями, однако кроме них ни один человек на мысе Доброй Надежды не считает себя лучше своих соседей». Склонность богатых вдов Батавии выходить замуж за священников находила свое подобие и на мысе Доброй Надежды, где, как сообщает нам Менцель, «священники стоят рангом выше простых торговцев и имеют такое высокое жалованье, пособия и привилегии, что всегда могут составить в браке наилучшую партию».

Наиболее богатые бюргеры Капстада (Кейптауна) превратили свои дома в пансионы для офицеров и пассажиров заходящих на мыс «индийцев», тогда как «простой люд» делал то же самое для солдат и матросов. Большинство посещавших Капстад в XVIII в. отмечали преимущества женщин бюргерского происхождения перед бюргерами-мужчинами,

утверждая, что первые были более энергичными и сообразительными, во всяком случае пока не состояли в браке. Ставоринус оказался не единственным, кто порицал лень и невежество бюргеров побогаче, предававшихся апатичному образу жизни, напоминая этим своих собратьев в Батавии. «Вольных мужчин, граждан Капстада, редко встретишь на улице; в большинстве своем они сидят дома в одном исподнем и проводят время за курением или бесцельно слоняются по дому. После обеда спят, как это принято в Индии, а вечерами играют в карты. Они не любители чтения, вследствие чего крайне невежественны и почти ничего не знают о том, что происходит в других частях земного шара – за исключением того, что могут услышать от навещающих их время от времени приезжих». Некоторые из наиболее состоятельных бюргеров отправляли своих сыновей учиться в голландские или немецкие университеты, и те возвращались домой с большим багажом знаний, чем можно было приобрести в начальных школах мыса или узнать от немецких солдат и унтер-офицеров, которых в качестве гувернеров иногда нанимали наиболее обеспеченные бюргеры и фермеры.

Такая резкая критика Ставоринуса в меньшей степени применима к свободным бюргерам победнее, которые, вдобавок к гостившим в их домах солдатам и матросам с судов-«индийцев», занимались еще и обычными ремеслами, «такими как кузнечное, столярное, портняжное и т. д.». Их жены, как отметил Менцель, обычно зарабатывали больше денег, занимаясь контрабандной торговлей со своими платежеспособными гостями и с приезжими фермерами из центральной части страны. В этом отношении все бюргеры, как богатые, так и бедные, практиковали частную торговлю на стороне, либо напрямую, либо (что случалось чаще) через своих жен. В такой контрабандной торговле присутствовал большой спекулятивный элемент, зависевший от прибытия и убытия судов, чьи грузы невозможно было точно спрогнозировать, поэтому черный рынок был подвержен чередованиям избытка и дефицита товаров. Вообще говоря, провизия, произведенная на месте, на мысе Доброй Надежды стоила очень дешево, а импортные промышленные товары были весьма дорогими. Пассажиры и моряки с возвращающихся домой судов-«индийцев» привозили чай, кофе, китайский фарфор, шелка, хлопчатобумажные ткани и другие восточные товары для частной торговли, тогда как идущие в обратном направлении суда доставляли европейские товары и деликатесы. Даже голландские пиво и сыр с готовностью раскупались на мысе, поскольку местные сорта были более низкого качества. К счастью для хозяев Таверны двух морей, навещавшие их моряки и солдаты считались, как известно, отъявленными мотами и зачастую спускали свои заработанные годами тяжкого труда сбережения за несколько дней пребывания на мысе Доброй Надежды.

Приезжие, проводившие некоторое время на мысе, не упускали случая противопоставить и сравнить бюргеров Кап-стада с обитателями сельской местности, то есть *boegen* – бурами, – как их чаще всего называли. Изначально слово «бур» имело оскорбительный подтекст, о чем свидетельствуют его переводы XVII в. – *boog* и *clown*, «грубиян» и «деревенщина». В 1685 г. ван Редде тот Дракестейн предложил, чтобы термин «свободный бюргер» официально заменили на «селянин и фермер» – *boeren en bouwlieden*, предположительно ради того, дабы подчеркнуть, что они должны заниматься сельским хозяйством, а не коммерческой деятельностью. С течением времени буры подразделились на две категории. На тех, кто жил в относительной близости от Кап-стада, и тех, кто занимался виноградарством и возделыванием земли на фермах, а также разведением овец и крупного рогатого скота. Еще были такие, кто проживал в районах «непостоянной границы» и ограничивался скотоводством – из-за природных свойств почвы, недостатка рабочих рук, удаленности от Капстада, отсутствия дорог и собственного желания оставаться свободным от досадных ограничений, наложенных городскими бюрократами.

Большая часть земли в радиусе примерно 50 миль от Капстада была поделена на фермерские хозяйства, которыми владели на правах фригольда – безусловной собственности и которые находились приблизительно в часе верховой езды друг от друга. В более отдаленных районах земля изначально сдавалась в аренду, временный владелец которой

арендовал «землю и почву» у компании пожизненно, однако не имел гарантий, что правительство подтвердит права на землю его наследникам. Те строения, которые тем не менее возводились на участке владельцем, являлись его личной собственностью и могли быть проданы им самим или его наследниками, если последних впоследствии лишат права собственности на эту землю. По мере того как семья фермера разрасталась, с рождением каждого ребенка обычно «откладывали» корову или овцу-ярку, и все животные, родившиеся от самого первого, становились собственностью этого ребенка. Таким образом, к тому времени, когда ребенок становился взрослым, почти каждый уже обладал вполне приличным ядром будущего стада. Следовательно, каждый молодой человек имел стимул оставить ферму отца и основать свою собственную на другом арендованном отдаленном участке. По пересмотренному земельному регламенту от 1743 г., 60 моргенов^[83] каждого арендованного участка можно было перевести во фригольд, остальная же часть фермы оставалась во владении на прежних условиях аренды, которая могла быть аннулирована по желанию компании.

Засухи, наводнения, болезни и стихийные бедствия того или иного рода часто уничтожали первоначальные стада, но природа обычно давала возможность их быстрого восстановления в подобных обстоятельствах, и большинство буров являлись намного состоятельнее своих тезок в Европе, и, как в свое время заметил Менцель, «многие буры владеют поголовьем в 300 быков или буйволов, 100, 150 и более коров, от 2 до 3 тысяч овец, 40 или 50 лошадей, 20, 30 или более рабов и огромными земельными угодьями. Поэтому многие из африканских буров хорошенько подумают, стоит ли им меняться местами с немецким аристократом». Разумеется, многие буры, особенно на краю «непостоянной границы», жили не столь благополучно, как те, что поближе к Капстаду (Кейптауну). Они могли держать – и держали – много скота и овец, но редко имели в услужении более полудюжины рабов и готтентотов, а порой всего одного или двух. Некоторые из бюргеров Капстада и чиновников также владели небольшими поместьями, и привлекательные дома, в которых они жили, прекрасно проиллюстрированы в книгах Эллис Троттер и Доротеи Фейрбридж. Никто из таких фермеров или землевладельцев не становился чрезмерно богатым, поскольку на мысе не имелось возможностей для накопления или траты огромных состояний, если не считать периодически повторяющейся экономической депрессии, случавшейся во время правления компании.

Естественно, чем дальше от Капстада, тем примитивнее становились условия жизни. В середине XVIII столетия последние оштукатуренные дома можно было увидеть лишь неподалеку от городка Мосселбай. Скотоводы и охотники, пробывавшиеся вглубь Карру (Кару)^[84], жили в ветхих хижинах или шалашах и на ночь загоняли свой скот в корали (загоны). Буров приграничных районов их городские соотечественники, а также приезжие иностранцы часто упрекали в том, что они живут как готтентоты. Например, Ставоринус, проведя ночь на ферме рядом с мысом Доброй Надежды, на следующее утро восхвалял в дневнике своих хозяев в эпитетах, достойных восторженного почитателя Руссо и Рейналя. «Счастливы, трижды счастливы смертные, которые, находясь на краю земли, среди дикой африканской природы, еще недавно столь пустынной и бесплодной, могут вести столь содержательный и целомудренный образ жизни!» И совсем не столь одобрительно он отзывался о бурах с отдаленных пограничных территорий, которые, по его словам, «и манерами, и внешним обликом напоминали скорее готтентотов, чем христиан».

Тунберг, гораздо глубже проникший вглубь страны, чем Ставоринус, писал о бурах: «У жителей этой страны продуктов в изобилии, но они зачастую нуждаются в мебели. Здесь повсюду встречаются стулья и столы, сделанные руками самого фермера, которые он обтягивает телячьей кожей или изготавливает из скрученных в жгуты полос кожи. Полы в домах земляные, утрамбованные и гладкие. Чтобы они стали твердыми и прочными, их промазывают либо разведенным коровьим навозом, либо бычьей кровью, из-за чего они получают довольно скользкими». Стеклянные окна были крайней редкостью, в домах не имелось ни чердаков, ни мансард, ни потолков, а балки крыши лежали прямо на стенах.

Дома, точнее, хижины такого рода, «построенные из необожженной глины, сформированной в виде кирпичей, слегка просушенных на воздухе», являлись более типичным жилищем среднего бура, чем величественные дома Грот-Констанции или Грот-Шура, которыми и по сей день восхищаются туристы. Нехватка дорог делала перевозку тяжелых грузов с большинства ферм (или на них) практически неосуществимой – за исключением летних месяцев, когда уровень рек падал и они становились проходимыми для запряженных волами фермерских повозок. Древесины во многих районах оказывалось настолько мало, что даже древесный уголь для кузнецов приходилось завозить из Европы.

Обращенная к суше граница колонии, об очертаниях которой имелись лишь смутные представления, начиная со времен ван Рибекса постоянно отодвигалась на север и восток, а примерно с 1730 г. темп ее передвижения только ускорился. Фермерские сыновья с самого детства привыкали к тяжелой жизни, проходящей в охране стад своих отцов, в охоте и торговле (нелегальной) скотом с готтентотами. Одно за другим поколения этих приграничных жителей чувствовали все более возрастающую потребность пересечь Малое Кару и продвинуться дальше вглубь страны. Действуя подобным образом, скотоводы и охотники вытеснили готтентотов с их лучших пастбищ, а затем и с их менее пригодных земель. И в 1770-х гг. буры вступили в контакт с продвигающимися на юг племенами банту. Банту, как и приграничные буры, в первую очередь занимались пастбищным скотоводством. Поэтому вооруженных столкновений из-за выпасов и кражи скота было не избежать, даже несмотря на вялые попытки правительства Капской колонии установить четкую границу между белыми и черными по реке Хрут-Фис.

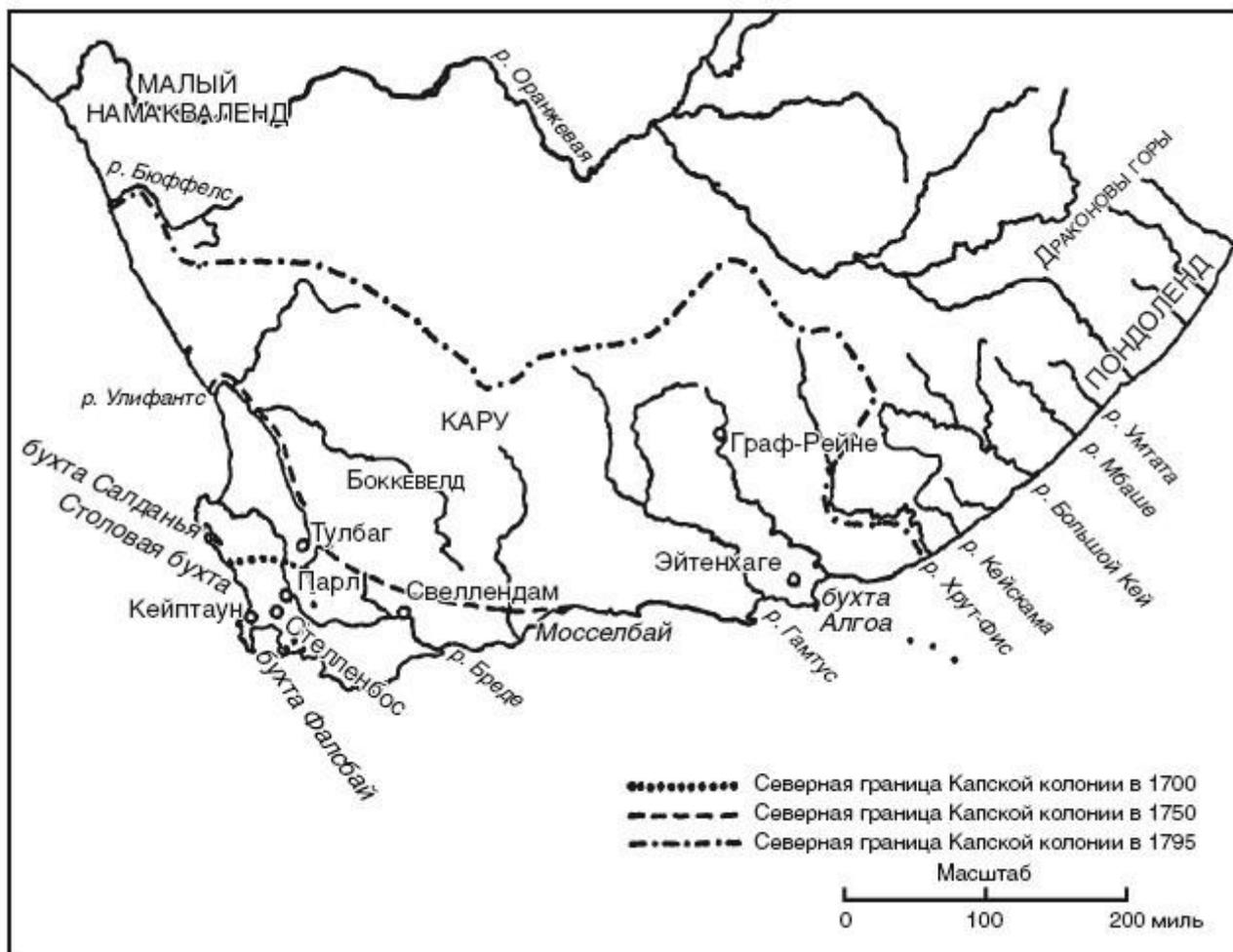
Чиновники компании время от времени обвиняли в провоцировании столкновений самих буров и отказывались санкционировать агрессивные действия против банту. Недовольные подобным отношением, решительно настроенные буры-кальвинисты Граффа-Рейне, к которым присоединились их соратники же из Свеллендама, в 1795 г. отказались от своей номинальной зависимости от доживавшей последние дни Ост-Индской компании и объявили себя верноподданными Генеральных штатов, имеющими право на полную региональную автономию. Такое заявление о преданности Генеральным штатам не следовало принимать слишком всерьез, поскольку множество побывавших в Капской колонии в конце XVIII в. отмечали, что буры считали Южную Африку своей родиной в большей степени, чем Нижние Земли (Нидерланды) у Северного моря, которые они никогда в глаза не видели. Легкость, с которой англичане осуществили обе свои оккупации района мыса Доброй Надежды (Капской колонии) в 1795 и 1806 гг., также свидетельствует об относительной слабости проголландских настроений африканеров. Лейтенанта Джеймса Прайора из Королевских военно-морских сил можно обвинить лишь в незначительном преувеличении, когда он писал несколько лет спустя: «Насколько мне известно, буров до тех пор, пока они могут с выгодой продавать свой скот и оставаться свободными от жестких юридических ограничений, мало волнует, кто владеет Кейптауном – англичане или китайцы». Следует добавить, что некоторые из пограничных общин осознавали свою культурную изоляцию и периодически обращались к властям с просьбой направить к ним постоянных кальвинистских священников и школьных учителей, однако на такие должности в диких местах находилось крайне мало добровольцев, даже притом, что компания была готова нести любые расходы.

Вдобавок к чиновникам, бюргерам и бурам в Капской колонии имелся еще один заслуживающий упоминания класс белых людей. Это были наймиты-кнехты, или служащие по контракту, большинство из которых вербовалось из состава гарнизона. Когда фермер не мог сам управиться со своей фермой, он обращался к властям Капстада с просьбой о предоставлении ему солдат из замка (резиденции местной власти) или (значительно реже) матросов из госпиталя. Если находился подходящий доброволец, согласный на условия фермера, его освобождали от военной службы – хотя по-прежнему могли призвать обратно в случае экстренной ситуации – и «сдавали в аренду» фермеру сроком на год, и его контракт ежегодно возобновлялся. Обычно жалование такого кнехта, выполнявшего обязанности надсмотрщика или управляющего фермой, составляло 16 флоринов в месяц, с питанием и

проживанием. Те, кого нанимали в качестве гувернеров для фермерских детей, начинали с 14 флоринов в месяц, но с ежегодной прибавкой. Менцель, сам служивший кнехтом, отмечал: «Для способного человека такая форма найма являлась важной вехой на пути к благосостоянию. Эти люди зачастую женились на дочерях или вдовах хозяина. На самом деле мне известны случаи, когда вдовы нанимали кнехтов с прицелом на супружеские узы». Разумеется, не все кнехты добились успеха на данном поприще, а лишь те, кто не опустился до уровня «белых бедняков», зарабатывавших меньше свободных квалифицированных «цветных» или даже работников-рабов.

Наем бывших солдат в качестве надсмотрщиков не решил проблем фермеров с рабочей силой. До некоторой степени этому способствовали ввоз и использование рабов. Поскольку Heeren XVII строго запретили порабощать готтентотов и бушменов, властям Капстада пришлось приобретать рабов в дальнем зарубежье. Двумя основными рынками рабов для них стали Мозамбик и Мадагаскар, кроме того много рабов ввозилось из района Бенгальского залива и из Индонезии. Поначалу их число было невелико. В начале XVIII в. в Капской колонии насчитывалось всего около 800 взрослых рабов, однако 50 лет спустя их число достигло 4 тысяч, а к 1780 г. почти 10 тысяч. В XVII столетии число белых колонистов росло быстрее, чем рабов, но в первой половине XVIII в. такое положение сменилось на противоположное. Многие из индийских и индонезийских рабов были искусными ремесленниками и мастерами, и некоторые из последних, под обобщенным названием *slameiers*^[85], и по сей день держатся в стороне от общей массы «цветного» населения района мыса Доброй Надежды. У них совсем немного примеси негроидной крови, они сохранили некоторые голландские народные песни и употребляют выражения, которых больше не услышать от говорящих на африкаансе белых.

Вопрос о том, какой из трудовых ресурсов экономичнее – белые работники или «цветные» рабы, – губернатор вынес на обсуждение совета в 1716 г., и все советники, за исключением начальника гарнизона, без колебаний проголосовали за рабский труд. Один из советников утверждал, что, согласно гроссбухам компании, содержание одного раба составляет около 40 флоринов в год, тогда как белого кнехта целых 175. Также приводился довод, будто рабы более послушны и усердны в труде, надеясь на то, что со временем их освободят, тогда как белые работники имеют предрасположенность спиваться и превращаться в непригодную для найма нищету. Начальник гарнизона оспаривал правоту этих утверждений и горячо доказывал, что в долгосрочной перспективе белая рабочая сила обойдется дешевле и куда более полезна для благотворного развития колонии. Рабы же, утверждал он, всегда будут дорогостоящим неудобством, учитывая дороговизну их перевозки, высокую смертность, склонность к побегам и количество людей, необходимых, чтобы поддерживать порядок и присматривать за ними. Губернатор принял сторону большинства, добавив, что если у кого-то имеются сомнения в необходимости рабского труда, то ему следует «взглянуть, как все это осуществляется в Азии и во всех колониях Западных Индий, Суринама и т. д.». Решение это имело жизненно важное значение, поскольку с ним согласились Heeren XVII, и с тех пор никаких усилий по поощрению переселения европейских крестьян в сколь-нибудь значительных масштабах более не предпринималось. Количество рабов неуклонно росло, и на весь остаток столетия земледельческие фермы стали зависеть в основном от рабского труда.

Карта 8.

Мыс Доброй Надежды и прилегающая территория (Капская колония)

Рабы на мысе Доброй Надежды подразделялись на две основные категории: принадлежащие компании и находящиеся в собственности отдельных чиновников, бюргеров и буров. В теории, число рабов компании было ограничено 450 душами, однако на практике их обычно было занято от 600 до 800. Компания использовала их не только в качестве портовых грузчиков, каменщиков, строителей, мельников, гончаров, дояров, конюхов, санитаров, переплетчиков, садовников, кровельщиков и т. д. и т. и. для своих собственных нужд, но и сдавала «в аренду» различным чиновникам, которые, кстати сказать, часто злоупотребляли этой привилегией, используя больше рабов, чем им полагалось. Средства к существованию многих жителей Капстада в значительной степени зависели от тех рабов компании, которые были обучены различным профессиям и которых нанимали поденно или на месяц. Из индонезийских мужчин-рабов получались отличные каменщики, маляры, кондитеры, повара и рыбаки, а многие женщины были обучены портняжному мастерству. Негров-рабов использовали на тяжелых работах по погрузке и разгрузке судов, на виноградниках, фермах и огородах колонистов.

Одной из особенностей жизни на Капской колонии, которая производила впечатление на многих приезжих, были музыкальные таланты «малайских» рабов и то мастерство, с которым они играли исключительно «на слух». «Мне известно много больших домов, – писал в 1803 г. немецкий врач, исследователь и зоолог, лейб-медик губернатора мыса Доброй Надежды Лихтенштейн, – в котором нет ни одного раба, который не играл бы на каком-либо инструменте и где оркестр немедленно собирается вместе, если вдруг молодежь

в доме, к которой днем наведались их знакомые, захочет пару часов развлечься танцами. Повинуясь кивку, повар сменяет кастрюлю на флейту, конюх перестает чистить лошадь и берет скрипку, а садовник, отбросив лопату, садится за виолончель». Уильям Хикки, гордившийся тем, что считался знатоком и ценителем музыки – а также вина и женщин, – уверял, будто раб-флейтист, сопровождавший его при подъеме на Столовую гору, играл «самую сладкозвучную мелодию из всех, что я слышал».

Обращение владельцев со своими рабами на мысе Доброй Надежды на большинство иностранных гостей производило благоприятное впечатление – за исключением разве что вечно недовольного Джона Барроу. Капитан Джеймс Кук из Королевского военно-морского флота, который повидал мир значительно больше, чем подавляющее большинство его современников, и чье мнение всегда заслуживает уважения, писал в 1772 г.: «Наиболее видные жители мыса иногда владеют 20–30 рабами, с которыми в целом обращаются с большой заботой, а иногда те становятся фаворитами своих хозяев, которые одевают их в очень хорошую одежду, но не позволяют носить ни обуви, ни чулок» – босые ноги являлись признаком рабства. Разумеется, имелись и исключения, и относительно больше жестоких хозяев можно было найти среди буров из глубины страны, чем между бюргерами Кейптауна, хотя свидетельства на этот счет весьма противоречивы. Но рабы не оставались совсем без защиты закона или компенсации и имели право ходатайствовать об облегчении своей участи, если с ними жестоко обращались или кормили ненадлежащим образом. Можно не сомневаться, что они не всегда осмеливались на подобный шаг, но есть несколько задокументированных примеров, когда они на это отваживались. Например, в 1672 г. рабы компании пожаловались прибывшему на мыс Доброй Надежды генеральному уполномоченному, Арнольду ван Овербеку, на недостаток одежды и питания. Жалоба была изучена, найдена справедливой, в результате чего был отдан приказ, чтобы впредь рабов лучше кормили и одевали.

Частные владельцы, приобретшие дурную славу из-за жестокого обращения со своими рабами, обычно – хотя и не всегда – подвергались наказанию; в некоторых крайних случаях рабов у хозяев-садистов отбирали. В общем и целом на протяжении всего XVIII столетия рабов в Капской колонии, похоже, кормили и одевали вполне надлежащим образом, также были приняты некоторые меры для образования их детей. Компания содержала начальную школу для обучения некоторых детей рабов чтению, письму, арифметике и голландскому языку. Частные владельцы порой обучали детей своих рабов вместе с собственными – или в начальной школе, или у себя дома. Как для компании, так и для частных владельцев не было чем-то необычным отпускать своих рабов на волю – при определенных обстоятельствах и позаботившись о мерах безопасности, чтобы они не стали угрозой для общества. Рабы, вывезенные в Соединенные провинции, сразу по прибытии автоматически обретали свободу – в соответствии с постановлением Heeren XVII от 1713 г., то есть почти за 60 лет до того, как было обнародовано замечательное решение лорда Мэнсфилда, лорда-судьи Англии и Уэльса, гласившее, что, как только нога раба ступит на землю Англии, он считается свободным. В некоторых районах Нидерландов рабы по прибытии туда и раньше считались автоматически и юридически освобожденными, и работодателей, которые пытались сохранить их в качестве рабов, могли подвергнуть наказанию. Такое правило уже довольно давно действовало в Амстердаме.

Несмотря на то что с рабами в Капской колонии обращались возможно лучше, чем в других местах, остается тот факт, что за совершенные преступления их наказывали с особой жестокостью, что делалось в соответствии с преднамеренной политикой. Менцель, повествуя о том, как его коллеги по Совету юстиции ограничили деятельность одного непопулярного судебного исполнителя, слишком сильно злоупотреблявшего своими судебными полномочиями в том, что касалось преступников-европейцев, многозначительно добавляет: «Тем не менее ему позволили действовать более или менее на собственное усмотрение по отношению к беглым рабам и прочим правонарушителям этой расы, ибо, если не удерживать аборигенов от дурных поступков путем применения суровых наказаний, таких как

повешение, колесование или сажание на кол, ничья жизнь не будет находиться в безопасности. С другой стороны, европейцу, чтобы оказаться приговоренным к смертной казни, нужно было совершить очень серьезное преступление. За восемь лет моего пребывания на мысе (1732–1740) казнили только шесть европейцев, и они вполне это заслужили». Точность этого наблюдения оспаривалась, хотя пытки, в соответствии с римско-голландским правом, являлись обычным узаконенным явлением и иногда применялись к белым. Однако показания Менцеля подтверждаются Ставоринусом, писавшим примерно 40 лет спустя, а также через ознакомление с указами и приговорами, опубликованными в *Kaapse Plak-kaatboek* за 1652–1795 гг. В любом рабовладельческом обществе невозможно избежать того, чтобы за одинаковые преступления рабов обычно наказывали более сурово, чем свободных людей, – даже несмотря на отдельные примеры обратного.

Уровень смертности среди рабов часто был высоким, особенно в XVII в., когда число вновь прибывших едва покрывало естественную убыль. В XVIII столетии уровень рождаемости среди рабов значительно вырос, «благодаря вкладу беспорядочных связей солдат и матросов с женщинами-рабынями», как отметил Менцель. Ради этого солдаты и матросы каждый вечер выстраивались в очередь возле ворот невольничьих барачных компаний – до самого их закрытия в 9 часов вечера. Некоторые из современных историков придерживаются мнения, будто «цветное население» района мыса Доброй Надежды произошло исключительно от этого временного и беспутного элемента общества, и далее утверждают, что ни бюргеры, ни буры не позволяли себе смешиваться с цветными женщинами, будь те рабынями или свободными. В свете множества тщательно задокументированных свидетельств обратного такие утверждения выглядят более чем несостоятельно. Издававшиеся один за другим в Капстаде правительственные указы осуждали тех «безответственных людей, как из числа служащих компании в гарнизоне городской крепости, так и свободных поселенцев или жителей этого места» за открытое сожительство с цветными женщинами или рабынями, производившее на свет незаконнорожденных, которые «заполонили жилища как рабов компании, так и частных владельцев». Некоторые из таких негодяев, в том числе некоторые бюргеры Кейптауна, «не стеснялись признать в письменной форме, что они являлись отцами детей, зачатых подобным образом». Хуже того, в 1681 г. власти обнаружили, что некоторые солдаты и бюргеры еженедельно, по воскресным утрам, устраивали сексуальные оргии с женщинами-рабынями в невольничьем бараке компании, «раздеваясь донага и отплясывая вместе с ними у всех на глазах». Правонарушителям грозили суровые наказания, такие как порка и клеймение, однако очевидно, что подобное кровосмешение продолжалось и в XVIII в., хотя и с большей осмотрительностью.

Менцель повествует, что у сыновей-подростков бюргеров нередко имелись дома красивые девушки-рабыни с ребенком, и, хотя отцовство этих незаконнорожденных в то время редко признавалось, «подобные связи не считались чем-то особо предосудительным. Девушку безжалостно обвиняют в распутстве, и ей грозит суровое наказание, если она раскроет, кто виновен в случившемся; более того, ее подкупают, дабы она взвалила вину на кого-нибудь другого. По правде говоря, такая тактика приносит мало пользы; рабы из ее окружения знают, что произошло на самом деле, и история выходит наружу. Однако это не имеет никакого значения – никто не беспокоится о том, чтобы дать делу дальнейший ход. Было бы невероятно сложно что-либо доказать, а кроме того, подобный проступок, по мнению общества, вполне простителен. Это никак не вредит будущему молодого человека; его эскапада – всего лишь способ развлечься, и такого называют парнем, показавшим, чего он стоит».

То же самое творилось и на фермах, и, если верить Тунбергу (а он достоин доверия), дочери буров порой беременели от черных рабов своих отцов. «В таких случаях, принимая во внимание круглую сумму приданого, муж для девушки чаще всего находится, но раба отправляют в другую часть страны». В Капстаде считалось в порядке вещей, когда

рабовладелец разрешал одной из своих рабынь сожительствовать с европейцем, то есть жить как муж и жена. Некоторых детей от таких союзов крестили и отпускали на волю, но в большинстве случаев «плод следовал за чревом». У многих детей, родившихся у женщин-рабынь в невольничьем бараке компании, имелись белые отцы, «с которыми они часто имеют разительное сходство», как свидетельствовал Мендель. Рожденные в Капской колонии потомки белых отцов и матерей-рабынь составляли класс рабов, которых во второй половине XVIII в. более всего предпочитали бюргеры и буры. Как и в других рабовладельческих обществах, например в Бразилии и Суринаме, стандартный расовый набор состоял из белого владельца фермы, надсмотрщика-метиса или мулата и черных рабов.

Вдобавок к кровосмешению с домашними рабынями, которые были в основном азиатского происхождения, имелось значительное число связей между мужчинами-бурами и женщинами-готтентотками, главным образом в отдаленных приграничных районах, где привлекательных «малайских» рабынь из Капстада и в глаза не видели. Спаррман уверяет, что, даже когда фермеры-буры в этих регионах имели «вполне сносных» белых жен, они все равно испытывали склонность спать с женщинами-готтентотками, от которых у них рождались дети, больше походившие на отцов, чем на матерей. Такое смешение более удивительно тем, что готтентоты обычно рассматривались голландцами как низшая форма человеческой жизни; исключение делалось только для бушменов. Потребовалось немало времени, прежде чем европейцы научились должным образом отличать готтентотов от бушменов, однако последние в конечном итоге оказались в столь же плачевном состоянии из-за действий готтентотов, буров и банту, которые постепенно захватывали их земли, часто истребляя бушменов, как крыс. Известная готтентотка времен ван Рибека, Ева, служившая официальным переводчиком и бывшая замужем за голландцем, была, что называется, единственной ласточкой, которая, как известно, весны не делает. Но, если буры никогда не женились на готтентотках, они достаточно часто смешивались с ними в приграничных районах, чтобы получились целые сообщества наподобие гриква^[86]. Они стали результатом кровосмешения кочевых буров с готтентотками и имели такую большую долю белой крови, что на протяжении большей части столетия их называли метисами. Немногие оставшиеся их потомки и множество других «цветных» обитателей Капской провинции приводят в смущение и являются живым упреком современным защитникам апартеида^[87].

Если в Южной Африке всегда существовали противоречия между белыми и «цветными», то прежде чем мужчины и женщины, родившиеся от белых родителей в Капской колонии, почувствовали, что они в какой-то мере отличаются от европейцев, рожденных и воспитанных европейскими же чиновниками и бюргерами, прошло не так уж много поколений. Очевидно, слово «африканер» впервые вошло в обиход в 1707 г., когда белые сыновья этой земли, будь они голландского, немецкого или гугенотского происхождения, объединились, дабы защитить то, что считали своим по праву рождения, от могущественной правящей клики ван дер Стела. Хотя Нееген XVII сместили В.А. ван дер Стела и поддержали в данном случае свободных бюргеров, соперничество между родившимися в Южной Африке и Европе не прекратилось, а скорее наоборот. Очень хорошо освещает эту проблему Мендель, и забавно читать, как этот малоизвестный прусский солдафон осуждает первого родившегося в Южной Африке губернатора, Хендрика Свеленгребела, за то, что он отдавал предпочтение своим друзьям и родственникам-африканерам вместо европейцев. Тут дело в убежденности Менцеля, будто африканеры в культурном и интеллектуальном отношении уступают европейцам, и нет сомнений, что эту его веру разделяли некоторые голландские официальные лица. Действительно, если Мендель заслуживает доверия по этой точке зрения, то она, похоже, разделялась и многими женщинами-африканерками Капстада; поскольку после того, как Мендель отмечает, что многие простые солдаты с хорошей репутацией женились на дочерях бюргеров, он добавляет: «Каждая без исключения девушка предпочитает, чтобы ее мужем стал родившийся в Европе человек, а не уроженец колонии». Даже если так и было во времена Менделя, я сомневаюсь, что это долго продолжалось. В любом случае, как признавал Мендель, неприязнь европейских чиновников к «неотесанным»

приграничным бурам была взаимной со стороны последних, которые «затаили ненависть к европейцам».

Несомненно, приграничные буры были невоспитанными и невежественными, но они также обладали твердой кальвинистской уверенностью в себе и нестигаемым духом независимости, воспитанным их тяжелой жизнью. Примерно с 1750 г. их речь все больше отходила от чисто голландского языка, и зачатки языка африкаанс как разговорного диалекта хорошо различимы уже во второй половине XVIII в. Бюргеры Капской колонии тоже стали использовать искаженную и упрощенную форму голландского – отчасти в результате своего ежедневного общения с рабами. О настоящих истоках языка африкаанс спорят до сих пор, однако вполне правдоподобно выглядит утверждение, что он возник так же, как и креольский язык, из взаимодействия голландского белых поселенцев, буров или бюргеров, с наречиями, на которых говорили готтентоты и рабы, – в речи последних, несомненно, имелась сильная примесь креольского португальского. Как бы то ни было, африкаанс был принят «цветным» населением Капской колонии как родной язык, коим остается и по сей день. В этом отношении Южная Африка оказалась уникальной колонией. И если голландцам не удалось прочно привить свой язык народам Восточной и Западной Индий, среди народов Южной Африки они добились в этом успеха; и даже период британского правления в XIX–XX вв. – «век несправедливости» – не смог воспрепятствовать становлению и развитию языка африкаанс, сначала как устного, а затем и письменного.

Глава 10

Золотой век и эра париков

Я.К. ван Лер, чья смерть в битве на Яванском море (в январе 1942 г.) явилась невосполнимой потерей для исторических исследований Индонезии, не раз выступал против распространенной тенденции голландских историков – а за их спиной и других – противопоставлять золотой век XVII столетия эре париков XVIII в., причем неизменно к умалению и в ущерб последнему. Он утверждал, что такое противопоставление стало результатом легенды, распространенной «революционными патриотами» 1795 г., чтобы использовать ее в политических целях против прежнего режима Голландской республики, и получило свое развитие в литературе XIX в., которую писали о золотом веке «национальные романтики». То, что в период эры париков Северные Нидерланды не дали миру таких живописцев, как Рембрандт, или поэтов, как Вондел, утверждал ван Лер, никак не отменяет того факта, что эта презируемая эпоха «осуществила великую работу по закладыванию основ современной буржуазной культуры» в Нидерландах, а также в других странах Европы.

При всем уважении к столь выдающемуся авторитету, мне кажется, что в некоторых отношениях традиционно признанный контраст между достижениями золотого века и относительным застоем эры париков действительно имеет место. И свое начало он берет не во времена «революционных патриотов» и «национальных романтиков» – этот застой уже обсуждался и подвергался критике в середине

XVIII в. как в Голландской республике, так и во владениях Ост-Индской компании. «Слава богу, что мы живем в век процветания в Батавии», – писали генерал-губернатор и его совет в 1649 г., однако 100 лет спустя в корреспонденции его преемников не было заметно и следа подобной самодовольной удовлетворенности. Голландские периодические издания второй половины XVIII в. пестрят сетованиями по поводу реального или мнимого упадка национального характера и энергичности по сравнению с предыдущим столетием. Примечательно, что против этого широко распространенного убеждения раздавались голоса некоторых несогласных. Один из таких критиков подчеркивал (в 1769 г.), что те, кто сравнивает прошлое с настоящим, всегда выбирают самое лучшее в прежних поколениях для противопоставления его самому худшему в нынешнем. Он утверждал, что по сравнению с XVII в. пьянства, обжорства и буйных ссор в XVIII в. стало значительно меньше, и делал вывод: «Мы больше лукавим, зато меньше ссоримся». Следуя выбранной линии, он почти за два столетия предвосхитил появление современного голландского историка, который

написал: «Мы восхищаемся Эразмом, который в беспокойный период описывал дружескую беседу в прекрасном саду как верх цивилизованного времяпровождения, однако возмущаемся его последователями XVIII в., которые воплотили теорию Эразма на практике. Мы антимиитаристы, но при этом питаем отвращение к наименее военизированному обществу за всю историю Нидерландов. Есть что-то чисто сентиментальное и иррациональное в отношении большинства нидерландцев к этому периоду». Быть может, это и правда, однако у пессимистов эры париков и тех, кто с ними согласен в настоящее время, имели – и имеют – некоторые веские и вполне достаточные основания считать, что вместе с окончанием золотого века страну покинула и слава.

Справедливо или нет, сокращение численности населения часто рассматривается как признак национального упадка, и в Соединенных провинциях в 1780 г. нашлось довольно много людей, включая и принца Оранского, которые считали, что населения в стране стало меньше, чем 100 лет назад. К сожалению, у нас нет надежной общей статистики по населению Голландии за XVII и XVIII вв., и нам приходится полагаться на некоторые современные и достаточно противоречивые оценки. Питер де ла Кур в своих «Интересах Голландии» (1662) подсчитал, что численность населения Соединенных провинций составляла максимум 2 миллиона 400 тысяч человек, однако признавал, что это число является весьма приблизительным. Более общепринятая оценка составляет около 2 миллионов жителей, и с этой цифрой согласно большинство современных авторов. Мне не удалось найти ни источников, ни каких-либо объяснений, почему эта цифра оставалась неизменной до самого конца существования Голландской республики, притом что почти все специалисты в данной области согласны, что именно такова была численность всего населения в 1795 г. Тем не менее в Западной Европе в целом во второй половине XVIII в. наблюдался быстрый рост населения. Тогда почему Северные Нидерланды оказались исключением из этого правила, тем более что в эру париков их не опустошали ни губительные войны, ни вспышки чумы?

Одна из причин, обусловившая быстрый рост населения в Западной Европе во второй половине XVIII в., заключалась в том, что снижение младенческой смертности сопровождалось появлением супружеских пар, вступающих в брак в более раннем возрасте и, следовательно, имевших (при прочих равных условиях) большее количество детей. Нам неизвестно, насколько эти два фактора применимы к Соединенным провинциям, хотя англичанин, долгое время проживший в Голландии, в 1743 г. отмечал «поразительную бесплодность голландских женщин», словно это был достоверный и неоспоримый факт. Пожалуй, более значительным является то, что среднегодовое число браков в Амстердаме в период с 1670 по 1679 г. было практически таким же, что и в 1794–1803 гг., то есть 2078 и 2082 соответственно. Это правда, что средний показатель за прошедшие годы порой был выше, но он никогда не превышал 3204 в год (в 1746 г.), а ежегодное число браков колебалось между 2100 и 2500. В любом случае очевидно, что население Амстердама, неизменно самого густонаселенного и процветающего города республики, быстро увеличивалось между 1580 и 1660 гг., однако крайне медленно росло между 1662 (примерно 200 тысяч 100–210 тысяч душ) и 1795 гг. (около 217–221 тысячи душ). Количество жилых домов в Амстердаме между 1740 и 1795 гг. оставалось практически неизменным, что также говорит о том, что в указанный период существенного прироста населения не произошло, несмотря на то что ван дер Оудермелен утверждал в 1795 г. обратное.

В 1780 г. Амстердам все еще оставался процветающим портом с большими объемами заморской торговли, тогда как положение в некоторых других частях Соединенных провинций во второй половине XVIII в. было намного хуже. Джеймс Босуэлл писал в 1764 г. из Утрехта: «Большинство их главных городов ужасно обветшало, и вместо того, чтобы видеть, что у всех есть работа, вы сталкиваетесь с множеством бедняков, голодающих из-за вынужденного безделья. Сильно пострадал Утрехт. Здесь целые улицы несчастных, у которых нет другой еды, кроме картофеля, джина и бурды, которую они называют чаем и кофе; и, как мне кажется, хуже всего то, что они привыкли к такому образу жизни и что, если

им предложили бы работу, они не приняли бы ее... теперь вы видите, что здесь все совсем не так, как представляет себе большинство людей в Англии. Если бы Уильям Темпл снова посетил провинции, он вряд ли поверил бы в те поразительные изменения, которые они претерпели». 14 лет спустя свидетельства Босуэлла эхом повторила голландская газета *De Borger*, в которой утверждалось (в номере за 19 октября 1778 г.), что экономический упадок нации достиг такого уровня, что казалось, «в ближайшее время население федерации будет состоять всего лишь из рантье и нищих – двух типов наименее полезных для страны людей».

Возможно, Босуэлл и *De Borger* слегка сгущают краски, однако имеется достаточно других свидетельств современников, чтобы предполагать, что население многих провинциальных городов в этот период уменьшилось и что сносились дома и целые улицы, чтобы освободить место для садов и лугов. Такое сокращение населения ни в коем случае не являлось повсеместным и, похоже, было наиболее заметным в небольших приморских городах Северной Голландии и Зеландии, а также в крупных материковых городах, таких как Утрехт, Харлем, Лейден и Делфт. Чего мы не знаем, так это куда подевался избыток городского населения (если таковой имел место). Предположительно, эти люди отправились на торфяники северо-восточных провинций, которые тогда как раз разрабатывались и где появились новые деревни. Примечательно, что население восточной провинции Оверэйссел выросло между 1675 и 1795 гг. почти на 90 процентов, однако такой впечатляющий рост почти никак не отразился ни на одной из других провинций, и, похоже, в большинстве из них численность населения либо застыла на месте, либо не исключено, что в некоторых случаях даже упала. К сожалению, Оверэйссел, одна из самых маленьких и беднейших из всех семи провинций, является единственной, для которой у нас имеются точные данные по численности населения во времена республики. До тех пор, пока не будут проведены дальнейшие исследования по демографической истории других провинций, из-за противоречивого и разрозненного характера имеющихся свидетельств, мы не можем с уверенностью сказать, увеличилось или уменьшилось общее количество населения Голландской республики в период с 1600 по 1800 г.

Если относительно общей численности населения Соединенных провинций в эру париков по сравнению с золотым веком остается некоторая неуверенность, то повода для сомнений в том, что вторая половина XVIII в. продемонстрировала бесспорное снижение производства в целом и в рыбной промышленности в особенности по сравнению с состоянием столетней давности, практически нет. Промысел сельди, который в первой половине XVII столетия было принято называть «золотой жилой» Соединенных провинций, все еще демонстрировал впечатляющие показатели в 1728 г., когда один хорошо информированный англичанин, житель Нидерландов, подсчитал, что в данном промысле было задействовано в среднем 800 рыболовецких судов, делавших три выхода в море в год. И хотя это общее количество судов было меньше, чем столетие назад, тоннаж кораблей XVIII в. варьировался от 30 до 50 тонн, тогда как в предыдущий период он составлял 20–30 тонн. Современные голландские авторитетные источники считают, что в 1630 г. одна провинция Голландия отправляла на лов сельди около 500 судов в год и в 1730 г. это число упало до 219 – хотя, опять же, здесь следует принимать во внимание увеличившийся тоннаж. Тот же автор утверждает, что, за исключением Влардингена, количество судов, которые содержали все рыболовецкие города, уменьшилось в XVIII в., что особенно заметно на примере Энхейзена, снаряжавшего в последние годы XVII в. от 200 до 400 судов, а в 1731 г. всего лишь 75 и в 1750 г. только 56. После 1756 г. упадок только ускорился, и накануне 14-й Англо-голландской войны, в 1780 г., в ежегодном промысле участвовало всего 150–180 судов.

То же самое происходило с ловлей трески и китобойным промыслом. Согласно Онслоу Бурришу, в 1728 г. в промысле трески с Доггер-банки по-прежнему участвовало 200–300 судов тоннажем 40–60 тонн каждое, однако это количество, безусловно, было значительно меньше, чем во второй половине XVII столетия. Особенно заметно стало снижение промысла трески в последние 30 лет XVIII в., и, когда в 1795 г. республика прекратила свое существование, этим занималось всего 125 судов. Упадок арктического китобойного

промысла был столь же заметен, и, хотя в XVIII в. время от времени случались неплохие уловы, счастливые времена 1675–1690 гг. миновали. «Однако промысел этот, – писал Онслоу Бурриш в 1728 г., – является своего рода лотереей и посему ведется обладателями значительных состояний, которые, потерпев неудачу в нынешнем году, надеются, что в следующем фортуна улыбнется им, и поэтому не испытывают разочарования; однако промысел этот является несомненным и всеобъемлющим благом для государства в целом, так как он способствует росту судоходства и потреблению всего, что с ним связано».

За причинами упадка голландского рыболовства в прибрежных водах и в открытом море не нужно далеко ходить. Основной являлась усиливающаяся конкуренция рыбаков соседних стран – в основном Англии и Шотландии, но также Дании и Норвегии, не говоря уж о фламандских рыбаках Австрийских Нидерландов (нынешняя Бельгия). Все большее значение приобретал Гамбург, как основной рынок потребления сельди Северной Германии и Скандинавии. Большинство этих стран предпринимало протекционистские меры для поощрения собственной рыбной промышленности за счет Голландии, в частности британское правительство использовало для этого систему субсидий и премирования. В 1751 г. французское правительство наложило эмбарго на импорт голландской сельди, и этому примеру последовали Австрийские Нидерланды, Дания и Пруссия соответственно в 1766, 1774 и 1775 гг. Кроме того, в XVIII в. из-за изменения рациона питания в Европе упал спрос на сельдь, и к концу данного периода потребность в ней удовлетворяло всего 300 европейских судов для ловли сельди, тогда как одно время с этим едва справлялось 500 голландских. Однако качество и техническое совершенство голландских промысловиков и заготовителей сельди сохраняло свое превосходство до самого конца, и в 1780 г. около половины европейского спроса на соленую сельдь обеспечивали голландцы. Причины одновременного упадка голландского промысла трески менее очевидны, хотя усиливающаяся конкуренция английских и французских рыбаков с отмелей у Ньюфаундленда и соседних фламандцев из Остенде и Ньив-порта явно внесла в это свой немалый вклад.

Упадок голландского рыболовства в той или иной степени неизбежно повлиял на множество вспомогательных и тесно связанных с ним отраслей производства и профессий. Сюда входили торговля строевым лесом на Балтике, обеспечивавшая постройку и ремонт рыбацких судов, торговля с Португалией и Францией солью для засолки сельди и, как отметил в 1728 г. Онслоу Бурриш, «плотники, конопатчики, кузнецы, плетельщики канатов и изготовители парусов; также бочары, делающие огромные бочки для засолки сельди, изготовители снастей и представители всех прочих мелких профессий, поставляющих все необходимое для этой отрасли». Он подсчитал, что таким образом промысел сельди давал «работу и средства к существованию не менее чем 30 тысячам семей, не считая великого множества людей, живущих за счет поставок всех необходимых видов одежды и провизии». Если прибавить к ловле сельди еще и китобойный промысел и вылов трески, а также прибрежное и внутреннее рыболовство, то можно видеть, что значительная часть голландской рабочей силы прямо или косвенно зависела от процветания рыболовства в целом, даже если считать несколько преувеличенными сделанные в 1662 г. Питером де ла Куром подсчеты, будто напрямую это затрагивало 450 тысяч человек. Рыбный промысел был вдвойне ценен как школа моряков и источник занятости на берегу, и именно поэтому зимний тресковый промысел в Северном море все еще поддерживался в XVIII в., хотя практически не приносил коммерческой прибыли из-за высокой стоимости содержания кораблей и их оснастки в зимнюю штормовую погоду.

Другим примечательным фактором упадка голландского рыболовства стала растущая нехватка моряков для промысла в открытых морях, чего, по единодушному свидетельству нидерландцев и иностранцев, в XVII в. просто не было. Рыболовство серьезно страдало из-за крупных войн, в которых участвовала республика – между 1600 и 1645 гг. от грабежей дюнкеркеро^[88], от нападений англичан во время англо-голландских войн и, сильнее всего, от французских корсаров во время войны 1701–1713 гг., когда промысел сельди оказался

фактически уничтоженным. Однако промежуточные годы мира, наступавшие после каждой войны, позволяли в той или иной степени добиться восстановления промысла, хотя, вероятно, некоторые рыболовецкие семьи больше не возвращались в море, к своему прежнему источнику средств к существованию. Иностраные рыболовецкие компании, которые пытались конкурировать с голландцами в XVIII в., стремились сманить опытных голландских рыбаков к себе на службу – во всяком случае, в ранние годы своей деятельности. Точно не известно, сколько человек не устояло перед таким искушением, но в 1756 г. большинство шкиперов на службе недавно созданного Свободного британского рыболовецкого общества (1750–1771) были в основном голландцами или датчанами.

Генеральные штаты периодически издавали указы, запрещавшие торговцам-мореплавателям и рыбакам поступать на службу иностранных государств, однако частое повторение подобных указов предполагало, что они не слишком строго соблюдались. Мы не собираемся подсчитывать, сколько голландских рыбаков, нарушая эти указы, служило за границей и было ли их отсутствие временным или постоянным. Определенно лишь то, что укомплектование личным составом голландских рыболовных флотилий в XVIII в. превратилось в проблему, каковой и оставалось, чего никогда не наблюдалось в XVII столетии. Имеются вполне достоверные подсчеты, что в конце XVIII в. нидерландское рыболовство в прибрежных водах и открытых морях суммарно задействовало всего две трети числа рыбаков, необходимых для одной лишь ловли сельди в 1600 г. Совершенно очевидно, что все большее количество норвежцев, датчан и немцев с севера страны помогало укомплектовывать голландские рыболовные суда экипажами в XVIII в. – точно так же, как корабли военно-морских сил государства, восточные «индийцы» и суда торгового флота. Высказывалось предположение, что вся эта (в основном необученная) рабочая сила заняла место более опытных голландских моряков, перешедших на службу в иностранные военные и торговые флоты, однако у нас нет доказательств тому, что такое происходило в сколь-нибудь значительных масштабах. Определенно они не служили в больших количествах на английских торговых судах, которые, за исключением военного времени, редко нанимали по совокупности больше нескольких сотен иностранцев.

Каковы бы ни были причины, не подлежит сомнению, что голландское рыболовство, хотя оно по-прежнему оставалось школой моряков, уже не имело в этом отношении такой же значимости в 1780 г., как столетие назад. Во время девятилетней войны 1689–1697 гг. голландцы могли каждый год отправлять в море около ста боевых кораблей с экипажами численностью примерно 24 тысячи человек, не считая множества снаряжаемых ими же каперских судов и тысяч моряков на «индийцах» и торговых кораблях, бороздивших просторы Мирового океана с конвоем или без него. В августе 1781 г., когда вся их морская торговля и рыболовство оказались фактически парализованными и поэтому множество моряков могли бы быть набранными на службу на боевые корабли, лишь с великими усилиями голландцы смогли вывести в море скромный флот из 17 кораблей с экипажами численностью 3 тысячи человек, которые так мужественно сражались у Доггер-банка под командой контр-адмирала Йохана Зутмана. Под конец этой войны они едва смогли набрать 19 176 человек из требуемых 30 046, необходимых для укомплектования 46 кораблей и 38 фрегатов. Из такого положения дел можно сделать один-единственный вывод, который также подтверждается и другими свидетельствами: между 1680 и 1780 гг. морские сообщества Голландии и Зеландии значительно сократились в количестве.

Такое снижение голландского рыбного промысла и численности занятых в нем людей не оставило равнодушными тех современников, которые осознавали это и которые были в состоянии предпринять некоторые меры по исправлению положения, даже если эти меры не приносили долгосрочных результатов. Во второй половине XVIII в. штаты провинции Голландия предприняли некоторые протекционистские меры, призванные оказать помощь голландскому промыслу сельди, а именно рыбакам, заготовителям и торговцам, включая систему премирования и субсидий, как это было принято в Англии. Штаты провинции Зеландия пошли еще дальше и в 1759 г. премировали звонкой монетой все рыболовецкие

суда провинции. Если оценивать на примере города Зирикзе, одного из главных портовых городов Зеландии, результат оказался разочаровывающим. В 1745 г. этот город содержал примерно 40 парусников, число которых к 1785 г. упало до 17–18. Одновременно это коснулось и приписанных к данному порту торговых судов, количество которых снизилось с 60–70 в 1760 г. до всего 15 «больших и малых» 25 лет спустя. Соответствующие показатели по другим портовым городам Зеландии, таким как Вере, Флиссинген и Мидделбург, отсутствуют, хотя последние два порта все еще играли важную роль в морской торговле с Восточной и Западной Индиями, а также с Западной Европой. Однако многие из меньших портов пришли в упадок вероятно точно так же, как и Зирикзе. «Мертвые города» Зеландии и Северной Голландии, которые долгое время составляют одну из главных туристических достопримечательностей Нидерландов, берут свое начало не в XIX в., а во второй половине XVIII в.

Как отмечалось выше, голландские участники промысла сельди – рыбаки, заготовители и засолщики до самого конца сохраняли техническое превосходство над своими иностранными конкурентами, хоть при этом в количественном отношении неизбежно теряли свои позиции, тогда как китобойный промысел пришел в упадок как в количественном, так и в качественном отношении. Если во второй половине XVII в. голландцы являлись неоспоримыми лидерами в китобойном промысле, то столетие спустя их превзошли и вытеснили англичане. Последние увеличили свои уловы, совершая более длительные рейсы и используя более тяжелые корабли, которые могли следовать за китами далеко в глубь дрейфующих льдов. Они также внедрили новые и усовершенствованные методы лова, экспериментируя с механическими гарпунами, которые в конечном итоге вытеснили разнородные ручные. Голландские судовладельцы и китобои не восприняли эти новомодные методы или сделали это с опозданием, и они не участвовали в охоте на тюленей, которую англичане и немцы совмещали с рейсами китобоев.

Такая консервативная и безынициативная ментальность отразилась и на более важных сферах голландской торговли и промышленности в эру париков, составляя резкий контраст с энергичностью и предприимчивостью торговцев и моряков золотого века. У нас уже имелась возможность наблюдать, что голландцы уступили свое ведущее положение в морской картографии, которое занимали в XVII в., своим английским и французским соперникам и что они в равной степени медлили с переходом на новые прогрессивные методы судостроения. В последней четверти XVIII в. и Ставоринус, и Дирк ван Хогендорп критиковали директоров Амстердамской палаты Ост-Индской компании за их нежелание строить гладкопалубные суда вместо низкопалубных (то есть с высоко поднятыми над палубой кормой, баком и бортами), хотя, как отмечал Ставоринус в 1774 г., «не вызывает сомнения, что гладкопалубное судно способно значительно лучше выдерживать напор волн, чем низкопалубное». Также наблюдается заметная разница между отношением директоров и служащих Голландской Ост-Индской компании к своим английским противникам и конкурентам в XVII в. по сравнению с XVIII в. Примерно до 1670 г. голландцы считали, что превосходят англичан своей энергичностью и профессиональными навыками, так же как и в плане финансовых и материальных ресурсов. Более того, сами англичане часто признавали их превосходство над собой. В последней четверти XVII столетия сравнительное отношение этих двух соперников начинает меняться. Мы видим, что англичане стали более агрессивными и самоуверенными, а голландцы начали сомневаться в своей способности конкурировать с ними на равных в таких местах, как Коромандельский берег, где VOC не обладала таким же неоспоримым контролем над морем, как в индонезийских водах. Такая перемена стала еще более заметна в XVIII столетии, особенно во второй его половине, когда официальная переписка VOC полна сетований на превосходство англичан и угрозу, которую они представляют для голландцев даже в Индонезии.

Трудно избежать вывода, что на Востоке англичане действительно проявили больше предприимчивости и умения, чем голландцы. По общему признанию, их прогресс в основном был обусловлен их значительно превосходящими финансовыми ресурсами и

экономическими преимуществами, которые они извлекли из обладания Бенгалией и господства в торговле с Китаем. Но не вызывает сомнения, что в заявлении Дирка ван Хогендорпа содержалась и доля правды относительно того, что служащие «Компании Джонов» были, как правило, более квалифицированными работниками, чем сотрудники «Компании Янов», и это являлось полной противоположностью положению обеих компаний, сложившемуся в первой половине XVII в. Причины такой перемены требуют дальнейшего изучения и исследования, но одним из факторов, внесших сюда свой вклад, могла послужить усиливающаяся тенденция VOC полагаться на необразованную «деревенщину из немецкой глубинки», у которой не было особых побудительных мотивов трудиться в поте лица на голландских директоров и акционеров. Жалобы на действительный или воображаемый низкий уровень служащих компании существовали всегда, однако во второй половине XVIII в. они, похоже, стали более обоснованными, что отражено в отчетах человека выдающихся способностей, Николаса Хартинга, постоянного жителя Северо-Восточной Явы, а в 1746–1761 гг. ее губернатора.

Тем не менее упадок Голландской Ост-Индской компании во второй половине XVIII столетия в некоторых отношениях был скорее кажущимся, чем действительным, поскольку объем ее торговых операций по сравнению с морской торговлей республики в целом на самом деле только возрос. Этот рост отображает число вышедших в плавание восточных «индийцев», что показано в приведенной ниже таблице.

Выходившие в плавание восточноиндийские флоты в период с 1611 по 1781 г.

Период	Число судов
1611—1612—1620—1621	117
1621—1622—1630—1631	148
1631—1632—1640—1641	151
1641—1642—1650—1651	162

1651—1652—1660—1661	226
1661—1662—1670—1671	257
1671—1672—1680—1681	219
1681—1682—1690—1691	209
1691—1692—1700—1701	241
1701—1702—1710—1711	271
1711—1712—1720—1721	327
1721—1722—1730—1731	379
1731—1732—1740—1741	365
1741—1742—1750—1751	315
1751—1752—1760—1761	276
1761—1762—1770—1771	303
1771—1772—1780—1781	294

Профессор Бругманс, исходя из этих цифр, утверждал, будто объем морских торговых перевозок VOC между 1631 и 1780 гг. фактически удвоился, однако мне кажется, что такой вывод не совсем корректен. Совершенно очевидно, что количество «индийцев», ходивших между Нидерландами и Явой, в этот период увеличилось в два раза, но число таких судов, участвовавших в азиатской межпортовой торговле, вполне могло уменьшиться примерно в тех же самых пропорциях. Если во второй половине XVII в. в ежегодных рейсах из Батавии в Нагасаки участвовало от 5 до 10 судов, многие из которых были самыми крупнотоннажными, то во второй половине XVIII в. в среднем их было только одно или два. Точно так же число голландских «индийцев», занимавшихся торговлей с Индией 1750–1780 гг., по сравнению с предыдущим столетием сократилось до относительно незначительного количества, тогда как торговля с некоторыми регионами, такими как Красное море и Персидский залив, полностью прекратилась. Примечательно, что в других регионах наблюдался небольшой рост торговых операций, например в торговле с Кантоном (Гуанчжоу) и, возможно, с Цейлоном (Шри-Ланка), однако это не компенсировало заметного снижения числа голландских судов, занятых в межпортовой азиатской торговле в целом – от Молуккских островов до Малабарского берега. Например, в 1640 г. в азиатских морях находилось 85 голландских «индийцев» – и это не считая тех, кто находился на пути к Европе или недавно оставил ее. В 1743 г. это количество сократилось до 48 кораблей, и уменьшение это никак не компенсировалось сколько-нибудь значительным увеличением тоннажа отдельных судов.

И в золотой век, и в эру париков голландцы и их ревнивые торговые конкуренты имели склонность утверждать, что Голландские Вест- и Ост-Индская компании – а более всего последняя – являлись столпом, опорой и поддержкой коммерческого благосостояния Соединенных провинций. Такое впечатление не подтверждается имеющимися у нас цифрами, включая те, что в 1785 г. привел ван дер Оудермелен, член Heeren XVII и один из

тех, кто выдвинул такое утверждение. Он привел следующие цифры по стоимости объемов голландской морской торговли накануне 4-й Англо-голландской войны:

<i>Регион</i>	<i>Объем торговли, млн гульденов</i>
Торговля с Восточными Индиями	35
Торговля с Западными Индиями и Америкой	28
Торговля с европейскими странами	200
 Торговля только с европейскими странами:	
С Англией	42—44
С Францией	36—38
С Балтийским регионом	55

Вместе с тем следует помнить, что большая часть товаров, ввозившихся голландцами из Восточной и Западной Индий, не потреблялась самими Соединенными провинциями, а шла на экспорт в европейские страны. Анонимный автор вышедшего в 1743 г. «Описания Голландии» если и преувеличивал, то совсем немного, когда писал: «На сегодняшний день 2 или 3 миллиона гульденов в звонкой монете, которые голландская компания отправляет в Восточную Индию, возвращаются домой уже в размере 15–16 миллионов в товарах, из которых только двенадцатая или четырнадцатая часть потребляется в стране, а оставшаяся часть экспортируется в другие страны Европы, которые платят за нее живыми деньгами». В 1783 г. ван дер Оудермелен утверждал, будто «три четверти и семь восьмых» ввезенных из Восточной Индии грузов шли на экспорт за пределы Нидерландов – за исключением чая и кофе, огромное количество которых потребляли Фрисландия и Гронинген, «так что можно с уверенностью утверждать, что наша страна, к своей немалой выгоде, управляет большей частью своей восточно-индийской торговли с иностранцами». К сожалению, мы не можем сказать, какова была доля колониальных товаров в голландской экспортной торговле с другими европейскими странами в целом, но, вероятно, она была весьма значительной. Ван дер Оудермелен, очевидно, заслуживает особого порицания за свое заявление, будто крах VOC стал бы не просто катастрофой для государства, но и неблагоприятно отразился бы на каждом отдельном голландце. Ход событий 1802–1814 гг., когда Нидерланды фактически лишились какой-либо торговли со своими бывшими колониями, доказал неправоту подобного утверждения. Но весьма вероятно, что Голландская Ост-Индская компания внесла большой вклад в благосостояние Соединенных провинций в XVII и XVIII столетиях, чем готов признать профессор Бругманс. Помимо тысяч напрямую нанятых компанией людей, косвенно она помогала содержать 30 тысяч моряков, которые укомплектовывали экипажи голландских торговых судов, занятых в балтийской, средиземноморской и евроатлантической торговле, где экспорт таких колониальных товаров, как пряности, чай, кофе, табак и текстиль, играл столь заметную роль.

Есть еще один аспект голландской морской торговли, который следует рассмотреть перед тем, как вкратце обсудить достижения в сельском хозяйстве, промышленности и финансовой сфере. Это контрабандная торговля, и в первую очередь с Англией. Понятно, что масштабы этой контрабандной торговли оценить невозможно, но она, несомненно, обеспечивала средствами к существованию тысячи людей, особенно в прибрежных городах провинций

Южная Голландия и Зеландия. Почти весь XVIII в. Англия являлась лучшим рынком сбыта чая, и непомерные пошлины, взимаемые английским правительством за этот товар, неизбежно поощряли контрабанду по обе стороны Северного моря. Как признавал в 1785 г. ван дер Оудермелен, война 1782–1783 гг. и принятие в последний ее год Акта о послаблениях примьер-министра Великобритании Питта нанесли в этом отношении чувствительный удар по морским сообществам Зеландии. Голландские китобои давно занимались незаконной торговлей с Исландией и другими странами точно так же, как и добытчики трески Северного моря занимались контрабандой вблизи дома. Разумеется, причиной того, что многие голландские моряки были готовы ввозить товары в голландские порты контрабандой, а также вывозить их оттуда, стала обременительная система акцизных сборов, которая так губительно сказывалась на более бедных классах Соединенных провинций; однако простые моряки и рыбаки были не единственными и даже не главными нарушителями в том, что касалось уклонения от импортных и экспортных пошлин. В значительных масштабах так поступали торговцы и судовладельцы, и это была одна из причин, почему провинциальные адмиралтейства так часто оказывались «в долгах», поскольку их доход в значительной степени зависел от этого сомнительного и нестабильного источника. Критики такой системы налогов и акцизов утверждали, что они не только поднимали цены на продовольствие и, следовательно, повышали стоимость жизни в стране, но и поощряли иностранцев торговать друг с другом напрямую, вместо того чтобы прибегать к посредничеству голландцев, как это происходило в XVII в. Типичным примером тому послужил экспорт сахара, кофе и индиго из Бордо во Францию в Германию и Балтийский регион. Тогда как одно время три четверти этих товаров проходило через Амстердам и одна четверть через Гамбург, то к 1750–1751 гг. это соотношение сменилось на прямо противоположное.

Один из многочисленных авторов, сожалевших об упадке нидерландской морской торговли в 1780-х гг., утверждал, что настоящая проблема заключалась в том, что судоходные компании все больше отдалялись от мореплавания. В XVII столетии многие шкиперы-торговцы владели – полностью или частично – своими судами, брали в рейсы собственных сыновей или родственников и способствовали их продвижению по службе. Они активно участвовали в продаже своих грузов и были непосредственно заинтересованы в прибылях, получаемых благодаря своему преимущественному положению владельца или совладельца. «В наши дни, – писал критик, – судовладельцы по большей части участвуют в перевозке грузов, принадлежащих в основном иностранцам, и от такой перевозки они не имеют никакой прибыли, кроме того, что им платят за фрахт». Далее он утверждает, что иностранные получатели груза или партнеры таких судоходных компаний, или *gederijen* (товариществ), часто ставили на суда своих штурманов и шкиперов. А эти люди, в свою очередь, предпочитали оказывать поддержку и продвигать по службе своих соотечественников, а не коренных нидерландцев. Последние, будучи обескураженными тем, что их обошли по службе, либо пускались в разгул и пьянство, либо, разочаровавшись, покидали морскую службу.

В данном случае этот автор, как и большинство памфлетистов, явно преувеличивал. Совершенно очевидно, что начиная со второй половины XVII в. в Северных Нидерландах владение судами постепенно превратилось в самостоятельное полноценное занятие, однако к 1780 г. этот процесс был еще весьма далек от завершения. Некоторые сферы морской торговли, такие как торговля строевым лесом и зерном с Балтикой, все еще велись на старый манер, и шкиперы по-прежнему являлись торговцами и торговыми агентами своих грузов. Однако точно так же очевидно – или мне так кажется, – что иностранное участие в морском судоходстве под голландским флагом стало в то время более заметным. И если во время Восьмидесятилетней войны голландские судовладельцы и шкиперы часто торговали с Иберийским полуостровом и другими местами, маскируясь под ганзейские или скандинавские суда, то к 1780 г. положение сменилось на противоположное. Подобные противозаконные действия совершались уже давно, и мы видим, как де Рейтер сокрушался

по этому поводу в 1663 г., когда сообщал адмиралтейству Амстердама, что обнаружил в Малаге несколько судов из Гамбурга с голландскими судовыми документами. Их капитаны открыто похвалялись тем, что за несколько гульденов могут легко подкупить какого-нибудь бюргера из Амстердама, который под присягой подтвердит, будто корабль приписан к Амстердаму, «хотя на самом деле его владельцы проживают в Гамбурге». Де Рейтер призывал адмиралтейство прекратить подобные злоупотребления, однако такая практика процветала еще более столетия. В 1794 г. Клюйт жаловался, что любой голландский бюргер мог заявить, будто является владельцем судна, и ему даже не нужно представлять доказательств подобному заявлению. Неизбежным результатом такого положения дел стало то, что многие иностранные суда ходили под голландским флагом и с голландскими судовыми документами.

Должным образом учитывая преувеличения, допущенные заинтересованными сторонами, как мне кажется, следует признать, что в XVIII в. морская мощь Голландии значительно ослабла. Лучшие авторитеты того времени, ван ден Шпигель и ван дер Оудермелен, были согласны, что в 1780 г. голландский торговый флот (включая Вест- и Ост-Индскую компании) все еще обеспечивал работой где-то от 30 до 40 тысяч моряков. На первый взгляд кажется, что по сравнению с 1588 г., когда вице-адмирал провинции Голландия похвалялся, будто может за две недели мобилизовать 30 тысяч военных моряков, или с 1688 г., когда Вильгельм III отплыл из Хеллеветслёйса, дабы инициировать английскую Славную революцию^[89], особо серьезных перемен и не произошло. Однако в 1588 и 1688 гг. морское сообщество Зеландии и Северной Голландии было несомненно больше, чем в 1780 г., а Голландская республика во времена своего расцвета вряд ли могла располагать менее чем 80 тысячами квалифицированными моряками, притом что их общее количество могло быть и больше. Более того, хотя эти подсчеты предположительно включали моряков иностранного происхождения, которые и тогда могли служить Нидерландам, у нас есть основания полагать, что в 1780 г. относительная доля иностранцев была еще выше, чем 100 или 200 лет до этого.

Если мы обратимся от моря к земле Северных Нидерландов, то обнаружим, что по сравнению с XVII в. в XVIII в. голландское сельское хозяйство добилось лучших показателей, чем мореходство. Хотя коммерческие и финансовые интересы Голландской республики сделали для формирования экономических структур больше, чем сельскохозяйственный сектор, не исключено, что последний задействовал большее количество рабочих рук, чем торговля или промышленность. Что, безусловно, справедливо в отношении пяти материковых провинций (если считать одной из них Фрисландию) как в золотой век, так и в эру париков, и это, вероятно, в той же степени относится к Зеландии и Южной Голландии второй половины XVIII в. Выдающимся аспектом голландского сельскохозяйственного производства стало сыроварение. В 1740 г. было подсчитано, что только одна северная, четвертая часть провинции Голландия производила около 20 миллионов фунтов (9 тысяч тонн) сыра за один не слишком благоприятный год. Между прочим, этот 1740 г. оказался катастрофическим для голландского сельского хозяйства, поскольку за непогожим летом последовала суровая зима 1739/40 г. Сильнее всего пострадал класс трудящихся, и, хотя эти катастрофические последствия не могли длиться вечно, другие авторы – за исключением Ставоринуса, – которые писали 40–50 лет спустя, датировали начало упадка Соединенных провинций именно с этого года. Другой важной статьей голландского экспорта служило масло, хотя тут пришлось столкнуться с жестокой конкуренцией ирландского масла между 1666 и 1775 гг., когда английское правительство запретило импорт этого продукта, вынудив таким образом ирландских фермеров расширить свои рынки сбыта на Фландрию, Францию и Иберийский полуостров.

Разведение мясных пород скота, лошадей, овец и свиней имело куда меньшее значение, чем молочное производство, и, кроме того, в 1713–1723, 1744–1756 и 1766–1786 гг. случались повсеместные эпидемии коровьей чумы – как и локальные ее вспышки в промежуточные годы. Происхождение и способы лечения этого заболевания науке известны

не были, однако провинциальные штаты издавали указы, предписывающие проведения различных лечебных или профилактических мероприятий. Обычно такие предписания крестьяне игнорировали – отчасти из-за недоверия к «господам», которые их составляли, а отчасти потому, что эта болезнь считалась наказанием Господним, противиться которому было бы неблагочестиво. В последние два десятилетия XVIII в. благодаря усилиям некоторых прогрессивных частных фермеров и сельскохозяйственных сообществ, которые содействовали проведению прививок скота от чумы, возобладало более разумное отношение к этому заболеванию. Несмотря на губительные последствия коровьей чумы, за несколько лет потери часто более чем компенсировались за счет импорта скота из-за границы и домашнего разведения. В 1750 и 1800 гг. поголовье скота возросло даже в такой бедной и отсталой провинции, как Оверэйссел. С другой стороны, широкое распространение коровьей чумы побудило многих фермеров полностью или частично обратиться к земледелию. В Гронингене переключились главным образом на выращивание зерновых культур, в Голландии на овощеводство, а в Фрисландии на возделывание картофеля. По тем же причинам в некоторых районах возросло поголовье овец, и только на острове Тексел в середине XVIII в. их насчитывалось около 20 тысяч.

Тяжкое бремя провинциального налогообложения и система акцизов стали теми двумя причинами, из-за которых значительное число фермеров Северных Нидерландов в первой половине XVIII в. оставляло землю, дабы заняться другим промыслом. Во второй половине этого столетия в большей части Западной Европы наблюдался общий рост цен на сельскохозяйственную продукцию. Вероятно, это помогало компенсировать налоговое бремя фермеров и крестьян в некоторых из Соединенных провинций и таким образом слегка облегчало им жизнь. Именно так произошло в Оверэйсселе – единственной провинции, по которой имеется достоверная статистика, – где, благодаря росту цен на сельскохозяйственную продукцию, налоги снизились почти вдвое. Однако это не было общим правилом, и в других местах начиная примерно с 1690 г. повышение цен на сельскохозяйственную продукцию более чем компенсировалось заметным ростом провинциальных и муниципальных налогов и цен на импортные товары.

Технические усовершенствования в сельском хозяйстве Нидерландов в XVIII в., по сравнению с Францией и Англией были введены лишь с опозданием и не в полной мере. Средний голландский фермер и крестьянин упрямо цеплялся за технологии, которыми пользовались его предки в XVII в., и с подозрением относился ко всяческим новшествам. По своей сути, крестьяне во всем мире были – и остаются – весьма консервативными в своих методах работы, и голландский крестьянин XVIII в. не стал исключением. Распространение новых идей и методов среди сельского населения во многом зависело от заинтересованности и содействия деревенских учителей и местных священников, ни один из которых, как правило, не обладал пытливым умом. Некоторые из более крупных землевладельцев экспериментировали с новыми сельскохозяйственными приспособлениями вроде сеялки Джетро Талла (Тулля), а между 1750 и 1784 гг. наиболее предприимчивые фермеры и землевладельцы организовали сообщества по усовершенствованию сельского хозяйства по примеру англичан и французов. Однако их пропагандистская деятельность и эксперименты начали приносить плоды лишь в последние годы существования республики. Подводя итог, можно утверждать, что сельское хозяйство в целом, а овощеводство и земледелие в частности по сравнению с заметным упадком рыболовства и промышленности во второй половине XVIII в. и особенно в последние два его десятилетия оказалось относительно процветающим. В этот период было отвоевано еще больше земель у моря и болот, однако самой значительной причиной относительного процветания сельского хозяйства стал рост цен на продукты аграрного производства.

Несомненный общий спад голландского промышленного производства в XVIII в. распространялся не на все его отрасли, и хронологическая последовательность была не всегда одинаковой. Одной из первых пострадала текстильная промышленность, как наиболее уязвимая для жесткой иностранной конкуренции. Начало ее упадка можно датировать

1730 г., хотя некоторые отрасли этого производства держались на плаву благодаря экспортным заказам Ост-Индской компании вплоть до 1795 г. Суконная промышленность Лейдена, которая достигла в 1671 г. своих наилучших показателей, выпустив в этот год 139 тысяч отрезов, позднее пришла к катастрофическому упадку. В 1700 г. было произведено только 85 тысяч отрезов, в 1725 – 72 тысячи, в 1750 – 54 тысячи, в 1775 – 41 тысяча и в 1795 – всего 29 тысяч отрезов. Неудивительно, что угасание самого значительного производства Лейдена одновременно повлекло за собой сокращение численности рабочего класса. Пивоваренные, коньячные и сахарные заводы, компании по переработке соли и мыла, красильни, табачные фабрики, маслобойни и мастерские по огранке алмазов – те производства, что процветали в золотом веке, – не все пришли в упадок в эру париков, хотя некоторые из них не избежали подобной участи, особенно во второй половине XVIII в. Огранка алмазов держалась на плаву до самых последних дней существования республики, как и целлюлозно-бумажная промышленность – во многом благодаря высокому качеству своей продукции. То же самое относится к производившемуся в Утрехте высококачественному бархату. Коньячные заводы по-прежнему процветали и в 1771 г., когда 85 процентов этого некогда «национального напитка» экспортировалось на рынки как Северной Америки, так и во все владения Голландских Вест- и Ост-Индской компаний. Красильное и табачное производства также удерживали свои позиции большую часть XVIII в., хотя в некоторых местах они все-таки пришли в упадок. Знаменитые гончарные мастерские Делфта, достигшие апогея своего производства в 1685–1725 гг., впоследствии тоже пришли к упадку, хоть и не столь катастрофическому. Предприятия по обжигу кирпичей и черепицы продолжали процветать, и, после того как спрос на их продукцию дома насытился, ее вывозили в качестве корабельного балласта в страны Балтии. С другой стороны, производство ворвани неизбежно упало вместе с сокращением китобойного промысла.

Ни на чем так явно не отразился упадок голландской промышленности 1750–1795 гг., как на судостроении. В XVII столетии голландские корабли были полностью заняты на постройке, ремонте и восстановлении судов для рыбного промысла, военно-морского флота, европейских торговых перевозок и обеих индийских компаний, не считая кораблей, которые они строили для продажи или для аренды за рубежом. Подсчитано, что в республике ежегодно строилось около 500 кораблей дальнего плавания, за исключением построенных за счет иностранцев и мелких судов для внутреннего судоходства. Несмотря на неизбежные взлеты и падения, судостроение оставалось процветающей отраслью всю первую четверть XVIII в., но потом стало постепенно сокращаться. Его упадок стал наиболее заметным примерно после 1750 г. и стремительно усилился в последней четверти столетия. Район реки Зан – Занстад севернее Амстердама, который в XVII столетии являлся эквивалентом того, чем стали верфи на реке Клайд во времена королевы Виктории (р. 1819, правила в 1837–1901 гг.), в 1707 г. все еще имел более 60 верфей, где в тот год было построено 306 больших и малых судов. В 1770 г. их оставалось только 25 или 30, между 1790 и 1793 гг. в среднем строилось лишь пять кораблей в год, а после 1793 г. – всего один. В Роттердаме в 1650 г. насчитывалось 23 верфи, и, хотя к концу столетия их количество уменьшилось до пяти, 100 лет спустя положение снова поправилось, однако это никак не компенсировало катастрофического упадка Занстада. Во Фрисландии же в XVIII в. фактически было отмечено заметное увеличение числа судов, поскольку в 1779 г. в провинции их было зарегистрировано 2 тысячи, что являлось самым большим количеством в любой из семи провинций. Однако подавляющее большинство этих кораблей представляло собой небольшие каботажные суда водоизмещением менее 80 тонн, от которых было мало – или совсем не было – пользы для морской торговли с Европой.

Причины общего упадка нидерландских отраслей промышленности в XVIII в. довольно очевидны. По сравнению со своими самыми опасными конкурентами, Францией и Англией, Северные Нидерланды были страной крайне бедной сырьевыми ресурсами, а их внутренний рынок был намного меньше, чем у этих двух держав. В золотой век, в период своего

процветания, многие голландские отрасли промышленности, за исключением суконного производства Лейдена, значительно превысили запросы внутреннего рынка и зависели в основном от экспортной торговли. Когда протекционистские меры, принимавшиеся соседними странами со времен Кольбера^[90], эффективно стимулировали потребление собственных промышленных товаров в ущерб голландским экспортерам, промышленники Нидерландов уже не могли полагаться на возросший внутренний спрос, как и не имели возможности увеличить свои продажи в тропических владениях. Более того, голландская промышленность изначально была в основном рассчитана на выпуск конечного продукта из товаров других стран, таких как английские шерстяные и льняные изделия, однако с течением времени эти страны достаточно далеко продвинулись в техническом развитии, чтобы самим заняться чистой обработкой. Когда во второй половине XVIII в. полным ходом шла промышленная революция, голландцы, из-за практически тотальной нехватки угля и железа, оказались в еще более невыгодном положении. Наиболее важной голландской отраслью промышленности являлась текстильная, и она неизбежно пострадала сильнее всего. Везде, за исключением Голландской республики, справедливо отмечалось: «Текстиль был в основе торговой политики всех стран». За запретительными пошлинами, наложенными во второй половине XVII в. Англией и Францией на ткани, обработанные и произведенные в Голландии, в первой четверти XVIII в. последовали аналогичные протекционистские законы в России, Пруссии, Дании, Норвегии и Испании. В результате крах голландского текстильного производства стал неминуем.

Помимо порожденных протекционистскими и меркантильными соображениями законов имелась еще одна причина, по которой зарубежные страны смогли усовершенствовать свою промышленность в ущерб голландской, – на ранней стадии развития своих производств они сманивали из Нидерландов квалифицированных работников. На самом деле отток квалифицированных работников продолжался даже после того, как зарубежные промышленные производства уже функционировали вполне удовлетворительно, поскольку безработица в промышленности Северных Нидерландов в XVIII в. подталкивала многих из них к эмиграции. Мы не собираемся подсчитывать, велико ли было их количество, однако в 1751 г. Генеральные штаты издали указ, запрещающий эмигрировать определенным категориям квалифицированных работников, особенно операторам ткацких станков, канатчикам и рабочим деревообрабатывающих предприятий. Разумеется, это был не единственный пример подобных законов, однако нет причин полагать, будто подобные указы являлись чем-то большим, чем бесполезное сотрясание воздуха, и поэтому они легко обходились теми, кто желал оставить страну. Еще меньше власти могли препятствовать иностранным работникам в поступлении на службу в голландские коммерческие компании или на фабрики, чтобы изучить их технологии и методы работы, а вернувшись домой, использовать приобретенные навыки.

Другой причиной упадка голландской промышленности, которую приводили многие современники, являлось то, что жалованье в Семи провинциях, а более всего в Голландии было выше, чем в большинстве стран. Например, еженедельный заработок набивщика ситца в Швейцарии в 1766 г. составлял 3,5 флорина, 3 флорина в Аугсбурге в 1760 г. и 9—10 флоринов в Голландии того же времени. С другой стороны, в разных регионах Семи провинций существовал широкий разброс в размерах заработной платы. Кое-где в сельской местности платили более высокое жалованье, чем в городах. В других местах ситуация была прямо противоположной, и некоторые голландские промышленники переносили свои предприятия из провинции Голландия в Северный Брабант и Оверэйссел, где местные условия позволяли безжалостно эксплуатировать бедноту. «Люди, знакомые с крестьянами Брабанта, – писал в 1785 г. очевидец, – должны признать, что они лишены всех тех условий жизни, которые являются неотъемлемой частью человеческого существования. Они пьют кислую пахту или воду, питаются картофелем и хлебом без масла или сыра, одеты в рванину и спят на соломе. Заключение в провинции Голландия живется лучше, чем крестьянам в Брабанте».

Трудно сказать, насколько сильно «высокие» заработки некоторых голландских квалифицированных рабочих обуславливали упадок промышленности страны. Точно так же, как фермеры постоянно жаловались на погоду, торговцы на непомерные налоги или нечестную конкуренцию иностранных соперников, так и промышленники имели склонность считать, будто их собственная адекватная оплата рабочей силы подрывалась потогонной системой труда иностранных конкурентов. Уже в 1740 г. долгое время проживший в Голландии англичанин, отмечая, что и голландцы, и англичане довели оружейное искусство и литье пушек до высокой степени совершенства, добавил: «Поскольку у нас есть значительное преимущество перед голландцами на путях, ведущих в Средиземноморье и Левант, желательно, чтобы наши налоги были сокращены или чтобы наши рабочие между тем ухитрились как-то сводить концы с концами и работать за такую же низкую плату, что и голландцы», – в этом случае, утверждал он, вся торговля оружием с Османской империей и «варварскими государствами» оказалась бы в руках англичан.

Сохранили ли впоследствии рабочие голландской оружейной промышленности свое техническое мастерство на одном уровне с английскими конкурентами, мне неизвестно; однако стоит отметить, что именно в 1740-х гг. рост британской экономики стал ускоряться – начался первый этап промышленной революции. 40 лет спустя общий упадок голландского производства плаксиво объяснялся неким нидерландским промышленником следующим образом: «Трудно не заметить, что у нас очень мало производств или профессий, которые не нуждаются в усовершенствовании – как в отношении формы, так и содержания соответствующих процессов. Медники, литейщики бронзы, рабочие по железу и стали и тому подобные специалисты, как оказалось, довольно неопытные, и, если тщательно сравнить их продукцию с аналогичными изделиями иностранных рабочих, она оказывается ниже качеством. Качество работы топорное, и изделие обычно прошло значительно менее тщательную окончательную обработку, чем где-либо еще; и можно предположить, что его себестоимость выше, поскольку мастера не были надлежащим образом обучены». В том же 1779 г. ведущий лейденский производитель тканей сокрушался по поводу общей безынициативности голландских промышленников и работодателей и их закоренелой неприязни к экспериментированию с новыми технологиями и приемами работы. Что было хорошо для их предков, хорошо и для них – и это, по-видимому, стало отличительной чертой голландского общества в последние десятилетия эры париков, будь то в городах и сельской местности Северных Нидерландов или во внутренних районах района мыса Доброй Надежды.

Такое отсутствие инициативы и предприимчивости во многих отраслях голландской промышленности и, в некоторой степени, в нидерландском сельском хозяйстве привело к поразительному контрасту с положением дел 100 лет назад, когда голландские предприниматели, промышленники и инженеры шли в авангарде коммерческого и технического прогресса западного мира. Как справедливо отметил Чарлз Уилсон: «Голландский инженер XVII в. являлся тем, чем стал шотландский в XIX в., но только в еще более широких областях экономической деятельности. Его можно было найти везде, где предлагалась выгодная работа, и на него имелся спрос там, где правительству или частному предприятию требовались технические или административные способности». Столетие спустя он уже был совершенно не таким, что в 1776 г., с печалью признал сотрудник журнала *De Koorman* – «Коммерсант»: «Мы более не прирожденные изобретатели, и уникальность у нас становится все более редким явлением. В настоящее время мы делаем только копии, тогда как раньше мы производили только оригиналы».

Несомненно, следует учитывать некоторое преувеличение в этих и многих других подобных жалобных тирадах, опубликованных в голландских периодических изданиях второй половины XVIII в.; и мы можем припомнить здесь дань, которую воздавал капитан Джеймс Кук мастерству и эффективности работы корабелов Батавии в 1770 г. Однако я рискну предположить, что в отличие от того, что утверждали некоторые поздние авторы, эра

париков в Соединенных провинциях стала скорее временем стагнации, чем застоя, если сравнивать ее с достижениями золотого века, хотя стоит отметить – не во всех отношениях.

Современники, оплакивавшие экономический упадок Голландской республики в последней половине – а особенно в последней четверти – XVIII в., склонны возлагать основную вину на якобы самодовольных и недальновидных рантье и капиталистов, которые предпочли вкладывать свои деньги за границей, а не в стимулирование промышленности и судоходства на родине, благодаря чему снизился бы уровень безработицы. Несомненно, в последней четверти XVIII в. в Нидерландах и их тропических владениях встречалось и «наплевательское» отношение, которое, даже если и существовало столетием раньше, и близко не являлось таким заметным. Периодическое издание *De Borger* писало в 1778 г. о состоятельных рантье: «Каждый из них говорит: «На мой век хватит, а после меня хоть потоп!» – как гласит поговорка наших французских соседей, которую мы воплотили не на словах, а на деле».

Мы уже видели, что некоторые из этих жалоб страдали сильным преувеличением и в любом случае рост непроизводственного дохода от голландского инвестиционного капитала в XVIII в. – в 1782 г. ван де Спигел оценил эту суммарную годовую дополнительную прибыль в 27 миллионов флоринов – в значительной степени компенсировался или, возможно, даже более чем компенсировался сокращением других статей национального дохода. Однако это никак не компенсировало рост обнищания и безработицы среди трудящихся. Недавние исторические исследования экономического упадка Северных Нидерландов во второй половине XVIII столетия установили, что ответственность за него несут экономические факторы, многие из которых – такие, как развитие промышленности и судоходства в соседних странах, – были ответственны за это в первую очередь. Имелись, однако, и некоторые второстепенные причины, которые, возможно, могли бы быть смягчены или вообще устранены, если бы социальная структура страны была иной, чем на самом деле.

На первом месте (как подчеркивал Йохан де Фриз) стояла преимущественно коммерческая традиция, унаследованная от золотого века, когда голландские торговцы доминировали в морской торговле столь значительной части мира, что едва ли не пришли к убеждению, будто право на это даровано им самим Господом. Социальное положение торговца всегда было намного выше, чем у промышленника или большинства других людей вне правящего олигархического круга; и эти коммерческая традиция, престиж и предпочтения никак не способствовали развитию промышленного менталитета. Те, кто сколотил себе состояние или обеспечил безбедную жизнь посредством производства или ремесла, имели склонность обращаться к призванию торговца, как только у них набирался достаточный капитал, и воспитывать своих сыновей также торговцами.

Децентрализованная структура управления республикой и соперничество между провинциями самопровозглашенных Соединенных провинций, что не слишком сильно затрудняло их экономический рост в золотом веке, стали серьезной помехой в изменившихся обстоятельствах XVIII в., когда внешняя конкуренция стала более действенной. Финансовые взносы различных провинций в «общий котел», которые были установлены в 1609–1621 гг., несмотря на неудачные попытки некоторых государственных деятелей пересмотреть их в соответствии с меняющимися обстоятельствами, оставались неизменными вплоть до краха республики. Политические разногласия и взаимное недоверие между про- и антиоранжистскими фракциями во второй половине XVIII в. также означали, что разумные предложения по реформе, выдвинутые одной стороной, автоматически отвергались или их рассмотрение откладывалось другой. Соперничество между провинциями порой препятствовало достижению договоренностей по улучшению дорог или каналов, пересекающих провинциальные (или даже муниципальные) границы. Разумеется, коррупция и кумовство среди правителей-олигархов существовали и в XVII в., однако они не снижали эффективность их деятельности в той же степени, как у их потомков в эру париков, когда «договоры очередности» стали скорее правилом, чем исключением.

Распространенные в конце XVIII в. утверждения, будто голландские капиталисты и рантье, вкладывая часть своих капиталов в английские и французские акции, тем самым помогали наиболее опасным конкурентам республики, были, скорее всего, необоснованными. Эти страны могли развивать свою торговлю и промышленность и без поддержки голландского капитала. Англия сама экспортировала капитал, хотя следует признать, что не в таких объемах, как Голландия. Йохан де Фриз подчеркивал, что Англия была способна нести финансовое бремя американской Войны за независимость 1775–1783 гг. без особых усилий даже тогда, когда голландцы отозвали из Лондона часть своих капиталов. Он утверждает, что реальное неблагоприятное влияние практики инвестирования в зарубежные страны, которую в XVIII в. развивали голландские капиталисты, состояло в том, что она продолжалась в XVIII в. дольше, чем это было экономически оправданно.

Можно ли было предотвратить некоторые формы экономического упадка Голландской республики или нет, к 1780 г. этот процесс зашел достаточно далеко, чтобы его не замечать. Банкирам-торговцам и богатым рантье, возможно, никогда не было «так хорошо», однако положение бедноты стало еще хуже, чем 100 лет до этого, особенно в городах материковых провинций. Описание Босуэллом Утрехта, составленное в 1763 г., предвосхитило наблюдения Лузака, сделанные 20 лет спустя: «Ни один человек, который способен на сочувствие и хоть немного любит родину, не может пройти по городам внутри страны, не обронив слезы». В 1792 г. еще один очевидец утверждал: «Если внимательно присмотреться, то повсюду можно видеть подтверждение печальной истины – благосостояние класса людей, ведущих трудовую жизнь, неуклонно ухудшается». Общее повышение прожиточного минимума во второй половине XVIII в., как отметила в 1778 г. писательница из Зеландии Элизабет Вольф, определенно стало одной из причин такого положения дел. Все более усиливавшееся обеднение населения наглядно проявлялось не только среди сокращающегося рабочего класса городов, таких как Лейден, Делфт и Зандам, но и в сельской провинции Оверэйссел, где рост населения между 1675 и 1767 гг. сопровождался еще более быстрым ростом обнищания. В результате увеличилась пропасть не только между богатыми и бедными, но и между высшими и низшими прослойками среднего класса городов.

Несмотря на растущую религиозную терпимость и снижение религиозного фанатизма, несмотря на усилия таких организаций, как Экономическая палата Голландского научного общества, улучшить социальные и экономические условия с помощью предписаний и предостережений; несмотря на усилия Элизабет Вольф и ее сторонников по образованию и просвещению масс; несмотря на снижение употребления джина и коньяка и увеличение потребления кофе и чая – несмотря на все эти и другие обнадеживающие аспекты эпохи Просвещения, которые можно было бы упомянуть, у меня нет сомнений, что земля Рембрандта (1606–1669), Вондела (1587–1679) и Михиела де Рейтера (1607–1676) была лучшим, а также более благоприятным местом для жизни, чем земля Корнелиса Троста (1696–1750), Виллема Билдердейка (1756–1831) и Йохана Зутмана (1724–1793).

Принятые сокращения

EIC – Британская Ост-Индская компания

VOIC – Голландская Ост-Индская компания

WIC – Голландская Вест-Индская компания

Хронология 1566–1795 гг

Краткая хронология призвана помочь читателю проследить последовательность событий.

1566 – неудачное восстание в Нидерландах, разгромленное в 1567 г. герцогом Альбой. Казнь графа Эгмонта и графа Горна (1568).

1572 – захват морскими тезами 1 апреля города Бриля (Брилле), за которым последовала новая вспышка восстания в Голландии и Зеландии. Варфоломеевская ночь (в ночь на 24 августа).

1579 – Утрехтская уния (в январе) между семью северными самопровозглашенными Соединенными провинциями Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерланд, Оверэйссел, Гронинген и Фрисландия. Позднее захваченные территории сформировали «земли Генеральных штатов» или «Генералитет».

1581 – объединение (до 1640 г.) королевств Испания и Португалия под властью Филиппа 11.

1581 – принц Вильгельм I Оранский, штатгальтер Голландии, Зеландии и Утрехта, и Генеральные штаты Семи провинций официально низложили Филиппа 11 Испанского как суверена Нидерландов.

1584 – Вильгельм I Оранский убит агентом Филиппа II Балтазаром Жераром (в июле). Начало расцвета мусульманского государства Матарам в центральной части Явы, 1582–1613 гг.

1585–1586 – захват Александром Фарнезе герцогом Пармским Антверпена, вслед за чем ускорилась эмиграция кальвинистов и отток капитала из южных провинций в северные. Неудачное губернаторство в Семи провинциях графа Лестера. Первое эмбарго, наложенное на голландский торговый флот на Иберийском полуострове (май 1585 г.).

1588 – штатгальтером назначен принц Мориц (сын Вильгельма Оранского). Разгром Испанской армады англо-голландским флотом.

1500–1600 – широкомасштабная морская торговая экспансия Голландии в Средиземноморье, Западной Африке и Индонезии.

1600 – учреждение Британской Ост-Индской компании (до 1858 г.). Первое голландское судно достигает берегов Японии. Победа Иэясу Токугавы над своими врагами в битве при Сэкихагаре (1600). Объединение Японии под фактической властью сёгунов Токугава в 1603–1867.

1602 – учреждение Голландской Ост-Индской компании (до 1798 г.).

1605 – захват голландцами Амбона и изгнание португальцев с Молуккских островов.

1606 – голландский флот блокирует устье реки Тахо (Тежу). Испанская экспедиция с Филиппин отвоевывает часть Молуккских островов. Неудачные рейды голландцев на португальские Мозамбик и Малакку.

1607 – адмирал Хемскерк (погиб в этом бою) наносит поражение испанскому флоту при Гибралтаре.

1609 – провозглашение Двенадцатилетнего перемирия с Испанией. Голландская фактория на острове Хирадо в Японии.

1610–1612 – основаны голландские поселения в Гвиане и бассейне Амазонки; последние впоследствии были уничтожены португальцами. На побережье Гвинейского залива основан форт Моури (1611).

1614 – голландские торговцы мехами развивают свою деятельность на реке Гудзон.

1618–1619 – Дордрехтский синод. Казнь Олденбарневелта (Олденбаривелде). Начало Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. На развалинах Джакарты голландцы основывают Батавию. Англо-голландское соперничество в Восточных Индиях в 1619–1623 гг. на время сменилось союзом. При султанах Агунге Матарам достигает вершины своего могущества (1613–1645). Султан Искандер Муда поднимает могущество государства Ачин (Ачек) (1615–1636). Исламизация Макасара.

1621 – завершение Двенадцатилетнего перемирия. Учреждение Голландской Вест-Индской компании.

1624–1625 – голландцы захватывают и теряют Байю. Спинола захватывает Бреду. На острове Манхэттен основан Новый Амстердам. Нападения голландцев на португальскую Элмину и испанский Пуэрто-Рико провалились. Смерть принца Морица, преемником которого на посту штатгальтера стал Фредерик Генрих.

1628–1629 – Пит Хайн захватывает «серебряный флот» (в сентябре 1628 г.). Голландцы захватывают Хертогенбос. Испанцы безуспешно осаждают Берген-оп-Зом. Матарам безуспешно осаждают Батавию. Смерть Яна Питерсзоона Куна.

1630 – голландцы начинают завоевание Пернамбуку (на северо-востоке Бразилии).

1637 – Фредерик Генрих отвоевывает Бреду. Иоганн Мориц завершает завоевание Пернамбуку. Ван Димен заключает союз с правителем Канди Раджасингхом против португальцев на Цейлоне.

1637–1638 – захват голландцами Элмины и начало завоевания прибрежных районов Цейлона.

1639 – адмирал М.Х. Тромп разгромил испанский флот при Даунсе (21 октября). С 1639 (до 1853 г.) голландцы были единственными европейцами, допущенными в Японию (на остров Дэдзима в Нагасаки).

1640 – восстание в Каталонии и Португалии против Испании – мятеж в первой подавлен в 1656 г., независимость последней (с 1640 г.) признана Испанией в 1668 г. Голландцы наносят поражение португальской эскадре близ Пернамбуку.

1641 – голландцы захватывают Малакку (в январе), Мараньян и Луанду (в августе) у португальцев, с которыми заключают в Гааге Десятилетнее перемирие (в июне).

1644–1645 – голландские военно-морские экспедиции берут под контроль пролив Зунд (Эресунн) и защищают свою торговлю на Балтике. Иоганн Мориц оставляет Бразилию, вслед за чем в Северо-Восточной Бразилии вспыхивает восстание против голландцев. Маньчжуры в 1644 г. начинают завоевание Китая.

1647 – смерть Фредерика Генриха, преемником которого на посту штатгальтера стал его сын Вильгельм II.

1648 – по Мюнстерскому договору Испания признает независимость Голландии. Португальцы отвоевывают у голландцев Луанду и Бенгелу (в августе).

1650–1651 – преждевременная кончина Вильгельма II после неудачи внезапного захвата Амстердама. Отмена поста штатгальтера (кроме провинций Фрисландия и Гронинген) и начало периода так называемой «истинной свободы». Принятие дискриминирующих голландскую морскую торговлю английских Законов о навигации.

1652–1654 – 1-я Англо-голландская война, закончившаяся поражением Голландии в Северном море и локальными победами голландцев в Восточных Индиях и Средиземноморье. Ван Рибек основывает поселение на месте будущего Кейптауна. Ян де Витт становится великим пенсионарием провинции Голландия и, вплоть до 1672 г., действительным руководителем республики. Португальцы изгоняют голландцев из Северо-Восточной Бразилии. Арнольд де Вламинг завершает завоевание Амбона (1650–1656).

1658–1659 – голландское вмешательство в дела на Балтике и ослабление шведского военного давления на Данию. Голландцы завершают завоевание прибрежных районов Цейлона.

1661–1663 – Голландия заключает мир с Португалией и заканчивает завоевание у последней Малабара. Чжэн Чэн-гун (Коксинга) отвоевывает у голландцев Формозу (Тайвань), а испанцы эвакуируются с Молуккских островов. Первый рейд голландцев на Макасар.

1664 – во время мира Англия захватывает ряд голландских фортов на Золотом Берегу и колонию «Новые Нидерланды» в Северной Америке.

1665–1667 – 2-я Англо-голландская война, закончившаяся поражением Англии. Кульминацией войны стало вторжение голландского флота в устье Темзы – де Рейтер сжег часть английского флота, угрожал Лондону, где началась паника. В Бреде был подписан мирный договор. Окончательное подчинение Макасара Спеелманом и Ару Палаккой.

1668 – Тройственный союз Голландской республики, Англии и Швеции.

1672–1674 – 3-я Англо-голландская война и вторжение в республику французов. На море голландский флот де Рейтера наносит поражение англичанам и французам. Англия подписывает (в 1674 г.) сепаратный мир с Голландией, с Францией идет война до 1678. Убийство братьев де Витт (в 1672 г.) и восстановление поста штатгальтера в пользу принца

Вильгельма III. Восстание Трунаджайи кладет начало упадку Матарамы, который по договору 1677 г. признает сюзеренитет Голландии.

1677–1678 – очередная голландская военно-морская интервенция в Балтику. Вильгельм III женится на Марии, дочери Якова, герцога Йоркского (с 1685 г. король Англии Яков II). Заключение мирного договора в Нимвегене (Неймегене) – в августе 1678 г.

1679 – смерть Иоганна Морица Нассау-Зигена и Йоста ван ден Вондела.

1682–1684 – подчинение голландцами Бантама. Завоевание маньчжурами Формозы (Тайваня).

1685 – отмена Нантского эдикта, сопровождавшаяся притоком беженцев-гугенотов в республику.

1688–1697 – война Аугсбургской лиги. Вильгельм III в 1688 г. высаживается с войском в Англии и становится королем (1689), Яков II низложен в ходе государственного переворота в 1688–1689 гг., названного англичанами Славной революцией. В Нерчинске заключен договор между Россией и Маньчжурским Китаем (1689). Россия временно (до 1858–1860 гг.) уходит из Приамурья. Заключение Рисвикского договора (1697). На Яву из Аравии доставлено кофейное дерево.

1702 – смерть короля-штатгальтера Вильгельма III и начало второго периода в истории республики без штатгальтера.

1701–1714 – Война за испанское наследство. Утрехтский мир 1713 г. Раштаттский мир 1714 г. Гражданская война в Матараме и 1-я Яванская война за наследство.

1717–1723 – 2-я Яванская война за наследство.

1740–1743 – массовая резня китайцев в Батавии, за которой последовало расширение боевых действий на внутренние районы Явы и новая война в Матараме, завершившаяся дальнейшими территориальными уступками сусухунана.

1747–1748 – республика вмешивается в Войну за австрийское наследство, и на ее территорию вторгается Франция. Неудачные выступления среднего и рабочего классов против олигархического произвола. Вильгельм IV становится штатгальтером всех Семи провинций, и эта должность узаконена как наследственная династии Оранских.

1751 – смерть Вильгельма IV и фактическое возобновление олигархического правления в период несовершеннолетия его сына.

1749–1755 – 3-я Яванская война за наследство заканчивается разделением Матарамы на два государства-княжества – Джокьякарта и Суракарта.

1756–1763 – Семилетняя война, во время которой Голландия извлекает выгоду, как нейтральное государство, но страдает от серьезного вмешательства Англии в ее морскую торговлю. Голландская экспедиция с целью восстановления своих позиций в Бенгалии терпит полный провал и уничтожена англичанами (1759).

1766 – Вильгельм V занимает пост штатгальтера. С этих пор вражда между про- и антиоранжистскими фракциями Нидерландов становится все сильнее и сильнее.

1780–1784 (официально с 1782 по 1783 г.) – 4-я Англо-голландская война с тяжелыми для Голландии последствиями для ее морской торговли и колониального могущества. Рост антиоранжистских настроений среди самозванных patriotten – патриотов.

1787 – военная интервенция Пруссии восстанавливает всю полноту власти штатгальтера. Тысячи patriotten ищут убежища во Франции.

1793 – республика вмешивается во французские революционные войны. Французское вторжение, поначалу успешное, остановлено в сражении у Неервиндена (18 марта).

1794–1795 – еще одно французское вторжение, облегчавшееся жестокими морозами, фактически не встретило сопротивления (в декабре – январе). Штатгальтер бежит в Англию (18 января 1795 г.), и старый режим с позором рушится. Первая английская оккупация мыса Доброй Надежды.

1795 – Голландская Ост-Индская компания официально распущена (31 декабря), ее долги и имущество переходят под юрисдикцию Батавской республики (существовавшей в 1795–1806 гг., вассала Франции; с 1806 по 1810 г. Голландское королевство, с 1810 г.

включено в состав империи Наполеона I, в 1813 г. французы после поражения под Лейпцигом очистили Нидерланды).

Примечания

1

Штаты в Нидерландах – первоначально высшее сословно-представительское учреждение нидерландских провинций; Генеральные штаты – парламент свободной конфедерации семи нидерландских провинций. Состояли из депутатов духовенства, дворянства и верхушки горожан. Впервые были созданы в 1463 г., после объединения Нидерландов герцогами Бургундскими. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

2

Острова Пряностей – ныне Молуккские острова.

3

Нижние Земли, также Нижние Земли у моря – *нидерл.* *Nederlanden*, – низменность на северо-западе континентальной Европы, в бассейне рек Рейн, Маас и Шельда, примыкающая к Северному морю.

4

Ганзейский союз, Ганза, *букв.* «группа», «союз» – политический и экономический союз, объединявший почти 300 торговых городов Северной Европы с середины XII до середины XVII в.

5

Вильгельм I Оранский по прозвищу Молчаливый – принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер Голландии и Зеландии, лидер нидерландской буржуазной революции.

6

Гёзы – *нидерл.* *Geuzen*, *фр.* *Les Gueux*, *букв.* – «нищие», как их презрительно называли их противники за кальвинистскую приверженность скромной одежде без украшений; участники антииспанской революции в Нидерландах, которые с 1566 г. воевали против испанского правления в Нидерландах. Самая большая группа гёзов воевала на море и была названа морскими гёзами.

7

Олденбарневелт Ян ван (Олденбарневелде Иоганн) – нидерландский государственный деятель и дипломат, игравший видную роль во время нидерландской буржуазной революции. Обвинен в государственной измене и казнен 13 мая 1619 г. в Гааге.

8

Утрехтская уния – военно-политическое объединение северных провинций Нидерландов против испанского владычества и созданной в Валлонии Аррасской унии, которая поддерживала католическую Испанию.

9

Великий пенсионарий – одно из высших должностных лиц в республике Соединенных провинций, по сути – премьер-министр.

10

Витт Ян де – голландский государственный деятель, занявший в 1653 г. пост великого пенсионария провинции Голландия.

11

Тридентский собор – XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся по инициативе римского папы Павла III 13 декабря 1545 г. в городе Тридент (ныне Тренто, Северная Италия), в котором заседал (с перерывами) в 1545–1563, 1547–1549 гг. в Болонье. Закрепил основные положения Контрреформации, а также католический канон Священного Писания, установил общий для всей Римско-католической церкви чин мессы и других богослужений, ввел строгую церковную цензуру.

12

Алессандро (Александр) Фарнезе (1545–1592) – третий герцог Пармы и Пьяченцы, испанский полководец и наместник Нидерландов, который подвел черту под нидерландской революцией на территории нынешней Бельгии. Смертельно ранен в сражении у Руана.

13

Фредерик Генрих Оранский – сын Вильгельма I Оранского от четвертого брака. Командующий войсками республики Соединенных провинций, штатгальтер с 1625 по 1647 г.

14

Генералитетские земли – часть территории Соединенных провинций, управляемая напрямую Генеральными штатами; на этих землях не было провинциальных штатов, и они не были представлены в центральном правительстве.

15

В описываемое время (и до 1739 г.) этот основанный славянами город (упоминается в X в.) назывался Гданьском. Это историческое название было возвращено после освобождения города Красной армией в 1945 г.

16

Марраны (мараны, от *исп.* marrano – свинья, нахал) – так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших в конце XIV–XV в. христианство, и их потомков.

17

Линсхотен Ян Гюйген ван (1563–1611) – знаменитый нидерландский купец, путешественник и историк. Именно ван Линсхотену приписывают копирование сверхсекретных португальских морских карт, что позволило Британской и Голландской Ост-Индским компаниям лишить Португалию монополии.

18

Папская булла – основной средневековый папский документ; бреве – письменное послание папы римского, посвященное второстепенным проблемам церковной и мирской жизни и написанное менее торжественным стилем.

19

Ремонстранты и контрремонстранты, или арминиане и гомаристы, – религиозные течения внутри нидерландской кальвинистской церкви, получившие в начале XVII в. значение религиозно-политических группировок.

20

Коксинга – под этим именем в европейских источниках известен Чжэн Чэнгун – самый знаменитый из китайских пиратов.

21

Питерсон (Питерзон) Пит Хайн, или Пит Хайн-старший, – голландский адмирал Вест-Индской компании и Соединенных провинций, герой Восьмидесятилетней войны в Нидерландах, прославленный капер.

22

Новый Амстердам, *нидерл.* Nieuw Amsterdam – первоначальное название Нью-Йорка в 1626–1664 гг.

23

Вильгельм III Оранский был единственным сыном штатгальтера Вильгельма II Оранского и Марии Генриетты Стюарт. С 28 июня 1672 г. штатгальтер Нидерландов, с 13 февраля 1689 г. под именем Вильгельм (Уильям) III, король Англии, и с 11 апреля 1689 г. под именем Вильгельм II, король Шотландии.

24

Погиб в Лоустофтском морском сражении 13 июня 1665 г., когда его флагманский корабль загорелся и взорвался.

25

Крузадо – старинная португальская монета, чеканившаяся в XV–XIX вв.

26

Правило года и дня – это общий период времени для установления различий в правовом статусе.

27

Мифическое дерево, якобы приносящее пагоды, старинные индийские монеты.

28

Революция цен – процесс значительного повышения товарных цен вследствие падения стоимости благородных металлов, выполняющих функцию всеобщего эквивалента – денег.

29

Фризы – народ, национальное меньшинство, проживающее на территории современных Нидерландов (более 470 тысяч) и Германии (15 тысяч); являются потомками древних германских племен фризов.

30

«Индийцами» называли большие корабли, снаряженные для торговли с Индиями, в основном с Восточной.

31

Лоустофтское сражение – морское сражение, произошедшее 13 июня 1665 г. в Северном море около Лоустофта, между флотами Англии и Голландской республики; в результате сражения голландцы, понеся значительные потери, потерпели серьезное поражение.

32

Канди – государство, существовавшее в центральной части острова Шри-Ланка (Цейлон) с XV по XIX в.

33

Макасар (Макассар) (с 1970 Уджунгпанданг) – самый крупный город на острове

Сулавеси (до 1945 г. Целебес), Индонезия. Основан в 1575 г. как столица султаната Макасар, с 1668 г. под властью голландцев, в 1946–1950 гг. столица марионеточного государства Восточная Индонезия.

34

Узкие моря – устаревшее историческое название Ла-Манша и Ирландского моря.

35

Тернате и Амбон – острова в Молуккском архипелаге в Индонезии.

36

Браувер Хендрик – нидерландский мореплаватель и 8-й генерал-губернатор Голландской Ост-Индии. Считается первооткрывателем прямого морского пути в Индонезию от мыса Доброй Надежды к Зондскому проливу, носящего ныне его имя.

37

В данном случае это туземная пирога с приспособлением в виде двух изогнутых и прикрепленных поперек нее перекладин, к наружным концам которых привязан также изогнутый кусок очень легкого дерева, своего рода противовес, обеспечивающий устойчивость пироги.

38

Минас-Жерайс – штат на востоке Бразилии.

39

Ардра или Великая Ардра – королевство в Западной Африке на Невольничьем Берегу, ныне Бенин.

40

Дагомея – африканское государственное образование, существовавшее на протяжении 280 лет на побережье Западной Африки на территории современных Бенина и Того.

41

Элмина – крепость в окрестностях одноименного города в современном государстве Гана.

42

Гроций Гуго – голландский юрист и государственный деятель, заложил основы международного права, основываясь на естественном праве.

43

В XVIII в., на Лиденхолл-стрит, в так называемом Индийском доме размещалась штаб-квартира Британской Ост-Индской компании.

44

Великий альянс – европейский союз, в который входили Австрийская империя, Бранденбург (с 1701 г. королевство Пруссия), Голландская республика, Англия, Португалия, Савойя, Дания и др. Альянс был сформирован с целью остановить экспансионистскую политику Франции Людовика XIV.

45

Компания Южных морей – английская торговая компания, финансовая пирамида; основана в 1711 г. британским казначеем Робертом Харли; акционерам было обещано асьенто – исключительное право на торговлю с испанской частью Южной Америки.

46

Морской конвой – формирование, состоящее из группы передвигающихся по единому маршруту военных кораблей для защиты от неприятеля транспортов, перевозящих стратегические грузы. Конвой сопровождает конвоируемые корабли, которые имеют недостаточную мощь вооружений для самозащиты или совсем не имеют вооружений.

47

Риксдалер был введен по образцу германского рейхсталера; чеканка риксдалера началась при Густаве I Вазе (1496–1560, король Швеции 1523–1560).

48

Велиал или Белиал, Велиар, Агриэль – библейский термин, позже персонифицированный в демоническое существо; имя Велиала происходит от *ивр.* велийяр – «беспольный»; выступает в роли обольстителя человека, совращающего к греху преступления.

49

Граф Лестер – средневековый титул дворянства Англии, Великобритании и Соединенного королевства, существующий до настоящего времени; здесь имеется в виду Роберт Дадли, 1-й граф Лестер (1532–1588), – английский государственный деятель эпохи правления королевы Елизаветы I Тюдор.

50

Акт о присяге – закон английского парламента, принятый в 1673 г.; требовал от всех состоящих – или желающих состоять – на государственной службе присяги по

англиканскому обряду и отречения от католических догматов.

51

Вильгельма II Нассау-Оранского (1626–1650).

52

Чрезмерная приверженность или внимание к деталям церковной практики.

53

Закон Грешема – экономический закон, гласящий: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие».

54

Кор., 3: 6.

55

Король Бревно и Король Аист – персонажи из басни Эзопа о лягушках, просивших Юпитера дать им царя.

56

Бхикку (бхикшу), странствующий монах, живущий на подаяния, – внешняя степень монашеского посвящения.

57

Имеется в виду небольшая этническая группа, так называемая га-ошань, живущая в гористой труднодоступной части острова, древнейшее население Тайваня.

58

«М оравские братья» – протестантская деноминация, выросшая из движения гуситов, последователей чешского реформатора Яна Гуса.

59

Эльзевиры – семейство голландских печатников, которое занимало ведущее, а подчас и доминирующее положение в европейском книгопечатании XVII в.

60

Тевено Мельхиседек – французский писатель и путешественник XVII в.; ученый-изобретатель, создатель ватерпаса и автор первого французского трактата о

плавании; картограф, дипломат и королевский библиотекарь при дворе Людовика XIV.

61

Тасман Абель Янсзон – голландский мореплаватель, исследователь и купец; получил мировое признание за возглавляемые им морские походы в 1642–1644 гг. Первым среди известных европейских исследователей достиг берегов острова Тасмания, Новой Зеландии, островов Тонга и Фиджи.

62

Гогендорп Дирк ван – голландский государственный деятель, дипломат, посол в Санкт-Петербурге, участник Наполеоновских войн.

63

Африканеры – самоназвание жителей Южной Африки нидерландского, а также французского и немецкого происхождения; буры.

64

В 1644 г. династия Мин была свергнута народным восстанием. Тогда предатели из верхушки китайского общества призвали на помощь маньчжуров, открыв перед ними фронт на севере страны. Маньчжуры к 1652 г. подавили народное восстание, население сопротивлявшихся городов было вырезано. Но в 1673 г. началось восстание трех опомнившихся предателей – губернаторов провинций. Его маньчжуры подавили в 1681 г., а в 1683 г. взяли последний китайский оплот – остров Тайвань (Формоза). Так в Китае с 1644 по 1912 г. возродилась маньчжурская династия Цин.

65

Гуморальная патология – устаревшая умозрительная теория, согласно которой причинами всех болезней является расстройство соков организма, крови и лимфы, а по Гиппократу – крови, слизи, желтой и черной желчи.

66

Война закончилась поражением Англии, что зафиксировано в Версальском договоре 1783 г. между США, Францией, Испанией, Голландией с одной стороны и Англией с другой. В то же время в рамках этого договора Англия получила от Голландии голландскую факторию Негапатам в Индии.

67

Цитата из *Ars Poetica* Горация (ок. 18 г. до н. э.) – «Меня раздражает, когда великий Гомер клюет носом»; здесь в смысле: даже великие люди ошибаются.

68

Д'Албукерки Афонсу (1453–1515) – португальский мореплаватель, вице-король португальских владений в Индии (1510–1515), основал Португальскую колониальную империю на Востоке (центр – Гоа). Умер от тяжелой болезни на корабле на виду у Гоа. В предсмертном письме своему королю написал, что «все индийские дела улажены».

69

Д ю п л е к с Жозеф Франсуа (1697–1763) – губернатор французских колониальных владений в Индии в 1730–1754 гг.

70

Клайв Роберт (1725–1774) – британский губернатор Бенгалии (1757–1760 и 1765–1767). В 1757 г. командовал войском Ост-Индской компании в битве при Плесси над бенгальцами.

71

Ревущие сороковые – название, данное моряками океаническим пространствам между 40 и 50° широты в Южном полушарии, где дуют сильные и устойчивые западные ветра, вызывающие частые шторма.

72

Моха – портовый город на Красном море, в честь которого был назван сорт кофе – мокка. Расположен в 74 километрах севернее Баб-эль-Мандебского пролива, с обширной гаванью, защищенной двумя крепостями.

73

«Культивационная система» предусматривала развитие экономики колонии путем крайней эксплуатации населения и природных ресурсов; в первую очередь она коснулась острова Ява. Итогом этой политики стало устройство множества новых дорог, а также создание большого количества плантаций кофе и сахарного тростника и складов для хранения продукции.

74

Б о с х Йоханнес ван ден – нидерландский военный и колониальный чиновник, генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии.

75

Тодди – пальмовое вино, алкогольный напиток, получаемый за счет брожения сока некоторых видов пальм.

76

Эти договоры зафиксировали поражения Англии во 2-й и 3-й Англо-голландских войнах

(1665–1667 и 1672–1674).

77

Сингалы – арийский народ, переселившийся на остров Шри-Ланка (Цейлон) в VI в. до н. э. из Северной Индии, завоеванной индо-ариями, выходцами из Юго-Восточной Европы, в 1650–1000 гг. до н. э. Антропологический тип сингалов и сейчас европеоидный, хотя есть примеси южноиндийских и других народов, язык относится к индоевропейской языковой семье.

78

Даяки – общее название аборигенов острова Калимантан и некоторых других; к даякам относятся 200 племен с различными языками и различной культурой.

79

Даймё – крупные феодалы.

80

Колония Виргиния, или провинция Виргиния, – английская колония в Северной Америке, существовавшая в XVII–XVIII вв.; вторая после Ньюфаундленда заморская колония Англии.

81

«Неграми соленой воды» называли тех, кто родился в пути из Африки в Америку; чтобы быть настоящим креолом, нужно было родиться уже в Вест-Индии.

82

По имени этого острова получила свое название колония, а затем государство Мозамбик.

83

Морген – мера площади в Нидерландах (и некоторых других странах) и Южной Африке, равная примерно 2 акрам, или 0,8 га земли (в Нидерландах 0,8124 га, изменялся до 0,8516 га, в Южной Африке 0,855 га, изменялся до 0,8565 га).

84

Кару – общее название полупустынных плато и межгорных впадин в Южной Африке, лежащих к югу от реки Оранжевая. Малое Кару – продольная долина в Капских горах (преобладают высоты 300–600 м); Большое Кару – впадина к северу от Капских гор (высота 450–750 м), Верхнее Кару – плато к югу от реки Оранжевая (высота 1000–1500 м).

85

Слово *slameiers* или *slamaaiers* произошло от искаженного «ислам»; так сначала называли «капских мусульман», а примерно с 1804 г. с ним стали ассоциироваться и «капские малайцы».

86

Гриква, устаревшее обозначение гриквасы, – общее название для нескольких субэтнических групп, возникших в результате смешанных браков между аборигенами юга Африки с одной стороны и бурами с другой.

87

Политика апартеида (апартхейда) и сегрегации была отменена в ЮАР в 1991–1994 гг., с 1994 г., когда были проведены многорасовые выборы в Национальную ассамблею, абсолютное большинство в ней имеет АНК (Африканский национальный конгресс), партия черного большинства, президенты с 1994 г. также черные (первый – Нельсон Мандела, лидер АНК, сидевший в тюрьме с 1960 по 1990 г.) и также лидеры АНК.

88

Дюнкеркер – каперский фламандский военный корабль на службе испанской короны, действовавший во время Нидерландского восстания из портов побережья Фландрии – Ньивпорта, Остенде и Дюнкерка.

89

Славная революция – принятое в историографии название государственного переворота 1688 г. в Англии, в результате которого был свергнут король Яков II Стюарт.

90

Кольбер Жан Батист (1619–1683) – французский государственный деятель, фактический глава правительства Людовика XIV после 1665 г. Наивысшая должность – министр финансов, но также занимал и многие другие руководящие посты. Проводил политику меркантилизма, добивался роста государственных доходов главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий.